

II ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ СТРАН АТР

Материалы
Международной научной конференции
«Пространства коммуникации:
язык, литература, медиа»,
посвященной столетию
Иркутского государственного университета
Иркутск, 18–21 сентября 2018 г.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

II ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ СТРАН АТР

Материалы
Международной научной конференции
«Пространства коммуникации: язык, литература, медиа»,
посвященной столетию Иркутского государственного университета
Иркутск, 18–21 сентября 2018 г.

УДК 009(5)(063)
ББК Ш12/17(5)л0+Ш5(5)л0
В87

Печатается по решению ученого совета
факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ

Редакционная коллегия:

Е. Ф. Серебренникова, д-р филол. наук, проф. (отв. ред.),
О. В. Кузнецова, канд. филол. наук,
Е. В. Кремнёв, канд. социол. наук, доц.,
С. Б. Макеева, канд. ист. наук,
С. В. Стефановская, канд. филол. наук, доц.,
Т. Е. Шишмарева, канд. филол. наук, доц.,
И. В. Шалина, канд. ист. наук, доц.,
Е. В. Ли, канд. филол. наук, доц., Л. В. Кирюхина

В87 **II Готлибовские чтения:** фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР : материалы Междунар. науч. конф. «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа», посвященной столетию Иркутского государственного университета. Иркутск, 18–21 сент. 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – 399 с.

ISBN 978-5-9624-1607-6

Сборник содержит материалы II Готлибовских чтений, проведенных в рамках международной научной конференции «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа», посвященной столетию Иркутского государственного университета. Основной тематикой II Готлибовских чтений, посвященных памяти и развитию научного наследия выдающегося российского китаеведа Олега Марковича Готлиба, стали фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР, разрабатываемые в рамках регионологии, языкознания, лингводидактики, истории, культуры, философии, политологии, социологии и этнологии стран АТР.

Сборник адресован преподавателям, аспирантам, магистрантам, научным работникам, специализирующимся в области регионоведения, восточного языкознания и лингводидактики, гуманитарных наук, связанных с комплексным изучением Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Сборник зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

УДК 009(5)(063)
ББК Ш12/17(5)л0+Ш5(5)л0

ISBN 978-5-9624-1607-6

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2018

Посвящается памяти
выдающегося российского китаевода
Олега Марковича Готлиба
(20.10.1951–08.06.2016)

Иркутск и владивостокское востоковедение. Из истории становления высшего образования на востоке России

История становления образования на востоке России тесно связана с востоковедением. Открытая в 1725 г. в Иркутске школа переводчиков китайского и монгольского языков стала первым учебным заведением в Восточной Сибири и вторым, после школы при Тобольском архиерейском доме, учебным заведением во всей Сибири. Именно воспитанник Иркутской школы монгольского языка в И. К. Рассохин (1717–1761) стал первым сибиряком – крупным деятелем Санкт-Петербургской Академии наук.

В середине XIX в. в Восточной Сибири начал рассматриваться вопрос о включении региона в систему высшего образования. Генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым-Амурским был представлен царю Проект о преподавании китайского языка в Иркутске. Генерал-губернатор предложил учредить при гимназии кафедру китайского и маньчжурского языков, на которую должны были ежегодно приниматься по 6 выпускников Иркутской гимназии в качестве казеннокоштных студентов. Окончившие четырехлетний курс обучения на этой кафедре получали бы все права выпускников университета. Данный проект нашел поддержку у кяхтинского купечества, которое ассигновало на новое училище восточных языков по три тысячи рублей ежегодно, выразив при этом желание, чтобы в новом училище преподавался один из новых европейских языков. Однако Министерство народного просвещения данный проект не поддержало, полагая, что в гимназии невозможно ввести университетское образование. Вместо этого было предложено направлять выпускников Иркутской гимназии на открывающийся факультет восточных языков Петербургского университета [Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 84. Д. 135].

В 1895 г. управляющий делами Комитета министров А. Н. Куломзин подготовил проект «Высшего училища восточных сопредельных языков» в Иркутске для подготовки местной администрации и коммерсантов, наподобие британских или французских колониальных школ. Училище должно было состоять из двух отделений – административно-юридического и коммерческого. Обучение включало в себя 6 лет общего и 3 года специального образования по программе реального училища. Для изучения предлагались китайский, японский, монгольский и английский языки [Ремнев, 2008, с. 309]. Однако этот проект вообще не получил сколько-нибудь значительного рассмотрения.

В конечном итоге, до начала XX в. в столице Восточной Сибири так и не появилось высшего образования, а его история на востоке России начинается с открытия в 1899 г. во Владивостоке Восточного института. При этом развитие высшего образования на Дальнем Востоке проходило в тесной связи с Восточной Сибирью. Неслучайно иркутяне оказались в числе первых воспитанников Восточного института, а первый на Дальнем Востоке вуз оказал влияние на становление Иркутского университета.

Здесь необходимо отметить, что в начале своей истории Восточный институт имел и небольшой «сибирский период» истории. В феврале 1905 г. Восточный институт во главе с директором Д. М. Позднеевым прибыл в Верхнеудинск. Здесь, недалеко от Иркутска, должны были продолжить учебу 61 студент и 16 слушателей Восточного института. Однако из-за революционных событий, вызванных трудностями военного времени, в которых приняли участие и студенты, учебная деятельность Института в Верхнеудинске не началась. Почти все студенты были отчислены, а офицеры-слушатели – отправлены на фронт [Еланцева, 2013, с. 29–34]. В Верхнеудинске Восточный институт выпустил в 1906 г. всего двух успешно закончивших это учебное заведение выпускников [Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 115. Оп. 2. Д. 5]. Таким образом, вся успешная деятельность Восточного института была связана с Владивостоком, и Дальневосточный университет так же был основан на базе Восточного института.

Восточный институт во Владивостоке готовил востоковедов-практиков, поэтому в его стенах развивалось не только восточное языкознание, студенты осваивали экономику, право, географию и другие дисциплины, необходимые для практической работы в Азии. В «Высочайше утвержденном Положении о Восточном институте» от 24 мая 1899 г. говорилось: «1. Восточный институт есть высшее учебное заведение, имеющее цель готовить учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях... 6. Общими для всех четырех отделений (ст. 5) предметами служат: 1) богословие; 2) китайский язык; 3) английский язык; 4) французский язык (необязательный); 5) общий курс географии и этнографии Китая, Кореи и Японии, с общим обзором их политического устройства и религиозного быта; 6) политическая организация современного Китая и обзор его торгово-промышленной деятельности; 7) новейшая история (XIX века) Китая, Кореи и Японии, в связи с историей сношений России с этими странами...» [Из истории востоковедения ... , 2000, с. 8].

В Восточном институте учились выходцы со всей территории Российской империи. В «Высочайше утвержденном Положении о Восточном институте» от 24 мая 1899 г. говорилось: «...32). В институт принимаются

в начале учебного года без испытания молодые люди, окончившие курс средних учебных заведений всех типов и ведомств... 33). Сверх студентов института допускаются к слушанию всех или некоторых предметов курса и посторонние лица, имеющие определенное общественное положение или занятия» [Из истории востоковедения ... , с. 12].

Что касается Восточной Сибири, то среди студентов Восточного института в начале XX в. самым заметным было представительство воспитанников Троицкосавского Алексеевского реального училища с дополнительным классом. Большинство из них учились на китайско-монгольском отделении: Яков Георгиевич Шустов [ГАПК. Ф. 115. Оп. 2. Д. 5. Л. 85], Вячеслав Мелетиевич Куклин [Там же. Д. 13. Л. 43], Павел Николаевич Сосулин [Там же. Л. 46], Иннокентий Павлович Попов [Там же. Л. 78], Василий Филиппович Кошкин, Григорий Сергеевич Богданов, Сергей Петрович Кузнецов, Дмитрий Дмитриевич Стерхов. Восточный институт также закончили воспитанники Верхнеудинского реального училища (Сергей Павлович Некрасов), Нерчинского уездного училища (Василий Дмитриевич Чистяков) и других учебных заведений.

В Восточном институте училось немало выходцев из Иркутска. Например, уже в 1900 г. в Восточный институт на корейско-китайское отделение поступил выпускник Иркутской духовной семинарии Сергей Георгиевич Вологодский, позднее ставший в эмиграции известным журналистом. В фондах Восточного института сохранились документы о таких выпускниках: «Алексей Лукич Шалаев. Из крестьян, православного вероисповедания. Родившийся 24-го января 1879 г., окончивший курс Иркутского горного училища со званием штейгера-уоставщика, осенью 1910 г., состоя на службе в Контроле Сибирской железной дороги. Был допущен к слушанию лекций в Восточном институте в качестве постороннего слушателя и, являясь ежегодно в течение экзаменационных сроков к проверке своих знаний по предметам институтского курса, полностью прошел установленный для студентов курс Восточного института по корейско-китайскому отделению» [Там же. Л. 49]. По итогам своего обучения иркутянин сдал в Восточном институте экзамены по богословию, политической организации Китая, политической организации Кореи, английскому, китайскому, корейскому, тибетскому языкам, новейшей истории Китая, Японии и Кореи, коммерческой географии Восточной Азии, истории торговли Дальнего Востока, политической экономии, международному праву, государственному праву, товароведению, географии и этнографии Китая, Японии и Кореи, гражданскому и торговому праву и счетоводству. А. Л. Шалаев «определением Конференции Восточного Института от 13-го декабря 1914 года удостоен аттестата об окончании с отличным успехом курса Восточного Института, с правом на чин X класса...» [ГАПК. Ф. 115. Оп. 2. Д. 13. Л. 49].

На следующий год Восточный институт окончил иркутянин 1889 года рождения из духовного звания, Клюкин Иннокентий Адрианович, ставший известным советским востоковедом, преподавателем Дальневосточного университета. В документе говорится: «По аттестату об окончании курса Иркутской духовной семинарии со званием студента семинарии был зачислен в осеннем полугодии 1911 года в число студентов Восточного института и прослушал курс наук по китайско-монгольскому отделению, причем представил письменное сочинение, которое признано Конференциею Восточного Института весьма удовлетворительным; при отличном поведении в течение пребывания своего в Восточном Институте, на переводных и окончательных испытаниях показал следующие успехи: по богословию, китайскому языку, политический организации Китая, монгольскому языку, географии и этнографии Китая, Японии и Кореи, коммерческой географии Восточной Азии и истории торговли Дальнего Востока, международному праву, государственному праву и товароведению – весьма удовлетворительные и по английскому языку, политической организации Монголии, новейшей истории Китая, Японии и Кореи, политической экономии, гражданскому и торговому праву и счетоводству – удовлетворительные... определением Конференции Восточного Института от 15-го мая 1915 года удостоен аттестата об окончании с отличным успехом курса Восточного Института, с правом на чин X класса...» [ГАПК. Ф. 115. Оп. 2. Д. 13. Л. 63].

В 1916 г. аттестат об окончании Восточного института получил Михаил Александрович Винокуров, 1891 года рождения, из духовного звания. М. А. Винокуров был воспитанником Иркутской духовной семинарии, а в Восточном институте он учился на китайско-маньчжурскому отделению [Там же. Л. 58].

Среди офицеров – слушателей Восточного института были воспитанники Иркутского юнкерского училища. В Свидетельстве об окончании Восточного института за 22 декабря 1908 г. говорилось: «Есаул 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска Владимир Павлович Славинский, родившийся 7 февраля 1870 года. Православного вероисповедания, окончивший курс Иркутского пехотного юнкерского училища... приказом Приамурского Генерал-Губернатора от 20 августа 1902 года был зачислен слушателем Восточного Института и прослушал курс по китайско-монгольскому отделению, при чем представил письменное сочинение, за которое удостоен конференциею Восточного института награждения почетным отзывом: при отличном поведении в течение пребывания своего в Восточном Институте на переводных и окончательных испытаниях показал следующие успехи по богословию, китайскому языку, политической организации Китая, поли-

тической организации Монголии, английскому языку, новейшей истории Китая, Японии и Кореи, политической географии Восточной Азии и истории торговли Дальнего Востока. Государственному праву и международному праву – весьма удовлетворительные и по монгольскому языку, географии и этнографии Китая, Японии и Кореи, политической экономии. Гражданскому и торговому праву, товароведению и счетоводству – удовлетворительные... 8 мая 1908 года признан выдержавшим с отличным успехом окончательные испытания в Восточном Институте» [Там же. Д. 5. Л. 80].

В истории Иркутска отмечены и другие примеры, отражающие его связи с владивостокским востоковедением. В 1917 г. Иркутскую школу прапорщиков закончил выпускник Японского отделения Восточного института и будущий преподаватель Восточного факультета Дальневосточного университета Зотик Николаевич Матвеев.

Наличие Восточного института во Владивостоке, как и Императорского университета в Томске, не снимало проблемы необходимости развития высшего образования и открытия университета в Восточной Сибири. Характеризуя Восточный институт как высшее учебное заведение, необходимо иметь в виду, что уровень его был на порядок ниже университетского. Как отмечалось современниками, «министерство “разъяснило”, что оканчивающие Восточный Институт могут получать ученые степени не иначе, как только выдержав экзамен за курс факультета восточных языков Спб Университета» [Вестник Азии, 1909, с. 11]. Даже за дипломом магистра выпускникам института надо было ехать из Владивостока в Санкт-Петербург. В Томском же университете отсутствовало не только востоковедное, но и гуманитарное образование вообще.

Университеты в Восточной Сибири на Дальнем Востоке появились лишь после Революции 1917 г. Сначала был открыт университет в Иркутске, а затем, в 1920 г., в университет был преобразован Восточный институт во Владивостоке. Становление Иркутского университета шло во взаимодействии с Восточным институтом.

В основанном в 1918 г. в Иркутске университете сразу же был открыт историко-филологический факультет. В августе 1918 г. в иркутской газете «День» сообщалось: «Авторитетные ученые... выработавшие устав первого университета Вост. Сибири, ввели в план его историко-филологического факультета восточное отделение. Другими словами – новый университет должен стать одним из немногих пока русских центров востоковедения» [Миронов, 1918].

При создании Иркутского университета критически был использован опыт Восточного института. Основатель иркутского университетского востоковедения профессор Н. Д. Миронов писал: «При создании Владивостокского института имели в виду подготовку кадров во-

стоковедов-практиков... Для чисто научной разработки востоковедения он сделал очень немного. К сожалению, и в области практической он не оправдал ожиданий: лишь небольшой процент окончивших институт приложил свои знания к жизни, посвятил себя той деятельности, для которой создано это учебное заведение. Очевидно, необходимо найти некий средний путь... чтобы ни требования науки, ни практические нужды не терпели ущерба» [Миронов, 1918]. Восточное отделение в Иркутском университете, где преподавались санскрит, монгольский, китайский, тибетский и японский языки, было открыто в 1919 г. В 1920 г. профессор Н. Д. Миронов возглавил кабинет востоковедения.

В свою очередь, при создании Государственного Дальневосточного университета использовался опыт учреждения университета в Иркутске. В докладе председателя Комитета по учреждению историко-филологического факультета во Владивостоке С. М. Широкогорова в 1919 г., в частности, говорилось: «По примеру Иркутского университета, при Дальневосточном университете может быть создан... Попечительский комитет, который должен стать органом, связующим университет с краем» [Из истории востоковедения ... , с. 59].

Для обеспечения преподавания на Восточном отделении в состав историко-филологического факультета были приглашены воспитанники Восточного института во Владивостоке – Борис Климентьевич Пашков и Николай Петрович Мацокин [Казарин, 2017, с. 158]. На должность профессора китайского языка Восточного отделения Иркутского университета из Владивостока пригласили даже известного китаевода профессора П. П. Шмидта.

В середине 1919 г. Б. К. Пашков по рекомендации руководства Восточного института и по приглашению совета профессоров Иркутского государственного университета выехал в Сибирь. Основатель иркутского китаеведения Б. К. Пашков стал одним из первых советских профессоров. Позднее коллеги писали: «Помимо заведования кафедрой китайского языка, где он впервые в университетской практике за пределами Китая читал курс байхуа, Б. К. Пашков исполнял обязанности заведующего кафедрой японского языка. В университете он также организовал кафедру монгольских языков... В это же время он читал и факультативный курс маньчжурского языка... Б. К. Пашков является одним из первых красных профессоров: в начале 1923 г. он был утвержден Государственным ученым советом в должности профессора по кафедре китайского литературного языка в Иркутском университете» [К 70-летию со дня рождения ... , 1962, с. 214].

В 1919 г. из Харбина приехал опытный молодой японист Н. П. Мацокин, заложивший основы японоведческого образования в Иркутском университете.

Выпускник Восточного института китаевед Карл Германович Каттерфельд (1878–1929), имевший опыт организации преподавания китайского языка в войсках Иркутского военного округа, возглавил в Иркутском университете кабинет китайского языка. Будучи пленным белым офицером, этот военный китаевед избежал расстрела и с июня 1920 г. стал преподавать китайский язык в Иркутском народном университете и в Иркутском государственном университете. В иркутской летописи Романова за 29 марта 1922 г. было отмечено: «Открыты Иркутские курсы языков, учрежденные профессором Г. Ю. Маннс и проф. Университета К. Г. Каттерфельдт (английского, немецкого, французского, японского, китайского, монголо-бурятского)» [Романов, 1994, с. 453]. К. Г. Каттерфельд преподавал в Иркутске китайский язык до конца 1920-х гг.

Наличие в Иркутске высшего востоковедного образования привлекло в столицу Восточной Сибири многих способных молодых людей, желавших стать китаистами, японистами и монголоведами. Однако и в это время некоторые иркутяне отдавали предпочтение старой владивостокской школе. Например, уроженец деревни Бархатово Бархатовской волости Иркутской губернии (1892 г. р.) Сергей Александрович Мерцалов в 1921 г. поступил в ДГУ и закончил его по японскому разряду Восточного факультета в 1932 г. Ему присвоена квалификация «япониста-экономиста, специалиста по морскому транспорту» [Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 1 об.].

После установления советской власти во Владивостоке, в Государственном Дальневосточном университете начинается притеснение гуманитарной науки и образования. Но в Иркутске ситуация была еще хуже, отделения истории, филологии и обществоведения в университете стали «реформироваться». Из-за этого покинули университет и многие ученые. Уже в конце 1920 г. из Иркутска во Владивосток уехал Н. П. Мацокин, ставший вскоре ведущим японоведом Дальневосточного университета. Летом 1923 г. из Иркутска уехал во Владивосток молодой профессор Б. К. Пашков. Факультет общественных наук в Иркутске в 1924 г. был окончательно ликвидирован вместе с Восточным отделением. Следствием этого были переводы студентов в другие советские учебные заведения, в том числе и в университет во Владивостоке, где востоковедное образование сохранялось до конца 1930-х гг. Например, в 1924 г. на Японское отделение Восточного факультета Дальневосточного университета перевелся студент Иркутского университета (с 1921 г.), иркутянин по рождению Константин Алексеевич Попов 1903 года рождения [РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 46]. Иркутянин-японовед успешно закончил университет во Владивостоке в 1927 г.

После ликвидации университетского востоковедного образования в Иркутске иркутяне вновь поехали учиться во Владивосток. Например,

уроженец (1902 г. р.) Нижнеудинского уезда Иркутской губернии Константин Евменьевич Поседко в 1925 г. поступил на Восточный факультет, где успешно окончил Китайское отделение [РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 59]. Вообще, сибиряки вновь вынуждены уезжать на Дальний Восток для получения востоковедного образования. Например, в 1930 г. окончил Восточный факультет Дальневосточного университета известный экономист-китаевед, уроженец Забайкалья Геннадий Васильевич Астафьев.

В период «сворачивания» университетского гуманитарного образования в 1920–30-х гг. в Иркутском университете работали бывшие преподаватели и воспитанники Восточного института. Например, в 1928–1930-х гг. в Иркутском университете работал бывший преподаватель Восточного института (1902–1917) Гомбожаб Цэбекович Цыбиков (1873–1930). В 1923 г. по конкурсу преподавателем Иркутского университета был избран воспитанник Восточного института Сергей Петрович Кузнецов. Будучи выходцем из казачьего сословия и воспитанником Троицкосавского реального училища с дополнительным классом, С. П. Кузнецов в 1908 г. был зачислен в Восточный институт по китайско-монгольскому отделению и в 1914 г. закончил его с «отличным успехом» [ГАПК. Ф. 115. Оп. 2. Д. 13. Л. 14]. Рекомендацию для принятия на работу в университет С. П. Кузнецову дал профессор Б. К. Пашков. С 1924 г. этот китаевед и монголовед, имевший судимость за службу у белых, начал работать на педагогическом факультете Иркутского университета. Воспитанник Восточного института С. П. Кузнецов внес большой вклад в развитие Иркутского университета, науки и образования в столице Восточной Сибири. Как и большинство советских востоковедов, в 1938 г. он был арестован по антисоветской статье и расстрелян.

Таким образом, история Иркутского университета, как и науки и образования в Восточной Сибири в целом, была тесно связана с востоковедным образованием и Восточным институтом во Владивостоке. Иркутяне были в числе первых студентов Восточного института, в их числе были и будущие ведущие востоковеды Дальневосточного университета. Становление Иркутского и Дальневосточного университетов происходило во взаимосвязи. Преподаватели и воспитанники Восточного института участвовали в создании и развитии университета в Иркутске. Но сложная и противоречивая эпоха революций, гражданской войны и социально-экономических экспериментов в России 1920–30-х гг. не способствовала успешному развитию гуманитарного образования и активному сотрудничеству Иркутского и Дальневосточного университетов. Однако исторический опыт взаимодействия между вузами Владивостока и Иркутска является важным фактором развития востоковедного образования на востоке России.

В. Г. Дацышен

*Доктор исторических наук, профессор
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск*

Литература

- Российский государственный исторический архив (РГИА).
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ)
Государственный архив Приморского края (ГАПК).
Вестник Азии. 1909. № 2 (октябрь). С. 11.
Весь Иркутск. Адресно-справочно-телефонная книга на 1924 г. Иркутск, 1924.
Из истории востоковедения на Российском Дальнем Востоке. 1899–1937 гг.
Документы и материалы. Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 2000. 256 с.
Миронов Н. Д. Востоковедение в Иркутском университете // Дело. 1918. 22 авг.
Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост., предисл. и прим. Н. В. Куликаускене. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.
Еланцева О. П. Восточный институт в Верхнеудинске: страницы краткого пребывания // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2013. № 7. С. 29–34.
К 70-летию со дня рождения проф. Б. К. Пашкова // Народы Азии и Африки. 1962. № 1. С. 214.
Казарин В. Н. Становление и развитие исторического образования в Иркутском государственном университете. 1918–1920-е гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 156–165.
Ремнев А. В. «Обрусение», образование и востоковедение: сибирский вариант имперской политики в интерпретации А. Н. Куломзина // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.). Иркутск, 2008.

Н. Л. Адилханян

Иркутский государственный университет, Иркутск

И. Л. Адилханян

Генеральное консульство КНР, Иркутск

МЕДИЦИНСКАЯ МЕТАФОРА В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ О КОРРУПЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Статья посвящена выявлению медицинской метафоры в медийном антикоррупционном дискурсе Китая. Опираясь на корпус эмпирических данных, проводится анализ медицинских метафор. Устанавливается их влияние на конечного адресата и на общественное восприятие.

Ключевые слова: коррупция, медицинская метафора, медийный дискурс.

N. Adilkhanian

Irkutsk State University, Irkutsk

I. Adilkhanian

Consulate General of China, Irkutsk

MEDICAL METAPHOR IN THE MEDIA DISCOURSE OF CORRUPTION (BASED ON THE MATERIAL OF THE CHINESE LANGUAGE)

Abstract. The article is devoted to revealing medical metaphor in the media anti-corruption discourse of China. Basing on the empirical data, an analysis of medical metaphors is carried out. The authors establish the influence of medical metaphors on the final addressee and on public opinion.

Keywords: corruption, medical metaphor, media discourse.

Одной из главных мировых проблем, представляющих серьёзную угрозу для функционирования и развития современного общества, является коррупция.

Отличительной чертой данного феномена на современном этапе можно считать его международный характер. Причины этого видятся в мировой глобализации, характеризующейся экономической прозрачностью национальных границ, свободным перемещением капиталов, рабочей силы, а также существенной криминализацией национальных экономик [Бочарников, 2015].

Коррупция представляет собой деструктивный феномен, имеющий непосредственную связь с экономической, политической и социальной практикой общества. Данный феномен является одним из наиболее значимых объектов внимания в современном публичном коммуникативном и дискурсивном пространствах.

Факты, тенденции, проявления коррупции как деструктивного и скрытого феномена, связанного с незаконным обогащением одних людей в ущерб другим и приносящего вред обществу, создают проблемную ситуацию, которая, становясь рекурсивной темой социального

дискурса, тематически и интерпретативно отграничивает данную предметную область в более широком коммуникативном пространстве. Данная предметная область выявляет свойство «центра социальной напряженности» [Вепрева, 2002], в котором происходит «оперирование смыслами» по отношению к данному феномену сферы социальной драматургии [Гофман, 2000]. В информационном потоке осуществляется медиатизация контента, который содержит фактологическую и концептуальную информацию.

Эмпирическим материалом исследования послужил корпус из 18 текстов, опубликованных в интернет-версиях газеты «Жэньминь жибао» агентства информации «Синьхуа», официальной газеты Коммунистической партии Китая.

Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную (или одну из основных) ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира [Чудинов, 2013]. Особенности метафоры активно используются в медийном дискурсе о коррупции, для указания на само явление коррупции, а также для репрезентации мер, которые необходимы для преодоления данного деструктивного феномена. Это осуществляется с помощью медицинской метафоры, формирующейся на основе концептуальной сферы-источника «медицина, болезнь». Метафоры, образованные по данной модели, носят преимущественно эмотивный характер, они создаются для переноса имеющегося у читателя эмоционального отношения к понятию-источнику на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова [Чудинов, 2001].

В современном медийном дискурсе медицинская метафора указывает на проблемы в обществе, ставит диагноз, предупреждает об эпидемии и даже назначает лечение. Создаваемые в медиатекстах образы являются очень действенными, усиливающими эмоциональный накал и воздействие на аудиторию. Метафора «Коррупция – это болезнь» предполагает две более общие концептуальные метафоры: политическая метафора тела – государство или партия как политический институт концептуализируются как человеческий организм, подверженный инфекциям и заболеваниям, и медицинская метафора коррупция – болезнь:

- 缺乏监督必然导致腐败，最终损害党的肌体。 – «Недостаточный контроль непременно приведет к поражению коррупцией партийного организма».

- 腐败问题如毒瘤般严重损害党的肌体。 – «Коррупция, словно злокачественная опухоль, наносит такой же урон организму партии».

В современной медицинской метафоре дискурса о коррупции в медиатекстах четко выделяются две основные модели: «коррупция – болезнь» и «антикоррупционные меры – лечение». Дискурс об антикоррупционных действиях связан со своевременным лечением болезни.

Метафора «болезнь» активизирует представление о зараженности общества этим недугом. В свою очередь репрезентация контента в виде метафор, сравнений, структур, имеющих оценочный характер, является одним из характерных признаков данной предметной области:

- 这个现象是一种社会痼疾». – «Данный феномен (коррупция) является хронической болезнью общества».
- 腐败是一个社会毒瘤. – «Коррупция – злокачественная опухоль общества».
- 腐败是一个瘟疫, 是一颗颗病菌. – «Коррупция – это чума, это болезнетворная бактерия».

Метафора «коррупция – болезнь» не является новой в китайском политическом дискурсе. Мао Цзэдун использовал ее в своей кампании «Исправления стиля» в 1942 г. 整风 Чжэнфэн, которая породила знаменитый лозунг: «惩前毖后, 治病救人» – «Взыскивать за прошлое в назидание на будущее, лечить, чтобы спасти больного», который закреплен в Уставе Коммунистической партии Китая.

Метафора «антикоррупционные меры – лечение» имплицитно идею о том, что необходимо проведение лечения и избавления организма (общества) от этого недуга:

- 针对腐败这个世界性的顽疾, 中国药方” 正显现出强大功效. – «Против общемирового хронического заболевания – коррупции “китайский рецепт” демонстрирует огромную эффективность».
- 割除腐败毒瘤. – «Вырезать злокачественную коррупционную опухоль».
- 铲除腐败毒瘤. – «Вырвать с корнем злокачественную коррупционную опухоль».
- 如果说整治作风和反对腐败是为了»治病救人», 那么党内监督就如同»健康体检». – «Если исправление стиля работы и борьба с коррупцией проводятся для “излечения от болезни и спасения больного”, то надзор внутри партии подобен “проверке состояния здоровья”».
- 通过监督来发现党员可能害上腐败病毒和症候, 并提前进行诊断和预防. – «Путем контроля выявлять, что члены партии, возможно, имеют симптомы заболевания и подхватили вирус коррупции, а также заблаговременно ставить диагноз и принимать профилактические меры».
- 周边营造出的关系网络极易出现腐败感染. – «Строя вокруг сеть знакомств, очень легко можно подхватить коррупционную инфекцию».
- 防范腐败传染病. – «Предотвращать распространение коррупционного инфекционного заболевания».
- 对腐败病毒的清除, 必须坚持 «零容忍», 否则一定会 «转移» 和»复发». – «Для избавления от вируса коррупции необходимо строго

придерживаться “нулевой терпимости”, в противном случае непременно произойдет образование “метастаз” и “рецидив заболевания”».

- 使党员干部对腐败病毒有强大的免疫力和抵抗力. – «Делать так, чтобы партийные работники имели мощный иммунитет и сопротивляемость вирусу коррупции».

- 如果不注重时刻»补钙充电», 就容易患上»软骨病», 导致难以抵御腐败病毒. – «Если не уделять постоянного внимания “пополнению запасов кальция”, то очень легко заболеть “рахитом”, что приведет к невозможности сопротивляться вирусу коррупции». («Рахит» в данном контексте также имеет образное значение «мягкотелость».)

- 彻底去除腐败沉疴 – «окончательно удалить застарелую коррупционную болезнь».

- 猛药起沉疴. – «Тяжелые недуги требуют жестких методов лечения».

Явление коррупции репрезентируется и интерпретируется в крайне негативных оценочных областях путем перевода её как темы осмысления в концептуальной области опасной болезни.

Медицинская метафора является одной из наиболее активных современных моделей в китайском медийном дискурсе о коррупции, также она представляется одной из наиболее эмоциональных форм эффективного воздействия на адресата.

Используя данные метафоры, акцентируют внимание адресата на особой опасности, которую представляет для общества и для государства данная проблема, на необходимости неотложных мер для «лечения и искоренения» этой «болезнетворной бациллы», которая угрожает жизнедеятельности «государственного организма».

Передаваемая информация не только формирует у публичного адресата представления о происходящем и определенные структуры знания, но и порождает оценки и мнения, что способствует структурированию целостного представления о феномене коррупции, порождает определенное аксиологическое отношение к объекту информирования.

Литература

Бочарников И. В. Коррупция как глобальная проблема современности [Электронный ресурс] // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. URL:<http://nic-pnb.ru/analytics/korruptsiya-kak-globalnaya-problema-sovremennosti> (дата обращения: 14.04.2018).

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. Екатеринбург : ЕГУ, 2002. 379 с.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М. : Канон-Пресс, 2000. 304 с.

Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. 238 с.

А. В. Алепко

Хабаровский государственный институт культуры, Хабаровск

Н. А. Сабалдан

Международный колледж Минданао, Давао (Филиппины)

ХОСЕ РИСАЛЬ И ОСОБЕННОСТИ ФИЛИППИНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. Рассматриваются проблемы филиппинского просвещения XIX в. Особое место уделено просветительской деятельности Хосе Рисаля. Изучен вопрос трансформации философско-просветительской мысли элиты филиппинского общества от идеи духовной, культурной и политической испанской ассимиляции Филиппин до идеи свержения испанского колониализма и превращения Филиппин в полноправный субъект международных отношений. Показана связь филиппинского просвещения с национально-освободительным движением народных масс.

Ключевые слова: ассимиляция, испанский язык, колониализм, лидер, литератор, либералы, общество, периодика, просвещение, реформаторство, секуляризация.

A. Alepko

Khabarovsk State Institute of Culture, Khabarovsk

N. Sabaldan

Mindanao International College, Davao (Philippines)

JOSE RISAL AND FILIPINO EDUCATION OF THE LATE XIX CENTURY

Abstract: The article deals with the problems of Filipino education of the XIX century. A special place is given to the educational activities of Jose Risal. The question of the transformation of philosophical and educational thought of the elite of the Philippine society from the idea of the spiritual, cultural and political Spanish assimilation of the Philippines by Spain to the idea of overthrowing Spanish colonialism and turning the Philippines into a full-fledged subject of international relations. The connection between Filipino education and the national liberation movement of the masses is shown.

Keywords: assimilation, Spanish language, colonialism, leader, writer, liberals, society, periodicals, enlightenment, reformism, freedom, secularization.

Важным фактором духовной жизни на Филиппинах с середины 50-х гг. XIX в. являлось национально-освободительное движение. Именно в этот период Испания, владевшая Филиппинскими островами, утрачивает былые лидирующие позиции среди европейских держав. В Азиатско-Тихоокеанском регионе возрастает роль западноевропейского и американского капиталов.

В 1863 г. в соответствии с проводившейся в Испании реформой образования на Филиппинах было введено всеобщее начальное обучение, а в конце 1860-х гг. дети представителей привилегированных социальных групп получили доступ в закрытые для них прежде филиппинские университеты, а также в испанские вузы. Получение высшего образования на испанском языке способствовало формированию высокообразованной социальной элиты, представителей которой называли

Illustrado [Филиппинская литература]. Испанский язык стал разговорным языком жителей городов и, по сути, *lingua franca* населения филиппинского архипелага [Agoncillo, 1974, p. 85]. В то же время быстрый рост количества местных изданий периодики способствовал распространению националистических, реформаторских и либеральных идей в просвещённой среде филиппинского общества.

Благодаря этому во второй половине XIX в. в результате изучения классического испанского языка и литературы сложилась филиппинская литература. Этому также способствовало чтение в испанских переводах художественной классики (Шекспира, Мольера, Дюма, Жюль Верна, Золя) и философско-просветительской литературы [История всемирной литературы, т. 7, с. 658].

Среди первых филиппинских испаноязычных литераторов, журналистов и публицистов выделялся местный теолог Хосе Бургос (1837–1872), главной заслугой которого является первая филиппинская повесть на испанском языке — «Черная волчица» (1869). Её сюжет основан на подлинном драматическом эпизоде из истории Филиппин, связанном с острым конфликтом между светскими и духовными властями колонии в начале XVIII в. Автор не только описал злоупотребления католического духовенства и изобличил социальную и национальную дискриминацию, но и показал, как испанский колониально-церковный режим порождал повстанческое движение и вел народ к борьбе против беззакония и несправедливости [Там же, с. 659]. В другой повести, «Будущее Филиппин», Х. Бургос изложил результаты своих раздумий о путях преодоления социальных пороков, в частности посредством «справедливого правления», распространения просвещения, соблюдения равенства всех «перед богом и законом» [Там же].

Угрожающий накал всеобщего недовольства завершился первым социальным взрывом – восстанием солдат и рабочих артиллерийского гарнизона и арсенала в Кавите в январе 1872 г. Потопленное в крови восстание оказало существенное влияние на развитие национально-освободительного движения вплоть до филиппинской революции (1896–1898 гг.) [Там же, с. 657].

После жестоких репрессий, последовавших за подавлением Кавитского восстания, филиппинские эмигранты, а также студенты, обучавшиеся в Испании, совместно с испанскими либералами создали в 1888 г. «Испано-филиппинскую ассоциацию», которая с 1889 г. стала осуществлять выпуск газеты «La Solidaridad» (1889–1895), сыгравшей существенную роль в филиппинском просвещении. На страницах вышеупомянутой газеты выступали главные лидеры филиппинского просвещения – выдающийся филиппинский мыслитель, политический дея-

тель и писатель Хосе Рисаль (1861–1896) и известный публицист Марсело И. Дель Пилар (1850–1896) [Dusa, 1977, p. 124–125].

Именно вокруг них в этот период формировалась вся философско-просветительская мысль Филиппин, которая была направлена на разработку возможных путей решения социально-политических проблем, стоящих перед населением испанской колонии. Её неотъемлемыми элементами были секуляризация сознания, освобождение от церковных пут, всеобщее образование и просвещение населения.

Как Рисаль, так и дель Пилар исходили из того, что на Филиппинах реальная власть принадлежит Испании. Поэтому поначалу решение политической задачи ими виделось в том, чтобы «очеловечить» эту власть, сделать её более гуманной, ограничить всевластие монашеских орденов, наделить филиппинцев равными с испанцами правами и превратить Филиппины в органическую часть Испании [Подберезский, 1985, с. 196]. Это была программа духовной, культурной и политической ассимиляции Филиппин Испанией, а её сторонники в «Испано-филиппинской ассоциации» получили название ассимиляционистов.

Необходимо отметить тот факт, что первоначально Х. Рисаль полностью разделял взгляды ассимиляционистов, однако после пребывания на Филиппинах с 3 августа 1887 по 2 февраля 1888 г. он изменил свое мнение. Кратковременное пребывание на родине лишило Х. Рисаля почти всех иллюзий относительно испанской политики в колонии. Он достаточно «четко формулирует отказ от надежд на Испанию и столь же четко противопоставляет испанцев филиппинцам» [Подберезский: 141]. В то же время, будучи *Ilustrado* и испанофилом в своей аксиологической ориентации, Рисаль сохраняет глубокое уважение к испанской культуре. Однако это не мешает ему бороться за свободу и независимость филиппинского народа.

Последовавшее тщательное изучение Х. Рисалем испанской политики на Филиппинах привело его к глубокому пониманию сути колониального режима. Начиная с 1889 г. в своих публикациях в «*La Solidaridad*» он отчетливо проводит мысль о том, что филиппинцы должны бороться за полную независимость и что испанские колонизаторы – заклятые враги филиппинского народа. Точку зрения ассимиляционистов он назвал пустой иллюзией, способствующей колонизаторам.

Это вызывает недоверие к нему у большинства членов «Испано-филиппинской ассоциации», оставшихся на позициях ассимиляционизма. Часто в одном и том же номере «*La Solidaridad*» публиковались статьи М. дель Пилара и Х. Рисаля, которые выражали противоположные точки зрения. При этом М. дель Пилар постоянно апеллировал к благородству испанцев, к их здравому смыслу и долгосрочным интересам Испании на Филиппинских островах.

В связи этим в 1891 г. Х. Рисаль окончательно разрывает отношения с редакцией газеты «La Solidaridad». Он пишет: «Я потерял веру в Испанию. По этой причине не напишу больше ни строчки в “La Solidaridad”. Мне это кажется бесполезным» [Цит. по: Подберезский, 1985, с. 201]. Вскоре для многих членов «Комитета движения пропаганды» в Маниле ясным становится то, что с уходом Х. Рисаля уходит и конкретное понимание сущности борьбы филиппинского народа за свое национальное освобождение.

В 1892 г. в г. Маниле на месте несостоявшейся Филиппинской лиги, в связи с арестом и ссылкой её организатора Х. Рисаля, возникла тайная революционная организация «Катипунан», которую возглавил член Филиппинской лиги Андрес Бонифасио (1863–1897). [История всемирной литературы, т. 7, с. 657]. Находившийся в ссылке на о. Минданао в Дапитане Хосе Рисаль с началом филиппинской революции в 1896 г. пытался в качестве врача выехать на Кубу, но был возвращен с дороги и после непродолжительного сфальсифицированного испанскими властями суда расстрелян 30 декабря 1896 г. в Маниле [Francia, p. 129; Dusa, 1977, p. 121; Agoncillo, 1974, p. 104].

Основу поэзии Хосе Рисаля составляет патриотическая свободолюбивая лирика. Идеи любви к родине, народу, родной земле, критическое отношение к существующим порядкам пронизывают едва ли не все его стихотворения. Патриотической, свободолюбивой и националистической направленностью отмечены стихотворения «Филиппинской молодежи» (1879) и «Напев Марии-Клары». Подобен настрой стихотворений «Филиппинам» («Художники, из миртов и лилей венеч сплетите родине своей»), «У меня просят стихов» и др. Даже в пейзажных, в основном лирических, описаниях 1886 г. («Цветам Гейдельберга», «Мой приют» «Песнь странника» и др.) [История всемирной литературы, т. 7, с. 659]. Хосе Рисаль проводит одновременно и идею тоски филиппинца на чужбине по родине, мечтающего вновь обрести отчизну.

В предреволюционное время стихотворное творчество Рисаля дало сильнейший толчок развитию гражданской патриотической лирики на испанском и тагальском языках. К 1895 г. относится последний образец его одической лирики — «Гимн Талисаю», призывающий к борьбе за счастье филиппинского народа [История всемирной литературы, т. 7, с. 659–660]. Особой известностью на Филиппинах пользуется тайно переданное Х. Рисалем его сестре стихотворение «Последнее прощай», написанное в ночь перед казнью (впервые опубликовано в мае 1897 г. в Гонконге) [Francia, 2010, p. 130].

В 1896–1897 гг. филиппинскую национально-освободительную революцию возглавил «великий плебей», вышеупомянутый А. Бонифасио, революционер и поэт. В революции и последовавшей за ней филиппино-

американской войне против новых колонизаторов принимали участие многие деятели культуры и литературы, такие как Педро А. Патерно, Лопе К. Сантос, Фелипе Кальдерон, Хосе Пальма, Фернандо Мария Герреро, Сесилио Апостол и др. [История всемирной литературы, т. 8, с. 654].

Революция и последовавшее за ней национальное сопротивление уже американским колонизаторам сопровождалось рождением новой, прогрессивной прессы и периодики на испанском, тагальском и других языках, распространенных на Филиппинах. Они также стимулировали активный рост боевой злободневной драматургии для народного театра и особенно гражданской, патриотической поэзии. Идеи политической независимости, филиппинской культурно-литературной самобытности пропагандировались органами революционных организаций: «Катипунан» («Высочайший и досточтимый союз сынов родины»), «Калайаан» («Свобода») и др. Носителями либерально-демократических идей стали отдельные предреволюционные издания («Ревиста католика», «Эль-Комерсио» и др.) [Там же].

Филиппинская литература в этот период находилась в процессе перехода от романтизма к реализму. Испаноязычная филиппинская поэзия и публицистика испытали в это время настоящий расцвет. В поэзии выделяется фигура главного идеолога «Катипунана» Эмилио Хасинто (1875–1899), погибшего в бою с американскими интервентами. Хосе Пальма-и-Веласкес (1876–1903) в своих произведениях, написанных в основном в бурные революционные годы, эволюционировал от религиозной к гражданской поэзии. Вершина его поэзии – стихотворение «Филиппины», или «Обожаемая земля» (1899), стало гимном первой Филиппинской республики [Там же].

Со второй половины 90-х гг. XIX в. стала интенсивно пополняться филиппинская «Рисалиана» – обширный цикл художественных, литературно-критических, научно-популярных произведений о жизни и творчестве национального героя страны Хосе Рисаля [Там же]. С особой гордостью к событиям филиппинской революции относился филиппинский писатель и публицист Херменегильдо Крус. Революция, по его словам, «принесла явления, которые до этого были нам не известны, открыла ум нашего народа для новых идей, а его сердце заставила переживать чувства, которые тот не испытывал и, возможно, не смог бы испытать еще долгое-долгое время» [Sevilla, 1997, p. 6].

Художественно-эстетическое и патриотическое воздействие Х. Рисаля ощущается и поныне в самых различных областях филиппинской культуры. Национальный герой, ставший символом независимости Филиппин, был не только талантливым писателем, врачом, публицистом, переводчиком, редактором, просветителем и реформатором националистического толка, но и в то же время сторонником мирных средств борьбы за демократическое преобразование филиппинского общества.

Литература

История всемирной литературы. В 8 т. / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; редкол: Г. П. Бердников (гл. ред.), А. С. Бушмин, Ю. Б. Виппер (зам. гл. ред.), Д. С. Лихачев, Г. И. Ломидзе, Д. Ф. Марков, А. Д. Михайлов, С. В. Никольский, Б. Б. Пиотровский, Г. М. Фридендер, М. Б. Храпченко, Е. П. Чельшев. М. : Наука, 1983–1994. Т. 7. 832 с.; Т. 8. 848 с.

Подберезский И. В. Хосе Рисаль. М. : Молодая гвардия, 1985. 319 с.

Филиппинская литература [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.knowledgr.com> (дата обращения 17.06.2018).

Agoncillo T. Introduction to Filipino History. Quezon City : Garotech Publishing, 1974. 308 p.

Duca A. C. Struggle for Freedom. A Textbook on Philippine History. Manila : Rex Book Store, 1977. 422 p.

Francia L. A History of the Philippines. From Indios Bravos to Philippines. N. Y. : The Overlook Press, 2010. 352 p.

Sevilla F. Poet of the People Francisco Balagtas and the Roots of Filipino Nationalism: Life and Times of the Great Filipino Poet and His Legacy of Literary Excellence and Political Activism. Manila : Trademark, 1997.

УДК 809.56-085

В. В. Ананьев, Т. С. Максимова

Иркутский государственный университет, Иркутск

РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ПОСРЕДСТВОМ АТЭДЗИ

Аннотация. Рассматривается осуществление языковой игры в японском языке при помощи феномена атэдзи. Отклонение от морфемного принципа японского иероглифического письма создает эффект множественности как формы, так и содержания языковой единицы. Анализ употребления атэдзи в произведениях разных жанров позволяет сделать следующие выводы: языковая игра может реализовываться путем: 1) изменения одного из знаков в устойчивом сочетании на другой с таким же или близким чтением; 2) присвоения существующему иероглифу или иероглифическому сочетанию нового чтения, устойчивого или окказионального: а) произвольно, б) через создание ребуса.

Ключевые слова: языковая игра, японский язык, атэдзи, иероглифическое письмо.

V. Anan'ev, T. Maksimova

Irkutsk State University, Irkutsk

IMPLEMENTING LANGUAGE GAME USING ATEJI

Abstract. This article considers implementation of language games with the help of *ateji* in the Japanese language. The deviation from the morphemic principle of the use of Chinese characters in the Japanese writing system creates an effect of multiplicity of the form as well as the contents of a linguistic unit. The analysis of the *ateji* usage in pieces of work of various genres makes it possible to come to the following conclusions: language game can be implemented either by 1) changing one of the characters in a kanji combination for another one with the same or similar reading, or by 2) assigning an existing character or character combination a new reading, a standard or an occasional one, either a) arbitrarily or b) by creating a rebus.

Keywords: language game, Japanese, *ateji*, Chinese characters.

Изучение проблемы языковой игры (далее – ЯИ) естественным образом связано с рассмотрением феномена игры вообще. Этот вопрос стал объектом пристального внимания философов и ученых в XX в., что обусловлено присутствием игр во всех сферах человеческой жизни, и в начале XXI в. интерес к этому феномену не ослабевает.

Отправной точкой многих современных исследований послужила работа Й. Хёйзинги «Человек играющий», позже его идеи легли в основу подхода Р. Кайуа. Рассмотрение многих аспектов человеческой деятельности как вариантов игры или их разграничение привело к появлению различных подходов к феномену игры и ее определений. Однако все подходы к понятию игры объединяет выделение в качестве ее сущностной характеристики отличие от привычной реальности (сознание «иного бытия» у Хёйзинги) и направленность игры как вида деятельности на достижение гедонистического переживания (без наслаждения или хотя бы надежды на его получение игра теряет смысл), измененного состояния сознания и ощущения новизны [Сосланд, 2006, с. 109]. Все эти аспекты проявляются и в феномене языковой игры.

О ЯИ часто говорят как о преднамеренном, сознательном нарушении речевой нормы. Т. А. Гридина рассматривает ЯИ как «определенный тип речевого поведения говорящих, вызывающий к эстетической оценке нестандартного использования речевых единиц», отмечая, что в основе ЯИ лежит стремление добиться эффекта, обладающего эстетическим воздействием (зачастую комическим), посредством отклонения от привычного, устоявшегося восприятия языковых единиц, нестандартного их употребления [Гридина, 1996, с. 11].

Приведенные определения свидетельствуют о том, что ЯИ обладает всеми сущностными характеристиками игры: нарушение норм узуса, создание новых единиц приводит к появлению ощущения отличия от привычной реальности, новизны и тем самым – гедонистическому переживанию.

Часто ЯИ ассоциируется с юмором, с созданием комического эффекта, однако это не совсем верно. Целью ЯИ является создание множественности смыслов высказывания, основанной на осознанном нарушении фонетических, синтаксических, стилистических или других норм языка.

К механизмам, лежащим в основе ЯИ, относят асимметричный дуализм языкового знака и нарушение системных отношений между знаками. Асимметрия означающего и означаемого дает возможность помещать новое содержание в сохраняемую форму или же, напротив, сохранять содержание, изменяя форму. Нарушение системных отношений между знаками часто происходит вместе с проявлением связей, обусловленных контекстуально, причем в некоторых ситуациях для реципиента могут актуализироваться и первые, и вторые одновременно. В

ситуации выведения языковой единицы за рамки ее стандартного употребления целью адресанта является достижение прагматического эффекта при опоре на стереотипы, сложившиеся в сознании носителя языка как некие стандарты узуса [Гридина, 1996, с. 17].

Творческую специфику ЯИ можно обнаружить, кроме того, и в структурах, которые имеют не одну интерпретацию, и в множественности формы или содержания языковой единицы. В этом случае нарушается закон функционирования знака в речи, который гласит, что знак должен быть тождественен по форме самому себе в разных контекстах, при условии, что в этих контекстах реализуется только одно из возможных значений.

ЯИ с иероглификой в японском языке основывается либо на изменении графической формы знаков, либо на отступлении от правил их прочтения. В рамках данного исследования мы рассматриваем второй случай.

Выделить правила системного характера, определяющие, как читаются иероглифы в японском языке, сложно. Варианты чтений, пришедшие из разных китайских диалектов или корейского языка и в разные эпохи, по-разному осваивались японской фонетической системой, в результате чего один иероглиф может иметь несколько весьма непохожих чтений. Кроме того, по мере освоения иероглифического письма заимствованными из китайского языка знаками стали закрепляться японские звуковые комплексы, которые передавали соответствующие значения [Соколов, Вардуль, 1963, с. 123]. В настоящее время один иероглиф может иметь несколько онных (китайских) чтений и несколько кунных (японских), которые реализуются в зависимости от графического, семантического и, иногда, экстралингвистического контекста.

С другой стороны, несмотря на сложность ситуации с *правилами* прочтения иероглифов, существуют достаточно устойчивые *нормы*.

А. Н. Соколов отмечает, что японское иероглифическое письмо является по сути своей морфемным. Это можно увидеть при сравнении кандзи, передающего морфему, с силлабическим знаком каны. Знак く обозначает на письме слог ку в любом слове, где вообще этот слог можно встретить: ちく(地区) *тику* «район», くつう(苦痛) *куцуу*: «боль». В морфемном же иероглифическом письме морфема ку в слове *тику* будет передана знаком 区 «район города», а в слове *куцуу*: знаком 苦 «горький». Взаимозамена этих иероглифов невозможна, потому что знак связан не только с определенным звуковым комплексом, но и с его узким значением [Соколов, Вардуль, 1963, с. 121].

В некоторых случаях подобный принцип обозначения морфем нарушается, и тогда возникает явление, которое можно назвать аморфемностью. Смысл данного явления состоит в разрушении ассоциативной связи иероглифа со значением морфемы и ее звуковой оболочкой

[Соколов, Вардуль, 1963, с. 123]. Это явление в японском языке получило название 当て字 *атэдзи*.

Существует два варианта определения понятия *атэдзи*. В узком смысле – это иероглифы, у которых при записи японских слов используется только китайское чтение. В широком смысле к *атэдзи* также причисляют дзюкудзикун (яп. 熟字訓 *дзюкудзикун*) – исконно японские слова, при записи которых иероглифами стандартные чтения игнорируются и сочетанию знаков присваивается совершенно особенное чтение, а определить, какой иероглиф относится к какой части слова, нельзя [Taylor, 2014, p. 158].

Атэдзи в узком смысле А. Н. Соколов и И. Ф. Вардуль (1963) называют *аморфемным фонетическим письмом*. Его применение начинается в самых древних письменных памятниках Японии, и оно продолжает использоваться и по сей день. В этом случае иероглиф используется для фиксации не морфемы, которая закреплена за ним, а слога с другим значением или лишённого значения вообще. Примером может служить запись иероглифом 仏 *фу(иу)* «будда» слога *фу* в составе слова 仏蘭西 *фурансу* «Франция». Изначально использовались китайские звуковые комплексы, которые при этом могли усекаяться, но позже возникли атэдзи и на базе собственно японских фонетических слов: 矢張り *яхари* «всё же», 矢鱈 *ятара* «как попало».

Атэдзи в широком смысле получили название *аморфемного смыслового письма*: знак используется для записи слова, которое не связано с зафиксированной за этим знаком морфемой по звуковому составу, а лишь близко ей семантически. Так, сочетание иероглифов 疾風 «сильный ветер» читается хаятэ, хотя, согласно правилам чтения морфем, которые закреплены за этими иероглифами, оно должно читаться *синпу*.

Можно выделить два основных способа аморфемного смыслового обозначения слов. В первом случае записываются исконно японские слова, чтение присваивается целому сочетанию, и невозможно определить, какая часть слова относится к тому или иному иероглифу. В Японии это получило название 熟字訓 *дзюкудзикун* «японское чтение сочетания знаков». Например, 足袋 *таби* «носки с отдельным большим пальцем». Второй способ заключается в использовании *кандзи* для заимствований из индоевропейских языков, не имевших эквивалентов ни в китайском, ни в японском языках. Например, слово *табако* «табак» пишется 煙草 (букв. «дымная трава»). Эти способы объединяет задача, которую решает их использование – семантизация фонетического комплекса через значение иероглифов.

Таким образом, употребление атэдзи, по крайней мере, новых, нарушает стереотипы, существующие у носителей языка как стандарты

узуса в области чтения иероглифических сочетаний и – шире – восприятия текста, что может быть использовано как механизм реализации ЯИ.

Анализ употребления атэдзи в произведениях разных жанров показал, что ЯИ может реализовываться в нескольких вариантах, коррелирующих с видами аморфемного письма: 1) замена одного из знаков в устойчивом сочетании на другой с таким же или близким чтением, но другим значением; 2) присвоение существующему иероглифу или иероглифическому сочетанию нового чтения, связь которого с данной графической формой может быть окказиональной или становиться относительно устойчивой. Кроме того, новый звуковой комплекс может присваиваться как произвольно, так и мотивированно, через создание ребуса. Проиллюстрируем этот вывод.

1. Замена знака в устойчивом сочетании на другой

(1) 連愛 *рэнъай* «связующая любовь» [アエラ 2012, p. 37].

Сочетание 連愛 получилось в результате замены иероглифа 恋 *рэн* «(чувственная) любовь» в слове 恋愛 *рэнъай* «любовь» на иероглиф 連 *рэн* «связь». Новое сочетание 連愛 можно примерно истолковать как «связующая любовь» или «любовь через средства связи». Пример обнаружен в статье в журнале AERA, где речь идет о том, что количество пар, в которых партнеры познакомились через Всемирную паутину, растет с каждым годом.

(2) 和質 *васицу* [当て字魚詞母海蕎袋 2003].

和質 происходит от существующего слова 和室 *васицу* «комната в японском стиле», где 和 *ва* «японский» и 室 *сицу* «комната». Новое слово создано путем замены иероглифа 室 на 質 *сицу* «качество». Такая ЯИ была использована для рекламы японской компании, занимающейся производством и продажей татами, которое является обязательным атрибутом комнаты в японском стиле. Таким образом, в сочетании 和質 соединяются значения «комната в японском стиле» и «японское качество».

(3) 兵和 *хэйва* [ネイキッドエイプ 2009, p. 35].

Сочетание создано на основе существующего слова 平和 *хэйва* «мир», «спокойствие», где 平 *хэй* – «мирный», «спокойный» и 和 *ва* – «гармония». Новое слово 兵和 появилось путем замены иероглифа «мирный» на 兵 *хэй* «солдат», «воин». Это название операции, проводимой полицией мира манги Dolls («Куклы»), которая проводилась для того, чтобы в империи Тото, в которой происходят события, воцарился мир, однако средством достижения этого мира становится армия, т. е. солдаты. В результате в одном слове сочетаются два прямо противоположных понятия.

Таким образом, замена знака приводит к умножению, наслаиванию значений за счет добавления семантики вводимого знака при од-

новременном сохранении исходного значения за счет фонетического облика, отсылающего реципиента к исходной лексической единице.

2. Присвоение иероглифу нового чтения

2а. Произвольное присвоение

(4) たての湖 *tatэ-но уми* Long Lake [トールキン 2000, p. 10].

Данное словосочетание используется в переводе повести английского писателя Дж. Р. Р. Толкиена «Хоббит» на японский язык. В оригинальном тексте присутствует топоним Long Lake. Иероглиф 湖 «озеро», которым переводится слово lake, не имеет чтения *уми*. Само же слово *уми* значит «море». Однако в японском переводе прибегли именно к чтению *уми*, что было сделано для акцентирования внимания читателя на размерах озера. Персонаж книги Бильбо называет его «огромным, словно море».

(5) 灯火 *акари* «свет» [林].

Обычно 灯火 читается *то:ка* или *томосиб*. Сочетание состоит из двух знаков: 灯 «искусственно зажженный огонь» и 火 «огонь», в итоге получается «зажженный кем-то огонь». Слово *акари* обозначает «свет, освещение». 灯火 с чтением *акари* употребляется в произведении Хаяси Фумико «Возвращение в деревню», в эпизоде, когда свет от уличного фонаря не дает заснуть героине. Таким образом, автор дает указание не только на явление, но и на источник его происхождения.

(6) 貴様 *аната* «ты» [鈴木 2014, p. 47].

(7) 貴方 *кисама* «ты» [鈴木 2014, p. 63].

Примеры (8) и (9) следует рассматривать вместе, так как в них передается прямо противоположное значение. Оба слова используются в манге «学園 K» («Академия K»). Сочетание 貴様 обычно читается *кисама* и используется в качестве очень грубого варианта «ты», иногда выполняя функцию инвективы. Ему присваивается чтение *аната*, являющееся достаточно вежливым вокативом. Персонаж, обращаясь к собеседнику подобным образом, подчеркивает свою учтивость, но при этом читатель видит, что на самом деле оппонент ему неприятен. 貴方, как правило, читается *аната*. Чтобы показать, что персонаж обязан обращаться к собеседнику уважительно, но в отдельной ситуации он под влиянием негативных эмоций оскорбляет собеседника, грубо к нему обращаясь, автор использует чтение *кисама*.

Таким образом, в (6) – (9) присваиваемое новое чтение делает акцент на определенной характеристике описываемого объекта.

(8) 逆刃刀 *конна катана* [和月].

Сочетание 逆刃刀 *сакабато*: представляет собой авторский неологизм и обозначает меч, заточенный с обратной стороны, которым пользуется персонаж манги «Рурони Кэнсин». В одной из реплик оно

снабжается фуриганой *こなかたな* *конна катана* «такой меч». Как в (10) и (11) фуригана передает речь персонажа, а иероглифы поясняют, что имел в виду автор.

В некоторых случаях иероглифы или их сочетания предполагается читать не на основе входящих в систему японского языка чтений, а как соотносящееся с семантикой иероглифов или обозначаемой ими японской лексемой заимствование. Последнее может быть как уже полноценной частью японской лексики, так и окказионализмом. Такой вид ЯИ особенно распространен в современных дискурсах в связи с растущей популярностью заимствований из других языков.

(9) 検索 *る гугуру* «искать в интернете, гуглить» [鈴木 2014, p. 145].

Сочетание 検索 читается *кэнсаку* и означает «поиск». Это слово является канго и не имеет окуруганы, в связи с отсутствием окончаний у существительных китайского происхождения. В данном случае сочетание в качестве чтения присваивается заимствование *гугуру*, произошедшее от английского слова to Google «искать в “Гугл”», «гуглить») и переоформившееся как глагол *ググる*.

(10) 人形 *до:ру* «Куклы» [ネイキッドエイブ 2009, p. 203].

人形 «кукла» читается *нингё:*. Новое чтение происходит от английского *doll* тж. «кукла». Данный пример взят из манги *Dolls* («Куклы»). Однако название записывается английским словом, а 人形 читается по-особенному в конкретной ситуации. Манга повествует о вымышленной империи Тото, где для борьбы с преступностью был принят новый закон, согласно которому суд может приговорить преступника к смертной казни еще до его поимки. Для исполнения таких приговоров были созданы специальные отряды полиции, одно из названий которых *Dolls*. 人形 приобретает чтение *до:ру*, когда идет речь о бездушности и безжалостности их членов. Такое употребление выполняет две задачи: указывает на характеристику персонажей, а также служит отсылкой к названию произведения.

26. Присвоение нового чтения через создание ребуса

(11) 春夏秋冬 *акинай-тю:* «открыто».

Как и в других подобных случаях, сочетание иероглифов интерпретируется как фраза, которую, правда, надо суметь построить. Здесь первые три знака представляют собой наименования времен года: «весна», «лето» и «зима», соответственно, и получается, что отсутствует осень. Последнее по-японски звучит *秋が無い аки га най*. В разговорной речи падежный показатель «га» часто опускается, остается *аки най*, что омонимично слову *商い акинай* «торговля». Таким образом, сочетание получает значение «торговля ведется», т. е. «открыто» (о магазине).

(12) 様様様様 *ёнсама* [Ананьев, Табада, 2017, p. 20].

В сочетании четыре раза повторяется знак 様 *сама*, обозначающий вежливый суффикс; ён в чтении значит «четыре», таким образом, ёнсама можно интерпретировать, как «четыре [иероглифа] сама», однако на самом деле Ён-сама – это ласковое прозвище корейского актера Пэ Ёнджуна, при этом квадрипликация очень вежливого суффикса, очевидно, отражает восторженное отношение к последнему.

Таким образом, фраза, зашифрованная в иероглифическом ребусе, представляет собой омоним некоторой лексической единицы, и в целом механизм аналогичен образованию дзюкудзюкун с тем отличием, что здесь он осложнен загадкой, решение которой создает необходимый прагматический эффект.

Кроме того, отмечаются случаи совмещения фонетического письма со смысловым.

(13) 離妻苦留 *рисайкуру* [Ананьев, Табада, 2017, р. 20].

В сочетание входят знаки 離 *ри* «отдаляться», 妻 *сай* «жена», 苦 *ку* «страдание» и 留 *ру* «оставаться». Общее значение иероглифического сочетания «душа уже охладела [по отношению к мужу, и вместе быть] неприятно, [но по каким-то причинам] жена с ним остается», но смысл ЯИ в том, что так записывается заимствование リサイクル *рисайкуру* от английского recycle «повторное использование», «переработка материалов».

Подводя итоги, следует отметить, что использование атэдзи является удобным и популярным средством реализации языковой игры в японском языке, что обуславливает необходимость дальнейшего изучения данного феномена.

Литература

Ананьев В. В., Табада Л. Ч. Структурные характеристики четырехзначных сложных слов (ёдзидзюкуго) в японском языке // Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 18–20 окт. 2017 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 14–21.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.

Соколов А. Н., И. Ф. Вардуль. Явление аморфемности в японском иероглифическом письме // Японский язык : сб. ст. М. : Изд-во вост. лит., 1963. С. 121–132.

Сосланд А. В. Концепт «игра» в свете аттрактив-анализа // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2006. С. 98–110.

Хэйзинга Й. Человек играющий. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 400 с.

Taylor I., Taylor M. Writing and Literacy in Chinese, Korean and Japanese: Revised Edition. Amsterdam : John Benjamins Publishing company, 2014. 487 p.

アエラ 週刊. 東京: 朝日新聞出版, 2012. 203 p.

鈴木 次郎. 学園 K 漫画単行本. 東京: スクウェア・エニックス刊, 2014. 300 p.

トールキン J. R. R. ホビットの冒険・上 / 瀬田貞二訳. 東京: 岩波少年文庫, 2012. 330 p.

当て字魚詞母海蕎袋. 日本のことば遊び. URL: <https://japanknowledge.com/articles/asobi/13.html> (アクセス日付 2018年2月26日).

ネイキッドエイブ 「DOLLS」漫画単行本. 東京: スクウェア・エニックス刊, 2009. – 234 p.

林 芙美子. 田舎がえり. 青空文庫. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000291/files/42332_16283.html (アクセス日付 2018年2月23日).

和月 伸宏. るろうに剣心 STARTER BOOK 1. デジタルカタバルト株式会社. 2009–2018. URL: https://sokuyomi.jp/product/rurouniken_004/CO/1/ (アクセス日付 2018年1月5日).

УДК 31

В. А. Безвербный, М. Н. Храмова, А. С. Максимова

Институт социально-политических исследований РАН, Москва

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РЫНКОВ ТРУДА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли и положения российской молодежи на региональных рынках труда приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока. Рассмотрена социально-демографическая характеристика и возрастные границы молодежи как категории населения. Приведены статистические данные о численности и структуры занятой молодежи по возрастным группам, а также доли молодежи в структуре безработных граждан. Проанализированы особенности и основные направления трудовой миграции российской молодежи. Рассмотрены причины и последствия миграционного оттока молодежи Сибири и Дальнего Востока в условиях демографического кризиса и потребностей рынков труда данных регионов.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, трудовая миграция, демографическое развитие, приграничные территории, Сибирь, Дальний Восток.

V. Bezverbny, M. Khramova, A. Maksimova

Institute of Social and Political Studies of the RAS, Moscow

LABOR MIGRATION OF THE RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF LABOR MARKETS DEVELOPMENT IN THE FRONTIER REGIONS OF SIBERIA AND THE FAR EAST

Abstract. The article is devoted to the study of the role and position of Russian youth in the regional labor markets of the border territories of Siberia and the Far East. The socio-demographic characteristics and age boundaries of youth as a category of population are considered. Statistical data on the number and structure of employed youth by age groups, as well as the share of youth in the structure of unemployed citizens, are given. Features and main directions of labor migration of Russian youth are analyzed. In conclusion, the causes and consequences of the migration outflow of the youth of Siberia and the Far East in the conditions of the demographic crisis and the needs of the labor markets of these regions are examined.

Keywords: youth, labor market, labor migration, demographic development, border regions, Siberia, Far East.

Молодежь представляет собой социальную категорию для обозначения определенной возрастной группы, включающую социокультурные особенности, а также ценностные и поколенческие характеристики, отличающие эту группу от более ранних (дети и подростки) и более поздних (взрослые) возрастных групп [Демографическая энциклопедия, 2013, с. 487]. В Докладе о мировом развитии к молодежи относят лиц в возрасте 12–24 года, поскольку в данном возрастном периоде происходит переход от половой зрелости к экономической самостоятельности [Доклад о мировом развитии, с. 2]. В соответствии с Законом г. Москвы № 39 «О молодежи» от 30 сентября 2009 г., возрастные границы данной социально-демографической группы определяются в пределах от 14 до 30 лет. В статистических массивах информации пятилетние возрастные группы позволяют получить данные о группе, ограниченной возрастом от 15 до 29 лет. Поэтому в данной работе в качестве молодежи будет рассматриваться социально-демографическая группа в возрасте 15–30 лет.

Молодежный рынок труда и трудовая миграция молодежи продолжают оставаться в центре интереса исследователей, поскольку данная возрастная группа связана с высоким потенциалом развития экономики и страны в целом, а регуляция направлений ее развития позволяет прогнозировать и наращивать человеческий капитал в ближайшем будущем.

Учет временной трудовой миграции является более сложной статистической задачей, чем учет миграции на постоянное место жительства в первую очередь по причине того, что регистрация акта трудовой миграции (в особенности на внутригосударственном уровне) гораздо более сложная, чем регистрация акта переезда на постоянное место жительства. В связи с этим официальной статистической информации о трудовой миграции конкретной социально-демографической группы – молодежи – достаточно мало. Кроме того, в настоящее время учитываются не сами мигранты, а акты миграции, поэтому по имеющейся информации можно судить о количестве трудовых мигрантов с учетом того, что лицо, повторно переезжающее для трудоустройства, снова «примеряет» на себя роль трудового мигранта и учитывается повторно.

Среди множества источников информации о рынке труда и трудовой миграции преимущество выборочных обследований для изучения новых форм трудоустройства молодежи, а также связанной с данным трудоустройством трудовой мобильности очевидно. Однако обратимся для начала к официальным российским статистическим источникам информации. Это в первую очередь данные выборочного обследования рабочей силы, отчетность предприятий и данные переписей населения.

В общей численности рабочей силы в 2017 г. на долю лиц в возрасте 15–29 лет приходилось 21,5 %, а в численности занятых – 20,6 %

(табл. 1). Среди занятой молодежи на долю тех, кто имеет высшее образование, приходится 36 %, а на долю лиц, не имеющих основного общего образования, – 0,3 %, основную же группу представляют лица, имеющие среднее профессиональное образование, их 41 %. Это связано с незавершенным процессом получения образования большой доли лиц в данном возрастном интервале.

Таблица 1

Численность и структура занятой молодежи по возрастным группам, 2017 г., тыс. чел.

	Численность занятых	В том числе имеют образование				
		высшее	среднее профессиональное	среднее общее	основное общее	не имеют основного общего
Всего	72 316	24 761	32 409	12 566	2417	164
до 20	384	0,2	72	210	86	16
20–24	4108	982	1898	1037	182	9
25–29	10 417	4391	4103	1601	303	19
Всего в возрасте до 29	14 909	5373	6073	2848	570	44
Доля в общей численности занятых, %	20,6	22	19	23	24	27

По данным обследования рабочей силы, среди безработных молодежь оставляет более трети. Вместе с тем доля лиц моложе 30 лет в структуре безработных остается достаточно стабильной: с 2000 г. она находится в пределах 39–42 % (рис. 1), из них большую долю занимают лица в возрасте 20–24 года. Средний возраст безработных на протяжении указанного периода – 34–36 лет. При этом существенных гендерных диспропорций не наблюдается. Отсутствие колебаний доли молодежи в общей численности безработных говорит о системной проблеме трудоустройства молодых людей, поскольку они менее конкурентоспособны на рынке труда по сравнению с другими категориями безработных: имеют меньший опыт или вовсе его не имеют, только закончили процесс получения образования. Молодежь в период экономических спадов и кризисов является наиболее уязвимой группой на рынке труда.

Средняя продолжительность поиска работы молодыми людьми на 15–20 % (или на 1,0–1,5 месяцев) ниже, чем в среднем по безработным. Это справедливо как для мужчин, так и для женщин. Однако женщины пребывают в статусе безработных дольше, чем мужчины, что регистрируется и среди безработной молодежи в том числе (рис. 2).

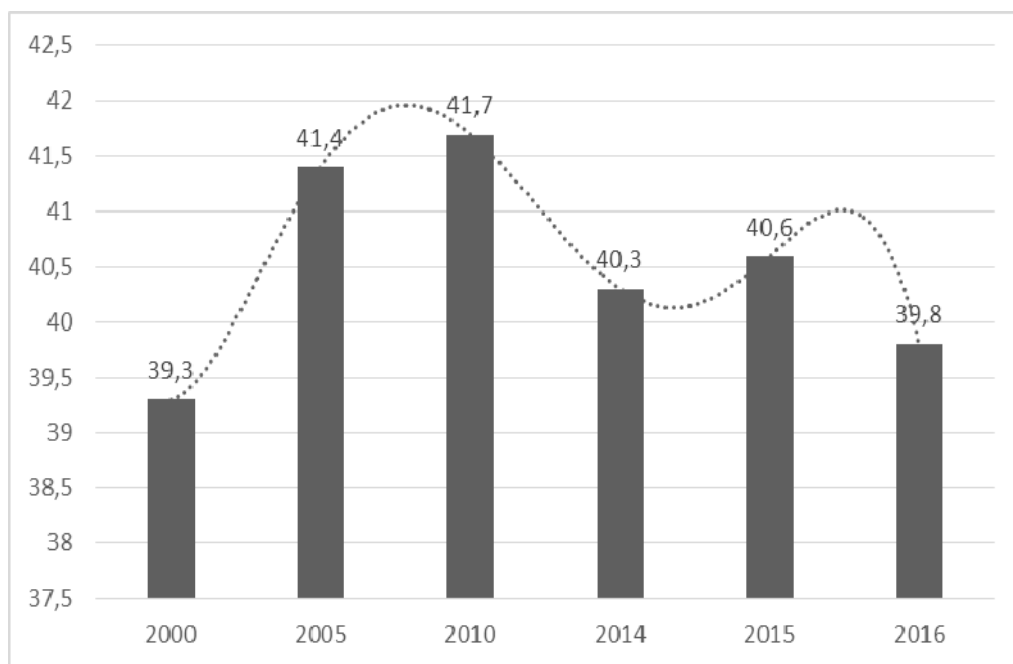

Рис. 1. Доля молодежи среди безработных, 2000–2016 гг.
[Российский статистический ежегодник, 2006, 2017]

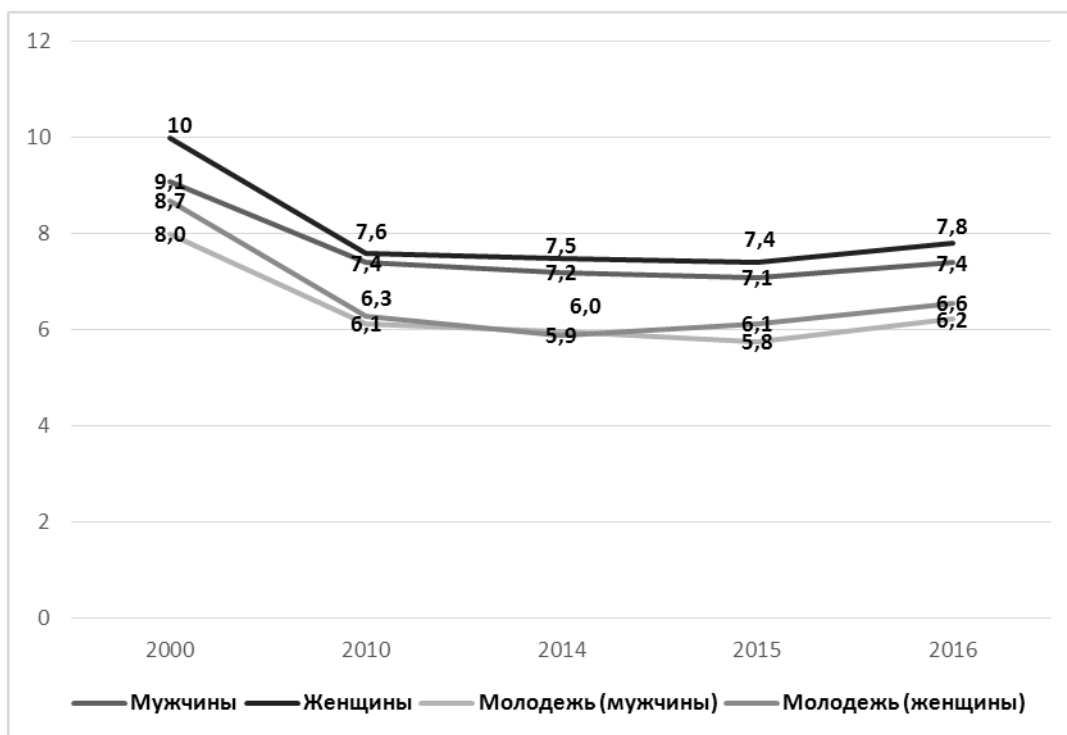

Рис. 2 . Средняя продолжительность поиска работы, 2000–2016 гг., мес.
[Российский статистический ежегодник, 2017]

По данным опросов, среди молодежи «53 % стремится в первую очередь к обогащению и достижению быстрого материального благополучия» [Гегель, 2011, с. 14]. Одни рассматривают этот процесс как этапный, первым шагом которого является получение образования, другие – как хаотичный, состоящий из внезапных возможностей.

Именно стремление к обогащению, даже наряду с возможностью трудоустройства на территории населенного пункта постоянного проживания, ведет к формированию миграционных намерений у молодых людей, направленных на выезд за пределы населенного пункта постоянного проживания. Кроме того, отмечается «повышение интереса к карьерному росту и снижение – к профессиональной реализации» [Колесникова, 2008, с. 62]. Молодежь как наиболее социально активная часть населения также стремится к эмиграции на работу или учебу, поскольку получение образования более высокого уровня (образование, полученное в более развитых странах, всегда рассматривается как более качественное и престижное) воспринимается как социальный лифт. По официальным данным за 2017 г., среди эмигрантов, имевших российское гражданство, 29 % составили лица в возрасте от 15 до 29 лет [Росстат].

Исследование достижительных стратегий и построенная типология стилей жизни молодых людей позволяют выделить следующие типы: «масса», «умники», «продвинутые», «реальные пацаны», «новые бедные» [Паутова, 2010, с. 34]. С точки зрения реализации основных стратегий, характерных для каждого из указанных стилей жизни, активные миграционные установки прежде всего формируются у «умников» и «продвинутых». Они «обладают наибольшим запасом человеческого капитала», что обусловлено в первую очередь «статусом родительской семьи», а во вторую – «их личными социально-психологическими установками» [Там же, с. 34]. В приоритете данных групп находятся социальная успешность и инновационные ценности, предпочитаемые традиционным ценностям и социальному неуспеху. Подобные группы представляются наиболее социально активными, в противовес трем другим вышеупомянутым, что в контексте трудоустройства предполагает активные позиции и вовлечение в новые, не традиционные, формы занятости и трудовой мобильности.

В то же время «молодежь не спешит занять свободные рабочие места на предприятиях со старым оборудованием, плохими условиями труда» [Колесникова, 2008, с. 60], а ввиду значительного сокращения предприятий производства и введения автоматизации процесса производства молодежь постепенно вытесняется из сферы материального производства. Наряду с этим регулярно появляются новые формы трудоустройства и виды занятости, что влечет за собой трансформацию форм трудовой мобильности, такие как фрилансерство, работа на дому, телетруд, заемный труд (аутстаффинг, лизинг), работа на условиях аутсорсинга, поденная работа и работа по вызову [Маслова, 2016, с. 91]. При удаленной работе работодатель и работник могут находиться как в пределах одного населенного пункта, так и в разных, в том числе весьма удаленных друг от друга населенных пунктах. Взаимодействие ра-

ботодателя и работника при этом происходит либо при регулярных очных встречах, либо с помощью телефона и интернета, либо комбинированно.

Важным источником информации является перепись населения, данные которой дают возможности изучить некоторые аспекты процесса трудовой миграции (в том числе маятниковой) в совокупности со срезом социально-демографических характеристик контингента трудовых мигрантов. Преимущество этого источника информации еще и в том, что удастся зафиксировать не сам акт миграции, а количество акторов-мигрантов. В вопроснике последней проведенной на территории России переписи 2010 г. трудовая миграция отражалась вопросом о совпадении населенного пункта/субъекта постоянного проживания опрашиваемого и населенного пункта/субъекта его трудоустройства. Кроме того, ставилась отметка в случае, если респондент работает за пределами России. В общей численности занятых в процесс трудовой миграции на тот период было вовлечено 14,6 % занятых. Среди молодежи этот показатель был почти в два раза ниже.

Доля молодежи в возрасте 15–29 лет, работавшей за пределами населенного пункта постоянного проживания (работой считалась любая деятельность, приносящая доход в период 7–10 октября 2010 г.), составила 7,3 % занятых (табл. 2).

Таблица 2

Трудовая миграция молодежи по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. по однолетним возрастным группам*

Возрастная группа, лет	Всего занятых, чел.	Из них трудовых мигрантов, чел.	Доля трудовых мигрантов в общей численности занятых, %	Доля трудовых мигрантов, выезжающих за пределы области (авт. округа, края, республики) в общей численности мигрантов, %	Доля трудовых мигрантов, выезжающих за пределы области (авт. округа, края, республики) в общей численности занятых, %
15–19	319 315	20 683	6,5	28,4	1,8
20–24	1 615 441	127 026	7,9	29,9	2,3
25–29	2 025 320	141 528	7,0	31,2	2,2
Всего в группе 15–29 лет	3 960 076	289 237	7,3	30,4	2,2

* Составлена по [Всероссийская перепись населения ...].

В крайних однолетних возрастных группах в пределах 15–29 лет доля трудовых мигрантов в общей численности занятых данной однолетней группы минимальна. Максимальных значений доля мигрантов

достигает в возрастных группах 22 и 23 года – 8,1 и 8,0 % соответственно. В процесс межрегиональной трудовой миграции вовлечено 2,2 % работающей молодежи. В пределах своего субъекта выезжали на оплачиваемую работу 69,6 % трудовых мигрантов, остальные находили работу только за пределами субъекта постоянного проживания. В региональном разрезе вовлеченность молодежи в процесс трудовой миграции выше в Московской и Ленинградской области. Однако подобная тенденция объясняется высоким уровнем ежедневной маятниковой миграции в мегаполисы.

В этом контексте особенно актуальной является проблема центростремительных миграционных потоков российской молодежи из стратегических территорий страны, что усиливает и без того кризисную демографическую ситуацию Сибири и Дальнего Востока. К числу приграничных принято относить 47 регионов РФ, которые можно условно разбить на три группы, исходя из давности формирования границ: 18 регионов со старыми границами (сформированными еще до распада Советского Союза); 26 регионов с новыми границами (образованными в результате распада СССР) и 3 региона – Калининградская область, Ленинградская область и Республика Алтай – с новыми и старыми границами. Из 12 регионов, образующих Сибирский федеральный округ (СФО), приграничными являются 8. В Дальневосточном федеральном округе (ДФО) все 9 регионов относятся к приграничным. Список приграничных регионов СФО и ДФО, а также динамика численности населения в 2000–2017 гг. представлены в табл. 3.

Если сравнивать абсолютную численность населения в 2000 и 2017 г., то становится очевидным, что только четыре приграничных региона показывают положительную динамику, притом еще достаточно неустойчивую: Республика Алтай, Республика Тыва, Новосибирская область и Республика Саха (Якутия). Позитивные тенденции наметились лишь в последние несколько лет. С другой стороны, все остальные 13 регионов характеризуются снижением численности населения. Наибольшие потери понесли Магаданская и Амурская области, Камчатский край, Еврейская АО, а также Чукотский АО.

Изменение численности населения за рассматриваемый период происходило под влиянием естественного и миграционного движения. Так, в 2016 г. только три региона – Республика Алтай, Красноярский край и Новосибирская область – характеризовались как естественным, так и миграционным приростом; Алтайский край, Приморский край, Амурская и Магаданская области, а также Еврейская АО показывали естественную и миграционную убыль, для остальных приграничных регионов наблюдалась естественная убыль при незначительном миграционном приросте (рассчитано по: [Доклад о мировом развитии ...]).

Таблица 3

Динамика численности населения приграничных регионов
Сибири и Дальнего Востока России в 2000–2017 гг.,
на 1 января соответствующего года, тыс. чел. *

Регион	Год										Отношение 2017 г. к 2000 г., %
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Республика Алтай	202	203	205	207	209	210	211	214	215	217	107,4
Республика Бурятия	1005	971	970	972	971	972	974	978	982	984	97,1
Республика Тыва	306	304	307	308	309	310	312	314	316	318	103,9
Алтайский край	2652	2539	2431	2417	2407	2399	2391	2385	2377	2366	89,2
Забайкальский край	1193	1133	1109	1106	1100	1095	1090	1087	1083	1079	90,4
Красноярский край	3022	2902	2833	2829	2838	2847	2853	2859	2866	2875	95,1
Новосибирская область	2725	2666	2662	2666	2687	2710	2731	2747	2762	2780	102,0
Омская область	2136	2034	1984	1977	1975	1974	1974	1978	1978	1973	92,4
Республика Саха (Якутия)	963	953	959	958	956	956	955	957	960	963	100,0
Камчатский край	372	344	323	322	320	320	320	317	316	315	84,7
Приморский край	2141	2028	1965	1953	1951	1947	1938	1933	1929	1923	89,8
Хабаровский край	1474	1397	1349	1343	1342	1342	1340	1338	1335	1333	90,4
Амурская область	936	874	835	829	821	817	811	810	806	802	85,7
Магаданская область	202	174	159	156	155	152	150	148	146	146	72,3
Сахалинская область	569	530	501	497	495	494	491	488	487	487	85,6
Еврейская автономная область	195	186	178	176	175	173	171	169	166	164	84,1
Чукотский автономный округ	61	52	51	51	51	51	51	51	50	50	82,0

* Составлена по [Численность и миграция ...]

Сохранение в течение длительного времени негативных тенденций в демографических процессах неминуемо привело к деформации возрастной структуры населения. Характерной особенностью возрастной

структуры населения регионов Сибири и Дальнего Востока в советский период являлась более высокая по сравнению со средними показателями доля лиц в трудоспособных возрастах. Активное освоение природного потенциала требовало привлечения молодых и квалифицированных специалистов, большинство из которых впоследствии оставались в регионе. Однако за постсоветский период это различие совершенно исчезло.

Существенный миграционный отток, низкая рождаемость и увеличение продолжительности жизни населения привели за достаточно короткий промежуток времени к увеличению абсолютной и относительной доли лиц пожилого возраста. Вкупе с достаточно малочисленным поколением детей, родившихся в 1990-х гг., это стало причиной ускоренного старения населения приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока. Относительно «молодое» население при высокой доле лиц трудоспособного возраста все еще сохраняется в Чукотском АО (средний возраст 34,9 года против среднероссийского значения 39,7 лет), а также в Республике Саха (Якутия). В то же время в работе С. А. Сукнева [2016] отмечается, что в Якутии лишь за четверть века доля лиц старше трудоспособного возраста выросла практически в 2,5 раза: с 6,7 % в 1990 г. до 15,1 % в 2015 г. В качестве положительного момента можно отметить то, что, по сравнению со среднероссийскими значениями, в национальных республиках Сибири и Дальнего Востока все еще достаточно высока доля населения моложе трудоспособного возраста.

Возрастная структура населения является одной из важнейших характеристик трудового потенциала региона. Понятно, что произошедшие структурные сдвиги привели к снижению резервов пополнения трудовых ресурсов, а также собственно к их старению. Изменился и качественный состав трудовых ресурсов. Миграционный отток трудовых мигрантов молодого возраста усиливает негативный эффект данных тенденций. Это, в свою очередь, накладывает серьезные ограничения на возможности ускоренного социально-экономического развития приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00699.

Литература

Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

Гегель Л. А. Ценностные ориентации молодых россиян: новые тенденции // Молодежь и инновационное развитие России : сб. науч. ст. на основе материалов науч. конф. М. : Моск. гуманит. ун-т, 2011. С. 10–19.

Демографическая энциклопедия. М. : Энциклопедия, 2013. 944 с.

Доклад о мировом развитии 2007 г. Проблемы молодого поколения в контексте развития [Электронный ресурс] / Всемир. банк. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2007/Resources/1489782-1158107976655/overview-ru.pdf>.

Колесникова О. А. Молодежь на региональном рынке труда [Электронный ресурс] // Аккредитация в образовании. 2008. С. 60–62. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12871059_32789437.pdf.

Маслова Е. С. Развитие нестандартных форм занятости молодежи как инструмент повышения эффективности трудоустройства // Вестн. ВГУ. Сер. Экономика и упр. 2016. № 3. С. 88–92.

О молодежи [Электронный ресурс]: закон г. Москвы от 30 сент. 2009 г. № 39. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/292905/>.

Паутова Л. А. Молодежная сегментация: опыт фонда «Общественное мнение» [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5(99). URL: [https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5\(99\)_3_Pautova.pdf](https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5(99)_3_Pautova.pdf).

Российский статистический ежегодник 2006, 2017 [Электронный ресурс] // Росстат: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm (дата обращения: 23.03.2018).

Росстат [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm.

Сукнева С. А. Влияние миграции на изменение численности и состава населения Республики Саха (Якутия) // Демографическое развитие российского Дальнего Востока: сб. ст. Сер. Демография. Социология. Экономика / под ред. С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой. М.: Экон-Информ, 2016. Т. 2, № 1. С. 138–148.

Численность и миграция населения Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 28.03.2018).

УДК 81`22

О. А. Булнаева

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ КИТАЙСКОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА)

Аннотация. Статья посвящена изучению этнокогнитивных характеристик китайского делового дискурса в жанре письменной коммуникации, в формате письма. Уточняются актуальные аспекты изучения китайской деловой коммуникации в контексте межкультурной коммуникации, факторы эффективности коммуникации, природа коммуникативных неудач. В ходе анализа сравнительно-сопоставительного плана языкового содержательного наполнения универсального формата письма на материале преимущественно эталонных текстов, устанавливаются такие специфические характеристики, как значимость категории вежливости, придающей комплиментарность сообщению; частотность гоноративной лексики, специальных обращений и формул вежливости, использование вэньянизмов, глагольно-именных сочетаний, неличный способ изложения, развитие тема-рематической структуры на основе обобщенной темы. Делается вывод о важности разработки когнитивных оснований в возникающих диссонансах с учётом контекста и параметров межкультурного диалога в сфере письменной деловой коммуникации.

Ключевые слова: китайский язык, деловой дискурс, китайский деловой дискурс, деловое письмо, этнокультурный анализ.

**ETHNOCULTURAL CHARACTERISTICS OF A BUSINESS LETTER
(BASED ON CHINESE BUSINESS DISCOURSE TEXTS)**

Abstract. The article is devoted to the study of the ethnocognitive characteristics of Chinese business discourse in the genre of written communication, in the format of the letter. It gives a detailed analysis of actual aspects of studying Chinese business communication in the context of intercultural communication, the factors of the effectiveness of communication and the nature of communicative failure. The article gives a comparative analysis of the linguistic content of the universal format of writing, which is mostly based on standard texts. It is shown that the universal format of Chinese business letter has specific characteristics: high frequency of the politeness vocabulary and special phrases, the use of Classical Chinese and verb-noun combinations, the non-personal way of presentation, the theme-rheme structure with a generalized theme. The following conclusions are drawn: it is important to develop a cognitive base in emerging dissonances, taking into account the context and parameters of intercultural dialogue in the business sphere of written business communication.

Keywords: Chinese language, business discourse, Chinese business discourse, business letter, ethnocultural analysis.

В свете расширения межнациональных контактов [Макеева, 2010], а также интереса к проблемам межкультурного взаимодействия в деловой и дипломатической сферах [Васильева, 2018], изучение проблем деловой коммуникации в этнокультурном аспекте, в том числе в русле российско-китайского делового взаимодействия, все больше привлекает исследовательский интерес. В современных работах определяются основные характеристики официально-делового стиля современного китайского языка [Сарина, 2017], устанавливаются особенности текстов китайского делового письма [Гвоздева, 2010], изучаются способы перевода деловой корреспонденции на материале китайского языка [Дюг, 2017], а также особенности употребления гоноративной лексики в китайском официально-деловом письменном дискурсе [Гвоздева, 2011]. Дискуссионным аспектом в данной сфере исследований является учет фактора различий в письменной риторике, при этом устанавливается специфика китайской риторической модели [Kaplan, 1966], рассматриваются причины коммуникативных неудач в деловой переписке между носителями китайской и американской лингвокультур [Campbell, 1998] и трудности перевода в процессе взаимодействия культур [Карачева, 2017], выявляются такие культурные особенности деловой переписки китайцев, как чрезмерная иллокутивная сила благодарности, а также зависимость используемых речевых актов от понимания социокультурного контекста ситуации [Шеина, 2011].

При этом вопрос об этнокультурных характеристиках китайского делового письма, и в частности проблемы диссонансов, выявляемых в контексте межкультурной деловой письменной коммуникации, не был предметом специального анализа. Актуальность исследования, таким образом, определяется важностью дальнейшего изучения этнокультур-

ных характеристик деловой коммуникации, в том числе письменной деловой коммуникации, с учётом контекста и параметров межкультурного диалога в деловой сфере на основе когнитивно-коммуникативного подхода к дискурсу.

Цель нашей работы – исследование основных этнокультурных характеристик делового дискурса в текстах деловых писем на китайском языке в параметрах межкультурного делового взаимодействия. Задачи анализа в рамках данной статьи состоят в том, чтобы установить основные этнокультурные черты китайского делового письменного дискурса в жанре делового письма.

Уточним ключевые понятия исследования. Под термином «дискурс» понимается связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами. Дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 2002], «стиль и способ размышления» [Фуко, 2004] и, как следствие, структурирования письменного изложения.

С позиций социолингвистики В. И. Карасик (2000) выделяет два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный), в котором говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, и институциональный, представляющий собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участников общения. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты).

Деловой дискурс выделяется как один из видов институционального дискурса. Наиболее общей целью делового дискурса можно назвать установление взаимовыгодных деловых отношений между организациями. В рамках делового дискурса клиенты не отличаются от агентов, так как деловая коммуникация предполагает равноправные партнерские отношения. Деловой дискурс есть процесс творческого следования норме, которая диктуется и познается через «профессиональную» картину мира, актуализированную через базисные понятия деловой культуры, профессионально направленные идеи и концепты, нормы институционального и межличностного поведения, детерминирующие деловое общение, ценностные ориентации [Шлёпкина, 2011]. В деловом дискурсе, в зависимости от характеристик коммуникативной ситуации (устное или письменное общение, цели коммуникации, статус участников и т. д.), можно выделить различные жанры, которые характеризуются более жестким отбором языковых средств и дискурсивных стратегий.

Понятие «жанра» дискурса является важным понятием в анализе делового дискурса. Жанр определяется М. М. Бахтиным [1996] как относительно устойчивый тип высказывания. Деловая переписка как жанр де-

лового дискурса преследует единую практическую цель – формирование и регламентацию деловых отношений, способствующих удовлетворению институциональных или частных интересов [Ширяева, 2008].

Следовательно, деловое письмо – это средство воздействия на адресата, прогнозирующее результат этого воздействия. Общей прагматической целью автора является воздействие на адресата, а языковые средства, реализующие эту цель, формируют ту или иную коммуникативно-прагматическую функцию письма, которая и позволяет адресату интерпретировать деловое письмо – просьбу, требование, благодарность, извинение, жалобу и т. п. Автору делового письма следует постоянно придерживаться принятых норм, актуализирующихся через определенные концепты, правила институционального общения, формулы, базисные понятия.

При исследовании делового дискурса будем исходить из гипотезы о том, что деловой дискурс и деловое письмо как его жанр имеют культурологическое обоснование в этнокультуре, к которой они принадлежат. Данный этнокогнитивный, лингвокультурологический фактор изучается в этнолингвистике, когнитивной лингвистике, теории межкультурной коммуникации, лингвокультурологии. В лингвокультурологии, которая определяется как «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанная с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных, 2002], делается акцент на культурно обусловленной семантике в знаковых системах, прежде всего в дискурсе. Использование лингвокогнитивного подхода к коммуникации позволяет проанализировать как ее общелингвистический аспект, так и национально-детерминированный компонент. В. В. Красных [2002] настаивает на общности дисциплин этнопсихолингвистики и лингвокультурологии, утверждая общность их проблем, считая теоретической предпосылкой возникновения этнопсихолингвистики и лингвокультурологии гипотезу Э. Сепира – Б. Л. Уорфа. Однако ее истоки восходят еще к воззрениям В. фон Гумбольдта, сформулировавшего положение о взаимосвязи характера языка и характера народа в понятии «язык – дух народа»: язык представляет собой одновременно и «энергон» (инструмент, орудие) и «энергейю», особое мировидение.

Развитие форм и способов коммуникации является важнейшим аспектом культурной истории человечества. Каждый этнос исторически демонстрирует свой способ освоения действительности, в котором соединены природные условия и опыт поколений. Таким образом, определенные черты этноса формируются в результате преемственности культуры. Е. М. Богучарский [2011] полагает, что целостность этноса

определяется одной из самых важных его характеристик – ментальностью, т. е. присущим данному сообществу способом ориентироваться в социальном и природном мире, а также особой коммуникативной культурой, отражающей отличительный коммуникативный стиль, риторические стратегии общения, взаимодействия и убеждения.

Коммуникативная культура Китая опирается на конфуцианские и даосистские этические принципы. Согласно этим принципам, человек должен идти путем золотой середины, быть уравновешенным, сдерживать проявление эмоций, знать свое место, не нарушать установленный порядок, не выставлять свои достоинства напоказ [Селезнева, 2002]. Со времен становления идей конфуцианства и по настоящее время в восприятии носителя китайской этнокультуры прогнозирование и планирование базируется на прошлом опыте и уверенности в неизменности традиций [Сарина, 2017]. Анализируя сочинения китайских студентов на английском языке, Г. Цай [1998] приходит к выводу о том, что отличительной особенностью, переносимой китайцами на английское письмо, и не свойственной носителям американской лингвокультуры, является широкое использование цитаций и отсылок к прошлому, т. е. следование принципам 旁征博引 – «широко использовать и богато цитировать [материал]» и 引经据典 – «цитировать каноны и опираться на классиков». Данное явление обусловлено уважением к власти, традиционным ценностям, социальным нормам, а также стремлением к выражению вежливости. Конечной целью китайской письменной традиции, в соответствии с конфуцианскими ценностями [Кобжицкая, 2015], становится не декларирование различий и индивидуальности, а поддержание норм, традиций, гармонии и выражение уважения вышестоящим. Исследуя вопросы обучения чтению древнекитайских текстов на вэньяне, Т. Е. Шишмарева и др. [2017] отмечают, что вэньянизмы являются неотъемлемой составляющей текстов современного официально-делового стиля китайского языка. Данные положения целесообразно считать основными в дальнейшем изучении китайской письменной деловой культуры.

Проведенный этнокультурный анализ 60 текстов деловых писем на китайском языке, представленных эталонными текстами деловой переписки, позволил выявить следующие этнокультурные характеристики делового дискурса в текстах деловых писем на китайском языке:

- 1) особенности языковой лексической реализации кода письменного делового сообщения, лексических маркеров жанра в оформлении обращений и формул вежливости, использовании вэньянизмов и глагольно-именных словосочетаний;

- 2) неличный характер изложения и тема-рематическая структура с обобщенной темой [Булнаева, 2018].

В качестве примеров проявления выявленных этнокультурных характеристик китайского делового дискурса в процессе коммуникации рассмотрим переводы деловых писем с английского на китайский язык, предложенные носителями китайской лингвокультуры на запрос носителей англоязычной лингвокультуры.

Проанализируем перевод следующего письма студента, отправляющегося в Сямэньский университет, адресованного администрации университета. Причиной отправки данного письма является желание адресанта уточнить некоторые детали своего прибытия в Китай и учебы («I need to post the questions below to the University's administrator as the instructions sent to us were somehow vague»):

Hello sir. Thank you for the Admission Notice you sent to me last month. I would appreciate it if you can briefly answer the following questions for me:

1. When is a good time to arrive in Xiamen? Your instruction says that I have to be there to register on February 19–20, 2005. Should I arrive before the 19th to fix my residence permit and all that?

2. When does our Mandarin class officially begin?

3. How soon can the dorms be available for us? If I arrive on or before the 19th, would I have to check-in a hotel first or do I go straight to the campus to register, with luggage in tow and all that.

4. Can i pay my tuition using a visa credit card?

5. What other things or papers do I have to bring?

6. Is there an ATM inside the campus? If none, what atm is the nearest or most accessible? What is the name of the bank that owns this atm?

7. Do we have a say in choosing a roommate? If so, I would prefer rooming with someone who cannot speak English and if possible, not a Filipino like me.

Thank you so much. I look forward meeting you and studying in your school.

Kind regards,

Karen

尊敬的先生/女士:

您好!

谢谢您上个月寄给我的入学通知书。我有如下几个问题, 请您在百忙中给予回复。

1. 什么时候抵达厦门比较好? 您在通知书说我必须在 2005 年 2 月 19–20 日内注册, 那么我是否必须在 19 日之前处理好我的居留证等等?

2. 我们的普通话课从什么时候正式开始?

3. 什么时候学校才能分给我宿舍？假如我在 19 日前到达学校，我是否可以带着我的行李直接在学校注册或我需要在酒店先预定房间？

4. 我可以用 VISA 卡付我的学费吗？

5. 校内是否有自动取款机？如果没有，附近的自动取款机是哪家银行？请告之银行的名称。

6. 我是否可以自己选择室友？我想和一个不会说英文的人一起住，最好不是和我一样也是菲律宾人。

望您能尽快回复，谢谢！

此致

敬礼！

Karen

В китайском письме использовано стандартное обращение *尊敬的先生/女士* – «*уважаемый господин/госпожа*», а также приветствие *您好！* – «*здравствуйте (Вы)*», что придает письму на китайском большую степень выражения вежливости по сравнению с английским оригиналом, в котором было использовано *Hello sir* – «*Здравствуйте (сэр)*». В заключительной части письма на китайском также используются стандартные формулы вежливости: *谢谢！* – «*спасибо*», *此致敬礼！* – «*настоящим выражаем уважение*».

В письме использованы *вэньянизмы*: *如下* – «*как ниже следует, нижеследующий*», *百忙中* – «*при всей занятости*» (дословно: «*внутри сотни хлопот*»), *望* – «*быть в ожидании, ждать*», а также вышеупомянутое *此致敬礼*.

Глагольно-именные сочетания, характеризующие китайский деловой дискурс, представлены, например, *给予回复* – «*предоставлять ответ*», *抵达厦门* – «*прибыть в Сямынь*», *分给我宿舍* – «*выделить мне общежитие*», *到达学校* – «*добраться до университета*», *告之银行的名称* – «*сообщить название банка*».

Основная часть письма направлена на достижение прагматической цели адресанта – получение требуемой информации о предстоящей поездке от адресата. Текст письма представляет собой тематическую структуру с обобщенной темой, в качестве которой выступает просьба ответить на вопросы.

Приведем также перевод письма-благодарности врачу, проводившему операцию родственнику адресанта («*A family member recently had a very serious surgery. I wanted to write a letter to his doctor, to thank him!*»):

I would like to thank you for your hard work, and assistance in helping my grandfather. We are very grateful for your efforts.

您好。

感谢您这段时间以来对我祖父无微不至竭尽全力的照顾与帮助，我们对此深表感激。

谢谢，祝安

此致

Your name (supposed to be at the bottom right , but somehow I could not move it to the bottom right in the answer box).

Данное письмо начинается с приветствия 您好！ – «здравствуйте (Вы)», без обращения к адресату, что нетипично для китайского делового письма. Однако стоит заметить, что в оригинале письма на английском обращение и приветствие опущены. В качестве формул вежливости использованы: 感谢您这段时间以来... – «благодарим вас за то, что на протяжении этого времени...», 我们对此深表感激 – «мы за это выражаем глубокую благодарность», 谢谢 – «спасибо», 祝安 – «желаем благополучия», 此致 – «настоящим (выражаем уважение)». Выражения благодарности и вежливости в китайском переводе письма значительно усилены по сравнению с его английской версией.

Вэньянизмы в письме представлены конструкцией 对此 – «в отношении этого», а также выражениями 无微不至 – «вникать во все мелочи» (дословно «нет такой мелочи, которой не коснулся»: 无 – «нет», 微 – «крошечный, мизерный», 不致 – «не дойти»), 竭尽全力 – «делать все возможное» (дословно «исчерпывать все силы»: 竭尽 – «исчерпывать полностью», 全 – «весь», 力 – «силы»).

В силу краткости письма, в нем удалось обнаружить только одну глагольно-именную конструкцию: 深表感激 – «выражаем глубокую благодарность» (дословно «глубоко выражаем благодарность»).

В данном письме заметен неличный характер изложения, определенный нами ранее как одна из этнокультурных характеристик китайского делового письма [Булнаева, 2018]: выражение благодарности *I would like to thank you...* – «Я хотел бы поблагодарить Вас...» на китайском передано как 感谢您... – «благодарим Вас...».

Основная часть письма выражена одним предложением, состоящим из двух элементарных (в грамматике китайского языка) предложений:

1. 感谢您这段时间以来对我祖父无微不至竭尽全力的照顾与帮助. – «Благодарим Вас за заботу и поддержку, которую вы оказывали моему дедушке на протяжении всего этого времени, делая все возможное и не упуская ни одной мелочи».

2. 我们对此深表感激. – «Мы глубоко за это благодарны».

Тема-рематическую структуру основной части, таким образом, можно также определить как структуру с обобщенной темой, в качестве которой выступает выражение благодарности.

Итак, проведенный анализ переводов писем с английского на китайский язык, предложенных носителями китайской лингвокультуры, позволил уточнить этнокультурные характеристики китайского делового письма, выявляемые на материале эталонных текстов деловой переписки. К таким характеристикам относятся: использование специальных обращений и формул вежливости, широкое употребление вэньязызов и глагольно-именных сочетаний, а также «перевернутый» метонимический способ обозначения адресата (индивидуума, лица, части) по целому (учреждению, к которому он принадлежит) и неличный характер изложения; развитие тема-рематического структурирования содержания с обобщенной темой. Одной из основных этнокультурных черт китайского делового письма является повышенная иллокутивная сила выражения вежливости и благодарности в сообщении, свидетельствующая о высокой степени комплиментарности в изложении.

Перспективным представляется дальнейшее изучение этнокультурных характеристик китайского делового дискурса в процессе межкультурной коммуникации, а также случаев возможной диссонансной интерпретации текстов жанра делового письма в пространстве межкультурной коммуникации.

Литература

Арутюнова Н. Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая рос. энцикл., 2002. С. 136–137.

Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. М. : Рус. словари, 1996. С. 159–206.

Богучарский Е. М. Этнокультура и дипломатия : учеб. пособие. М. : МГИМО-Университет, 2011.

Булнаева О. А. К проблеме выявления этнокультурных характеристик китайского делового письма // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Киров : Изд-во МЦИТО, 2018.

Васильева О. В., Кузнецова О. В. Особенности дипломатического стиля американских политиков (на примере Дж. Буша-старшего и Дж. Буша-младшего) // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2018. С. 59–64.

Гвоздева И. В. Культурно-национальные особенности перевода деловой корреспонденции на китайском и русском языках // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2010. № 11. С. 190–194.

Гвоздева И. В. Лингвокультурные особенности употребления вэньязызов в китайском официально-деловом языке // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2011. № 4. С. 87–90.

Дюг А. А. Особенности перевода институциональных текстов (на материале китайских деловых писем) // Концепт. 2017. Т. 37. С. 198–200.

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.

Карачева Н. С. Трудности перевода в процессе взаимодействия культур // Русский язык в современном Китае : сб. науч.-метод. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Е. Горковенко. 2017. С. 110–113.

Кобжицкая О. Г. Роль конфуцианства в формировании личностно-психологических особенностей китайцев // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов, Н. В. Киреева. 2015. С. 367–369.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : лекц. курс. М. : Гнозис, 2002.

Макеева С. Б. Социально-политические аспекты изучения правовых основ международного взаимодействия // Молодёжь Сибири – науке России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / сост. Т. А. Кравченко. Красноярск : НОУ Сиб. ин-т бизнеса, управления и психологии, 2010. С. 170–174.

Сарина Г. В. Основные характеристики официально-делового стиля современного китайского языка // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам LIX Междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. № 4 (55). С. 48–52.

Селезнева Г. Я. Контрастивное описание китайского и русского вербального коммуникативного поведения // Русское и китайское коммуникативное поведение. Вып. 1 / под ред. И. А. Стернина. Воронеж : Истоки, 2002. С. 9–12.

Фуко М. Археология знания. СПб. : Университет. кн., 2004.

Шейна И. М. Особенности деловой переписки на русском, английском и японском языках в условиях межкультурной коммуникации // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2011. № 2. С. 62–68.

Ширяева Т. А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 50 с.

Шишмарева Т. Е., Кремнев Е. В., Стефановская С. В. К вопросу обучения чтению древнекитайских текстов на взнь-яне (на материале канона «Эрья») // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения. Иркутск : Иркут. гос. ун-т путей сообщения, 2017. С. 534–539.

Шлёпкина М. А. Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе // Современная филология : материалы Междунар. заоч. науч. конф. Уфа : Лето, 2011. С. 222–226.

Cai G. Texts in Contexts: Understanding Chinese Students' English Compositions // Evaluating Writing: The role of teachers' knowledge about text, learning, and culture / Cooper, Charles R. Ed. Urbana, IL: National Council of Teachers of English, 1998. P. 279–297.

Campbell C. P. Beyond Language: Cultural Predispositions in Business Correspondence // Fort Worth. Texas: Julian Publ., 1998.

Kaplan R. B. Cultural Thought Patterns in Inter-cultural Education // Language Learning, 1966. #16. P. 97–118.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ФЕНОМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Аннотация. Центральной проблемой, рассматриваемой в статье, является исследование становления феномена идентичности в гуманитарных науках, а именно: в философии, психологии и социологии. Цель данного исследования – определить специфику феномена идентичности в гуманитарных науках. Следовательно, основной задачей является анализ теоретических подходов к изучению проблемы идентичности в философских, социологических и психологических теориях. Основными методами исследования являются историко-социологический анализ и теоретическая реконструкция концепта идентичности. Сопоставление различных подходов к исследованию идентичности осуществляется с использованием сравнительного анализа. В результате авторами было выявлено, что феномен идентичности имеет долгий путь становления и ему свойственен междисциплинарный характер.

Ключевые слова: идентичность, гуманитарные науки, междисциплинарность, «самость», самоидентичность, реконструкция.

Bunaeva N., Sosorova B.
Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE ISSUE OF IDENTITY PHENOMENON FORMATION IN LIBERAL ARTS

Abstract. The central problem of the article is identity development research in Liberal Arts, philosophy, psychology and sociology. The objective of the research is to define peculiarities of identity in Liberal Arts. Hence, the main purpose is the analysis of theoretical approaches to the identity problem studies in philosophical, psychological, sociological theories. The methods of the research are historical and sociological analyses, theoretical reconstruction of identity concept and comparative analysis. As the result it was found out that identity has its long way to establishment and interdisciplinary character.

Keywords: identity, Liberal Arts, interdisciplinary character, “idem”, self-identity, reconstruction.

Введение термина «идентичность» в социальный анализ и его первоначальное распространение в публичном дискурсе имели место в США в 1960-е гг. (при некоторых первых проявлениях во второй половине 1950-х гг.) [Gleason, 1983, с. 912]. Наиболее известное направление анализа идентичности связано с работами американского психолога Э. Эриксона. Понятие идентификации было извлечено из своего исходного, специфически психоаналитического контекста (где этот термин был введен З. Фрейдом) и соединено с этничностью, с одной стороны, и социологическими теориями ролей и референтной группы, с другой. Социология символического интеракционизма, с самого начала обращавшаяся к «самости», стала все больше говорить об идентичности.

В силу множества причин термин «идентичность» вызвал особенно широкий резонанс в 1960-е гг., быстро преодолевая границы междисциплинарности, утверждаясь в журналистском, а также акаде-

мическом лексиконе, пронизывая язык социального и политического анализа, а также социальной и политической практики. Особое значение для роста интереса к идентичности имели обращение в 1950-е гг. к проблематике «массового общества» и молодежные бунты 1960-х гг. В 1980-е гг. вместе с утверждением в социальной науке и практике «святой троицы» расы, класса и гендера [Appia, Gates, 1995, p. 1] споры об идентичности в социальных и гуманитарных науках развернулись в полную силу. В конце XX в. многие ведущие философы, психологи и социальные теоретики обращаются к анализу идентичности.

Представление о самости было одним из элементов мироощущения во все времена, начиная с античности и заканчивая современностью. В философии «идентичность» является предикатом (от лат. *praedicatum* – заявленное, упомянутое, сказанное) – это то, что утверждается о субъекте, который функционирует как идентификатор, т. е. маркер, который отличает и дифференцирует один объект от другого объекта. Таким образом, идентичность в этом смысле фокусируется на уникальности рассматриваемого объекта. Представители античной мысли Аристотель, Платон, Сократ рассматривали «идентичность», указывая на то, что «самость» (самотождественность) – отличительная черта всего сущего. Человек у Платона рассматривается в аспекте его соотнесенности с надвременным миром идей и сущностей, из которого происходит душа и к которому она устремляется [Брюнинг, 1997, с. 225]. Концепция Аристотеля в некотором отношении отличается от позиции Платона, поскольку наряду с всеобщей сущностью человека признается единичная, индивидуальная субстанция [Веричева, 2010, с. 54].

Философы Средневековья (Аврелий, Боэций) связывали «идентичность» прежде всего с Богом. Каждому Богу отведено собственное место в сообществе, замечает Августин. Общество было строго разделено по социальным анклавам, и большие институциональные структуры определяли жизнь. Дом, отношения, семья, бракосочетание, положение в обществе были утверждены при рождении. Таким образом, в раннем Средневековье формируются первые элементы идентичности – соответствие личности идеалу, осмысление внутреннего Я, приобщение к духовному. Средневековый период можно охарактеризовать, как время самоорганизации путем интегрирования всеобщих духовных оснований человеческого бытия. Самосовершенствование, духовное саморазвитие составляют основу идентичности. Детерминированность всеобщей практики позволяет строить единую всеобщую модель поведения (в локальных рамках). Уже задана общая модель, по которой можно идентифицировать собственное бытие, в которой личное время выступает как часть всеобщего развития [Заковоротная, 1999, с. 57]. В период

Возрождения индивидуум впервые достигает в подлинном смысле автономного сознания самого себя, своего собственного Я. В данный период «стабильность социальной структуры была нарушена, и социальный базис идентичности стал подвижным и проблематичным. Жизнь в большей степени зависела от случая, нежели от рождения, перестала существовать единая, религиозная модель в рамках стабильного общества. Выбор уже мог быть не задан заранее; пришел мир, в котором традиционные устои рушились; исход человеческих действий был неопределен, бывшие ценности перемешались с новыми; в поворотные моменты жизни требовался индивидуальный выбор» [Заковоротная, 1999, с. 60].

Таким образом, в эпоху Возрождения проблема идентичности была сформулирована в новых терминах субъективного времени, уникальности, неповторимости телесного и духовного, человек впервые столкнулся с необходимостью принимать решение и действовать самостоятельно.

Поскольку институт веры перестал служить универсальным критерием идентичности, возникают зачатки проблем, связанных с идентичностью: смысл, выбор, методы самопознания и саморефлексии.

Затем проблемы тождества бытия и сознания разрабатывались с различных точек зрения и представителями немецкой классической философии (И. Кант, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель).

Таким образом, можно сделать вывод, что классическая философия обсуждала проблему идентичности в контексте понятий «тождество» и «самость», была тесно связана с характеристикой субъекта. Далее неклассическая и постклассическая философия попытались отойти от дискурса тождества классической философии, сосредоточив свое внимание на личностной идентичности.

В неклассической философии метафизическая традиция осмысления тождества бытия и мышления подвергается критике, ассоциируя бытие только с жизнью (существованием) человека (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр, К. Ясперс и др.) [Вялова, 2014, с. 59]. Э. Гуссерль вводит понятие трансцендентального Ego, в котором сосредоточены прошлые переживания и впечатления, а также будущие ожидания. Большое значение в своем учении Э. Гуссерль уделяет конструкту интересубъективности. Он определяет интересубъективность как пространство, в котором происходит конструирование Ego в диалоге с Другим. В постнеклассической философии особый интерес представляет теория идентичности Э. Левинаса. В центре внимания этой философской проблемы отражена идея трансценденции как путь к Другому. Встретиться с Другим – это значит принять его, согласиться с ним, т. е. самому стать немного другим, преодолеть свои границы, превзойти свои пределы. Если опыт Иного показывает мои границы, то опыт Дру-

того указывает за мои границы. Более того, опыт Другого указывает еще и за свои границы, отсылает к трансцендентному. Так становится возможным обретение Чужого, но того Чужого, которое совершеннее наличного Собственного [Гурин, 2014]. Таким образом, Другой является важной составляющей приобретения идентичности.

Формирование нового типа философской рефлексии на основе диалога и коммуникации, которые становятся базовыми понятиями в поисках новых оснований личностной идентичности, продолжалось на протяжении всего XX столетия. Коммуникативные и пространственно-временные аспекты идентификации исследуются в работах Ж. Бодрийяра, Э. Тоффлера, Ю. Хабермаса, а значение знаково-символических систем и феноменов коммуникации в формировании структур идентичности – в трудах П. Рикера.

Русский философ М. Бахтин также настаивает на том, что «формирование человеческой личности и ее идентичности возможно лишь через диалогическое общение с другими самосознаниями» и что «мышление человека, его идеи существуют не в изолированном мире, а формируются в диалогическом взаимодействии с мыслями и идеями других людей» [Веричева, 2010, с. 56–57].

Философские идеи XX в. оказали серьезное влияние на развитие интеллектуальной и политической культуры Запада, что привело к возникновению такого течения, как психоанализ.

В психологии понятие «идентичность» долгое время не использовалось, но это не говорит о том, что соответствующая проблематика не обсуждалась. С появлением психоанализа Фрейда, идентификация рассматривалась как раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом, в первую очередь с родителями. Таким образом, в процессе социализации происходит формирование собственного Я по лекалам другого человека [Гуревич, 2010, с. 65]. В постфрейдовском психоанализе Лакан рассматривает «зеркальную стадию» формирования Я как отождествление с тем объектом, с которым он коммуницирует.

Наиболее ярко данную позицию обозначил Э. Эриксон, определив идентичность как «естественную уверенность человека в том, что внутренняя тождественность и целостность, подготовленные в прошлом, соответствуют тождественности и целостности личности, какой видят ее окружающие» [Эриксон, 2002, с. 261–262]. Автор выделяет четыре аспекта идентичности: индивидуальность как сознательное ощущение собственной уникальности, тождественность и целостность, единство и синтез, как ощущение внутренней гармонии и единства и социальная солидарность, как ощущение внутренней солидарности с идеалами общества и ощущение того, что собственная идентичность имеет смысл для уважаемых данным человеком других людей и что она

соответствует их ожиданиям и восприятию [Evans, 1969, с. 218–219]. Социальная взаимозависимость рассматривается как условие здоровой идентичности [Олпорт, 2002, с. 77], утверждается необходимость социального признания и объединения с окружающим миром и людьми [Фромм, 1990, с. 21], отмечается роль значимого Другого в формировании идентичности [Мелибруда, 1986; Скрипкина, 2000]. Таким образом, идентичность становится не фиксируемой реальностью, а некой длящейся «проблемой».

Целостность человека оказывается не данной ему при жизни самому себе. Авторство собственной личности спорно, так как «законченность» целостности человека, с одной стороны, ограничивается рождением и смертью (и здесь идет речь о представленности «телом»), а с другой, эта целостность может быть реализована только в пространстве диалога. Данная мысль стала основой психологических представлений об идентичности, согласно которым она динамична, претерпевает изменения, которые носят как эволюционный, так и революционный, кризисный характер. Подчеркивается процессуальность идентичности [Бьюдженталь, 1998; Эриксон, 2002]. Еще У. Джеймс выделил в качестве базовых характеристик идентичности континуальность, созидательное начало и непрерывность при постоянной изменчивости [Джеймс, 1991, с. 207]. Таким образом, в самой сущности идентичности заложена вторая пара противоположностей, это единство постоянства и изменчивости. С одной стороны, личностная идентичность обеспечивает непрерывность восприятия себя, с другой стороны, необходимо признать наличие динамики, постоянной корректировки, включение новых элементов, выключение старых с последующим новым синтезом. Однако классиком в разработке проблемы эго-идентичности является Эрик Эриксон, который определил идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности [Эриксон, 2002, с. 248].

Таким образом, ключевыми моментами идентичности являются константность самовосприятия, единство временной перспективы, а также совпадение самопрезентаций с восприятием личности другими людьми.

Ряд идей интеракционистов о природе идентичности был перенят представителями когнитивной психологии. Так, идея о двух аспектах идентичности – ориентация на социум и на уникальность личности – воплотилась в теории социальной идентичности Х. Теджфела и Дж. Тернера. По мнению исследователей, идентичность – это когнитивная система, функция которой состоит в регуляции поведения согласно внешним условиям. В эту систему входят личностная и социальная идентичности. Под личностной идентичностью понимается самоопределение на основе физических, интеллектуальных, нравственных ха-

рактических, тогда как социальная идентичность определяется конкретными идентификациями на основе социальных категорий [Антонова, 1996, с. 139]. В данных работах максимально представлен учет внешних условий.

Употребление понятия «идентичность» в социально-гуманитарных науках долгое время идет параллельно с философией руслу. В социально-философской концепции понятие идентичность стало стержневым. Э. Фромм определяет идентичность как «одну из ведущих человеческих потребностей, составляющую сущность человеческого бытия» [Фромм, 1990, с. 25]. Это потребность избежать одиночества, что достигается путем отождествления с какими-либо идеями, ценностями, социальными стандартами, т. е. путем формирования социальной идентичности. Расширение путей самореализации, потенциальная множественность социального выбора, впервые ставшие возможными с началом капиталистических отношений, сталкиваются с неготовностью человека принять это. «Индивид перестает быть самим собой; он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные...» [Фромм, 1990, с. 30].

В Российской социологической энциклопедии идентификация определяется как «эмоционально-когнитивный процесс неосознаваемого отождествления субъектом себя с другим субъектом, группой, образцом, помогающий ему успешно овладевать различными видами социальной деятельности, усваивать и преобразовывать социальные нормы и ценности, принимать социальные роли». Результатом процесса идентификации и является идентичность. В рамках социологического подхода социальная идентичность рассматривается как результат осознания и идентификации человека или группы с какой-либо социальной общностью на основе чего-то общего, что объединяет данную группу. Идентификация не является равнозначным идентичности понятием, она представляет собой процесс обретения идентичности [Российская социологическая энциклопедия]. Понятие личности, проблема взаимодействия общества и человека исследовались классиками социологической мысли. В трудах М. Вебера, К. Маркса, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма проблема идентичности рассматривалась на макроуровне, а именно в контексте объективных общественных закономерностей развития. Человек соотносит и отождествляет себя с классом, социальной и профессиональной группой, к которым он принадлежит. Наиболее значимым для личности, по мнению данных социологов, является то, что её идентичность определяется социально-экономическими отношениями и системой взаимосвязей, определяемых ценностями культуры.

Развитие социологической традиции теории идентичности связано с символическим интеракционизмом и проистекает из прагматиче-

ской теории самости, разрабатывавшейся У. Джеймсом. Предметом рассмотрения символического интеракционизма стали способы построения идентичности и сам процесс идентификации, анализ структуры идентификации, зависимости процесса обретения идентичности от системы социальных взаимодействий и институтов.

В рамках символического интеракционизма феномен идентичности основывается на теории «зеркального Я» Ч. Х. Кули: индивид обретает «социальное Я» лишь во взаимодействиях с помощью «принятия отношения других к себе самому» через механизм разыгрывания и принятия роли [Кули, 1996, с. 289].

Идентичность рассматривается Дж. Г. Мидом, развивавшим идеи Кули, как изначально социальное образование: индивид формирует или видит себя таким, каким видят его другие. Символы, знаки, язык способствуют отдалению человека от мира вещей, помогают интерпретировать. Интерпретация – движущая сила социального развития и изменения, это внутреннее общение между «I» (то, как человек воспринимает себя сам, как он есть) и «Me» (видение себя глазами других), которые образуют канал, через который проходят все образцы взаимодействия и взаимное общение людей. Самость (идентичность в терминологии Мида) определяется в диалоге «I» и «Me», во взаимодействии между социальными и внутренними аспектами личности. На основании этих представлений возникает концепция «обобщенного Другого» (видение себя глазами общества, которое возникает в процессе игры, когда ребенок принимает на себя различные роли). Ролевая теория символического интеракционизма рассматривает связь внутреннего общения с представлением себя в структуре ролей (3 вида: подражание – примеривание на себя позиций и ожиданий; исполнение – результат взаимодействия собственного Я и ролевых ожиданий; выбор – рассмотрение себя с позиции «значимого Другого»). Опосредствующими инструментами идентификации выступают «Другой», «значимые Другие», «обобщенные Другие».

Процесс «производства впечатления» стал основным в драматургическом подходе И. Гофмана, который подразумевает создание устойчивого впечатления. Таким образом формируется осознание людьми того, кем является индивид и какое социальное положение занимает. Идентичность создается и поддерживается на основе разнообразных внешних проявлений деятельности и подкрепляется соответствующими реакциями на поведение индивида со стороны других людей. По мнению Гофмана, индивиды постоянно исполняют или играют свою «роль», целенаправленно добиваясь желательной интерпретации со стороны других людей, выстраивают «пьесу» как порядок действий, подготавливают «сцену» – определяют место действия, создают пред-

метную среду, используя «декорации» и «реквизит». Цель такой презентации – создание устойчивого впечатления, определяющего в сознании людей, кем является, какое социальное положение занимает индивид, т. е. создание или поддержание идентичности. Т. Парсонс является основоположником теории действий, согласно которой система личности формируется в процессе интернализации «поведенческим организмом» социальных ценностей и норм, что определяет рамки индивидуальных значений, структурирующих действия. Сущность социальной идентификации индивида заключается в его ориентации в целостной системе действий, в которую человек включен; знание общепринятых норм и собственное самоопределение в нормативном пространстве конкретной социальной системы. Т. Парсонс предлагал объяснять социальную идентичность как систему кодов, с помощью которых индивидуальные значения символизируются (через ценности, язык, например) и определяют действия индивида. Соответственно, идентичность рассматривается как структурная характеристика личности.

Структурно-функциональный анализ Парсонса позволил представить общество как жесткую конструкцию. Общество, по Парсонсу, стремится к динамическому равновесию и стабильности. Каждый элемент социальной структуры выполняет определенную роль для сохранения стабильности и развития всей системы. Рассматривая и анализируя семью как систему, Парсонс основными её функциями считает социализацию детей и стабильность существования взрослых членов семьи, а распределение ролей в семье – механизмом для поддержания стабильности этой системы. Социальная система не может существовать без исполнения экспрессивной и инструментальной функций, так как выполнение данных функций не может быть исполнено одним человеком. Таким образом, Т. Парсонс рассматривает функции и роли мужчин (как инструментальные) и женщин (как экспрессивные) в семье в частности и в обществе в целом как «взаимодополняющие».

В рамках феноменологического подхода приоритетное значение отводится изучению смыслов и значений поведения индивидов применительно к повседневной практике и конструированию жизненного мира человека. Познавательная функция феноменологии – в интерпретации жизненного мира, только применяя такое видение и типизацию, можно быть уверенными, что возможно понять мотивы индивида. Другая задача состоит в построении на основе социальной реальности идеальных моделей типического актора и типичных моделей социального взаимодействия.

Так, А. Шюц обращал внимание на роль формирования типологической структуры восприятия объектов индивидами в процессе их повседневной жизни. Он полагал, что типизация фактов социальной ре-

альности индивидом в «понятиях здравого смысла» может иметь универсальное значение в процессе создания и функционирования социальных связей, а это, в свою очередь, служит механизмом формирования социальной идентичности. Важным выводом для феноменолога становится тезис о недоступности индивидуального Я другому – люди всегда воспринимают только типическую конструкцию. Кроме того, индивиды должны приспособить свое поведение к типичному, чтобы быть понятыми. При конструировании другого происходит собственная самотипизация – определяя роль других, индивид может определить свою роль.

В трудах представителей феноменологической социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана получила развитие следующая концепция идентичности. Они попытались методологически связать макросоциальный анализ с социально-психологическим: преодолеть противоречия структурного и деятельностного подходов в социологии [Бергер, Лукман, 1995, с. 76]. Согласно данной концепции, люди конструируют мир вокруг себя, он не предопределен природой. Авторы утверждают, что природа индивида есть социокультурная переменная: воспринимаемая и впитываемая с самых ранних этапов своего развития особенности социальной среды, «человек создает самого себя», а «создание человеком самого себя всегда и неизбежно – предприятие социальное». Объективная социальная реальность – есть то, что проявляется в «коллективных представлениях», в общественном сознании. С одной стороны, люди сами конструируют социальную реальность, обладая свободой ее интерпретировать, в то же время, с другой стороны, они лишь воспроизводят практики, складывающиеся под воздействием существующих объективных механизмов межгруппового воздействия. Соответственно, идентичность в данном направлении исследования представлена как конструкт «поддерживающихся» практикой социальных значений в определенной социальной среде и как функция представлений конкретного индивида, как представителя той или иной категории, одновременно.

В продолжение теорий Мида, Шюца, Гофмана П. Бурдьё задается вопросом о социальных механизмах атрибутирования значений тем или иным идентичностям. Концепция «габитуса» позволяет Бурдьё объяснить, каким образом в рамках различных социальных общностей сохраняется определенная идентичность. Согласно Бурдьё, габитус – это «система присущих индивиду диспозиций мышления и действия, результирующих его знания и опыт», используемая индивидами как активная способность вносить изменения в существующие структуры, как исходные установки, которые порождают и организуют практики индивидов. Он является важнейшим элементом в формировании индивидуальных и социальных идентичностей. Габитус всегда порожден конкретной социальной ситуацией, конкретной структурой социальных от-

ношений, он предлагает агенту типовые решения жизненных задач и проблем, однако он консервативен: старая культурная память воспроизводится даже при смене социального контекста. Габитус не резервуар для накопленного социального опыта, он обеспечивает интеграцию всех структурных влияний в некую целостность, обеспечивает единство практик агента и единство сознания и миропредставления. Габитус обеспечивает единство нашего опыта и при этом воспринимается как часть личного Я [Бурдье, 2005, с. 228].

По мнению Э. Гидденса, самоидентичность есть не навсегда застывшая перманентная структура, а динамично развивающийся феномен. В своей работе «Современность и самоидентичность» Э. Гидденс формулирует три основных черты современности: крайний динамизм социальных систем, глобализацию социальных процессов и появление особых социальных институтов. Соответственно этим чертам, идентичность личности может развиваться на разных уровнях – индивидуальном и социальном, и в различных аспектах – национальном, этническом, культурном, гендерном и др. [Гидденс, 2005, с. 332]. Гидденс объясняет, что социокультурные нормы, а не биологический пол или другие анатомические особенности определяют в конечном счете качества личности, её модели поведения, направления деятельности, нормы и ценности. По мнению Э. Гидденса, все попытки изучения женской идентичности в модернистской науке, исследования «природы женщин, которые выполняли мужчины, как раз и не были выражением традиционной сексуальной непохожести; они были экспедициями в неведомые области самоидентичности и интимности как заново упорядоченные сферы социальной жизни – те, в которые мужчины были слабо вхожи». Фундаментальными чертами общества с высокой рефлексивностью являются «открытый» характер самоидентичности и рефлексивная природа тела. Согласно мнению Л. М. Дробижевой, в социологическом подходе центром внимания в изучении идентичности должно быть «...соотнесение личности с группой, представления о группе, социальные механизмы самоопределения индивидов в многообразных группах... Каждая из них включает в себя индивидуальную и коллективную идентичности разного масштаба и содержания». Исследовательница различает такие компоненты идентичности, как самоидентификация и представления о своей группе.

По мнению В. А. Ядова, базисная функция социальной идентификации заключается в том, чтобы включиться в систему социальных взаимосвязей, реализовать базисные потребности личности в принадлежности к группе, обеспечении защиты, возможности самореализации, оценке другими и возможности влиять на сообщество [Ядов, 2003, с. 216].

Среди современных исследователей, обративших внимание на проблему идентичности, идеи которых нельзя отнести ни к модернистскому, ни к постмодернистскому подходу, следует отметить Ю. Хабермаса. По мнению Хабермаса, «я-идентичность» возникает как баланс личностной и социальной идентичности. Вертикальная проекция (которая есть личностная идентичность) обеспечивает связность личной истории жизни каждого индивида, а горизонтальная (социальная идентичность) – возможность выполнять различные нормативные требования всех социальных систем, к которым принадлежит человек. Баланс такого рода поддерживается с помощью техник взаимодействия, где особое значение отводится языку.

Ю. Хабермас подчеркивает, что развитие культуры современного общества привело к изменению функциональных характеристик идентичности. Новые стили мышления «расколдовали» мир, но не дали лекарства от фатальности и случайности человеческого бытия. Идентичность стала множественной, ситуативной, неустойчивой. В индустриальном обществе появились новые типы идентичности, которые не отличались устойчивостью. Это, прежде всего, классовая, политическая, национальная, профессиональная идентичности. Выбор той или иной идентичности стал зависеть от желания индивида и одобрения общества [Хабермас, 1999, с. 96].

3. Бауман в своей книге «Индивидуализированное общество» пытается охарактеризовать современное общество и раскрыть отрицательные последствия индивидуализации. Он утверждает, что в современном обществе человек должен сам принимать все решения, нести ответственность за них, кроме того, индивид лишается поддержки со стороны коллектива. Но в современном обществе быстро происходят изменения, что мешает постановке целей на длительный период времени и делает невозможным обретение некоей стабильности. В то же время, по его мнению, так как человек не может уклониться от ответственных решений и должен один справляться с проблемами, в обществе возникает чувство страха, тревоги. Отличительной чертой современной индивидуализации является то, что не только положение индивидов в обществе, но сами места, к которым они могут получить доступ и которые стремятся занять, быстро трансформируются и не могут служить в качестве цели жизни. Возникает проблема: какую идентичность выбирать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная потеряет ценность или лишится своих соблазнительных черт. Бауман фактически говорит о трансформации идентичности, возникновении плюралистической идентичности [Бауман, 2002, с. 364].

Важно подчеркнуть непрерывность процессов идентификации человека на всем протяжении его жизни. Идентичность рассматривается на

макро- и микроуровне, осуществляется попытка показать взаимосвязь этих двух уровней. Существуют разные теоретические подходы, которые акцентируют внимание на отдельных аспектах идентичности: коллективной, социальной, индивидуальной. Сложившийся в современной науке подход к пониманию идентичности определяет ее как обладающую сущностью, поддающуюся описанию с помощью универсальных категорий. Базовая цель идентификации – интеграция индивида в социальную структуру, приспособление к внешним, жестко заданным извне условиям.

В рамках социологии проблема идентичности рассматривалась со стороны статусно-ролевых отношений личности и процессов социализации. В социальных исследованиях описываются принципы и механизмы вхождения человека в социальное пространство, помогающие ему овладевать различными видами деятельности, усваивать и воспринимать социальные нормы и ценности, воспроизводить определенные ролевые установки.

Таким образом, феномен идентичности прошел долгий путь становления и имеет междисциплинарный характер. Исследование идентичности интересовало ученых различных дисциплин – философов, психологов и социологов. Каждое научное направление рассматривало данное понятие в своем русле.

Литература

Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // *Вопр. психологии*. М. : Педагогика, 1996. № 1. С. 131–143.

Бауман З. Индивидуализируемое общество : пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. 390 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995, 323 с.

Брюнинг В. Философская антропология. Исторические предпосылки и современное состояние // *Западная философия: Итоги тысячелетия*. Екатеринбург ; Бишкек, 1997.

Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперимент. социологии: Алетейя, 2005. 288 с.

Бьюдженталь Дж. Наука быть живым. М. : Класс, 1998. 336 с.

Веричева К. В. Проблема личностной идентичности в философии // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина*. 2010. Вып. 2, т. 2. С. 56–57.

Вялова Е. Г. Основные философские и научные подходы к проблеме идентичности XX–XXI вв. // *Контекст и рефлексия: Философия о мире и человеке*. 2014. № 3. С. 58–72.

Гидденс Э. Социология. М., 2005, 632 с.

Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // *Человек в поисках идентичности. Вопросы социальной теории*. Научный альманах. М. : Междисциплин. о-во соц. теории, 2010. С. 63–87.

Гурин С. П. Философия идентичности // *Топос*. URL: <http://www.topos.ru/article/6727> (дата обращения: 01.05.2018).

- Джеймс У. Психология / под ред Л. А. Петровской. М., 1991. 368 с.
- Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов н/Д : Север.-Кавказ. науч. центр высш. шк., 1999. 200 с.
- Кули Ч. Х. Первичные группы. М., 1996. 332 с.
- Мелибруда Е. Я – Ты – Мы. М. : Прогресс, 1986. 256 с.
- Олпорт Г. Становление личности. М. : Смысл, 2002. 111 с.
- Российская социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-1892060-pall.html> (дата обращения: 01.05.2018).
- Скрипкина Т. П. Психология доверия. М. : Академия, 2000. 264 с.
- Фромм Э. Искусство любви. М. : Педагогика, 1990. 37 с.
- Эриксон Э. Детство и общество. 2-е изд. перераб. и доп. / пер. А. А. Алексеева. СПб. : Речь, 2002. С. 235–259.
- Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк, 1999. 123 с.
- Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М. : Академкнига, Добросвет, 2003. 596 с.
- Appiah, Kwame Anthony and Henry Louis Gates Jr., eds. 1995. Identities. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Evans R. Dialogue with Erik Erikson. New York : Dutton, 1969.
- Gleason P. "Identifying Identity: A Semantic History." Journal of American History, 1983, pp. 910–931.

УДК 81'1 (32.019.5)

О. Ю. Вербицкая

Иркутский государственный университет, Иркутск

КУЛЬТУРНЫЕ ЭТНОГЕТЕРОСТЕРЕОТИПЫ АМЕРИКАНЦЕВ КАК ПРЕДМЕТ ОСМЕЯНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению ряда вопросов, касающихся специфики национально-культурных стереотипов, в частности стереотипов, являющихся предметом осмеяния в современном американском обществе. Аксиологические особенности стереотипов рассматриваются посредством описательно-аналитического подхода, обращается внимание на причины их возникновения.

Ключевые слова: культурный стереотип, комический дискурс, концепт, аксиологически бинарная оппозиция, американское общество.

O. Verbitskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

AMERICAN CULTURAL GETEROSTEREOTYPES AS AN OBJECT OF THE ENGLISH LANGUAGE HUMOR DISCOURSE

Abstract. This article is concerned with some aspects of the specific character of ethnic and cultural stereotypes, particularly with stereotypes being mocked at in the modern American society. The author gives an insight into the axiological peculiarities of cultural stereotypes via the analytical description, paying attention to the reasons of their existence.

Keywords: cultural stereotype, humor discourse, concept, axiologically binary opposition, American society.

Современные лингвистические исследования основываются на множестве глобальных параметров: к примеру, строй языка, языковые формы, системы категорий, доминантные концепты и множество других. Интерес для данной работы представляет категория доминантных концептов, которые в значительной мере определяют менталитет того или иного народа. Категория доминантных концептов, или аксиологических доминант, в частности культурных стереотипов как упрощённых ментальных репрезентаций различных категорий людей, представленных в некотором этносе, является эффективным инструментом для анализа особенностей некоторого этноса.

Стереотипы характеризуют массовое сознание и являются важнейшими структурными элементами общественного мнения. Многие исследователи (В. Раскин, У. Квастхоф, И. М. Кобозева, В. В. Красных, О. А. Леонтович, Л. П. Крысина, Е. В. Рахлина, С. М. Толстая, О. В. Белова, В. Н. Жданова и др.), рассматривая различные аспекты стереотипизации, отмечают, что стереотип представляет собой сложный, многоплановый феномен. Стереотип изучается в рамках различных дисциплин, среди которых, прежде всего, следует отметить когнитивное направление лингвистических исследований, а также социологию, психологию и культурологию. Термин «стереотип» многозначен, однако, несмотря на различия, существует ряд общих черт в понимании стереотипа, к которым, в частности, относятся его повторяемость и устойчивость, что в некотором роде обуславливается заимствованием этого термина из полиграфии (от греч. *stereos* – твёрдый, объёмный, пространственный и *typos* – отпечаток).

Стереотип по своей сути является нелингвистическим объектом и не поддаётся непосредственному наблюдению, но ключ в его познании заложен в языке.

Общественный стереотип понимается, в рамках данной работы, с позиций когнитивной лингвистики как объективируемая в языке ментальная единица, включающая устойчивое, упрощённое, схематизированное и обобщённое мнение о некоторой общественной группе. Стереотипы участвуют в процессе категоризации, хранения и передачи оценочной информации об общественных группах. Они не опираются на личный опыт и основаны на культурном опыте предшествующих поколений. Общественные стереотипы возникают стихийно, с трудом поддаются модификации и, благодаря своей устойчивости, служат опорами в мыслительных процессах. Они не всегда адекватно отражают реальность. Необходимо также отметить важность роли средств массовой информации в процессе формирования культурных гетеро- и автостереотипов.

Из вышеприведённого понимания стереотипа становятся очевидными его основные функции:

- когнитивная, направленная на обобщение информации;
- социальная, или регуляторная, которая приводит к общественной категоризации и созданию жизненных ориентиров, оценочная;
- фиксирующая положительную или отрицательную оценку общественной группы.

Стереотипы также можно классифицировать по характеру оценки (положительные/отрицательные/нейтральные), по сферам общественной жизни (политические/культурные/экономические), по объекту стереотипизации (национальные/профессиональные/гендерные).

Рассматривая понятие «стереотип» с точки зрения коммуникативной лингвистики, вслед за В. В. Красных, можно определить его как некоторую структуру ментально-лингвального комплекса, которая формируется «инвариантной совокупностью... связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ – представление феномена, стоящего за данной единицей, в его национально-культурной маркированности при определённой предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций)» [Красных, 2003, с. 232]. При таком подходе возможно выделение «стереотипов поведения» и «стереотипов-представлений».

Исследуемые в данной работе этнокультурные стереотипы-представления характеризуют менталитет американского общества, особенности его культуры. Этнокультурные стереотипы, касающиеся иной страны и культуры, носят название гетеростереотипы или экзостереотипы [Леонтович, 2002, с. 240]. В отличие от автостереотипов или эндостереотипов, отражающих представления о своем народе и культуре, гетеростереотипы содержат, как правило, негативную оценку, а порой и элементы предубеждения. При этом образ любой страны, любого народа присутствует в сознании в стереотипном виде, независимо от того, имелись ли личные контакты с представителями данного народа, с культурой этноса в целом.

Согласно теории деградации, разработанной А. Беном, А. Стерном, А. Бергсоном и другими, причина смеха (порождение высказывания с комической интенцией) заключается в осознании смеющимся своей силы, а следствием смеха является освобождение от напряжения. Комическое выступает в качестве нравственной оценки и является общественно значимым, поскольку целью его является самосовершенствование. Таким образом, теория деградации объясняет психологические принципы разделения этносов на «своих» и «чужих» при создании некоторого продукта (высказывания, дискурса, графической репрезентации) с комической интенцией.

Будучи составной частью концептуальной картины мира, национально-культурные стереотипы неразрывно связаны с языком, однако

они не имеют жестких соответствий в языке и могут актуализироваться в дискурсе при помощи как вербальных средств различных уровней – лексем, словосочетаний, предложений, текстов, так и невербальных средств – фотографий, коллажей, карикатур, графиков.

Необходимо отметить, что, согласно теории аргументации, выделяются два вида воздействия – убеждение (аргументация) и внушение (суггезия). Ряд исследователей, в частности Л. Раппопорт, А. А. Клиновская, считают, что на практике невозможно провести границу между аргументативными и суггестивными тактиками, поскольку они взаимодополняют друг друга. Они полагают, что скорее правомерно говорить о преобладании убеждающего или внушающего воздействия в отдельно взятом тексте. Однако анализ гетеростереотипов в комическом дискурсе показал, что он обладает ярко выраженной суггестивной тактикой воздействия, осуществляемой за счет поляризации этносов и эксплицитной или имплицитной оценочной тактики.

Суггестивные тактики в комическом могут осуществляться при помощи языковых средств всех уровней, а также с опорой на такие невербальные средства, как фотографии и карикатуры.

Рассмотрим пример гетеростереотипа американцев в отношении русских: *e.g. +10° – Americans shake, Russians are planting cucumbers.*

+5° – You can see your own breathing. Italian cars don't start. Norwegians take a bath. Russians drive with lowered windows.

0° – Water freezes in America , in Russia it thickens.

-5° – French cars don't start.

-10° – You're planning a vacation to Australia .

-15° – Your cat insists to sleep in your bed. Norwegians put on sweaters.

-18° – New York landlords turn on the heaters. Russians make their last seasonal picnic.

-20° – American cars don't start. People in Alaska start wearing long-sleeves.

-25° – German cars don't start. Hawaiians are dead.

-30° – Politicians start talking about homeless people. Your cat prefers to sleep in your pajamas.

-35° – Too cold to think. Japanese cars don't start.

-40° – You're planning a 2-week hot tub bath. Swedish cars don't start.

-42° – Transportation stops in Europe . Russians eat ice cream on the street.

-45° – All Greeks are dead. Politicians really start doing something for the homeless.

-50° – Your eyelids start sticking when you blink. In Alaska , people close the window in the bathroom.

-60° – White bears start moving south.

–70° – *Hell freezes.*
–73° – *Finnish special services evacuate Santa Claus from Lapland .*
Russians wear earmuff hats.
–80° – *Lawyers put their hands in their own pockets.*
–114° – *Ethyl alcohol is freezing. Russians are unhappy.*
–273° – *Absolute zero, atomic movement stops. Russians wear boots.*
–295° – *90 % of the planet is dead. Russian soccer team becomes the world champion*

Данный пример демонстрирует стереотипное представление американцев о русских, как о нации, живущей в экстремальных климатических условиях и умеющих к ней приспособливаться.

Подтверждение стереотипа американцев о русских, как о нации, равнодушной к спиртным напиткам, можно также проследить в следующем анекдоте:

e.g. Q: What is a difference between a Russian wedding and a Russian funeral?

A: One less drunk at the funeral!

Необходимо отметить, что в сознании американцев не только русские злоупотребляют спиртными напитками. Этот стереотип относится также к австралийцам, шотландцам и ирландцам, или к “Paddy”, как пренебрежительно их называют американцы. Существует целая подборка анекдотов “Sitting at a Bar Jokes”, в которой высмеиваются данные нации:

e.g. Q: Why did God invent whiskey?

A: So the Irish would never rule the world!

Интересен тот факт, что образование стереотипа не обязательно может быть обусловлено устойчивыми диахроническими представлениями о некотором этносе, так как можно проследить образование и закрепление стереотипа и на синхроническом уровне. Шутки гетеростереотипной направленности могут быть обусловлены мировыми событиями, происходящими в мире. Например, во время футбольных матчей 2018 г. популярной является следующая шутка, демонстрирующая стереотипное отношение к русским, с одной стороны, и процесс ассимиляции культур, с другой: *e.g. The final day of the World Cup in Moscow. Drunken people are walking around the city center, wearing earflaps and singing «Kalinka-malinka». How easy it is to recognize foreigners in Russia!*”

Американские карикатуристы также активно откликнулись на события Чемпионата мира по футболу, проходящего в России. Значительное количество карикатур, в которых высмеивается Россия, также способствует формированию в сознании американцев определённого стереотипа русских. К примеру,

Несмотря на то что представление американцев о русских не является аксиологически положительным, оно не носит явно выраженный негативный характер. Иными словами, русские рассматриваются как «чужие», но не как «враги». Образ «врага» в американском культурном сознании связан с мусульманами, в частности с арабами. Существование данного стереотипа подтверждает и ограниченное количество шуток в отношении данной культурно-религиозной группы.

Примеры показывают, что оценочный компонент гетеростереотипа чаще всего выражается эксплицитно, при помощи языковых средств, описывающих типичные качества членов данной культурной группы и относящихся к периферии функционального поля. Так, к периферии функционального поля примыкают предложения, дающие оценочную характеристику определенной культурной группы при помощи метафор и оценочных атрибутов. К примеру, типичный француз в представлении американцев нечистоплотен (e.g. *Why do French women use perfume instead of taking a bath?*), самодоволен (e.g. *A Brit, a Frenchman and a Russian are viewing a painting of Adam and Eve frolicking in the Garden of Eden. «Look at their reserve, their calm», muses the Brit. «They must be British». «Nonsense», the Frenchman disagrees. «They're naked, and so beautiful. Clearly, they are French». «No clothes, no shelter», the Russian points out, «they have only an apple to eat, and they're being told this is paradise. Clearly, they are Russian».) и абсолютно неспособен защищаться в ситуации вооруженного конфликта (e.g. *Q: What do you call 100,000 Frenchmen with their arms up? – A: The French Foreign Legion.*).*

Предметом осмеяния могут быть не только типичные действия некоторой культурной группы, но и в частности языковые особенности. Американцы выделяют китайцев благодаря их специфическим именам собственным, что нашло отражение во многих шутках. Например,

e.g. *Shai Gai: A bashful person; Tai Ne Bae Be: A small horse; Ten Ding Ba: Serving drinks to people; Wan Bum Lung: A person with TB; Wa Shing Kah: Cleaning an automobile.*

Национально-культурная специфика объективации стереотипов может проявляться по-разному. Так, специфический характер может быть обусловлен историческими особенностями формирования определенной культурной группы. Например, в следующем анекдоте высмеивается возможность найти еврейскую кровь в любом человеке белой расы:

e.g. There was an elderly widow who lived in a large mansion. She was feeling generous when it came to Thanksgiving, so she called up the local military base, and asked to speak with the lieutenant. «Please send up four nice young men to eat dinner here on Thanksgiving, but please, don't send any Jews. Please, no Jews».

The lieutenant replied, «No problem ma'am, and I am sure I speak for the army when I say we all appreciate your kindness».

Well, Thanksgiving rolled around, and the widow went to answer the door when it rang. She was surprised to see four black recruits. «But... But... There must be some mistake», she stammered.

One of them replied, «No ma'am, Lieutenant Goldstein doesn't make mistakes».

Не будем акцентировать внимание на стереотипном для многих народов представлении об евреях как жадной, деловой и расчетливой нации. Обратим внимание лишь на тот факт, что в современном американском комическом дискурсе существует подборка шуток, отражающая представление и о типичной прижимистой и хитроватой еврейской маме, безумно любящей своего ребенка (чаще всего сына). К примеру,

e.g. Q: Define: Genius.

A: A "C" student with a Jewish mother.

Одной из основных аксиологических бинарных оппозиций является оппозиция «глупый/умный». Глупость в представлении американцев является типичной чертой поляков, что прослеживается во многих юморесках и анекдотах, в частности, в следующем:

e.g. A prominent Polish scientist was conducted very important experiment. He trained a flea to jump upon giving her a verbal command («Jump!»). In a first stage of experiment he removed flea's leg, told her to jump, and the flea jumped. So he wrote in his scientific notebook: «Upon removing one leg all flea organs function properly.» So, he removed the second leg, asked the flea to jump, she obeyed, so he wrote again: «Upon removing the second leg all flea organs function properly.» Thereafter he removed all the legs but one, the flea jumped when ordered, so he wrote again: «Upon removing the next leg all flea organs function properly.» Then he removed the last leg. Told flea to jump, and nothing happened. He did not want to take a chance, so he repeated the experiment several times, and the legless flea never jumped. So he wrote the conclusion: «Upon removing the last leg the flea loses sense of hearing».

М. М. Бахтин, анализируя творчество Ф. Рабле и народную культуру Франции периода Средневековья и Ренессанса, отмечал, что можно с полным правом говорить о «геркулесовой работе смеха» в истории культуры по «очищению земли», по исцелению, освобождению человеческого сознания от всякого рода «чудищ» – ложных страхов, навязанных культов, отживших авторитетов и кумиров, о, так сказать, духовно-терапевтической роли комического в быту и искусстве [Бахтин, 1965]. Комическое играет важную роль и в отношении культуры в целом. С одной стороны, оно способно выступать инструментом разрушения традиций, с другой, сохранять и поддерживать существующую систему, в частности систему стереотипов. Стереотипизация предполагает статичный взгляд на некоторую категорию, взгляд, не предусматривающий уникальность явления, имеющий тенденцию свести некоторое явление к ограниченному числу типов со стандартным набором характеристик, но в то же время стереотипизация делает некоторое культурное пространство более понятным и предсказуемым за счет формирования обобщенных образов и понятий, что, в свою очередь, способствует решению проблем, в частности проблем при конфликте культур.

Литература

Бахтин М. М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худ. лит., 1965. 640 с.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.

Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М. : Юнити-Дана, 2002. 244 с.

УДК 811.58

О. Ю. Воронина

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПРИВЫЧНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ГЛАГОЛОМ «ЕСТЬ» 吃 КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ КИТАЙЦЕВ

Аннотация. Статья посвящена описанию и лингвокультурному анализу одной из разновидностей фразеологических единиц китайского языка – привычным выражениям. На примере выражений с глаголом «есть, принимать, пищу» демонстрируются особенности этнокультурного сознания китайцев, способы его отражения посредством языка в идиоматических выражениях.

Ключевые слова: культура, язык, взаимосвязь, привычное выражение, этнокультурное сознание, переносное значение.

**IDIOMATIC EXPRESSIONS WITH THE VERB «TO EAT»
AS A WAY OF REFLECTING ETHNOCULTURAL CONSCIENCE OF THE CHINESE**

Abstract. The article is aimed at the description and linguocultural analysis of one of the types of phraseological units of the Chinese language – idiomatic expressions. The peculiarity of ethnocultural conscience of the Chinese, the ways of its reflecting in idiomatic expressions are demonstrated in the expressions containing the verb “to eat”.

Keywords: culture, language, correlation, idiomatic expression, ethnocultural conscience, figurative meaning.

Идея связи между языком и культурой говорящих на данном языке людей имеет длительную историю. В наиболее оформленном виде она находит свое отражение в работах лингвистов XIX в., которые способствовали формированию двух точек зрения на соотношение языка и культуры. Согласно первой, язык предопределяет восприятие мира человеком, формирует его мировосприятие. Вторая точка зрения отстаивает первостепенность культуры, которая создает особую, присущую конкретному народу картину мира, важные элементы которой означиваются и вербализуются посредством языка. Несмотря на различие взглядов, неоспоримым остается факт взаимовлияния и взаимопроникновения языка и культуры.

Культурный колорит наиболее ярко проявляется в идиоматике языка, преимущественно представленной фразеологическими единицами. Фразеология наиболее ярко демонстрирует особенности языковой картины мира ее носителей. То, что не означивается в одном языке, получает «избыточное» означивание в другом. Подобное явление можно проследить путем анализа фразеологических оборотов.

Китайский язык, как большинство языков мира, обладает богатым фразеологическим фондом. Фразеологизм всегда был предметом внимания и изучения в Китае, поскольку он дает возможность очень емко, лапидарно описывать явления окружающей действительности, передавать нюансы мироощущения человека [Попова, Стернин, 2007, с. 12]. Фразеологизмы представляют собой квинтэссенцию народной мудрости, передающуюся из поколения в поколение.

Фразеологический фонд китайского языка включает в себя единицы, различные в структурно-семантическом и функционально-стилистическом отношении [Войцехович, 2007, с. 16]. Вслед за китайским лексикологом Ма Гофанем (马国凡) обычно выделяется пять основных типов фразеологических единиц: готовые выражения (成语), пословицы (谚语), поговорки (俗语), недоговорки-иносказания (歇后语), привычные выражения (惯用语).

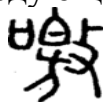
Привычные выражения, или гуаньюньюи, являются одной из наиболее употребительных разновидностей фразеологизмов китайского

языка, уступающих по частотности использования лишь готовым выражениям. Однако долгое время они находились на периферии интересов лингвистов. В Китае активное изучение готовых выражений началось лишь в конце XX в. [王娟, 2015].

Живая разговорная речь является основным источником формирования привычных выражений. Наряду с основными свойствами, такими как воспроизводимость, сверхсловность, целостность значения, образность, присущими всем фразеологическим единицам, для гуаньюня характерна структурная проницаемость, т. е. варьирование лексических компонентов [Войцехович, 2007, с. 298]. Привычные выражения преимущественно имеют трех-, четырехкомпонентную структуру. По характеру стержневого компонента привычные выражения образуют две модели: копулятивную и глагольно-объектную. В данной статье будут рассмотрены выражения, образованные по второму типу модели с глаголом «есть, принимать пищу» 吃 в качестве основного слова. Целью данной статьи является описание и лингвокультурный анализ данных выражений.

Прием пищи является необходимым условием для функционирования человеческого организма, что, безусловно, находит отражение в лексике любого языка. Однако в силу исторических, социально-экономических и демографических факторов прием пищи, ее состав, способы приготовления являются одними из ключевых в формировании национальной картины мира жителей Поднебесной, что находит отражение в языке. Глагол «есть», в терминах А. Вежбицкой, представляет собой одно из «ключевых слов» китайской культуры [Вежбицкая, 2001, с. 36]. В «Исторических записках» (史记) говорится: 民以食为天 «народ считает пищу своим небом», т. е. для народа пища – самое главное. Этот постулат подкрепляется наличием в китайском языке большого количества привычных выражений с глаголом «есть», образно описывающих действия человека, поступки, душевные переживания и т. д.

Этимологически глагол «есть» восходит к изображению человека, кладущего в рот пищу специальным приспособлением. В словаре «Толкование простых, объяснение сложных знаков» (说文解字) глагол имеет следующий вид:

[«吃» 字的基本信息].

В 60-е гг. XX в. во время проведения реформы по упрощению иероглифики правая часть знака 喫 была упрощена, и знак стал записываться 吃. Первоначально же знак 吃 имел значение «заикаться; испытывать трудности в изложении мыслей в устной форме».

В настоящий момент в «Словаре иероглифов современного китайского языка» у глагола 吃 зафиксированы 13 значений, а именно:

- 1) есть, принимать пищу;
- 2) вкушать, пить;
- 3) всасывать, впитывать;
- 4) переносить, терпеть (муки, страдания, порицание);
- 5) питаться (в столовой, ресторане);
- 6) кормиться, питаться (от кого-л., за счёт чего-л.);
- 7) обманывать, одурачивать;
- 8) брать на себя; затрачивать (силы, время);
- 9) истреблять, уничтожать;
- 10) спотыкаться, запинаться;
- 11) угнетать, третировать;
- 12) погружаться, иметь осадку (о судне);
- 13) заикаться.

В «Словаре часто употребляемых гуаньюньюев» (常用惯用语辞典) под редакцией Вэнь Дуаньчжэна, У Цзяньшэна (温端政, 吴建生), опубликованном «Книжным издательством Шанхая» в 2014 г., представлено более 100 глагольно-объектных сочетаний с данным глаголом в качестве стержневого. В результате проведенного анализа было установлено, что глагол 吃 в привычных выражениях употребляется в следующих значениях:

1) переносить, терпеть (муки, страдания, порицание).

Данное значение реализуется в сочетаниях глагола как с существительными, обозначающими продукты питания, так и с существительными, не имеющими отношения к пище. Выражение «吃瘪子» (дословно «питаться оболочкой злаковых») имеет образное значение «оказаться в смешном положении, потерпеть крах». Интересна лексическая сочетаемость выражения «吃不了兜着走», которое дословно означает «унести с собой то, что не в силах доесть». Употребляется в значении «расхлебывать последствия, нести ответственность, поплатиться за что-либо». Выражение «吃不消» (дословно «не переварить, не вынести») употребляется для выражения физической или психологической невозможности выдержать, вынести что-либо. «吃错了药» (дословно «выпить не то лекарство») употребляется по отношению к человеку, допустившему ошибку и подвергнувшемуся вследствие этого насмешкам со стороны других. Значение «испытывать физические страдания, быть побитым» имеет выражение «吃大菜» (дословно «отведать главное блюдо»). Употребление в подобном выражении прилагательного с антонимичным значением «吃小菜» (дословно «есть закуски») также имеет значение «получить наказание». Выражение «吃竹笋汤» (до-

словно «отведать супа из молодого бамбука») указывает на вид наказания палкой [温端政, 吴建生, 2014, с. 66]. «吃花生米» (дословно «есть лущеный арахис») означает быть расстрелянным. Привычное выражение «吃官司» употребляется в значении «попасть под суд, судиться, быть приговоренным к уголовному наказанию».

Еще одним необычным с точки зрения лексической сочетаемости является выражение «吃耳光» (дословно «съесть пощечину»), т. е. «получить удар по лицу, стерпеть пощечину». Часто используемым китайцами в повседневной жизни является выражение «吃苦头» (дословно «питаться горечью»), имеющее значение «терпеть невзгоды (лишения)». Выражение «吃鸭蛋» (дословно «съесть утиное яйцо») употребляется по отношению к учащемуся, получившему плохую отметку. Поскольку яйцо по форме похоже на цифру «0», выражение означает «получить ноль баллов». Выражение «吃哑巴亏» (дословно «молча съесть обиду») имеет значение «безмолвно сносить горе, обиду». «吃眼前亏» (дословно «понести неизбежное поражение») употребляется в значении «осрамиться на глазах у всех»;

2) *кормиться, питаться (от кого-л., за счёт чего-л).*

Данное значение также реализуется в большом количестве привычных выражений. Например, «吃荤饭», дословно «есть мясную пищу», переносное значение – «зарабатывать на жизнь шантажом и подлогом». «吃老本» (дословно «потреблять сэкономленные средства») употребляется в значении «жить за счет прошлых успехов». С точки зрения лексической сочетаемости интересно выражение «吃把势饭». В прошлом лексема «把势» употреблялась для обозначения женщины, торгующей своим телом, поэтому данное выражение приобрело значение «зарабатывать на жизнь проституцией». Выражение «吃百家饭» (дословно «питаться пищей ста домов») употребляется в значении «попрошайничать, просить милостыню». «Есть за счет богатых» передается выражением «吃大户» (дословно «есть в больших домохозяйствах»). Выражение «吃皇粮» (дословно «питаться императорским зерном») в настоящее время употребляется для указания на человека, находящегося на службе в государственных органах. «吃开口饭» (дословно «жить за счёт открытого рта») используется при указании на учителей или певцов. Выражение «吃劳金» (дословно «жить за счет рук») имеет значение «батрачить» и употребляется по отношению к человеку, зарабатывающему на жизнь физическим трудом. Схожее по значению с предыдущим выражение «吃阴间饭» (дословно «жить за счёт еды темного, земного начала»). Оно употребляется для указания на шахтёров, по роду своей деятельности находящихся постоянно под землей. Еще

одно выражение «吃瓦片», имеющее дословное значение «жить за счёт черепицы», употребляется по отношению к людям, живущим за счет сдаваемого в аренду жилья;

3) производным от предыдущего значения является значение *бездельничать, ничего не делать*. Данное значение преимущественно реализуется сочетанием глагола с существительным, распространённым прилагательным бай «白», имеющим в данном контексте значение «без затрат, даром». Например,

«吃白饭» (дословно «бесплатно есть рис») указывает на человека, который ест, но ничего не делает. В данном случае допускается лексическая вариативность – «吃白食». Выражение «吃白相饭» (дословно «есть праздную пищу») употребляется в значении «жить разгульной жизнью». «吃干饭» (дословно «есть отварной рис») употребляется при описании людей, которые ничего не делают и получают деньги. Выражение «吃现成饭» (дословно «есть готовую еду») имеет значение «жить на всем готовом, быть тунеядцем»;

4) *обманывать, одурачивать*.

Привычное выражение «吃挂落儿» (дословно «втягивать кого-либо в неприятности») употребляется в значении «подвергнуть другого человека своему влиянию, обмануть». «吃倒药» (дословно «подсыпать снотворное») означает «вводить людей в заблуждение, вешать лапшу на уши». Выражение «吃了迷魂汤» (дословно «выпить дурманящее зелье») имеет значение «потерять голову от красивых слов; быть обманутым», т. е. стать жертвой обмана. Гуаньюньюй «吃豆腐» (дословно «есть тофу») имеет указание на издевку или подшучивание над кем-либо, зачастую также употребляется в значении «овладеть женщиной обманным путем». «吃野食» (дословно «есть дикую пищу») указывает на мужчину и женщину, вступивших в тайную половую связь. «吃窝边草» (дословно «есть траву у норы зайцев») имеет значение «воровать у своих, крысятничать»;

5) производным от предыдущего значения является значение *(не) получить результат, прибыль, поддержку*.

Выражение «吃二毛» (дословно «съесть два мао») имеет значение «получить выгоду для себя в делах посторонних людей». «Получить прибыль из ниоткуда» имеет выражение «吃飞利» (дословно «ничего не тратив, не приложив усилий, получить выгоду»). «吃油头» (дословно «принимать масло») также имеет значение «воспользоваться случаем, нажиться, поживиться». Выражение «吃回扣» употребляется в значении «получить комиссионные».

Гуаньюньюй «吃子孙饭» (дословно «есть пищу потомков») указывает на совершение злодеяния с целью разжиться. «吃小灶» (дословно «есть отдельно приготовленную еду») имеет значение «пользоваться чьим-то особенным отношением». Значение «не получить никакого результата, уйти ни с чем» имеет выражение «吃闭门羹» (дословно «съесть похлёбку у закрытых дверей»).

Следует отметить, что глагол 吃 в этом значении употребляется также в выражениях, имеющих положительную коннотацию. Так, «吃得开» указывает на что-то, пользующееся успехом, находящееся в ходу, моде. Синонимичным данному выражению является выражение «吃香».

Помимо зафиксированных в словарях значений, глагол 吃 во фразеологизмах данного типа приобретает следующие значения.

Сомневаться, не понимать – «吃不透» (дословно «не проникнуть в суть») употребляется по отношению к человеку, не разобравшемуся до конца, не додумавшемуся до чего-либо. «吃不准» означает «быть неуверенным, сомневаться».

В составе привычного выражения анализируемый глагол может иметь значение *быть спокойным, хладнокровным; не поддаваться раздражению*. Данное значение реализуется в сочетании с существительными, обозначающими лекарственные препараты и т. п. Например, выражение «吃定心丸» дословно переводится «принять успокоительные пилюли». Косвенно-номинативное значение – «не раздражаться, быть спокойным». Выражение «吃泄药» (дословно «принять слабительное») имеет переносное значение «успокоиться, перестать раздражаться, сердиться». «吃葱吃蒜, 不吃姜» (дословно «есть лук, чеснок, но не есть имбирь») означает «не поддаваться раздражению, сохранять хладнокровие».

Кроме того, глагол 吃 может иметь значение *вернуться к привычному занятию, взяться за старое*. Оно реализуется в двух выражениях: «吃回头草» (дословно «есть траву на обратном пути»), т. е. «вновь заняться старым делом, вернуться работать на прежнее место», а также в выражении «吃旧锅粥» (дословно «съесть кашу из старой кастрюли»), что означает «вернуться на старое место, снова заняться старым ремеслом; вернуться к прежним отношениям».

Глагол «есть» в выражении «吃白墨饭» (дословно «вкушать белую тушь (мел)») приобретает значение «учиться, получать образование».

В некоторых выражениях глагол «есть» описывает черты характера человека. Например, «吃豹子胆» (дословно «храбрый, что готов съесть селезёнку леопарда») употребляется в значении «храбрый, как лев; храбрости на двоих хватит». Или выражение «吃铁块拉钢条» (дословно «есть стальной провод») указывает на людей, не меняющих свое

мнение и плохо сходящихся с людьми. «吃硬不吃软» – выражение со схожим значением, дословно «есть твёрдое, не есть мягкое», т. е. «не понимать по-хорошему, подчиняться (сотрудничать) только под давлением».

Выражение «吃洋饭» (дословно «есть иностранную еду») употребляется по отношению к людям, по роду своей деятельности связанным с иностранцами. Гуаньюньюй «吃洋墨水» (дословно «вкушать иностранную тушу») имеет значение «уехать за границу на учёбу или когда-либо в прошлом посетить другую страну» и др.

Проведенный анализ показал, что глагол 吃 в качестве стержневого компонента в глагольно-объектных сочетаниях не употребляется в значениях «брать на себя ответственность», «истреблять, уничтожать», «угнетать, третировать», которые являются неядерными для данного глагола. Однако расширение семантики происходит за счет приобретения глаголом других значений, не зафиксированных в настоящий момент в словарях, а именно «сомневаться», «быть спокойным», «взяться за старое», «учиться», «быть храбрым», «контактировать с иностранцами». Данный факт служит свидетельством непрерывного развития семантического поля глагола и подтверждает тезис о статусе глагола 吃 в качестве «ключевого слова» китайской культуры.

Литература

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Яз. славян. культуры, 2001. 290 с.

Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. М. : АСТ Восток-Запад, 2007. 509 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж : Истоки, 2007. 61 с.

温端政, 吴建生. 常用惯用语辞典. 上海: 辞书出版社, 2014. 466 页.

王娟. 惯用语的特征及文化内涵 // 语言研究. 2015. № 10. URL: <https://www.xzbu.com/9/view-7122028.htm> (дата обращения: 15.06.2018).

«吃» 字的基本信息 // 汉典. URL: <http://www.zdic.net/z/16/zy/5403.htm> (дата обращения: 16.06.2018).

К ПРОБЛЕМЕ РАЗЛИЧЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН ПО ПРЕИМУЩЕСТВЕННОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ В ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Автор рассматривает проблему использования и восприятия прецедентных имен в дискурсе. В связи с этим автор выделяет два вида прецедентных имен: имена-дескрипции и имена-референции. Первые в дискурсе используются для характеристики регулярно, а вторые для характеристики используются редко, нерегулярно, лишь в каких-либо авторских специфических вербализациях или при переходе в культурное пространство другой страны, и в дискурсе преимущественно используются для указания на свой референт. Общим же для всех прецедентных имен является способность выступать в качестве культурного знака, т. е. актуализировать энциклопедическую информацию о каких-либо широко известных исторических или вымышленных событиях, личностях, персонажах, объектах материальной и духовной культуры определенной страны, вызывать у членов определенного лингвокультурного сообщества определенные эмоции, мысли, ассоциации.

Ключевые слова: китайский язык, прецедентное имя, китайскоязычный дискурс, имя-дескрипция, имя-референция.

N. Voropaev

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

ON THE PROBLEM OF PRECEDENT NAMES IDENTIFICATION THROUGH ESTABLISHING THEIR PREDOMINANT USE IN A DISCOURSE (BASED ON CHINESE TEXTS)

Abstract. The author addresses the problem of precedent names use and perception in a discourse. Two kinds of precedent names are distinguished in this regard: descriptors and referents. Descriptor-type names are regularly used for characterisation, whereas referent-type names are relatively seldom and irregularly used for characterisation, except in some author-specific verbalisations or at such times when the discourse enters another country's cultural space; referent-type names are mostly used in a discourse to refer to their primary subject. All precedent names possess a common property, though: it is their ability to function as cultural signs, i.e., to actualise the encyclopaedic information about some famous actual or fictional historical events, persons, characters or about objects of material and spiritual culture of a specific country; as cultural signs, precedent names evoke certain emotions, thoughts and associations when encountered by members of the respective linguistic and cultural community.

Keywords: Chinese language, precedent name, Chinese discourse, descriptor-type names, referent-type names.

Исследуя прецедентные имена (ПИ) китайскоязычного дискурса (КД), мы опираемся на два базовых специфических признака, которые и привлекают исследователей в ПИ и, собственно, формируют феномен ПИ на основе индивидуального имени собственного. Эти признаки – широкая известность референта ПИ и способность данного ПИ выступать в качестве культурного знака, т. е. актуализатора определенных качеств, событий, судеб. Наличие этих двух признаков вместе, полага-

ем, является обязательным для отнесения того или иного имени к числу прецедентных.

В нашей работе «мы в основном рассматриваем прецедентные антропонимы (ПИ1), а также наименования исторических и вымышленных литературных или мифических событий, представляющие собой фразеологизмы разных типов и словесные клише (прецедентные эвентонимы ПИ2), индивидуальные наименования единичных объектов материальной (хремотонимы ПИ3) и духовной (идеонимы ПИ4) культуры Китая» [Воропаев, 2012, 2015].

К ПИ КД мы относим такие широко известные индивидуальные онимы разных типов, фразеологизмы и словесные клише, в основе которых лежат культурные, литературные и исторические сюжеты и которые способны в дискурсе употребляться как экстенционально (референтно), так и интенционально (коннотативно), и всегда сохраняют четкую связь в сознании носителей языка с изначальными референтами. Все ПИ обладают общенациональными инвариантами восприятия, которые в дискурсе зафиксированы в языковых, энциклопедических, лингвокультурологических и специальных словарях.

При характеристике других людей, событий, явлений и предметов (интенциональное коннотативное употребление) и при обозначении собственно первичного референта (экстенциональное референтное употребление) ПИ выступают как культурные знаки, т. е. знаки, актуализирующие в сознании членов китайского лингвокультурного сообщества определенные знания об исторических или вымышленных событиях, персонажах или объектах материальной или духовной культуры Китая или всего мира, а также вызывающие определённые эмоции, мысли, ассоциации.

Однако, полагаем, необходимо различать случаи, когда ПИ в дискурсе употребляется преимущественно интенционально, т. е. для характеристики других людей, ситуаций, предметов, и когда ПИ употребляется преимущественно экстенционально, т. е. указывает на свой референт. В первом случае следует говорить о простой, прямой характеристике, причем характеристика выступает на первый план, и происходит актуализация только тех дифференциальных признаков ПИ, которые релевантны для данной вербализации, например: 现代鲁班创奇迹 «Современные Лу Бани творят чудеса» (заголовок из газеты) [Chen, 1999, с. 118]. Референт ПИ Лу Бань – историческая личность, знаменитый плотник и изобретатель Лу Бань (507–444 гг. до н. э.). Современные китайцы используют его имя для обозначения мастеров своего дела в строительной индустрии.

Во втором случае, полагаем, следует говорить о том, что на первый план выходит весь основной набор дифференциальных признаков

референта ПИ, и апелляция автора произведения (писателя, оратора, художника, музыканта, производителя сувениров, скульптора и проч.) к ПИ и его референту используется в целях обогащения идейно-проблемного содержания произведения, наращивания его духовного заряда, увеличения воздейственной эстетической и этической мощи. В этом случае, полагаем, можно говорить о сложной, косвенной характеристике каких-либо компонентов контекста, содержащего ПИ. Например: 特别是在组织“支持北京申办奥运万人大签名”的活动中, 孔小虎率领几百名旅俄华商组成的方阵, 齐呼“2008, 北京成功”的口号, 迈着整齐的步伐行进在莫斯科革命广场上, 炎黄子孙, 声威大振。此外, 孔小虎还担任着俄罗斯中国和平统一促进会副会长的职务。 «Особый резонанс вызвало мероприятие под названием “Сбор подписей десяти тысяч человек в знак поддержки города Пекина в заявлении провести Олимпиаду”. Несколько сотен находящихся в России китайских коммерсантов под предводительством Кун Сяоху, образовав мобильный отряд, стройно скандировали лозунг “В 2008 г. Пекин добьется успеха”. С достоинством и большим воодушевлением потомки первых китайских императоров Янь и Хуана прошли стройным шагом по московской площади Революции. Кроме этого, Кун Сяоху занимает пост заместителя председателя российского комитета содействия мирному объединению Китая» [Shijie huaren mingren lu, 2004, p. 3].

В данном отрывке текста использованы ПИ1 Янь и Хуан (имена двух мифических императоров Китая, которые вместе в виде фразеологизма (ПИ4) 炎黄 Yan Huang обозначают прародителей китайской нации), посредством которых актуализируется информация о Китае как о стране с древнейшей историей и культурой и о том, что для китайцев в борьбе за проведение Олимпиады мощной духовной поддержкой является осознание себя продолжателями древней цивилизации и всем известным первопредков.

Полагаем, в первом случае следует говорить о ПИ-дескрипциях. То есть такое ПИ обрело в лингвокультурном сообществе достаточную известность, и его использование для характеристики трактуется получателями сообщения однозначно и ясно как дескрипция (от англ. *description* – описание; характеристика; обозначение; наименование). Отметим, что мы используем здесь термин дескрипция в несколько нетрадиционном значении. Обычно в лингвистике под дескрипцией понимается (от лат. *descriptio* – описание) языковая конструкция, заменяющая собственное или нарицательное имя предмета. В естественном языке передается словосочетаниями типа «тот... который...» и «такой... что...». Однако мы полагаем, что для описания ПИ данный термин вполне подходит. Так как ПИ, обычно являясь весьма компактным знаком, включает в себе большой потенциал для развернутого описания, и

даже если его значение стало нарицательным и четко соответствует одному слову, например «Чжугэ Лян – мудрец», тем не менее, в сознании коммуникантов, подспудно, например, это ПИ автоматически развивается до минимальной дескрипции: «мудрый, как Чжугэ Лян» (Чжугэ Лян, 181–234 гг., историческая личность, полководец, государственный деятель царства Шу и герой классического романа «Троецарствие»; нариц. мудрец, стратег), потому что, во-первых, основной особенностью ПИ является всегда присутствующая неразрывная связь имени с его референтом в сознании носителя языка, во-вторых, возникновение в дискурсе самого ПИ уже вынуждает мысленно прочитывать подобные дескрипции с конструкцией уподобления. И чем сложнее структура стоящих за ПИ представлений, тем объемнее могут быть эти произносимые, но возникающие в сознании дескрипции.

Во втором случае появление в тексте или любом другом речевом произведении ПИ, казалось бы, является простой референцией (от англ. *reference* – ссылка, указание, отсылка к источнику), т. е. указанием на референта ПИ. Однако специфика семантики ПИ в том-то и заключается, что это имя хорошо известно всем и все члены лингвокультурного сообщества владеют какими-либо энциклопедическими знаниями о референте ПИ, и даже простое появление ПИ в тексте автоматически подспудно активизирует память реципиента сообщения и или актуализирует определенные дифференциальные признаки референта этого ПИ в сознании получателя информации, или просто оживляет, интенсифицирует процесс восприятия текста, благодаря увиденному (услышанному) хорошо знакомому знаку (ПИ). Приведем простой пример. Когда анонсируется новый фильм и объявляются занятые в нем актеры, то мы чаще всего склонны испытывать положительные эмоции, слыша знакомые фамилии известных актеров, хотя эффект может быть и прямо противоположный, если актеры нам по каким-либо причинам не нравятся, главное – на известные имена есть какая-либо реакция, возникают эмоции и мысли. Неизвестные имена и фамилии никаких реакций вызвать не смогут, за исключением специфических (странная, смешная или необычная фамилия, или редкое имя).

Таким образом, ПИ, которые в дискурсе используются для характеристики регулярно, мы предлагаем в необходимых случаях называть ПИ-дескрипциями, а ПИ, которые для характеристики используются редко, нерегулярно, лишь в каких-либо авторских специфических вербализациях или при переходе в культурное пространство другой страны, и которые в дискурсе преимущественно используются для указания на свой референт, предлагаем называть ПИ-референциями. Это различие обусловлено разными дифференциальными признаками, формирующими инварианты восприятия того или иного ПИ в лингвокультур-

ном сообществе и возможностями возникновения в дискурсе ситуаций, когда использование того или иного имени для характеристики будет релевантным.

Полагаем, что такое условное различие ПИ в их функционально-семантическом аспекте необходимо для более эффективного изучения ПИ китайскоязычного дискурса с позиций инофона.

Приведем примеры использования ПИ в стихотворениях Мао Цзэдуна. Авторы книги «Изучение культурно-языковых обычаев русского и китайского языков» Лю Гуанчжунь и Хуан Сухуа пишут, что Мао Цзэдун хорошо владел знаниями по истории буддизма и о важных личностях истории буддизма, таких как Шакьямуни (释迦牟尼 Shijiamuni), Сюаньцзан (玄奘 Xuanzang), Хуэйинэн (慧能 Huineng). В своих речах и статьях он часто использовал сюжеты и имена из сферы буддизма. Особенно хорошо Мао Цзэдун знал персонажей и ситуации романа «Путешествие на Запад» и в разных случаях по разному поводу неоднократно упоминал их» [Liu, Huang, 1999, p. 204]. Например, 17 ноября 1961 г. он написал стихотворение «С товарищем Го Можо» (《和郭沫若同志》 “He Guo Momo tongzhi”). Приведём его в нашем переводе.

一从大地起风雪， поднялась по всей земле вьюга несусветная,
便有精生白骨堆。 И из брошенных останков появился Байгу-цзин.
僧是愚氓可训， От монаха толку не было – не было его глупей,
妖为鬼域必成灾。 Появились черти-дьяволы, значит – быть беде.
金猴奋起千钧棒， Обезьяна с палкой рыжая смело в бой пошла,
玉宇澄清万里埃。 Во Дворце яшмовом быстро порядок навела.
今日欢呼孙大圣， И сегодня призываем радостно Суня-мудреца,
只缘妖雾又重来。 Ведь опять из мглы зловещей к нам идёт беда.

В этом стихотворении Мао Цзэдун использовал сюжет прецедентного текста китайскоязычного дискурса (классического романа «Путешествие на Запад»), а именно прецедентную ситуацию, описанную в главе 27 (как Сунь Укун победил Оборотня непогребённых костей). Стихотворение связано с борьбой против ревизионизма, развёрнутой в Китае в начале 60-х гг. XX в. Как видно, здесь ПИ Сунь Укун в виде 金猴 jin hou «золотистая обезьяна [уважительное прозвище Сунь Укуна]», актуализируется посредством атрибутов внешности – золотистой шерсти и волшебной дубинки (палки). Усилителями представления данного ПИ являются упоминание прецедентной ситуации во Дворце Яшмового императора и, затем, уже явное обозначение «Сунь-мудрец» (孙 大 圣 Sun dasheng). Как видно, в данном стихотворении использованы ещё четыре ПИ: Дух непогребённых костей (白 骨 精 baigu jing) в форме 白 骨 堆 baigui dui ‘груда непогребённых костей

мертвеца’ (ПИ-идеоним), Тансэн (唐僧 Tangseng) как глупый монах, которого надо учить и учить, в виде 僧 seng ‘бонза; буддийский монах’ (ПИ-антропоним), 千钧棒 qian jun bang ‘дубинка весом в тысячу цзюней [цзюнь – мера веса в старом Китае, равная 30 цзиням, цзинь – мера веса, равная 0,5 кг]’ (ПИ-идеоним) и 玉宇 Yu yu ‘Яшмовый дворец; чертоги небесного владыки’ (ПИ-идеоним). В данном примере ПИ Сунь Укун, являющееся мощным именем-deskрипцией, употребляется, тем не менее, как имя-референция.

А первого июля 1958 г., узнав о том, что в уезде Юйцзянсянь уничтожили эпидемию шистосомы (шистосоматоза), Мао Цзэдун был настолько взбудоражен этим известием, что не спал всю ночь, размышлял, а на рассвете написал два уставных семисловных стихотворения под общим названием «Похороны злого духа» (《送瘟神》 “Song wen shen”), в которых также использовал ПИ китайскоязычного дискурса. Приведём эти стихотворения в нашем переводе.

I.

绿水青山枉自多，
华陀无奈小虫何。
千村薜荔人遗矢，
万户萧疏鬼唱歌。
坐地日行八万里，
巡遥看一千河。
牛郎欲问瘟神事，
一样悲欢逐逝波。

Глубокие воды и горы, заросшие лесом, напрасно довольны собой,
Даже светила большой медицины бессильны пред этой бедой¹.

Низшие демоны эти сожрали тысячи деревень,
Слышится только в селеньях этих ужасный вой чертей.

Сижу я здесь, а мысли все о родной земле,

Взираю вдаль я в небо над Китаем.

Пастух² и тот узнать желает о борьбе с заразой этой,

И радуется, и страдает вместе с нами.

II.

春风杨柳万千条，
六亿神州尽舜尧。
红雨随心翻作浪，
青山着意化为桥。

¹ Дословный перевод этой строки: «Хуа То оказались беспомощны перед червями-паразитами».

² Китайская астрология: звезда Пастух (α созвездия Орёл).

连五岭银锄落，
地动三河铁臂摇。
借问瘟君欲何往，
纸船明烛照烧。

Гуманностью и милосердием страна полна сейчас,
И люди стали все в ней совершенны¹.
Желанных перемен настали времена,
И горы превращаются в мосты.
И на Улин² с мотыгами люди взошли,
Земля дрожит, на реках всюду руки из железа.
Куда деваться духам зла теперь,
Жжёт вся страна лодчонки из бумаги³.

В стихотворении I Мао Цзэдун употребил ПИ-антропоним Хуа То, а в стихотворении II – ПИ-антропонимы Яо и Шунь, ПИ-идеоним 神州 Shen zhou «Китай; Шэньчжоу (название территории Китая в эпоху Чжаньго)», ПИ-хремотоним 五岭 wu ling «Пять горных хребтов», ПИ-идеоним 三河 san he «три реки (Хуанхэ, Хуайхэ и река Ло; образно в значении: множество рек)». ПИ Хуа То использовано для характеристики знаменитых и опытных медицинских работников. ПИ Яо и Шунь являются именами мудрейших легендарных вождей, которые объединили племена древнего Китая. Шунь был после Яо. Как гласит легенда, когда Яо постарел, он уступил своё место императора Шуню. Они жили до XXI в. до н. э. Во второй части раздела «Сици» книги «И» говорится: «После смерти Шэн-нуна вожаками были сначала Хуанди, потом Яо и за ним Шунь. Во времена Хуанди, Яо и Шуня не было рабства, общество было стабильным и процветающим». В разделе «Дасюэ» канона «Лицзи» написано: «Яо и Шунь очень гуманно правили Поднебесной, хорошо относились к народу, поэтому народ подчинялся им». В разделе «Тэнвэнь гуншан» канона «Мэн-цзы» говорится: «Когда Мэн-цзы рассуждал о природной склонности человека к добру, непременно упоминал Яо и Шуня» [Chen, 1999, с. 38].

Можно заключить, что ПИ Яо и Шунь реализуют в этом контексте не основной общенациональный инвариант восприятия, который вербализуется как «мудрые правители» или «символ совершенной мудрости», но более общий периферийный инвариант восприятия, который

¹ Дословный перевод этой строчки: 'в шестисотмиллионном Китае повсюду Шуня и Яо'. Здесь традиционная последовательность этих ПИ (Яо и Шунь) нарушена в угоду рифме.

² Улин – Пять горных хребтов (Даюйлин, Юэчэнлин, Дупанлин, Мэнчжулин и Цитяньлин; в провинции Гуандун и Гуанси-Чжуанском автономном районе, и в провинции Цзянси и Хунань, КНР).

³ Согласно старинным китайским суевериям от злых духов можно избавиться, совершив определённый ритуал, в данном случае сжечь бумажные кораблики.

можно обозначить как «символ добрых, совершенных отношений между людьми». Таким образом, все ПИ-антропонимы в этих двух стихотворениях использованы как имена-дескрипции.

Приведём пример с использованием прецедентного имени Дэн Сяопин.

第二, 乐观和坚韧是领导者扭转困境、走向成功的关键。

第三, 伟大的领导者还要抱有务实的态度和求实的精神。同时怀抱乐观和务实的态度是不容易的。乐观易于使人盲目, 而面对困境的现实又使人容易沮丧, 能够将乐观、坚韧和务实的态度结合起来是逆境中领导力能够发挥作用的关键所在。我们敬仰的邓小平正是兼具这些特质的杰出领袖的典范。他一生中曾三落三起, 却始终保持坚韧和乐观, 成为人们眼中“永远打不倒的人”。作为“中国改革开放的总设计师”, 他提出的“让一部分人先富起来”、“一国两制”、“韬光养晦”等一系列切实的原则, 让中国在经济、政治和外交上赢得了发展的机遇和空间。

«Во-вторых, оптимизм, непреклонность и стойкость руководителя являются ключевыми элементами для выхода из тупика и движения к успеху. В-третьих, великие руководители должны ещё придерживаться прагматичного отношения и делового подхода. Однако быть преисполненным чувства оптимизма и деловитости нелегко. Оптимизм легко может ослепить человека и заставить действовать его наобум, а реальность тяжёлого безвыходного положения может легко заставить человека упасть духом. Именно способность соединить оптимизм, стойкость и прагматичное деловое отношение является ключевым моментом того, что руководящие способности в неблагоприятных условиях могут сыграть свою роль. Дэн Сяопин, перед которым мы благоговеем и преклоняемся, является как раз примером выдающегося лидера, сочетающего в себе все эти особые качества. За свою жизнь он три раза падал и три раза поднимался, но всегда сохранял стойкость и оптимизм и в глазах людей стал “непобедимым человеком”. Будучи “архитектором китайских реформ”, он выдвинул серию насущных принципов, таких как “пусть сначала разбогатеет часть людей”, “одна страна – две системы”, “до поры скрывать свои таланты, скромно держаться в тени” и другие с тем, чтобы Китай в сфере экономики, политики и международных отношений добился шанса и пространства для своего развития» [Peng, 2009, с. 2].

В данном примере ПИ Дэн Сяопин использовано как ПИ-референция, т. е. здесь говорится именно о Дэн Сяопине. Но, как видно, ПИ Дэн Сяопин реализует здесь весь свой мощный потенциал прецедентности. Дэн Сяопина ставят в пример как выдающегося руководителя. Фраза «Дэн Сяопин, перед которым мы благоговеем и преклоняемся», конечно же, вызывает эмоции. Далее упоминаются события из

жизни Дэн Сяопина (три раза падал и три раза поднимался), выдвинутые им принципы и стратегии («пусть сначала разбогатеет часть людей», «одна страна – две системы», «до поры скрывать свои таланты, скромно держаться в тени»), которые уже стали прецедентными фразеологическими единицами китайского языка.

Итак, ПИ-описания обладают инвариантами восприятия, которые закреплены в КД в виде устойчивых словесных клише или, если имя уже стало нарицательным, – определенных конкретных слов. ПИ-описания часто связаны с большим количеством фразеологизмов разных типов (чэньюй, сехоуэй, гуаньюньюй) или являются таковыми и известны большинству социализированных членов лингвокультурного сообщества. ПИ-описания регулярно используются для характеристики других людей или ситуаций, явлений, предметов в современном китайскоязычном дискурсе.

Например, ПИ Пань Ань служит в КД для обозначения красивых мужчин. Инвариант восприятия ПИ Пань Ань – «красавчик». Например: 难道她真个嫌我丑陋，一定要选个潘安不成？ «Неужели я для нее не привлекателен? Видно, вознамерилась найти себе Пань Аня» [Chen, 1999, С. 132]. В китайском языке существуют устойчивые обороты, связанные с именем Пань Ань: 貌似潘安 «быть похожим на Пань Аня» и 潘安之貌 «наружность Пань Аня». В данном примере ПИ Пань Ань выполняет роль описания, которая благодаря широчайшей известности и простоте значения данного ПИ может быть выражена одним словом «красавец», хотя возможны и более развернутые описания, например «(очень) красивый мужчина». Используемое в этом примере ПИ Пань Ань фактически является скрытой (сжатой) описанием «очень красивый мужчина», которая возникает в сознании носителя китайского языка при восприятии данного ПИ в подобном высказывании.

ПИ-референции обладают инвариантами восприятия, которые в сознании членов лингвокультурного сообщества представлены блоком основной информации энциклопедического характера, фактами из жизни референта данного ПИ, благодаря которым его имя и стало широко известным. Другими словами, для данного имени в лингвокультурном сообществе еще не выделился однозначный инвариант восприятия, как у ПИ-описаний. Поэтому при упоминании данного имени адресат в первую очередь осознает его только в связи с референтом и лишь в особых случаях, опираясь на контекст, указывающий на конкретный дифференциальный признак или прецедентную ситуацию из жизни референта ПИ, ПИ-референция может быть воспринята как ПИ-описание.

Можно сделать вывод, что арсенал прецедентных имен-описаний стабилен и достаточно ограничен, фактически закрыт и пополняется медленно, тогда как арсенал ПИ-референций подвижен, склонен к

быстрому обновлению, отражает современные ценности через имена современных кумиров и связанных с ними ситуаций.

Если говорить о ПИ, которые являются именами исторических личностей, топонимами, именами персонажей произведений разных видов искусств и наименованиями других важных объектов и прецедентных ситуаций китайского культурного пространства, то их общенациональные инварианты восприятия обычно представлены статьями в энциклопедических словарях. Однако в обществе, в сознании китайцев эти инварианты восприятия существуют в виде так называемых национально детерминированных минимизированных представлений (НДМП) (термин Д. Б. Гудкова) [Гудков, 2003, с. 129] об этих референтах прецедентных имен. Причем такие НДМП о ПИ-дескрипциях сложились в определённые фиксированные словесные клише или фразеологизмы, которые сформировали в сознании членов китайского лингвокультурного сообщества четко ограниченное количество значений данных ПИ, что и позволяет данным ПИ регулярно употребляться для характеристики.

НДМП о ПИ-референциях обычно соответствуют словам, с которых начинаются статьи, посвященные референтам ПИ в энциклопедиях или в кратких информационных сообщениях средств массовой информации. Если же данные ПИ-референции обладают высокой степенью известности в лингвокультурном сообществе, то НДМП могут быть представлены также устойчивыми словосочетаниями и словесными клише. Например: ПИ-референция 姚明 Yao Ming Яо Мин (историческая личность, современный китайский спортсмен, родился в 1980 г. Общенациональный инвариант восприятия референта ПИ – «один из ведущих баскетболистов Китая, самый влиятельный китайский баскетболист в Национальной баскетбольной ассоциации [NBA]»). На церемонии открытия летней Олимпиады 2008 г. в Пекине именно ему было поручено нести государственный флаг КНР [Адрианов, 2007, с. 29]. Примечательно, что инвариант восприятия референта данного ПИ, т. е. базовую информацию об этом известном спортсмене, мы почерпнули в российском издании, что говорит о высокой степени известности данного имени уже за пределами Китая.

Приведем пример ПИ-референции Цай Лунь, возраст которого сопоставим с возрастом многих ПИ-дескрипций, и это ПИ, конечно же, приближается к категории ПИ-дескрипций и отличается от них лишь тем, что не способно регулярно употребляться для характеристики, описания других людей. Дело в том, что для данного ПИ с его инвариантом восприятия 'изобретатель технологии изготовления бумаги' в современном обществе едва ли регулярно могут возникать ситуации или объекты, которые можно было бы характеризовать с его помощью.

В энциклопедическом культурологическом словаре «Люди истории» этому имени посвящена статья, которая начинается следующими двумя предложениями, которые можно считать вербализацией общенационального инварианта восприятия данного имени в китайском лингвокультурном сообществе:

蔡伦 Cai Lun (? – 121 年)东汉造纸术发明家。他总结前人经验,用树皮、麻头、破布、旧渔网等原料经挫、捣、抄、烘等工艺造纸,称“蔡侯纸”,对改革和推广造纸术有很大贡献,后世称其为造纸术的发明者。《Цай Лунь (? – 121 г.) – изобретатель технологии изготовления бумаги, живший в период династии Восточная Хань. Обобщив опыт предшественников, он, используя технологию измельчения, отваривания и сушки древесной коры, ветоши, лубяных культур и старых рыболовных сетей, изготавливал бумагу, которую называли “бумагой Цая”». Цай Лунь внес большой вклад в дело реформирования и распространения технологии изготовления бумаги, и его стали называть изобретателем технологии изготовления бумаги.

В оглавлении словаря также представлен, по сути, инвариант восприятия этого ПИ: 造纸术的发明者—蔡伦 ‘Изобретатель технологии изготовления бумаги – Цай Лунь’ [He, 2007, с. 68].

Китайцы гордятся своими четырьмя изобретениями – бумагой, книгопечатанием, компасом и порохом. Поэтому имя человека, который одно из этих важнейших изобретений человечества закрепил за Китаем технологически и исторически, в том числе самим фактом своей жизнедеятельности, фактически является символом этого важного изобретения. Таким образом, и простое упоминание данного имени в тексте как ПИ-референции всегда однозначно актуализирует в сознании носителя китайского языка факт этого великого изобретения и, следовательно, косвенно характеризует Китай как выдающуюся страну, в которой жил и работал такой выдающийся человек.

Список сокращений

ПИ – прецедентное имя

КД – китайскоязычный дискурс

ПИ1 – прецедентное имя-антропоним (широко известное имя человека или человекоподобного существа)

ПИ2 – прецедентное имя-эвентоним (широко известное наименование исторических и вымышленных событий, представляющее собой фразеологизм или словесное клише)

ПИ3 – прецедентное имя-хремотоним (широко известное индивидуальное наименование единичного объекта материальной культуры Китая)

ПИ4 – прецедентное имя-идеоним (широко известное индивидуальное наименование единичного объекта духовной культуры Китая)

НДПМ – национально детерминированное минимизированное представление

Литература

Адрианов Е. Игры в Пекине – самые! // Китай.RU. Журнал про умный и дорогой Китай. 2007. № 2. С. 24–29.

Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 315 с.

Воропаев Н. Н. Прецедентные имена как инструменты политики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21 Управление (государство и общество). 2015. № 4. С. 129–142.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : ИТДГК Гнозис, 2003. 288 с.

Chen X.中国文化中的典型人物与事件 / 陈贤纯编著. –北京: 北京语言文化大学出版社, 1999 年. Прецедентные персонажи и события в культуре Китая / Сост. Чэнь Сяньчунь. Пекин : Изд-во Пекин. ун-та яз. и культуры, 1999. 309 с.

He Y. 历史上的那些人 / 何跃青. –北京: 地震出版社, 2007 年. Люди истории / сост. Хэ Юэцин. Пекин : Землетрясение, 2007. 243 с.

Liu G., Huang S. 俄汉语言文化习俗探讨 // 刘光准, 黄苏华著. –北京: 外语教学与研究出版社, 1999 年. Изучение культурно-языковых обычаев русского и китайского языков // Лю Гуанчжунь, Хуан Сухуа. Пекин : Преподавание и изучение иностр. яз., 1999. 231 с.

Peng J. 彭剑锋 (2009): 逆境中打造中国中小企业领导力. Пэн Цзяньфэн. В неблагоприятных условиях выработать руководящие способности средних и малых предприятий Китая. URL: <http://www.cqvip.com/qk/90435A/200836/29467069.htm> (дата обращения: 18.04.2018).

Shijie huaren mingren lu 世界华人名人录 2004 年. 总第九期。世界华文出版社。Справочник «Знаменитые китайцы мира». Издательство «Китайская литература в мире». 2004. Вып. 9.

УДК 159.9

О. А. Вышинская

ГОКУАО «Общеобразовательная школа при учреждениях исполнения наказания», Благовещенск

ЯЗЫКОВЫЕ ТРУДНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ-ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ ОТБЫВАНИИ НАКАЗАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В РФ

Аннотация. Иностранные граждане, совершив преступление на территории России, в основном отбывают наказание в учреждениях исполнения наказания РФ. В настоящее время осужденные иностранцы содержатся совместно с осужденными россиянами. Согласно законодательству РФ, международным договорам, иностранцы подлежат уголовной ответственности на общих основаниях. В статье анализируется нормативно-правовая база уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной систем РФ в контексте создания определенных условий для преодоления языковых трудностей иностранцев, попавших за совершение преступления в российские пенитенциарные учреждения.

Ключевые слова: иностранные граждане, уголовно-исполнительная система, пенитенциарные учреждения, осужденные к лишению свободы, языковой барьер, переводчики, допрос, следствие.

O. Vyshinskaya

General Education Government Agency «Secondary School
at Penitentiary Institutions», Blagoveshchensk

LANGUAGE DIFFICULTIES OF CONVICTED ALIENS SERVING SENTENCES IN PRISON IN RUSSIA

Abstract. Foreign citizens, having committed a crime on the territory of Russia, mainly serve their sentences in the penal institutions of the Russian Federation. Currently, convicted foreigners are held together with convicted Russians. According to the legislation of the Russian Federation and international treaties, foreigners are subject to criminal liability on general grounds. The article analyzes the legal framework of the criminal procedure and the penal system of the Russian Federation in the context of creating certain conditions to overcome the linguistic difficulties of foreigners who have been put in Russian penitentiary institutions for committing a crime.

Keywords: foreign citizens, penal system, penitentiary institutions, convicted to imprisonment, language barrier, translators, interrogation, investigation.

Федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» [О правовом положении ...] определяет правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации, а также регулирует отношения между иностранными гражданами, с одной стороны, и органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами указанных органов, с другой стороны, возникающие в связи с пребыванием (проживанием) иностранных граждан в Российской Федерации и осуществлением ими на территории Российской Федерации трудовой, предпринимательской и иной деятельности.

Оказавшись за рубежом с различными целями, необходимо осознавать, что с пересечением границы надо соблюдать законы иностранного государства. В основном большой процент иностранцев в РФ едут в частные поездки, ищут работу по найму или путешествуют.

Находясь на территории РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, к сожалению, совершают уголовные преступления. Подозреваемых в совершении уголовного преступления изолируют на время выяснения обстоятельств в следственный изолятор. Наши тюрьмы переполнены, и создать улучшенные условия для иностранных «гостей» невозможно. В СМИ отмечают, что есть камеры для иностранцев, на практике «селят» в общие. Представьте себя в тюрьме чужого государства, и сразу будет ясно, что вы не понимаете, и вас не понимают. Общение происходит на уровне жестов.

Во время пребывания в тюрьме, подозреваемые становятся участниками уголовного судопроизводства. Языковой барьер на данном этапе становится препятствием для объективного расследования. Выход, конечно, есть – нужно пригласить переводчика. Но зачастую в штате следственных органов переводчиков нет, при приглашении со стороны есть вероятность недостоверных сведений об обстоятельствах совершенного преступления. Перевод с иностранного языка в ходе следствия происходит при выполнении следователем ряда условий: допрос в отдельном ка-

бинете, оборудованный видеозаписывающей аппаратурой, выбор переводчика – носителя языка подозреваемого, оформление официального участия переводчика в ходе следствия, составление вопросов для выяснения обстоятельств совершения преступления, написание протокола, используя перевод показаний подозреваемого. Все перечисленное создает определенные сложности для объективного ведения следствия.

После объявления приговора, осужденные этапируются в места отбывания наказания на сроки, определяемые судом. За время отбывания наказания, от одного года до 25 лет, осужденные-иностранцы оказываются в условиях изоляции. При отбывании наказания осужденные – иностранные граждане и лица без гражданства вправе использовать родной язык или любой другой язык, которым они владеют, а в необходимых случаях пользоваться услугами переводчика. На практике осужденные иностранцы вынуждены строго выполнять режимные требования содержания в уголовно-исправительном учреждении. Вряд ли в колониях есть возможность общаться с соотечественниками на родном языке, и услуги переводчика предоставляются в крайних случаях. Процент иностранцев в российских колониях незначительный – от 2 до 10 %, поэтому необходимости представлять информацию на иностранных языках нет. Принимая наш образ жизни, они начинают учить русский язык. Сначала на бытовом уровне. Потом пытаются читать и писать. Официально обучение русскому языку в пенитенциарной системе РФ не происходит, но при желании осужденные могут обучаться в школах при колонии или путем самообразования.

Необходимо отметить, что в период пребывания в России иностранцев в качестве предпринимателей, строителей, туристов и др. у них есть возможность выучить отдельные русские слова. Зачастую они понимают смысл сказанного. Но при определенных условиях, когда им выгодно избежать наказания, делают вид, что они совсем не ориентируются в обстановке.

В дальневосточных колониях отбывают наказание в основном представители стран Азиатско-Тихоокеанского региона: китайцы, вьетнамцы и корейцы. Около половины из осужденных иностранцев – выходцы из стран Средней Азии: Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана. Есть также граждане Белоруссии, Украины, Молдавии, Азербайджана, Грузии, стран Балтии – представители всего постсоветского пространства. Дальневосточники, налаживая дипломатические, экономические и культурные связи со странами АТР, конечно, изучают иностранные языки этого региона. Поэтому найти квалифицированного переводчика не составляет труда, но выполнять эту роль в уголовном деле соглашается не всякий по понятным причинам.

Литература

О правовом положении иностранных граждан в РФ : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Гарант [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, Ши И
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ПРИМЕНЕНИЕ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА В СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Аннотация. Основная цель статьи заключается в представлении и обсуждении возможностей сетевого подхода в осуществлении сравнительного анализа ценностей предпринимательства как с содержательной, так и с методической сторон. Показано, что ценности могут выступать в качестве универсального объекта сравнительных исследований характеристик различных групп предпринимателей. В частности, сетевой анализ ценностей позволяет сравнивать деятельность российских и китайских предпринимателей и выявлять их важные характеристики. На основе сетевой диагностики ценностей российских и китайских предпринимателей, выявлены и сформированы сети ценностей российских и китайских предпринимателей, сформированы матрицы для сравнения терминальных ценностей российских и китайских предпринимателей, представлен подход для осуществления сравнительного анализа ценностей китайских предпринимателей в системе ценностей россиян. На основе проделанной работы сделаны выводы об особенностях ценностей предпринимательства россиян и китайцев.

Ключевые слова: ценности, сети ценностей российских и китайских предпринимателей, сравнительный анализ ценностей.

P. Deryugin, L. Lebedintseva, Shi I
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

USE OF NETWORK ANALYSIS IN COMPARATIVE STUDY OF THE VALUES OF RUSSIAN AND CHINESE ENTREPRENEURS

Abstract. The main purpose of the article is to present and discuss the results of the study of network approach possibilities in the comparative analysis of the values of entrepreneurship, both from the content and from the methodological sides. It is shown that the values can serve as a universal object of comparative research of entrepreneur groups. In particular, the network analysis of values allows us to compare the activities of Russian and Chinese entrepreneurs and to identify their important characteristics. Basing on the network diagnostics of Russian and Chinese entrepreneurs' values, the authors identify and form networks of values of Russian and Chinese entrepreneurs, establish matrices for comparison of terminal values of Russian and Chinese entrepreneurs, and present an approach for comparative analysis of values of Chinese entrepreneurs in the system of values of Russians. The authors make conclusions about the features of the values of entrepreneurship of Russians and the Chinese.

Keywords: values, value networks of Russian and Chinese entrepreneurs, comparative analysis of the values.

Проблемность осуществления сравнительного исследования ценностей предпринимательства российских и китайских предпринимателей заключена прежде всего в выборе тех критериев, которые могут выступить значимыми для изучения этих ценностей [Яикова, 2008, с. 58]. Это вполне понятно, поскольку в настоящем случае предприниматели представляют различные социокультурные группы с особым

менталитетом, историей и традициями ведения экономической деятельности. При осуществлении таких исследований возникает ряд предметных и методических проблем, которые требуют научного обсуждения.

Ценности как объект социологического исследования обладают целым рядом достоинств, которые описаны в [Сравнительный анализ ценностей ... , 2017].

Важнейшей особенностью ценностей как объекта социологического исследования выступает возможность сравнительного анализа респондентов самых различных профессиональных, возрастных, этнических и национальных групп. Поскольку, как говорит Н. Луман, «ценность ценности есть та позиция, исходя из которой наблюдают, требуют, ангажируются и обнаруживают себя способными к действию» [Луман, б. д.]. Это означает, что ценностный мир человека предопределяет его поведение и действия.

Актуальность настоящего исследования обусловлена теми практическими обстоятельствами, что, во-первых, в европейской части России китайских мигрантов, в том числе и предпринимателей, уже давно больше, чем в восточной части нашей страны. Во-вторых, как считают некоторые исследователи, можно говорить о специфических особенностях китайских предпринимателей, действующих на территории мегаполисов и в российской глубинке.

Наши гипотезы выстраивались на основании анализа публикаций, в которых отражались характеристики деятельности российских предпринимателей и предпринимателей-мигрантов, в том числе китайских, в Северо-Западном регионе России. **Гипотетически** мы предположили, что предприниматели, как российские, так и китайские, будут более четко понимать конечные цели предпринимательской деятельности и эти цели будут совпадать у предпринимателей обеих групп в отношении экономических интересов предпринимательства. Наряду с этим понимание гуманитарных и социальных целей, а также средств достижения целей у российских и китайских предпринимателей будет различным. В частности, будет отличаться отношение к человеческому потенциалу, понимание роли профессиональных кадров в предпринимательстве, внимание к их подбору, обучение и пр.

Объект исследования – российские и китайские предприниматели, действующие в пространстве Санкт-Петербурга. Исследование охватывало период времени 2,5 года. В нем приняли участие в общей сложности 731 чел. В том числе, среди респондентов были выделены специфические социально-демографические группы, по-разному относящиеся к предпринимательству. Характеристика респондентов-участников исследования представлена в табл.

Таблица

Категории респондентов		Средний возраст, лет	Время участия в предпринимательстве	Самооценка достигнутых результатов	Количество респондентов (N)
Молодежь не занятая в предпринимательстве	«Молодежь»	22,7	-	-	342
	«Селигеровцы»	24,8	от 0 до 6,7 лет	?	183
Молодые предприниматели	«Самозанятые»	23,6	от 0 до 8,1	Удовлетв	34
	«Стартаповцы»	25,3	от 0 до 4,6	Удовлетв	47
Состоявшиеся предприниматели	«Успешные»	36,8	от 14 до 18 лет	Успешные	48
Долгожители в предпринимательстве	«Преуспевающие»	52,3	от 20 до 27 лет	Преуспевающие	23
Старшее поколение не занятое в предпринимательстве	«Старшие»	55,3	-	-	51
Китайские предприниматели	«Китайцы»	24,7	от 2 до 12 лет	Удовлетв	50

Предмет исследования – ценности предпринимательства российских и китайских предпринимателей.

Методика исследования, позволяющая моделировать сети терминальных и инструментальных ценностей молодых предпринимателей, основывалась на положениях теорий М. Клакхонома, М. Рокича, Р. Вильямса. Эта методика подробно описана в публикации Л. В. Яиковой [2008], а также в [Social network analysis ... , 2016].

Результат 1. Выявлены и сформированы сети ценностей российских и китайских предпринимателей.

На основе полученных анкетных данных и проведения корреляционного анализа построены сети ценностей российских и китайских предпринимателей (рис. 1, 2). Ценности-цели в настоящем случае представляли четыре группы целей предпринимательства (на рисунке – зоны), зона технико-технологических целей, цели социального характера, цели гуманитарные и цели личные. В каждой группе целей выделялось по четыре подцели, их можно увидеть на рис. 1.

На рисунке 1 видно, что в центре системы ценностей российских предпринимателей оказались цели преимущественно личного порядка. На «окраинах» этой системы оказались такие цели предпринимательства, как внедрение технических новшеств, интересы сохранения здоровья населения и др.

В системе ценностей китайских предпринимателей материальный достаток также оказался в центре. Наряду с этим можно видеть, что в целом конфигурация ценностей-целей китайских предпринимателей отличается от ценностей российских предпринимателей по таким критериям, как значение и вес ценностей социального и технического порядка.

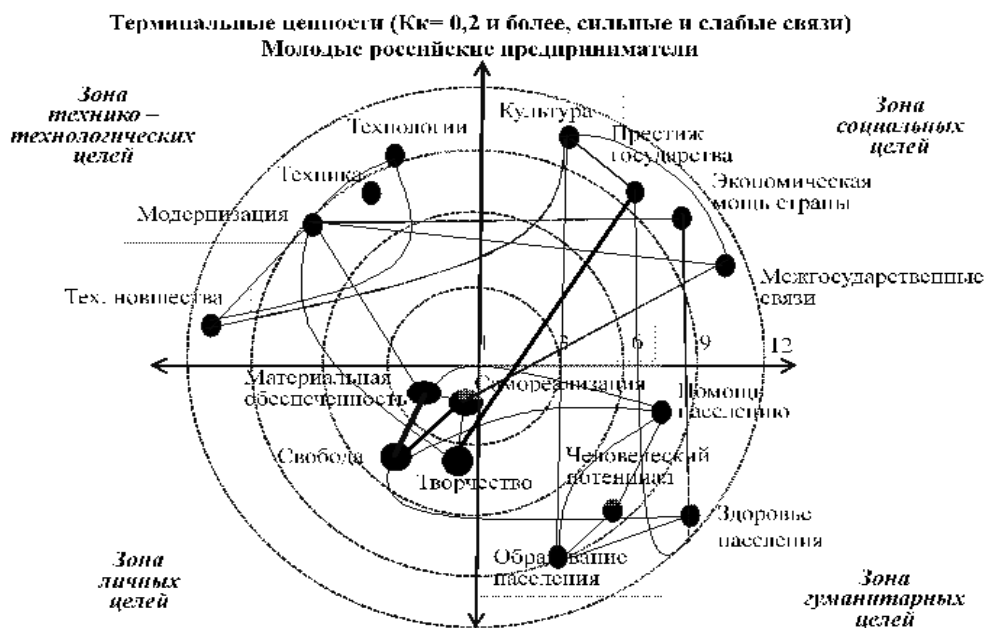

Рис. 1. Сети терминальных ценностей российских предпринимателей (сила связей от 0,2 до 0,9)

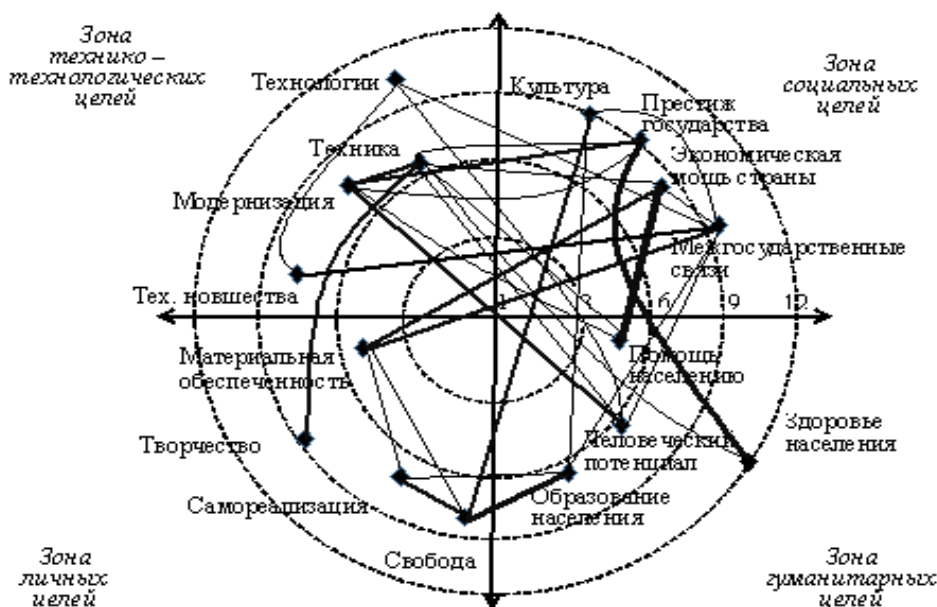

Рис. 2. Сети терминальных ценностей китайских предпринимателей (сила связей от 0,2 до 0,9)

Для проведения дальнейшего сравнительного анализа результаты, показанные на рис. 2 и 3, можно считать промежуточными.

Результат 2. *Осуществлено сравнение терминальных ценностей российских и китайских предпринимателей.*

Наложение сетей ценностей позволяет сформировать модели для сравнения терминальных и инструментальных ценностей российских и китайских предпринимателей.

Такая модель представлена на рис. 3. Анализ этой сети позволяет сделать вывод об особенностях ценностей-целей в деятельности российских и китайских предпринимателей, точнее, о их отличиях. В частности, видно, что ценности личного порядка для российских предпринимателей играют значительно более важную роль, чем это характерно для предпринимателей-китайцев. Такие ценности-цели, как возможность самовыражения, проявления творчества, достижение свободы, для китайских предпринимателей имеют значительно меньшее значение, чем для россиян.

В исследовании подобная процедура осуществлялась и с ценностями-средствами (инструментальными ценностями по Рокичу). В частности, это позволило выявить, насколько по-разному видят российские и китайские предприниматели важность властных функций. Для китайских предпринимателей власть имеет значительно более важное значение, чем для россиян.

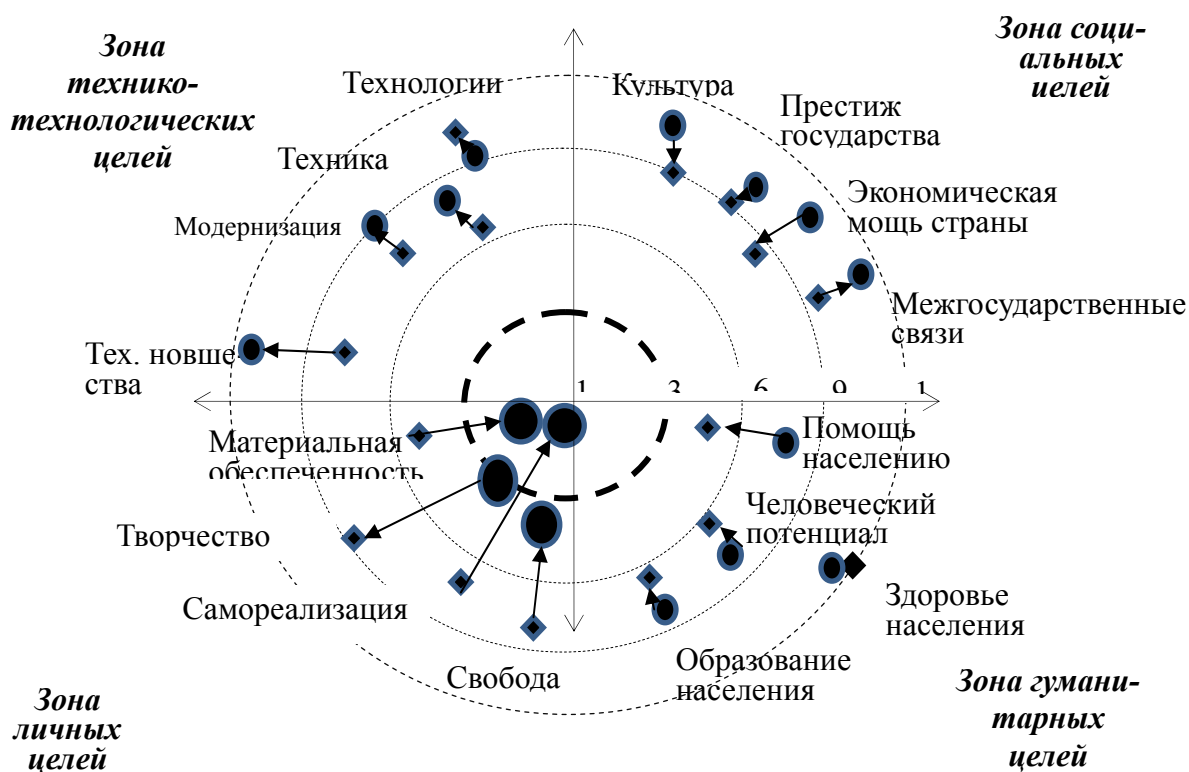

Рис. 3. Модель терминальных ценностей российских (кружок) и китайских предпринимателей (ромб) для проведения сравнительного анализа

В целом, вычисление *силы связей, центральности, размерности, плотности* сети позволяют дать обстоятельные характеристики особенностям ценностей российских и китайских предпринимателей.

Результат 3. Проведен сравнительный анализ ценностей китайских предпринимателей в системе ценностей россиян.

Для выявления особенностей ценностных ориентаций китайских предпринимателей их данные сравнивались с данными респондентов-россиян, имеющих различные социальные статусы и относящихся к различным социальным группам. Группы опрашиваемых респондентов представлены в таблице.

Осуществлялся этот анализ посредством вычисления корреляции между ценностями респондентов изучаемых групп как по инструментальным (ось Y), так и по терминальным ценностям (ось X). Так были выявлены единство и противоположность ценностных ориентаций китайских предпринимателей с различными группами петербуржцев. На основании этих данных построен график, представленный на рис. 4.

Рис. 4. Сравнительный анализ представлений респондентов различных социальных статусов о терминальных и инструментальных ценностях предпринимательства

На рисунке 4 показаны попарные сравнения ценностей респондентов исследуемых групп и статусно-ролевых позиций. Как видно, единство ценностей китайских предпринимателей оказалось очевидно ниже по сравнению со всеми другими группами респондентов-россиян. Наиболее совпали ценности китайских предпринимателей с ценностями российской молодежи, стартаповцами, самозанятыми и селигеровцами. Менее сходными они оказались с ценностями успешных и преуспевающих российских предпринимателей. Так, между преуспевающими российскими предпринимателями и китайскими предпринимателями такое сходство было минимальным, практически нулевым. Следует

подчеркнуть, что среди респондентов – китайских предпринимателей были преимущественно молодые люди в возрасте около 30 лет.

Выводы об особенностях ценностей китайских предпринимателей.

Во-первых, представления китайских предпринимателей более существенно отличаются в понимании методов ведения предпринимательской деятельности (инструментальные ценности), и они более сходны с российскими предпринимателями в понимании смысла и назначения предпринимательства (терминальные ценности). Это очевидно свидетельствует о том, что методы ведения предпринимательства китайскими предпринимателями не вкладываются в привычный набор инструментов европейского менеджмента.

Во-вторых, в качестве общей тенденции трансформации ценностей российских и китайских предпринимателей следует считать тренд обособления ценностей людей, добивающихся успеха в предпринимательстве. По мере освоения предпринимательской деятельности ценности таких предпринимателей все более и более отличаются от ценностей других групп респондентов.

Как видно, в целом наша гипотеза подтвердилась, ценности китайских предпринимателей отличаются от ценностей российских предпринимателей как в понимании назначения предпринимательства, так и в способах его осуществления. Этот тренд проявился особенно отчетливо. Кроме того, сетевой анализ ценностей предпринимательства, предлагаемый авторами статьи, позволяет системно и наглядно представлять результаты исследований предпринимательства, что может служить основанием для осуществления социальной диагностики предпринимательской деятельности.

Литература

Дерюгин П. П., Самарина Е. Л. Этническое предпринимательство латиноамериканцев как стратегия адаптации в трансформирующейся России // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 8. С. 87–105.

Сравнительный анализ ценностей молодых российских и китайских предпринимателей в координатах менеджмента: методика исследования и некоторые выводы / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, Ц. Цзинь, А. С. Шилиева // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII международной научно-практической конференции Благовещенск-Хэйхэ, 22–23 мая 2017: сб. статей / отв. ред. Д. В. Буюров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. С. 267–271.

Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / перевод А. Ф. Филиппова. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/44/08.pdf> (дата обращения: 5.06.2018).

Яикова Л. В. Социологическое осмысление феномена предпринимательства // Известия Саратовского университета. 2008. Сер. Социология. Политология, Т. 8. № 2. С. 58–63.

Social network analysis as an organizational diagnostic tool: the case of small business in Russia // Rasskazov S., Rubtcova M., Derugin P., Prujel N., Malyshev V. International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № 1. P. 170–176.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСНОГО ПОДХОДА
В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РИЧАРДА СЯО
И ТОНИ МАКЭНЕРИ
(НА ПРИМЕРЕ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ
В КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)**

Аннотация. Резюмируются результаты сопоставительных исследований китайского и английского языков, проведенных Ричардом Сяо и Тони МакЭнери на основе данных корпусов LCMC и FLOB/Frown. В их работах в сопоставительном аспекте анализируется аспектуальная маркированность в обоих языках, а также рассматриваются сочетание квантификативных конструкций с прогрессивной формой и сочетание пассивов с аспектом.

Ключевые слова: корпусный подход, аспектуальная маркированность, Ричард Сяо, Тони МакЭнери, LCMC, FLOB/Frown.

D. Dondokov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg

**USE OF CORPUS-BASED APPROACH IN RICHARD XIAO AND TONY MCENERY'S
CONTRASTIVE STUDIES OF ASPECT MARKING IN CHINESE AND ENGLISH**

Abstract. The article summarizes the results of contrastive studies of Chinese and English based on LCMC and FLOB/Frown corpora data conducted by Richard Xiao and Tony McEnery. Aspect marking in both languages is compared, the interaction between quantifying constructions and progressive forms, and the interaction between passives and aspect are discussed in their papers.

Keywords: corpus-based approach, aspect marking, Richard Xiao, Tony McEnery, LCMC, FLOB/Frown.

В статьях британских лингвистов Ричарда Сяо (Xiao Richard) и Тони МакЭнери (Tony McEnery) [2010] в сопоставительном аспекте рассматриваются такие функционально-семантические категории, как аспектуальность и залоговость, также в их работах особое внимание уделяется классификаторам в английском и китайском языках. Одним из неперемных достоинств сопоставительных исследований вышеназванных авторов является использование корпусного подхода.

В главе издания «Corpus-Based Contrastive Studies of English and Chinese» («Видовое маркирование в английском и китайском языках») сравнивается дистрибуция маркеров вида, которые выражают аспектуальное значение в китайском языке и британском и американском вариантах английского языка на основе трех национальных корпусов: LCMC (китайский) и FLOB/Frown (английский) (табл.).

В китайском языке существует сложная система маркеров вида, состоящая из четырех совершенных и четырех несовершенных видов. Средство частеречной разметки, использованное для анализа Ланка-

стерского корпуса китайского языка (LCMC), распознало только 了 -le, 过 -guo, 在 zai и 着 -zhe как маркеры вида.

В английском языке перфектное значение чаще всего выражается простым прошедшим временем [Brinton, 1988, p. 52]. Имперфектное значение обычно выражается длительным временем, реже завершённо-длительным.

Таблица

Жанры, находящиеся в FLOB, Frown и LCMC

Тип	Жанр	Примеры	Соотношение (%)
A	Новостной репортаж	44	8,8
B	Новостные статьи	27	5,4
C	Новостные обзоры	17	3,4
D	Тексты на тему религии	17	3,4
E	Умения/профессии/хобби	38	7,6
F	Популярные знания	44	8,8
G	Биографии и эссе	77	15,4
H	Отчеты / официальные документы	30	6
J	Академическая проза	80	16
K	Беллетристика	29	5,8
L	Детективы	24	4,8
M	Научная фантастика	6	1,2
N	Приключенческая литература	29	5,8
P	Романтические произведения	29	5,8
R	Юмор	9	1,8
	Итого	500	100

Исследования Ричарда Сяо и Тони МакЭнери показывают, что в LCMC и FLOB/Frown типам текстов, где частотность маркеров вида выше среднего (типы L, M, N, P, R и K) или близка к среднему значению, относятся пять жанров художественной литературы (K-P), а также юмор (R), биографии и эссе (G) и новостной репортаж (A). Типы текстов, где маркеры вида встречаются менее часто, включают отчёты / официальные документы (H), академическую прозу (J), «умения, профессии, хобби» (E), новостные обзоры (C), новостные статьи (B), тексты на тему религии (D) и «популярные знания» (F).

В китайском языке и двух основных вариантах английского языка существует большая разница в использовании маркеров вида между первой и второй группами текстов, которая показывает, что две группы имеют различия. Типы текстов, такие как различные виды художественной литературы, юмор, биографии и эссе, нарративны, тогда как отчёты / официальные документы, академическая проза и «умения/профессии/хобби» – описательны. Новостной репортаж – переходный тип, ближе к нарративным текстам. Различие «нарративный/описательный» «может рассматриваться как различие между ак-

тивным, событийно-ориентированным дискурсом и более статичными, описательными типами дискурса» [Biber, 1988, p. 109]. Нарративный дискурс событийно ориентирован, тогда как описательный дискурс сосредотачивается на информации.

Во всех трёх корпусах маркеры вида встречаются в два раза чаще, чем в описательных текстах (в 2,43 раза больше в LCMC, в 2,21 раза в FLOB и в 2,27 раза в Frown), из чего следует, что большая частотность маркеров вида в нарративных текстах, чем в описательных, – общая черта китайского языка и двух основных вариантов английского языка.

В сравнении с двумя основными вариантами английского языка, в китайском языке маркеры вида встречаются чаще в типах G (биографии и эссе) и K (беллетристика), но реже в N (приключенческой литературе), L (детективах), P (романтических произведениях), H (отчётах / официальных документах) и E (умениях/профессиях/хобби). Ввиду того, что маркеры вида и времени морфологически совмещаются, в английском языке частотность маркеров времени/вида значительно выше, чем в китайском языке. Что касается соотношения, маркеры вида чаще встречаются в китайском языке в типах G и K, но реже в N, L, H и E.

В описательных текстах (за исключением типа E) маркеры совершенного вида в LCMC встречаются чаще, чем в английском, тогда как в нарративных текстах (за исключением типа G) маркеры перфекта в английском встречаются чаще, чем в китайском. Относительно высокая частотность маркеров перфекта в нарративных текстах и их низкая частотность в описательных текстах в английском языке может объясняться тем, что в английском языке маркеры вида выражают и временное, и видовое значение.

В описательных текстах в британском английском процент перфективных маркеров в типах D, H и J немного выше, чем в американском английском. Также в нарративных текстах (кроме типов M и R) в британском английском частотность использования выше, чем в английском. Одним из объяснений данного явления может быть то, что совершенный вид чаще используется в британском английском, контраст больше наблюдается в нарративных текстах, чем в описательных.

Этот вывод согласуется с выводами Дугласа Байбера (Douglas Biber) и других [Longman Grammar of Spoken ... , 1999, p. 462], которые утверждают, что в новостях на британском английском совершенный вид употребляется намного чаще, чем в новостях на американском английском. Перфект чаще встречается в практически всех типах текстов в FLOB (за исключением типа M).

В описательных текстах маркеры несовершенного вида в обоих вариантах английского языка встречаются чаще, чем в китайском, тогда

как в нарративных текстах маркеры несовершенного вида в китайском языке встречаются чаще, чем в английском.

Данное явление может быть объяснено следующим образом. Во-первых, длительность, маркированная 在 *zai*, в китайском языке может только буквально обозначать длительность динамической ситуации, тогда как длительное время в английском языке имеет ряд других сфер употребления. Маркер несовершенного вида 着 *-zhe* составляет 88 % от 3836 примеров маркеров несовершенного вида в LCMC. У данного маркера три основные функции, в описательных текстах используется одна из них – обозначать длительность ситуации. Несмотря на высокую частотность 着 *-zhe* в общем, в LCMC только около 20 % всех примеров с 着 *-zhe* встречаются в описательных текстах. Однако все три функции 着 *-zhe* проявляются в нарративных текстах.

В описательных текстах маркеры несовершенного вида встречаются чаще в британском английском, чем в американском английском, тогда как в нарративных текстах маркеры несовершенного вида в американском английском обычно встречаются чаще, чем в британском английском. Исключение составляют тексты типа N, а для переходного типа A этот принцип менее значим.

Согласно исследованиям Дуглас Байбер и др. [Longman Grammar of Spoken ... , 1999, p. 462], длительный вид в диалогических высказываниях в американском английском используется чаще, чем в британском английском. Беллетристика и юмор обычно основаны на диалоге и, таким образом, обнаруживают сходство с устной коммуникацией [Biber, 1988].

Другой темой, которая раскрывается в исследованиях Ричарда Сяо и Тони МакЭнери, является взаимодействие квантификативных конструкций с прогрессивной формой. Корпусные данные показывают, что прогрессивная форма появляется вместе с квантификативными конструкциями и в английском, и китайском языках. Квантификативные прогрессивные формы занимают 0,64 % от всех прогрессивных форм в FLOB и 0,47 % в BNCdemo; они составляют 1,9 % от всех случаев квантификативных имен существительных в объектном падеже и 3 % в BNCdemo.

18 примеров квантификативных объектов в прогрессивных формах обнаружены в FLOB и 116 примеров в BNCdemo. Пять из них в будущей прогрессивной форме (два из FLOB и три из BNCdemo) и десять в перфектной прогрессивной форме (все из BNCdemo). Будущая прогрессивная форма фокусируется на значении футурата, а перфектная прогрессивная форма подчеркивает перфект. Ни одна из этих конструкций не отражает чистую перфектность.

В сравнении с прогрессивными формами в английском языке китайские прогрессивные формы, маркируемые 在 *zai* или 正在 *zhengzai*, намного реже сочетаются с обстоятельствами длительности – в корпусе,

содержащем 1,3 миллион слов разговорного и письменного китайского, такое сочетание не обнаружено.

Прогрессивные формы реже взаимодействуют с кванторными объектами в китайском языке, чем в английском, по двум причинам. Во-первых, в отличие от неопределенных артиклей в английском языке, подобный артиклям 一 yí «один» не обязателен в китайском языке. Во-вторых, неисчисляемые имена существительные (58,7 % из 92 примеров) и глаголы состояния (27,2 %) занимают 85 % от всех случаев, когда прогрессивные формы и квантифативные объекты сочетаются, но эти категории неприменимы для китайского языка.

Также авторами исследуется сочетание пассивов с аспектом. Пассивные конструкции, синтаксически маркированные 被 bei и др., тесно связаны с аспектом. Например, синтаксические пассивы в китайском языке несут аспектуальное значение результата, которое не может потеряться при сочетании с совершенными видами.

Только результативная структура «глагол + 得 de + комплемент» связана с аспектом. Некоторые видовые маркеры не употребляются в отрицательных предложениях. Например, 了 -le заменяется на 没/没you «не», если предложение становится отрицательным. Архаичная пассивная структура 为...所 wei ... suo не сочетается с видовыми маркерами.

Из трех видовых маркеров 了 -le чаще всего используется в обоих типах, затем идут 着 -zhe и 过 -guo, в двух корпусах 12368 примеров 了 -le, 3654 примера 着 -zhe и 939 примеров 过 -guo.

«Голые» пассивы обычно встречаются в следующих контекстах, которые связаны с опущением видовых маркеров в китайском дискурсе:

– предшествующий вспомогательный глагол, такой как 会 hui «будет», 能/能够 neng/nenggou «может», 愿意 yuanyi «желать» и 可以 keyi «можно»;

– предшествующее обстоятельство времени, такое как 已/已经 yi/yijing «уже», 将 jiang «будет», 就要/要 jiuyao/yao «будет»;

– предикативная структура 是...的 shi...de;

– архаичная пассивная форма 为...所 wei...suo;

– глаголы, такие как 告知 gaozhi «рассказать», 指示 zhishi «инструктировать», 命 ming «приказать», 披露 pilu «разоблачить», 宣告 xuangao «объявить» и 判 pan «приговорить»;

– идиоматические глагольные фразы, такие как 拒之门外 juzhimenwai «отказать», 各个击破 gegejipo «разбить каждого», 抢购一空 qianggouyikong «распродать» и 洗劫一空 xijieyikong «обобрать»;

- (пациенс) субъект, которому предшествует you «иметь», например 有一居民被杀 you yǐ jūmín bei shā «один житель был убит»;
- согласованные сказуемые, например 一个被杀, 一个人爱到 yī-ge bei shā, yī-ge rén ài dào «один был убит, один ранен ножом»;
- последующий комплемент, например предложная фраза;
- и -le в конце предложения, обозначающая изменение состояния.

Сопоставительное исследование аспектуальной маркированности в китайском и английском языках показывает, что аспектуальные маркеры в обоих языках распределяются примерно одинаково, особенно по двум широким типам нарративных и описательных текстов.

Методологически исследования Ричарда Сяо и Тони МакЭнери показывают, что одноязычные корпуса могут быть полезным инструментом для исследований в области контрастивной лингвистики.

Литература

Biber D. Textual dimensions in speech and writing. In *Variation across Speech and Writing* (pp. 101–120). Cambridge: Cambridge University Press., 1988, doi:10.1017/CBO9780511621024.006

Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London : Longman, 1999.

Brinton L. *The Development of English Aspectual System*. Cambridge, Cambridge University Press., 1988.

Xiao R., McEnery T. *Corpus-Based Contrastive Studies of English and Chinese*. London, N. Y., Routledge. 2010.

УДК 008:323.17 / 39+572

Ю. И. Дробышев, С.-Х. Д. Сыртыпова
Институт востоковедения РАН, Москва

САКРАЛЬНЫЕ ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Аннотация. В докладе постулируется необходимость для специалистов по охране природы в Центральной Азии принимать во внимание сакральные места или объекты, главным образом природные, такие как священные горы, деревья, реки и т. д., которые слагают в ландшафте сеть «микрорезервативов». Показано, что сакральные природные объекты кочевников меняют свое значение от запретных территорий, посещавшихся только в специальных случаях местным населением, до мест, привлекающих туристов. Это создает серьезные проблемы для сохранения экологического равновесия и природной среды сакральных объектов. Для решения проблемы предлагается следовать «Дурбанскому плану» (2003), касающемуся местного населения и его священных мест.

Ключевые слова: сакральные объекты, Центральная Азия, экологическое равновесие, «Дурбанский план».

SACRED NATURAL OBJECTS OF NOMADS IN INNER ASIA: TRANSFORMATION OF ECOLOGICAL MEANING

Abstract. The report postulates the necessity for specialists in nature protection in Inner Asia to take into consideration sacred places and objects, mainly natural, such as sacred mountains, trees, rivers etc. which make a network of “micro-reserves” in the landscape. It is shown that sacred natural objects of nomads change their meaning turning from prohibited territories (visited by the local people only on special occasions) to attractive places for tourists. This imposes serious problems on the ecological equilibrium and the environment of the sacred objects. To resolve the problem, authors propose to follow the “Durban plan” (2003) concerning native peoples and their sacred places.

Keywords: sacred objects, Inner Asia, ecological equilibrium, “Durban plan”.

Экологический опыт коренного населения, с давних пор адаптированного к своим природно-климатическим условиям и имеющего многовековой опыт природопользования, целесообразно учитывать и использовать в современных вопросах сохранения окружающей среды. Частью традиционного природопользования является феномен сакрализации определенных элементов ландшафта: гор, рек, озер, лесов, пещер, родников и т. д. Сакральные природные объекты исключаются из хозяйственного оборота и фактически становятся заповедниками. Во многих частях земного шара взаимоотношения общества и природы перешли в качественно иную плоскость; природа превратилась в совокупность неодушевленных ресурсов, говорить о сакральности которых не приходится. Однако в Центральной Азии еще сохраняются традиции бережного, гуманного обращения с растительным и животным миром, недрами и водными источниками. Автохтонное население имеет богатый опыт сбалансированного взаимодействия с окружающей средой, что составляет потенциал для дальнейшего устойчивого развития региона.

Центральная Азия может рассматриваться как единая этноприродная территория, характеризующаяся не только сходной природной средой, но и местом расселения тюрко-монгольских народов, основой жизнеобеспечения которых было кочевое скотоводство. На этой обширной территории складывались аналогичные верования и культы, по праву считающиеся «экофильными»: шаманизм, тэнгрианство и позже – буддизм. Каждая религия создавала свои культовые объекты. Их можно разделить на природные и антропогенные, однако и последние органично увязаны с окружающим природным пространством.

В российской части этого региона известно огромное количество сакральных объектов, или так называемых святых мест. Назовем лишь самые значительные. Во-первых, это озеро Байкал – объект мирового наследия ЮНЕСКО и в то же время сакральный центр для бурят, монголов и представителей ряда других народов. Его водосборный бассейн поделен между Россией и Монголией почти поровну, вследствие чего

мы можем говорить о естественно сложившихся предпосылках организации самой обширной трансграничной территории с особым, возможно, новым статусом и особым режимом охраны.

Затем следует упомянуть: Алхану, мыс Шаманка на острове Ольхон, скалу Саган-Заба на западном побережье озера Байкал, горы Улан-Хада, Жима, скалы Ая, Сахюрта, озеро Хурай-Нур, мыс Хобой со скалой Девой. Богата сакральными местами Баргузинская долина, отождествляемая с историческим Баргуджин-Токумом: гора Барагхан-Уула, ледниковая Амутская котловина, Буха-Шулуун, дух которого считается «хозяином» всей долины. В Тунке почитаются потухший вулкан Бурхан-Баабай, Буха-нойон, Хойморские и Торские культовые объекты. Среди культовых природных объектов существует своя внутренняя иерархия, но чаще всего она имеет локальный характер. Есть объекты семейного, родового значения, территориального, есть святыни общеприбайкальские, а придорожные объекты (*барисаны*) практически для всего населения Прибайкалья и Забайкалья являются как бы точками этикетного почитания любым путником.

На территории Монголии ситуация аналогична. Одним из наиболее известных и доступных объектов является Богдо-ула, сакральный статус которой прослеживается, по крайней мере, с XII в. Богдо-ула – относительно небольшой изолированный горный массив, представляющий собой южный отрог Бага-Хэнтэя протяженностью с запада на восток 90 км, а с севера на юг – 54 км, и максимальной высотой 2268 м над уровнем моря. Всего в растительном покрове Богдо-улы насчитывается 579 видов высших растений, а ее животное население представлено 169 видами [Гунин, Востокова, Матюшкин, 1998]. По богатству и разнообразию флоры и фауны Богдо-ула резко выделяется на окружающем фоне, а сам факт сохранения этого богатейшего природного наследия в непосредственной близости от столицы говорит об особой роли, которую эта гора в течение многих лет играла в жизни монгольского общества. Кроме Богдо-улы, вокруг Улан-Батора располагаются еще три священных горы: Чингильтэ, Баянзурх и Сонгино.

Как типичный пример культового комплекса, посещаемого как монголами, так и бурятами из России, можно назвать «Мать-дерево» близ сомонного центра Шамар Селенгинского аймака, недалеко от места впадения Орхона в Селенгу. Объект представляет собой сосну, достаточно давно засохшую в возрасте не менее 200 лет. Несмотря на то что сосна рухнула несколько лет назад, место не только не утратило своей сакральности, но и продолжает почитаться и благоустраиваться.

В Прихубсугулье сохранились «шаманские рощи» – места захоронений шаманов. В Архангайском аймаке находятся такие сакральные объекты, как Тайхар чулуу, Цзун сала мод (лиственница «с сотней

стволов»), потухший вулкан Хоргоо; в Булганском – каньон реки Майдар, называемый «Развалины белой ступы» и т. д.

В эпоху распространения буддизма значение практически всех шаманских сакральных объектов Центральной Азии было переосмыслено в духе буддийского учения. Кроме того, был наложен запрет на охоту или рубку леса вокруг буддийских монастырей, число которых было очень велико. Так, в 1937 г., накануне разгрома буддийской церкви в Монголии, было учтено: дацанов – 1229, дуганов – 2753, сумэ – 134, ламских общин со своими храмами – 173. На 150 жителей приходилось одно культовое сооружение [Майдар, 1971]. Сохранность природы вокруг сакральных объектов зависела от их статуса. Иногда они имели довольно обширную «охранную зону», выражаясь современной терминологией. Нарушителей запрета ждало суровое наказание. Монастыри нередко размещались в местах повышенного биологического разнообразия и становились гарантами его сбережения и, возможно, даже приумножения. Большое количество монастырей фактически создавало в ландшафтах страны сеть микрозаповедников, покрывавших Монголию с различной густотой в разных ее частях. Особенно много их было в центре и на севере страны, т. е., главным образом, в бассейне Байкала.

Старое монгольское законодательство запрещало причинять какой-либо вред природе в местах расположения буддийских монастырей. В кодексе «Халха Джирум» (XVIII в.) есть несколько статей, предусматривающих ответственность за нарушение этого правила: «В местах расположения монастырей деревьев, как растущих, так и высохших, не рубить. [Запрещается] рубить растущие деревья также и за оградой монастыря на расстоянии выстрела из лука. При нарушении сего отобрать у виновного находящееся при нем оружие и снаряжение» [Халха Джирум, 1965, с. 63]. Следом идет статья, касающаяся запретов, связанных с монастырем, название которого не приводится, но есть основания думать, что это Амарбаясгалант, находящийся в сомоне Баруунбурэн Селенгинского аймака: «Начиная от местонахождения монастыря на север по Селенге и далее по Ару-толби, Нам-даба, Нарин-Орхон, по гребню Чиндагатайн-хира, Шибэгутаин-хира, Сангун-даба, Цолхора зверей не убивать. Если кто убьет, то поступить по старому уложению. От окраины монастыря на расстоянии двух харацаганов¹ растущего дерева не рубить. Если кто порубит, то отобрать у него снаряжение» [Там же].

Несмотря на то что сегодня и в Бурятии, и в Монголии декларируется курс на возрождение национальных святынь, внедрение рыночных отношений способствует прагматическому, утилитарному подходу к природе. Порой в стихийное хозяйственное освоение включаются и сакральные места. Поэтому необходимо определение правового поля

¹ *Харацаган* – старая монгольская мера длины (порядка 2 км).

защиты сакральных, ландшафтных объектов. Попытаемся сопоставить их ранги с современными категориями особо охраняемых природных территорий:

1. Священные скалы, деревья, источники (особенно минеральные и термальные), озера, реки, урочища – памятники природы. Однако их можно также расценивать как памятники истории и культуры, так как они, как правило, связаны с определенными историческими событиями в жизни автохтонного населения. Рассмотрение священных деревьев в свете экологии приводит к любопытным заключениям. Они могут являться носителями ценных биологических качеств, благодаря которым им удается выжить в очень суровых природно-климатических условиях Центральной Азии. Есть основания ожидать, что их потомство также будет обладать особыми адаптивными способностями. Заповедовались не только отдельные деревья, но и целые рощи. Обычно это было связано с захоронением шаманов, духи которых становились «хозяевами» этих рощ, что исключало в них всякую деятельность, не имеющую отношения к культуре. Запрет на их рубку сохранился даже после буддийских «чисток» сакральных территорий от останков шаманов. Например, в Тункинской долине бывшие похоронные рощи до сих пор узнаются по особой высоте и густоте деревьев.

2. Священные горы, долины и т. д., связанные с мифическим «возникновением» рода и маркирующие родовые территории; земли, связанные с реальными или мифическими событиями в истории рода, этноса, – заповедники либо национальные парки (разница в том, могли ли люди входить на их территорию в любое время и перемещаться где угодно, или нет).

3. Родовые территории, в целом, со всеми структурно-функциональными компонентами, такими как сакральный центр (обычно священная гора или ее аналог), территориями интенсивного природопользования (пастбища, охотничьи угодья, места добычи сырья, строительного материала), постоянными или временными поселениями с жилыми и хозяйственными постройками, загонами для скота, – территории традиционного природопользования (возможно, биосферные резерваты).

4. Священные источники, издавна использующиеся в оздоровительных целях, – курорты и оздоровительные территории.

Сохранение природы в Центральной Азии с традиционными сакральными объектами не может быть полноценным без фундаментального научного их исследования. Такая работа принесла бы более ощутимые плоды, если бы в ней принимали участие представители как естественных, так и гуманитарных наук, и, разумеется, представители местных территориальных общин. На наш взгляд, естественно-научный анализ сакральных территорий и объектов должен включать следую-

щие задачи: 1) инвентаризацию и картирование сакральных объектов; 2) сравнительный анализ биоты и общего состояния экосистем сакральных территорий и окружающей местности; 3) разработку взаимодействия государственных охранных структур с традиционными структурами местного населения, осуществляющими ритуальные действия на объектах; 4) определение степеней значения и уровней государственной защиты.

Общность культуры народов монгольского происхождения, живущих на территории бассейна Байкала по обе стороны государственной границы, означает выработку ими подобных верований и ценностного отношения к окружающей среде. Правила и запреты природопользования, традиции сакрализации родной природы, почитание священных гор и деревьев, чествование духов природы наобоо объединяют этнокультурную среду бассейна в единое целое и предоставляют уникальную возможность осуществлять охрану природы, опираясь на эту общность традиций.

Экологические взгляды буддийского вероучения, шаманизма имеют достаточно сильное влияние в регионах Центральной Азии. Мифологические реалии, универсальные для разных мировых культур, могут стать источником для решения современных проблем, особенно там, где древние мифы еще социально значимы. В традиционном обществе экологически значимые объекты сохранялись посредством наложения табу, жесткой регламентацией поведения, хозяйственной и прочей деятельности. Культурные сооружения в «святых местах» являются средствами визуального памятования в традиционной экосистеме, напоминающими человеку, что его благополучное бытие обеспечивается сохранением определенного экологического баланса в природе. Однако в современном обществе в условиях глобализации и взаимопроникновения разных культур без создания легитимных условий и конкретного механизма работы законов обеспечение сохранности природных и культурных объектов невозможно. Сокровищница народной мудрости, испытанная веками, должна стать достоянием науки, способствующей разумному управлению обществом, а механизм действия народной традиции может послужить прекрасной моделью для сохранения окружающей среды.

В настоящее время сакральные территории кочевников Центральной Азии испытывают огромный рост антропогенной нагрузки. В связи с созданием туристической зоны в регионе озера Байкал в ближайшие годы ожидается еще большее увеличение этой нагрузки. Заповедные места, которые традиционно посещались в ритуальных целях немногочисленными представителями местного населения, становятся туристическими объектами не только федерального, но и международ-

ного значения, что может привести (и отчасти уже приводит) к нарушению их инфраструктуры и деградации их природного компонента.

Отдельно следует сказать о накоплении в сакральных местах и вокруг них мусора. В связи с тем, что за последние годы кардинально изменились мировые стандарты потребления (потребительского спроса и соответствующего поведения), чрезвычайно возрастают объемы отходов потребления. Однако до сих пор не предпринято сколько-нибудь серьезных мер для решения вопроса с утилизацией антропогенных отходов. Необходимо создание такой системы утилизации отходов, чтобы сбор, сортировка и переработка мусора стали экономически выгодными предприятиями. У рачительных хозяев, таких как Япония и Германия, давно существует отдельный сбор мусора, который ограничивает возможность катастрофы от несвоевременной его уборки. Мусор как источник вторичного сырья стал использоваться нашим более предприимчивым и дальновидным соседом на Востоке: использованные стеклянная и пластиковая тара в Монголии – объекты бизнеса китайских предпринимателей. А ведь есть еще горы бумаги, металлов, органических и неорганических отходов, которые сегодня отравляют элементами своего разложения окружающую среду и самого человека. Святые места, сакральные территории Байкала, имеющего мировое значение, ощущают на себе сегодня пристальное внимание всей планеты. Они не должны стать мусоросборниками из-за того, что в мире еще не сформулированы санитарно-гигиенические правила в отношении традиционно заповедных мест, а в той стране или регионе, на территории которых находится мировая сокровищница, нет элементарной системы утилизации отходов.

Для Центральной Азии весьма значимо признание роли кочевников (неоседлого коренного населения, охотников и собирателей, общин, занятых отгонным скотоводством наряду с земледелием) в поддержании биоразнообразия и экологической целостности природы, так как «изменчивое в пространстве и во времени использование природных ресурсов находится в гармонии с природой, во многих случаях обеспечивает поддержание экологической целостности, сохранение биоразнообразия как диких, так и одомашненных видов». Более того, «знания коренных народов (традиционные способы природопользования, знания о редких видах, священных местностях, культовых объектах и местах захоронений) – важная составляющая культурного и интеллектуального наследия человечества» (см. «Дурбанский план» и «Дурбанский аккорд», ЮАР, 2003 г.).

Для коренного решения проблемы сохранения «достопримечательных мест», определенных федеральным законом (№ 73-ФЗ), целесообразно принять легитимно-правовые акты, согласовывающие рос-

сийское законодательство с международным правом. В частности, в соответствии с «Дурбанским планом» необходимо «признание коллективных и индивидуальных прав кочевого населения, поддержание ценности традиционных систем природопользования; признание территорий традиционного природопользования коренных и кочевых народов охраняемыми территориями с особым типом управления, соответствующими определениям МСОП и КБР и требующими специальной институциональной основы и регулирования».

Литература

Гунин П. Д., Востокова Е. А., Матюшкин Е. Н. Охрана экосистем Внутренней Азии. М. : Наука, 1998.

Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии. М., 1971.

Халха Джирум. Памятник *монгольского феодального права XVIII в.* / Текст и пер. Ц. Ж. Жамцарано. Редакция С. Д. Дылыкова. М. : Наука, 1965.

УДК 802.0:33(51:73)

Ю. Б. Дюндик, О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПРОТИВОСТОЯНИЕ США И КИТАЯ: ТОРГОВАЯ ВОЙНА, КОТОРУЮ ЛЕГКО ВЫИГРАТЬ?

Аннотация: В статье рассматривается переоценка взаимоотношений и развитие экономического противостояния между двумя мировыми супердержавами – США и Китаем. Подробно анализируются причины, которые привели две страны к экономической конфронтации, грозящей перерасти в торговую войну. Описываются возможные последствия этой войны, которые неизбежно повлияют не только на конфликтующие страны, но и на развитие мировой экономики в целом.

Ключевые слова: США, Китай, Дональд Трамп, Си Цзиньпин, экономические отношения, тарифы, торговая война.

Yu. Dyundik, O. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk

U. S.-CHINA TRADE CONFRONTATION: A TRADE WAR EASY TO WIN¹?

Abstract: The article gives a review of reevaluation of U. S.-China relations and the present-day confrontation between these two world superpowers. The authors circumstantially analyze the reasons which brought the countries to the threshold of a trade war; describe the impact of the trade war not only on the USA and China, but on the whole world economic development

Keywords: U. S., China, Donald Trump, Xi Jinping, economic relations, tariffs, trade war.

¹ Donald Trump writes: “When a country (USA) is losing many billions of dollars on trade with virtually every country it does business with, trade wars are good, and easy to win. Example, when we are down \$100 billion with a certain country and they get cute, don’t trade anymore – we win big. It’s easy!” (<https://twitter.com/realDonaldTrump>, 02.03.2018).

Anyone can make war, but only the most courageous can make peace
President Donald J. Trump

Today the United States and China are believed to be two world superpowers, two dominating world economies, whose leaders consider themselves as supreme.

The Trilateral Commission (founded by David Rockefeller in 1973), a non-governmental, discussion group of political and business leaders, journalists and academics, which meets once a year to discuss economic problems, expresses concern about the decline of American leadership in Asia. They point out that every Asian country nowadays trades more with China than with the United States. That concern was really deep basing on President Trump's announcement to impose tariffs on goods imported from some countries, China among them, in a tit-for-tat fashion. The Trump's Administration decided to impose high tech products tariffs of \$ 50 billion as punishment for China alleged forced transfer of technology from US firms doing business in China to their joint venture counterparts unless Beijing makes big trade and investment concessions. In response, China threatened tariffs of \$ 50 billion on import of soybeans, cars, aircraft and more. China had already implemented tariffs of \$ 3 billion on import of pork, wine and fruit from the U. S. in response to the U. S. tariffs on Chinese steel and aluminum, imported into the United States.

China and the USA appeared to be entering into a so called trade war. Since early May, China and the United States have conducted three rounds of economic and trade consultations, trying to settle disputes for a win-win result, and have made positive and concrete progress. But according to Chinese media, Washington also would be responsible for the nullification of previous economic and trade outcomes between the two countries. Today we can observe a new round of tariff attacks, and China "will not negotiate with a gun held to its head" [Baczynska, Blenkinsop, 2018]. The Trump Administration declared China a strategic competitor and economic aggressor. American auto companies Ford and General Motors as well as the U. S. farmers, called the Trump Administration for negotiating between the two countries instead of protectional measures. The situation with tariffs can be considered the result of activity of two leaders who are in office today, Mr. Donald Trump and Mr. Xi Jinping.

Mr. Trump is a former businessman; his number one goal is to "Make America Great Again, which is what we're doing way ahead of schedule" (D. Trump, 26.06.2018). According to Trump, it can be achieved by revitalizing the U. S. manufacturing sector. In his opinion, a trade war with China might bring back jobs and reduce U. S. unemployment¹, in spite of the fact

¹ "Just like I promised during the campaign, our economic policy can be summed up in three very beautiful words ... **jobs, jobs, jobs**" (President Donald Trump, 20.06.2018).

that many researches by U. S. scholars and organizations have proved that the main factor behind U. S. unemployment since the 1980s is the technological advancement. Workers' jobs in the USA (as well as in the world in general) are being replaced by machines, not Chinese workers. The claim that China should be held responsible for the job decline in the manufacturing sector since 2001 seems to be very artificial. Gradual decline in such jobs has been observed since 1985. Between 1985 and 2001, the share of the labor force in the U. S. manufacturing sector fell by 33 %. Between 2001 and 2017, after China's accession to the WTO, the share fell by 29 % [Yu, 2018]. The second reason, why Trump is so tough about China, is competition over technology. Many American business executives complain of being "forced" to share their technology, that weakens American technology market. "There are many reasons why the current US government is acting so aggressively now, but two stand out: first, an increased sense of vulnerability proportionate to America's declining global influence; and, second, the technologies China is now acquiring from foreign companies are frontier technologies. While China may never become a truly global hegemon (because its rise is coinciding with that of India), the US nonetheless feels threatened by China's rapidly growing geostrategic presence" [Woo, 2018].

President Xi also wants to make China great. The recent decision by China's National People's Congress to abolish term limits for the office of the President in China definitely shows the ambitions to make the country a global superpower. The Chinese Dream, according to Xi Jinping, refers to the collective aspiration of 'the great rejuvenation of the Chinese nation' as well as the personal dreams of the individual citizens of China to attain productive, healthy and happy lives. He emphasized that the 'China Dream' is a dream of the Chinese people that can only be attained through 'socialism with Chinese characteristics'. The parliament's chairman, Zhang Dejiang, told the delegates after they voted for abolishing presidential term limits, it was time to get behind Xi's push to make China great again: "The great dream of national rejuvenation encourages us to keep striving; the great era inspires us to forge ahead"; "Let us hold high the banner of socialism with Chinese characteristics, thoroughly study and apply Xi Jinping Thought... and realize the Chinese Dream" ("Xi is showing us the right direction in development and if you have found the right path why change? We need a strong leadership which can keep leading us forwards" – Yuan Weixia, a delegate from Hubei province). Xi Jinping is 64 today, he is an engineer by training and does not favor for radicalism, as he and his family suffered greatly during the Cultural Revolution in the mid of 1960s – he was sent to live in the countryside during it, like millions of his contemporaries and used to toil in fields.

Today President Xi pledges to open Chinese doors "wider and wider" to the world; China as the world's second-largest economy and the largest

consumer market takes moves constitutively to further open its economy, which will provide of development for all other countries, including the U. S. Some measures, which will open the market for the world, include liberalization of foreign ownership limits in the financial, aerospace and automotive industries, lower tariffs on imported cars, improved protection for intellectual property rights (of foreign firms).

During Xi Jinping's first term in office, China started getting integrated into world economy more intensively. The integration began during Asian Financial Crisis of 1997, when China kept its foreign exchange stable, thus preventing the crisis from escalating. During the 2008 Subprime crisis which began in the U. S., China ushered in a ¥4 trillion economic plan. It sacrificed its domestic demand to stimulate the world economy. In 2010, China worked arm in arm with the U. S. to carry out a UN peacekeeping mission in Haiti. In 2014, China and the U. S. cooperated closely on fighting Ebola in Africa. China and U. S.'s bilateral climate cooperation was crucial to the success of UN 2015 Paris Climate Conference. In order to keep free and safe sea trade in the Gulf of Aden, China participated in international anti-piracy operations off the Horn of Africa and the Somali coast in 2008 and sent more than 28 naval escort forces there. China initiated the Belt and Road Initiative (BRI), the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), and the Silk Road Foundation. The BRI launches trillion dollar Chinese-led investment programs to create a web of infrastructure, including roads, railways, telecommunications, energy pipelines, and ports. This would serve to enhance economic interactivity and facilitate development across Eurasia, East Africa and more than sixty partner countries. The AIIB has recently approved 24 loan projects totaling \$4.2 billion to finance infrastructure in 12 member countries, including India, Oman, Indonesia and Bangladesh. The Silk Road Foundation has signed 17 programs, investing \$7 billion since November 2014. Its investments in Pakistan's Carol Hydropower, Russia's Yamal LNG, and Dubai's Ha Xiang clean coal-fired power station are not only supporting local economic development, but are conducive to local green and energy-saving emission reduction. All this proves China is very actively and positively involved in world affairs today. Mr. Xi announced his intention to be more assertive internationally. His signature Belt and Road Initiative – a trade and infrastructure network tracing the ancient Silk Road through Eurasia and Africa – stand to boost China's geopolitical clout at a time when the White House has questioned key alliances and the very international institutions that have been the foundation of American hegemony. What's more, some people are of the opinion that Xi Jinping is a benign force who will make the tough decisions needed to continue China's modernization.

China today is one of the largest economies in the world and is of great concern for the U. S. especially after President Xi Jinping operated to extend his rule indefinitely when he succeeded in abolishing presidential

term limits, which gives him an opportunity to stay in power for years to come. Traditionally it was the Chinese Communist Party that has rooted the legitimacy of its autocratic rule in the principle of institutionalization: it is the Party, not a particular person or family, which holds the reins of power for the benefit of all 1.4 billion Chinese. On March 11, 2018 China's 13th National People's Congress overwhelmingly voted to remove the two-term limit on presidency from the Constitution and thus allowed Mr. Xi Jinping to stay in office without any limit. It signifies continued consolidation of the trinity of the Chinese national leadership position under one man: the state leadership (President of China), party leadership (General Secretary of Central Committee of the Communist Party of China), and military leadership (Chairman of the Central Military Commission).

It is obvious that Xi Jinping's decisions are not sudden, he "demonstrated an unmatched level of political skill in rapidly consolidating power. To get to the top, he has outflanked, outmaneuvered, marginalized and then removed all his principal opponents" [Rudd, 2018]. Now President Xi Jinping chairs six top-level "leading small groups" as well as a member of central committees and commissions, covering every major area of policy, press, culture, the educational system of China. In 2013 the party released a blueprint of economic change – transforming China from an old model of high growth, based on low-wage, labour-intensive manufacturing for export and supplemented by high levels of state investment in basic economic infrastructure, to a new model accepting lower, sustainable growth rates based on expanding domestic consumption, the services sector and the replacement over time of state-owned enterprises with a new generation of private companies like Alibaba [Rudd, 2018].

However, over the past five years, the reforms have slowed, mainly because of the party's fear to lose control. The 13th National people's Congress has promised to accelerate the reform program, putting "the market" at the centre of the economy. That's why it's very unlikely that China will change major aspects of its industrial policy regime as long as Mr. Xi is in office [Long, 2018]. The country will support its leading technologies as it has supported the production of solar panels by the government. Chinese entrepreneurs brought in money into solar panel manufacturing which resulted in undercut of global prices. After some painful years in this sector, today China is the most competitive producer of these panels, accounting for three quarters of global production. The blueprint of 2015 calls for China to develop its own global competitors in fields from electric cars to aerospace and aviation equipment, solar and wind power, robotics and information technology. Officials in the Trump White House contend that China's tactics aim to subsidize local companies by shielding them from competition and pressuring foreign companies to hand over technology [Lynch, 2018].

Moreover, the differences between the Chinese and American political economies are such that full reciprocity in the economic relationship is at best a distant goal (on his Instagram @realdonaldtrump, 21.06.2018 President D. Trump writes: “As far as trade is concerned with other countries, we want fair and reciprocal trade. We don’t want stupid trade.”). Pressuring China to reconstruct key aspects of its economic governance, especially the central role that the Chinese state and state-owned enterprises play, is a dead end and it will result in a trade war.

Under present situation the Chinese economy is more vulnerable to U. S. sanctions because China exports much more to the United States than vice versa. It means that it has more to lose from a trade war, simply because it has more exports that can be penalized. It is often said that the countries with export driven economy are always the biggest losers in any tit-for-tat escalation of tariffs and other barriers. But China has three advantages: what it imports from the United States is concentrated in fewer sectors, allowing it to target politically sensitive sectors in the U. S. such as agriculture, petrochemicals and airplanes. Second, Trump’s Administration cannot really afford the outbreak of a major trade war politically, with mid-term elections coming up in late 2018 (on November 6, 2018). President Xi Jinping faces much less immediate pressure, he doesn’t have to worry about re-election, though over time a trade war could exact a political price for him as well. Chinese officials seem to believe they can take advantage of what they consider vulnerabilities in the American political system. “The American agricultural sector is quite influential in the Congress,” said Wang Yong, a professor of economics at Peking University, explaining why China has targeted farm products such as soybeans with possible retaliatory tariffs. “China wants the American domestic political system to do the work” [Myers, 2018]. Hence, in case the trade war begins, China has more advantages in domestic politics and international diplomacy. Chinese government can ignore protests by workers and companies, which suffer from U. S. tariffs. As for the United States, everyone will know about higher cost problems, which exporters, importers, consumers face. When it comes to mid-term congressional elections to be held this November, this situation seems quite dangerous for Trump. Third, the Chinese corporate presence in the United States is much smaller than the other way around. China can easily target U. S. companies operating in the country unofficially. Since many U. S. corporations are quite dependent on China for revenue growth.

And what is more important China keeps in mind the mistake Japan made in the 70s of the previous century and is not going to repeat it. Similar to China today, Japan’s economic rise since World War II was export oriented. It used a range of industrial policies to aid its exporting companies and tried everything to obtain U. S. technology. But at that time Japan depended on the U. S. for security. When in 1987, the Reagan Administration exploited section 301 of the U. S. Trade Act of 1977, the same tool the Trump Ad-

ministration is using against China today, to levy a 100 % tariff on select Japanese goods, not only did Japan, not retaliate, it did not even threaten to retaliate. But Xi Jinping's China is a radically different country, "China will fight back forcefully so as to safeguard the interests of the nation and its people" [China hates to be engaged ... , 2018]; China welcomes dialogue but "is not afraid of a trade war", said the vice minister of finance, Zhu Guangyao at a news conference to discuss possible countermeasures.

In 2001 when China joined the WTO, it pledged to gradually adjust its exchange rate regime, it resisted international calls to revalue its currency, and pointed to how a revaluation of the Japanese yen by more than 50 % from 1985 to 1987 irreversibly changed the upward trajectory of Japanese economy. But some members of Trump Administration insist on the fact that China has not been playing by the WTO's rules, it has forced the transfer of U. S. technology and how China is no longer a "third world" country.

There are truths to these statements. China has become the world's second economy. But it will argue that it is still not developed for its living standard is only 15 % of that of the U. S. as measured by per capita GDP. China also argues that since its entry into the WTO, it has liberalized its economy. The average tariff has gone down to less than 10 %. The opening and liberalization of the Chinese market has benefited American companies and consumers with cheap products, which more than offset the loss in manufacturing jobs due to supply chain relocation to China. The Chinese currency has also risen against the U. S. dollar, by no less than 20 % .

However, U. S. officials are not satisfied with China's liberalization of economy, claiming it's always been "too little, too late". But China doesn't pay much attention to these claims; Chinese media describe President Xi's promises as constituting the next step of Chinese economic reform, underlining that these steps were taken independently of any outside pressure according to China's "own timetable and road".

President Xi doesn't speak about trade war with the U. S. directly and calls for "a new type of great power relations", "a new type of international system", "current struggle for the international order". In case the trade war between two world top economies starts, it will damage not only both countries, which is a lose-lose game for both, but also the global economy and trading system; producers and consumers in many countries will have to pay the price for both countries' poor negotiating tactics. «American companies want solutions, not sanctions. Tariffs will not solve these problems, but will harm American economic interests and jobs», US-China Business Council President John Frisbie says. Pork and wine producers in the USA are already facing new duties and taxes put by the Chinese government. Soybean producers are likely to face a sudden barrier to doing business in their major market if China implements its threatened tariffs and this situation can hit Trump hard.

Both consumers and producers in China will also face rising costs as a result of the tariffs. Chinese companies, producing industrial robots, space-

craft and semiconductors will have to deal with higher costs and lower profits. The prices for soybeans and automobiles will become higher, so in both countries consumers will have to turn to less expensive products, including goods from other countries and producers will start looking for less costly markets. Senate Finance Committee Chairman Orrin Hatch also warns that «tariffs will harm American and Chinese businesses and consumers, and will put economic growth in both countries at risk». The International Monetary Fund warns that the new US tariffs against imports could interrupt global supply chains and damage a range of countries as well as the operations of US multinational companies, putting the rules-based global trading system in serious jeopardy.

So, the situation with U. S.-China relations is quite complicated and many international media write that a “China-US trade war” has already formally begun. Still, both the U. S. and China should find a way to manage their confrontation with minimum losses for their people, and, as they are considered to be world superpowers from economical point of view, for the whole world economic balance.

References

Baczynska G., Blenkinsop P. EU heads discuss bold-or-fold strategy toward Trump tariffs // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-eu/eu-heads-discuss-bold-or-fold-strategy-toward-trump-tariffs-idUSKCN1IH1VD> (date of address: 04.06.2018).

China hates to be engaged in trade war but will firmly defend national interests // Xinhuanet. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/16/c_137258488.htm (date of address: 16. 06. 2018).

Long H. In a U. S.-China trade war, who has more to lose? // Washington Post, 05.04.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2018/04/05/china-has-more-to-lose-in-a-trade-war-but-trump-has-a-key-weakness/?utm_term=.c7d6148dd57c (date of address: 03.05.2018).

Lynch D. Trump moves to crack down on China trade with \$60 billion in tariffs on imported products // Washington Post, 22.03.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/business/economy/trump-moves-to-crack-down-on-china-trade-with-50-billion-in-tariffs-on-imported-products/2018/03/22/c09309e8-2de3-11e8-8ad6-fbc50284fce8_story.html?utm_term=.f278e351f808 (date of address: 06.04.2018).

Myers S. Why China Is Confident It Can Beat Trump in a Trade War // The New York Times, 05.04.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/05/world/asia/china-trade-war-trump-tariffs.html> (date of address 21.04.2018).

Rudd K. What the West doesn't get about Xi Jinping // The New York Times, 20.03.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/20/opinion/xi-jinping-china-west.html> (date of address: 15.06.2018).

Woo W. T. Defusing the US-China Trade Conflict // China-US Focus. URL: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/defusing-the-us-china-trade-conflict> (date of address: 04.07.2018).

Yu X. Negotiating Out of the Trade War Trap // China-US Focus. 11.04.2018. URL: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/negotiating-out-of-the-trade-war-trap> (date of address: 30.04.2018).

ПРОКАТ КИТАЙСКОГО КИНО В СССР: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье дается обзор истории проката китайского кино в СССР, проводится ее разделение на 4 этапа, каждый из которых характеризуется определенной тематикой. Выявляется, какие стратегии перевода преобладали во время каждого этапа. Первый этап, с 1950 по 1957 г., характеризуется преобладанием идеологически окрашенных фильмов. Во время с 1958 по 1963 г. превалировало социально-ориентированное кино. С 1964 по 1985 г. китайские фильмы в прокат не выходили. После возобновления проката с 1986 по 1991 г. наступил этап личностно-ориентированного кино. В ходе каждого периода при переводе названий фильмов преобладала стратегия прямого перевода. При исследовании использовались исторический и структурный методы анализа.

Ключевые слова: киноперевод, кинопрокат, периодизация, советско-китайские отношения, стратегии перевода.

G. Zhambalova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE DISTRIBUTION OF CHINESE FILMS IN USSR: PERIODIZATION AND TRANSLATION ISSUES

Abstract. The purpose of this research is to review the history of Chinese cinema distribution in the USSR and to divide it into time periods based on the subjects presented in films. The research involves the investigation on what translation strategies were used during each period. The first period (1950–1957) is notable for the ideologization used in films, during the second period (1958–1963) the majority of films describe social issues. In between 1964 and 1985 Chinese films were not distributed in the USSR. The last period (1986–1991) is characterized by the films focused on personal issues. During each time period the prevailing translation strategy was direct translation.

Keywords: film translation, film distribution, periodization, Sino-Soviet relations, translation strategies.

В современном мире вопросы культурного влияния и взаимовлияния различных культур становятся все более актуальными [Терехова, 2005]. Среди различных способов оказания влияния на убеждения человека кино является одним из наиболее мощных [Тетерюк, 2014]. Кинематограф, обладая рядом ярких и выразительных средств, способен формировать убеждения человека, корректировать его взгляд на те или иные события. Специфика аудиовизуальных форм подразумевает особые возможности для коммуникации с аудиторией. В условиях построения социализма развитие киноиндустрии становилось одним из важнейших направлений формирования новой культуры, важным средством внедрения культуры в массы и воспитания нового сознания. Это отражалось также на методах отбора иностранных фильмов для советского проката и выборе стратегий их перевода.

Кино как феномен изучается в рамках таких научных направлений, как эстетика, искусствоведение, философия, психология, культурология, социология, лингвистика. Китайское кино анализируется в работах С. А. Торопцева и С. А. Барова. Перевод фильмов рассматривали С. А. Кузьмичев, Р. А. Матасов, А. Жарковская, Х. Д. Синтас, Г. Андерман, П. Орейро, М. Кронин, В. Е. Горшкова [Кинодиалог. Образ-смысл, 2014], О. В. Кузнецова [2014]. Их работы содержат сведения по общей теории аудиовизуального перевода, его терминологии и классификации. Кино в Советском Союзе как инструмент идеологической обработки изучали К. А. Крамарь, Л. Д. Прохорова и А. С. Орлова. Вместе с тем вопрос об истории перевода китайских фильмов, в том числе названий и видеоряда, в целом, остается открытым как с точки зрения анализа советского периода, так и для периода активного становления российской школы киноперевода после 1991 г.

Таким образом, актуальность исследования определяется важностью углубленного анализа перевода китайских фильмов в советский период. Предметом такого анализа должны стать проблемы социолингвистических, историко-культурных [Хамаева, 2016] и межкультурных [Карачева, 2017] аспектов перевода, а также уточнения критериев отбора фильмов для перевода с китайского на русский язык.

Целью данной работы является изучить историю проката китайских фильмов в СССР, определить временные периоды и выявить, какие стратегии перевода названий фильмов преобладали в течение каждого периода.

Методологическую основу исследования составляют системный подход, основывающийся на анализе частей сложного объекта в их взаимодействии, и междисциплинарный подход, так как рассматриваемая тема находится на стыке нескольких наук: истории, лингвокультурологии, переводоведения и киноведения. В рамках этих подходов были использованы исторический, диахронический и структурно-функциональный методы исследования.

Первым фильмом, продублированным на территории Советского Союза, стал вышедший в 1935 г. «Человек-невидимка» производства США. Фильмы новообразованной КНР начали выходить на советский экран в 1950-х гг. после подписания «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи» между КНР и СССР. Выпуском иностранных фильмов в то время занималась киностудия им. Горького, на базе которой был открыт первый дубляжный цех в СССР. Со временем количество зарубежных фильмов в советском прокате росло, что повлекло за собой открытие аналогичных учреждений на базе киностудий «Ленфильм» и «Мосфильм». Однако преобладающая часть кинолент (более 50 % в год) дублировалась на киностудии им. Горького [Матасов, 2008]. Всего

с 1950 до 1991 г. было переведено и выпущено в прокат свыше 100 фильмов производства КНР.

Как часть медиакультурного пространства кино формирует зрителя и влияет на общество, поэтому неудивительно, что его используют в качестве инструмента воздействия. Китайский кинематограф с самого начала оказался тесно переплетен не только с искусством, но и общественно-политической жизнью страны. Помимо этого, осознание руководством правящей партии важной роли кино как средства пропаганды обозначило активную роль государства, которое решало, что именно будет демонстрироваться на экранах. Руководство КНР в развитии кинематографа шло по пути СССР: основной задачей многих фильмов того времени была пропаганда коммунистического строя и образа жизни. Поэтому неудивительно, что в СССР проявлялся интерес к китайскому кино и каждый год в прокат выходило несколько фильмов производства КНР [Торопцев, 1979].

В целом, историю проката китайских фильмов в СССР можно разделить на четыре этапа:

- 1) 1950–1957 гг. – этап идеологического кино;
- 2) 1958–1963 гг. – этап социально-ориентированного кино;
- 3) 1964–1985 гг. – этап прекращения проката китайского кино;
- 4) 1986–1991 гг. – этап лично-ориентированного кино.

50-е гг. XX в. стали периодом активного развития советско-китайских отношений в культурной сфере [Макеева, 2011]. Нам удалось найти информацию о 85 китайских фильмах, выпущенных на советские экраны в ходе первого периода с 1950 по 1957 г. Анализируя их проблематику, стоит выделить следующие основные темы: 1) жизнь рабочего класса; 2) критика феодального строя; 3) коллективизм; 4) борьба со шпионами; 5) японская оккупация; 6) Корейская война; 7) борьба между КПК и Гоминьданом.

Первым фильмом, снятым после основания КНР и впоследствии показанным в СССР, а также фильмом, положившим начало новому образу киногероя в национальном кинематографе, вышедшим на территории СССР в 1950 г., был «Мост» («桥») 1949 года выпуска [Berry, 2004]. Основной лейтмотив фильма – воспевание рабочего класса и его роли в строительстве будущего страны. Всего известно о 8 фильмах на данную тему, выпущенных за первый период.

На первоначальном этапе образования государства руководство КНР уделяло сфере кинопроизводства большое внимание, фильмы проверялись и критиковались, что зачастую ставило сложные задачи перед режиссерами и сценаристами. Львиная доля выпускаемых на государственных студиях фильмов была сделана по госзаказу. В 1951 г. в КНР были запрещены старые китайские, голливудские и гонконгские филь-

мы. Вследствие разгромной критики некоторых фильмов, выпущенных частными киностудиями внутреннего Китая, было принято решение о реструктуризации и объединении частных киностудий. Подобное вмешательство государства в сферу искусства, государственный контроль, в том числе ограничение свободы слова, привели к застою в 1951–1952 гг., о чем свидетельствует отсутствие фильмов производства КНР 1951 г. В прокате СССР был выпущен лишь один фильм производства КНР 1952 г. – «Драконов ус» («龙须沟»), направленный на пропаганду социализма. В целом, по нашим данным, с 1950 по 1963 г. вышло 7 фильмов, воспевающих коммунистический режим и отражавших изменения в жизни простого народа после образования Китайской Народной Республики.

Также нам известно, что за этот период было переведено 5 фильмов на тему Корейской войны 1950–1953 гг. Наиболее известным из них является «Сражение за Шанганьлин» 1956 г. («上甘岭»). Данный фильм посвящен Шанганьлинской кампании, в ходе которой Китайские добровольческие войска в течение 42 дней удерживали позиции, несмотря на превосходящие силы противника. Стоит упомянуть, что на момент выхода фильмов информация о непосредственном участии Советского Союза в войне еще не разглашалась, поэтому они вошли в русло общей антиамериканской пропаганды, в которой США выставлялись в качестве разжигателей третьей мировой войны [Николаева, 2003].

К военной тематике также относятся фильмы про японскую оккупацию. По нашим данным, всего в СССР их было показано 9, при этом 4 из них были выпущены до 1956 г., когда была подписана советско-японская декларация в Москве. Известно, что ещё 4 фильма вышли уже после 1960 г., когда отношения между двумя государствами снова ухудшились в связи с заключением между США и Японией договора о безопасности, в соответствии с которым США взяли на себя обязательство защищать территорию Японии в «чрезвычайных обстоятельствах». К данным фильмам можно отнести «События на острове Хайнань» 1955 г. («南岛风云»), описывающий, как японская оккупация отразилась на жизни населения Хайнаня, а также борьбу с захватчиками.

Во время холодной войны, начало которой совпало с началом проката китайских фильмов в СССР, в стране были популярны фильмы о шпионах [Зоркая, 2005]. Но если советские фильмы рассказывали о противостоянии отечественных и американских спецслужб, то в 6 китайских фильмах, которые мы нашли, конфронтация осуществлялась между сторонниками Гоминьдана и коммунистической партии Китая, как, например, в фильме «Невидимый фронт» («无形的战线»), снятый в 1949 г., а в 1950 г. показанный в СССР.

Кроме того, довольно популярной темой фильмов была пропаганда коллективизма и солидарности. Было найдено 8 подобных фильмов, все из которых воспевают взаимовыручку и различные виды кооперации. К примеру, фильм «Цветы нашей родины» («祖国的花朵»), снятый в 1955 г. и считающийся первым детским фильмом о товариществе и коллективизме [Zhang, 2004]. В СССР он вышел в 1957 г.

Однако преобладающей темой фильмов, выпущенных в 1950–1963 гг., является борьба КПК с Гоминьданом в 1927–1950 гг., по нашим данным, их насчитывается 27. Все они посвящены вооруженным конфликтам между силами коммунистов и Гоминьдана. Объяснить преобладание данной тематики можно тем, что и в Китае ей была посвящена большая часть фильмов, так как после официального завершения войны на юге страны продолжали возникать конфликты, и, кроме того, фильмы являлись инструментом идеологического противостояния партий. К тому же во всех фильмах, так или иначе, продвигалась идея превосходства коммунизма, что отвечало и советской идеологии. Одним из ярких примеров подобных фильмов является фильм «Разведка за рекой» («渡江侦察记»), снятый в 1955 г. и тогда же показанный в СССР, повествующий о событиях операции по форсированию реки Янцзы (апрель – июнь 1949 г.).

Во второй временной период проката китайских фильмов в СССР, начиная с 1958 г., после прихода к власти Н. С. Хрущева и наступления периода «оттепели» в стране китайские фильмы приобрели социальную окраску. Стали появляться фильмы о любви, о молодом поколении, различных профессиях и о спорте, а также сказки. Но, несмотря на разнообразие тематики, все фильмы по-прежнему несли в себе пропагандистскую нагрузку. К примеру, в 1959 г. вышел фильм об участии молодого поколения в формировании будущего страны, об их идеалах и целях – «Записки медсестры» («护士日记») 1957 г. производства, а в 1960 г. был показан фильм об освоении северных районов Китая (Бэйдахуан) – «Новая история старого солдата» («老兵新传»), снятый в 1959 г. К спортивным фильмам можно отнести «Сёстры на льду» («冰上姐妹») 1959 г. о конькобежцах. Он был выпущен в СССР в 1961 г.

Одновременно с этим, в конце 50-х гг. между Советским Союзом и Китаем возник конфликт по причине расхождения путей общественного развития двух стран. Советское руководство в лице Н. С. Хрущева взяло курс на демонтаж сталинской модели социализма и провозгласило быстрый переход к коммунизму. Кроме того, советский лидер объявил курс на мирное сосуществование государств с различным политическим строем. У Китая, по мнению исследователя, были иные цели. Пекину было необходимо наращивать давление на США с целью возвращения Тайваня, укреплять диктатуру пролетариата. Кроме того,

Н. С. Хрущев не обладал для китайского руководства тем авторитетом, что был у И. В. Сталина, а после его секретного доклада на XX съезде КПСС Мао Цзэдун стал защищать свою партию и общество от морально-политической деградации, что не могло не сказаться на советско-китайских отношениях [Переверзев, 2012]. Все это привело к дипломатическому конфликту и последующему разрыву культурных связей между двумя странами.

Как следствие, в период с 1964 по 1985 г. на экраны не вышел ни один фильм производства Китайской Народной Республики. В свою очередь, в Китае во время «культурной революции» кинопроизводство подверглось серьёзным ограничениям. Период с 1966 по 1976 г. характеризовался застоём в китайской киноиндустрии. Практически все снятые раньше фильмы были запрещены, было снято всего несколько новых фильмов. С 1967 по 1972 г. художественных фильмов не снималось вообще, после 1972 г. кинопроизводство возродилось, но осуществлялось под строгим контролем со стороны властей [Zhang, 2004].

В 1985 г. пост генерального секретаря ЦК КПСС в Советском Союзе занял М. С. Горбачев. В тот же год в стране начались кардинальные изменения, отразившиеся как на общественно-политической и экономической, так и на культурной сфере жизни. В Китае же началась реализация концепции внешней открытости, провозглашённой Дэн Сяопином. Отношения между Китаем и СССР нормализовались, так, в начале 1985 г. руководство КНР публично заявило о признании СССР социалистическим государством. Это был поворот принципиального характера, поскольку в течение двух предшествовавших десятилетий Советский Союз рассматривался в Китае как государство враждебное «по своей классовой природе». К 1986 г. между двумя странами восстановились дипломатические связи [Ларин, 2006].

Улучшение советско-китайских отношений привело к возобновлению проката китайского кино в СССР. После периода «культурной революции» на 4-м заседании творческих работников в 1979 г. был выдвинут новый курс – «Творчество должно служить социализму и народу» [Международное радио Китая, 2017], что привело к новому этапу развития китайского кинематографа.

В этот же год в Советском Союзе впервые после долгого перерыва был выпущен фильм производства КНР «Улочка» («小街»), снятый в 1981 г. Фильм не нес в себе практически никакой идеологической нагрузки, сконцентрировавшись вместо этого на теме человеческой природы, стремления людей к искренности и доброте.

Всего известно о 26 фильмах, вышедших в течение шести лет, с 1986 по 1991 г., на различные темы, такие как «культурная революция» в Китае, межличностные отношения, боевые искусства и конфликт

между человеком и законом. Стоит отметить, что фильмы в большинстве своем стали менее «классовыми» и больше сконцентрировались на личности и характере отдельно взятого человека. Это можно объяснить как развитием кинематографа в Китае и СССР, так и ослаблением цензуры и большей творческой свободой в обеих странах.

К подобным фильмам можно отнести фильмы «Брошенный» 1983 г., «Женщина из порядочной семьи» («良家妇女») 1989 г. и «Полночный голос» («夜半歌声») 1990 г., каждый из которых исследовал разные проявления любви, будь то отношения между отцом и сыном или между мужчиной и женщиной.

В 1991 г. в прокат в СССР вышли два приключенческих фильма, посвященных кун-фу, традиционному виду боевых искусств в Китае. Это «Непобедимая нога» («无敌鸳鸯腿») 1988 г. и «Рыцарь-одиночка» («独行客») 1989 г.

Также в этот период выходили криминальные детективы и триллеры. Нам известно о 4 подобных фильмах, причем последний из них – «Цена безумства» («疯狂的代价») 1988 г., описывает больше не процесс поимки преступника, а чувства, испытываемые жертвой и ее семьей после нападения.

Политика открытости, критика власти и относительная свобода слова способствовали переосмыслению «культурной революции», периода идейно-политических кампаний 1966–1976 гг., и того, как и насколько она повлияла на жизни людей. Это привело к появлению множества картин социальной тематики, рассказывающих о горестях народа в тот период. Известно о 4 подобных фильмах, переведенных на русский язык. Наиболее ярким примером является «Юность на алтаре» 1985 г. («青春祭»), в котором изображалась трагедия целого поколения, которое только с началом реформ получило возможность вернуться домой и продолжить образование [Торопцев, 1979].

Также в этот период впервые была переведена китайская комедия «Приключения молодого господина» 1986 г. («少爷的磨难»). Этот фильм, стал значимым для истории китайского кинематографа как первое высказывание на тему роли женщины в современном обществе.

Еще одной значимой темой стала политика реформ и открытости, проводимая в Китае в то время, и то, как она отразилась на судьбах простых людей. Нам известно о 4 фильмах на эту тему, выпущенных в данный период, в число которых вошел и «Салон красоты» («珍珍的发屋») 1987 г., в котором прослеживается жизнь первых частных предпринимателей в Пекине.

Тем не менее, нельзя сказать, что темы, которые были актуальны в период с 1950 по 1963 г., забыты. Так, были выпущены фильмы

«Большой военный парад» («大阅兵») 1986 г., посвященный бойцам Народно-освободительной армии Китая, и «Красный гаолян» («红高粱») 1987 г. – первый фильм, снятый знаменитым режиссером Чжаном Имоу, показывающий эпизоды из жизни китайских крестьян в 20–30-х гг. и их сопротивления японской оккупации [Торопцев, 2008]. Однако фильмы этого периода уже не были столь идеологически направленными, одновременно затрагивая и социальные, и личностные проблемы.

Анализ стратегий перевода названий китайских фильмов в хронологическом аспекте показал, что на каждом этапе преобладающей стратегией является прямой перевод. Можно предположить, что это объясняется тем, что в обеих странах действовала цензура и названия фильмов выверялись идеологически, поэтому не возникало необходимости корректировать их при переводе, как, например, названия фильмов, снятых в США:

- «Любовь под вязами» 1958 г. (букв. «Страсть под вязами»);
- «Любимец Нового Орлеана» 1958 г. (букв. «Тост за Новый Орлеан»);
- «В джазе только девушки» 1959 г. (букв. «Некоторые любят погорячее»).

Кроме того, если фильмы производства КНР в основном показывались в идеологических целях, то прокат фильмов, произведенных на Западе, являлся, в том числе, одним из способов получения дохода государством от проката. В таком случае название подбиралось в коммерческих целях, в том виде, в каком оно, по мнению советских прокатчиков, могло привлечь зрителя к просмотру. Например:

- «Подставное лицо» 1976 г. (букв. «Фронт»);
- «Бездна» 1977 г. (букв. «Глубина»);
- «Похищение по-американски» 1979 г. (букв. «Фантастическая семерка»).

Таким образом, история проката китайских фильмов в СССР позволяет отследить политическую и социальную обстановку обеих стран, а также динамику развития дипломатических и культурных связей между ними. Данные факторы отразились не только на количестве переводимых фильмов, но и на их тематике. В течение первого временного периода, когда контроль государства над кинопроизводством был особенно силен, выпускалось очень много идеологических фильмов, направленных на пропаганду коммунистического режима и посвященных противостоянию КПК и Гоминьдана. Также на отборе фильмов для перевода отразились изменения в отношениях Советского Союза с США и Японией, так, во время холодной войны выходили фильмы о Корейской войне, выставившие американское правительство и войска в неприглядном свете, а в периоды охлаждения отношений СССР и Японии вышло несколько фильмов о японской агрессии в Китае. В

свою очередь охлаждение отношений между СССР и Китаем привело к прерыванию контактов между советскими и китайскими кинематографистами и запрету на выпуск китайских фильмов в советский прокат.

Диахронический анализ перевода китайских фильмов на русский язык позволяет под новым углом посмотреть не только на основы теории аудиовизуального перевода, но и на исторические события, сопровождавшие прокат переведенных фильмов у нас в стране.

Литература

Кинодиалог. Образ-смысл : пер. / В. Е. Горшкова, Е. А. Колодина, Е. В. Кремнёв, Е. О. Фирсова, И. П. Федотова ; под. ред. В. Е. Горшковой. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 367 с.

Зоркая Н. История советского кино. СПб. : Алетейя, 2005. 544 с.

Карачева Н. С. Трудности перевода в процессе взаимодействия культур // Русский язык в современном Китае : сб. науч.-метод. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. ; отв. ред. А. Е. Горковенко. 2017. С. 110–113.

Кузнецова О. В. К вопросу о переводе названий американских кинематографических произведений (на материале русского и корейского языков) // В мире научных открытий. 2014. № 5.2 (53). С. 669–675.

Ларин В. Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI вв. Владивосток : Дальнаука, 2006. 424 с.

Макеева С. Б. Деятельность забайкальских молодёжных организаций в развитии советско-китайского культурного сотрудничества в 50-е гг. XX в. // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2011. № 34. С. 40–45.

Матасов Р. А. История кино/видео перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 3. С. 3–27.

Международное радио Китая. История развития китайского кино (ч. 4) URL: <http://russian.cri.cn/289/2007/04/15/1@170516.htm> (дата обращения: 19.06.2018).

Николаева Н. И. Корейская война и антиамериканская пропаганда в СССР (по страницам периодической печати) // Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 360.

Переверзев В. В. Причины советско-китайского раскола в трактовке современной исторической литературы // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы Второй Междунар.-практ. конф. Благовещенск, 2012. С. 77–79.

Терехова Н. В. Время синтеза: траектории влияния американской культуры на современное китайское общество // Успехи современного естествознания. 2005. № 2. С. 100–101.

Тетерюк А. С. Кинематограф как инструмент «Мягкой силы». Китайский казус // Геополит. журн. 2014. № 5. С. 84–95.

Торопцев С. А. «Международный бренд» китайского кино. Режиссер Чжан Имоу. М. : Экономика, 2008. 272 с.

Торопцев С. А. Очерк истории китайского кино: 1896–1966. М. : Наука, 1979. 233 с.

Хамаева Е. А., Шишмарёва Т. Е., Кремнев Е. В. Транслингвографический перевод как способ экспертного перевода (на материале переводов «Шань хай цзин» и «Эрья») // *Crede Experto*: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 4. С. 69–79.

Berry, Chris. Postsocialist cinema in post-Mao China: the cultural revolution after the Cultural Revolution. N. Y. : Routledge, 2004.

Zhang Yingjin. Chinese National Cinema. N. Y. : Routledge, 2004. P. 21.

АРАБСКОЕ ПИСЬМО У ТРАНСГРАНИЧНЫХ НАРОДОВ КНР

Аннотация. В результате политических изменений и многочисленных реформ XX и начала XXI в. арабописьменные в прошлом народы, живущие на территории КНР и в пределах бывшего СССР, пользуются несколькими алфавитами – не только возрожденными арабскими (арабо-персидскими), но также кириллическими и латинизированными. В обозримом будущем унификации официальных и неофициальных письменных систем трансграничных народов Северо-Запада КНР и постсоветской Центральной Азии будут, очевидно, способствовать как разработки в области новейших информационных технологий, так и деловое и культурное взаимодействие в регионе.

Ключевые слова: языковая политика, языки Китая, Шелковый путь, арабское письмо, тюркские языки, дунганский язык, информационные технологии.

O. Zavyalova

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

ARABIC SCRIPT AND TRANS-BORDER LANGUAGES OF CHINA

Abstract. As a result of political changes and numerous language reforms in the 20th and the 21st centuries, the trans-border languages of post-Soviet Central Asia and North-Western China, which had been written in Arabic (Perso-Arabic) script, use several writing systems – not only Arabic, but also Latinized and Cyrillic. In the nearest future, however, the latest achievements in information and communications technologies as well as business and cultural interaction along the Silk Road will inevitably stimulate the tendencies for the unification of the official and unofficial writing systems in the area.

Keywords: language policy, languages of China, Silk Road, Arabic script, Turkic languages, Dungan language, information technologies.

Развитию интернета, появившегося в Китае в 1994 г., разработкам в области искусственного интеллекта с привлечением разных языков уделяется огромное внимание в современном Китае. На государственном уровне приняты соответствующие программы, в их осуществлении принимают участие сотни лингвистов и специалистов в области информационных технологий по всей стране. Большая часть пользователей китайского Интернета – это китайцы-ханьцы, но в интернет-пространстве страны присутствуют также более тысячи сайтов с текстами на языках народов КНР. Многие из этих языков продолжают официально пользоваться особыми традиционными видами письма, которые были оцифрованы в Китае начиная с 1990-х гг. и стали частью современного информационного мира.

После выдвижения в 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь» внимание китайского лингвистического сообщества привлек регион Великого шелкового пути. В КНР на северо-западе этого региона живут разные народы, говорящие на разных языках и использующие разные виды письма. К сино-тибетской языковой семье здесь относится не только китайский язык, но также тибетский, распространение которого в пределах Шелкового пути ограничено провинцией Цинхай и примыкающими к ней районами южной части провинции Ганьсу. Еще около двух десятков языков входят в состав тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской семей, которые многие лингвисты, в том числе в Китае, объединяют в составе алтайской суперсемьи, и к малочисленной в Китае индоевропейской; ср. материалы фундаментального тома, подготовленного коллективом китайских лингвистом с учетом материалов обследований последних десятилетий [中国的语言, 2007]. Индоевропейская семья представлена в Китае русским языком, сохраняющимся, в частности, у потомков эмигрантов XX в. в Синьцзян-Уйгурском АР, и восточно-памирскими языками в том же Синьцзяне [周庆生, 2013, р. 144], которые китайские лингвисты, в том числе в том же 2007 г., обычно объединяют под названием «таджикский». Все языки китайского участка Шелкового пути в разной степени взаимодействовали друг с другом, многие сохраняют архаичные элементы, исчезнувшие в тех же или родственных языках за пределами Китая.

Первая инвентаризация и классификация традиционных письменных систем проводилась в КНР задолго до начала информационной эпохи – в начале 1950-х гг., когда на государственном уровне было инициировано также масштабное обследование языков в разных районах страны. В 1951 г. Институтом языкознания АН КНР (впоследствии – Институтом языкознания АОН КНР) в число языков первого ряда с развитой письменной традицией были включены как те, носители которых проживают исключительно (сибинцы) или преимущественно (тибетцы, уйгуры) на территории Китая, так и распространенные за его пределами монгольский, корейский, русский, а также казахский, узбекский и татарский. Позже в том же году список языков с письменными системами первого ряда, на которых, в частности, должно было вестись преподавание в школе, пересмотрели. В него вошли тибетский и монгольский с их особыми традиционными системами письма, корейский, пользующийся алфавитным *хангылем* наряду с китайскими иероглифами, а также сохранявшие в Китае арабское (точнее – арабоперсидское) письмо уйгурский и казахский (еще два арабографичных тюркских языка из предыдущего списка – узбекский и татарский в новый список не были включены). По сути дела, все языки из нового списка стали функционировать в качестве официальных в регионах, где

проживали соответствующие народы, использовались в документах, в процессе преподавания в школе и на радио [黄成龙 2016; Zhou Minlang, 2003, p. 101–114].

Со второй половины тех же 1950-х гг. в КНР – параллельно с введением алфавитной системы *ханьюй пиньинь* для официального китайского языка *путунхуа* – начался период радикальных реформ письменных систем. В их процессе арабское письмо у тюркских народов было решено заменить сначала кириллицей по советскому образцу и затем разработанными в Китае новыми латинскими вариантами, отличавшимися от советских [Там же]. В СССР латинизация разных языков проводилась в период активного языкового строительства и на волне увлечения идеей мировой революции в 1920-е и в первой половине 1930-х гг. Именно тогда народы СССР, пользовавшиеся арабским письмом, были переведены на латиницу. Со второй половины 1930-х идея всеобщей латинизации – так же, как несколько ранее идея мировой революции, – утратила в СССР свое значение и ранее латинизированные языки начали переводить на кириллицу [Алпатов, 2015; Алпатов, 2016]. Казахский, киргизский и узбекский языки стали кириллическими в 1940 г., уйгурский – в 1947-м.

В Китае во время «культурной революции» все лингвистические исследования и преобразования были приостановлены, но с началом периода «реформ и открытости» в конце 1970-х гг. начался совершенно новый этап языковой политики. Усилия китайского государства направлены сейчас не только на укрепление языкового единства многодиалектной и многонациональной страны через распространение *путунхуа*. Параллельно китайские власти стремятся, с одной стороны, сохранить разнообразное языковое наследие страны, увековечить на электронных носителях письменные памятники и устное творчество народов КНР, с другой – сделать оцифрованные традиционные письменные системы частью современного информационного мира.

В новый период к числу наиболее значимых языков Китая, в первую очередь подлежащих информатизации, были отнесены, наряду с монгольским, корейским и тибетским, три из девяти наличествующих в современном Китае тюркских языка – уйгурский, казахский и киргизский [执笔人, 李宇明, 王奇 2011]. Все эти три народа проживают в Китае преимущественно в Синьцзян-Уйгурском АР. Уйгуры насчитывают 10 млн чел. по материалам переписи населения 2010 г., казахи – 1,5 млн, оба народа большей частью сохраняют родной язык. Часть киргизов уже перешла на уйгурский или другие языки окружающих народов, численность киргизов в КНР по данным переписи 2010 г. – 187 тыс. чел. Для уйгурского языка арабское (арабо-персидское) письмо было официально восстановлено в 1984 г., для казахского – в 1982-м,

для киргизского – в 1979-м [中国的语言, p. 1633–1691]. Для всех трех языков создано программное обеспечение, которое используется в электронных словарях, системах автоматического перевода, в процессе двуязычного обучения в школах. При этом параллельно в Синьцзяне были вынуждены официально разработать не только стандарты написания уйгурских и казахских слов иероглифами в текстах на китайском языке, но также правила транслитерации этих слов латинскими буквами, в частности, для использования в различных компьютерных программах, в текстах на иностранных языках и в системе образования [佟加·庆夫, 王维东, 2011, p. 171–174].

Именно на уйгурском в 1998 г. был разработан первый сайт на языках народов КНР, к 2014 г. в китайском интернет-пространстве присутствовали уже 655, 56 и 16 сайтов с использованием соответственно уйгурского, казахского и киргизского языков [王志娟, 赵小兵, 2014, p. 145]. В 2016 г. одной из ведущих китайских компаний в области новейших языковых технологий, «Кэда сюньфэй» (iFLYTEK), было представлено устройство, которое распознает и переводит в реальном времени китайскую устную речь на четыре языка – не только английский и языки сопредельных стран японский и корейский, но также на уйгурский. Одно из подразделений iFLYTEK действует в зоне Великого шелкового пути, в административном центре многонационального Синьцзян-Уйгурского АР Урумчи, где создан исследовательский Парк компьютерных технологий. Десятки местных сотрудников iFLYTEK разрабатывают здесь компактные устройства, переводящие устную речь на языках Синьцзяна и сопредельных стран [韩林涛, 杨尔弘, 2017, p. 119].

Современный уйгурский вариант арабского письма используют также живущие в том же в Синьцзяне узбеки и татары. Последние стали переселяться в Китай еще в XIX в. из Российской империи и других сопредельных государств, в 1950-е гг. значительная часть татар, наоборот, покинула КНР. Узбеки и татары живут в Синьцзяне некомпактно, родные языки употребляют либо представители старшего поколения, либо люди разного возраста в однонациональных семьях. Общее число сохраняющих узбекский язык – всего 2000 чел., татарский – около 1000 чел. [中国的语言, 2007, p. 1692–1738] при численности узбеков и татар по данным переписи 2010 г. – соответственно 11 тыс. и 132 тыс. чел. Уйгурский арабский алфавит при необходимости могут употреблять также синьцзянские ираноязычные народы.

Особым вариантом арабо-персидского письма (小经 *сяоцзин*, 小儿经 *сяоэрцзин* и т. д.) на протяжении веков пользовались и продолжают пользоваться в Китае для записи текстов на китайском языке – параллельно с иероглифической письменностью – также китаеязычные му-

сульмане *хуэйцзу*. Во второй половине XIX в. эта система стала трансграничной: она была привнесена в Российскую империю, в пределы современных Казахстана, Киргизии и отчасти Узбекистана, после подавления мусульманского (дунганского) восстания на Северо-Западе Китая. В Российской империи – так же как в Синьцзяне – окружающие народы стали называть переселенцев-*хуэйцзу* дунганями, в СССР совокупность тех китайских диалектов, на которых говорили дунгане, с 1924 г. была официально признана отдельным дунганским языком. В 1928 г. дунганскими студентами в Ташкенте была предложена письменность на основе *сяоцзин*; подробнее см. [Завьялова, 2017].

С 1932 г. дунганский язык официально стал в СССР латинизированным, в 1950-х гг. – кириллическим. В постсоветский период сотни дунган изучают китайский язык в КНР, и одно время в дунганском обществе даже шла дискуссия о переходе литературного дунганского языка на иероглифическое письмо. В литургическом обиходе на постсоветском пространстве возрождается также система *сяоцзин*, в 2004 г. в этой системе был издан Коран. В целом же язык дунган бывшего СССР пока остается кириллическим как в печатных изданиях, так и на сайтах в Интернете. В Китае мусульманами-*хуэйцзу* была разработана система компьютерного набора китайских текстов в системе *сяоцзин* с особой дополнительной неарабо-персидской буквой и многочисленными огласовками [Там же, с. 17–20].

В результате многочисленных реформ XX и начала XXI в., таким образом, арабописьменные до начала этого периода народы, живущие как на территории КНР, так и в пределах бывшего СССР, пользуются и будут пользоваться в ближайшее время несколькими алфавитами. Уйгурский язык официально вернулся к арабскому письму в КНР, но пока остался кириллическим на постсоветском пространстве. Киргизский язык сохранил кириллическое письмо советского периода в Киргизии, но в КНР официально пользуется сейчас арабским алфавитом. В Узбекистане советская кириллица и новая постсоветская официальная латиница в реальности сосуществуют в текстах на узбекском языке. В Казахстане официальное поле для казахского языка скоро должно стать латинизированным, на латиницу со временем будет очевидно переходить новое постсоветское поколение казахов, в том числе в казахском Интернете. Старшее поколения казахов, воспитанное в советское и постсоветское время, скорее всего будет по-прежнему пользоваться кириллицей. Наконец, казахи-оралманы, переселенцы из Китая, по видимому, останутся верны арабскому письму. Две письменные системы – иероглифическую и арабо-персидскую *сяоцзин* – используют китаеязычные мусульмане *хуэйцзу* в КНР, кириллицу и отчасти *сяоцзин* в новейшее время употребляют дунгане-*хуэйцзу* бывшего СССР. Унифи-

кации письменных систем трансграничных народов постсоветской Центральной Азии и КНР в обозримом будущем, возможно, будут способствовать разработки в области инновационных технологий, деловое и гуманитарное взаимодействие в регионе.

Литература

- Алпатов В. М. О языковой политике // Этнограф. обозрение. 2016. № 3. С. 7–15.
- Алпатов В. М. Русская латиница Н. Ф. Яковлева // Науч. диалог. 2015. № 3 (39). С. 8–28.
- Завьялова О. И. Язык и культура китайских мусульман-хуэйцзу // Дунгане. История и культура. Российские дореволюционные работы о дунганах. М., 2017. С. 7–36.
- Zhou Minlang. Multilingualism in China. The politics of writing reforms for minority languages, 1949–2002. Berlin · New York: Mouton de Gruyter, 2003.
- 王志娟, 赵小兵 [Ван Чжицзюань, Чжао Сяобин]. 少数民族语文网站现状 [Современная ситуация с сайтами на языках малых народов] // 中国语言生活状况报告 2014 [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2014 г.]. 北京: 商务印书馆, 2014. 141–152 页.
- 佟加·庆夫, 王维东 [Тунцзя Цинфу, Ван Вэйдун]. 新疆维吾尔自治区少数民族语言文字规范化, 信息化调研报告 [Доклад об исследованиях в области стандартизации и информатизации языков и письменных систем малых народов Синьцзян-Уйгурского АР] // 中国少数民族语言文字规范化, 信息化报告 [Доклад о стандартизации и информатизации языков и письменностей малых народов Китая]. 北京: 民族出版社, 2011. 165–186 页.
- 韩林涛, 杨尔弘 [Хань Линьтао, Ян Эрхун]. 2016 年的机器翻译 [Машинный перевод в 2016 г.] // 中国语言生活状况报告 2017 [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2017 г.]. 北京: 商务印书馆, 2017. 119–123 页.
- 黄成龙 [Хуан Чэнлун]. 少数民族语言研究 [Исследования языков малых народов] // 当代中国语言学研究 (1949–2015) [Исследования в области современного китайского языкознания (1949–2015)]. 北京: 中国社会科学出版社, 2016. 401–440 页.
- 执笔人, 李宇明, 王奇 [Чжи Бижэнь, Ли Юймин, Ван Ци]. 中国少数民族语言文字规范化, 信息化状况 [Ситуация со стандартизацией и информатизацией языков и письменностей малых народов Китая] // 中国少数民族语言文字规范化, 信息化报告 [Доклад о стандартизации и информатизации языков и письменностей малых народов Китая]. 北京: 民族出版社, 2011. 3–9 页.
- 周庆生 [Чжоу Циншэн]. 跨境少数民族语言状况 [Ситуация с трансграничными языками малых народов] // 中国语言生活状况报告 2013 [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2013 г.]. 北京: 商务印书馆, 2013. 141–152 页.
- 中国的语言 [Языки Китая] / 孙宏开等主编 [Сунь Хункай и др. ред.]. 北京: 商务印书馆, 2007.

**КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА США
ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ)**

Аннотация. Статья посвящена изучению художественной картины мира, запечатленной в произведениях изобразительного искусства американских художников времен Великой депрессии. Рассматриваются отличия художественной картины мира от языковой и когнитивной картины мира, исследуются ее функции. Анализируются ключевые концепты художественной картины мира американцев: «Безработица», «Семья», «Голод», «Забастовка», «Смерть», «Тяжелый труд», «Запустение», «Вера», «Кино» и «Театр».

Ключевые слова: концепт, художественная картина мира, языковая картина мира, когнитивная картина мира, функции художественной картины мира.

А. Ignat'yeva

Irkutsk State University, Irkutsk

**THE KEY CONCEPTS OF THE ARTISTIC WORLD VIEW
(BASED ON US FINE ARTS IN THE TIME OF THE GREAT DEPRESSION)**

Abstract. The article focuses on the studies of the artistic world view, represented in the works of American visual artists of the Great depression. The author considers the differences between the linguistic, cognitive and artistic world views, describes the functions of the latter. She analyzes the key concepts of the American artistic world view, such as “Unemployment”, “Family”, “Hunger”, “Strike”, “Death”, “Hard Work”, “Wasteness”, “Faith”, “Movie” and “Theater”.

Keywords: concept, artistic world view, linguistic world view, cognitive world view, functions of the artistic world view.

На современном этапе развития лингвистики понятия «концепт» и «картина мира» достаточно широко изучены в работах по когнитологии, семантике и культурологии.

Представители когнитивного направления понимают под концептом «информационную структуру, отражающую знание и опыт человека» о том или ином явлении объективной или субъективной реальности [КСКТ, 1996, р. 90], представленную в виде различных форматов мысли: мнений, представлений, схем и понятий [Кубрякова, 2004].

Сторонники семантического подхода считают семантику языкового знака лучшим доступом к описанию содержания концепта (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, С. А. Хахалова, А. Д. Шмелев), таким образом, подчеркивая, что самые важные концепты кодируются в языке [Булыгина, 1997].

В своем исследовании мы опираемся на точку зрения лингвокультурологического направления (Ю. С. Степанов, В. В. Колесов, В. А. Маслова), согласно которой концепт – это «сгусток культуры в

сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997, с. 40]. Будучи единицей культуры, ее основной ячейкой, концепт может выражаться не только языковыми знаками, но и музыкой, живописью, танцем, скульптурой и другими видами искусства [Попова, Стернин, 2002]. Изучая концепты через произведения искусства, исследователь способен вычленил национальные культурные ценности и представления, характеризующие картину мира того или иного народа в определенный период времени.

В зависимости от опыта (непосредственного или опосредованного) картина мира может быть когнитивной, языковой и художественной [Попова, Стернин, 2007].

При этом подчеркивается, что когнитивная картина мира является непосредственной, поскольку она формируется путем «прямого познания окружающей действительности человеком» [Попова, Стернин, 2002, с. 5].

Языковая и художественная картины мира – опосредованные варианты образа мира, поскольку они фиксируются вторичными знаковыми системами – языком и произведениями искусства, которые репрезентируют существующую в сознании когнитивную картину мира. Таким образом, языковая картина мира – это часть когнитивной картины мира, выраженная в языке и формирующаяся у носителя языка, а художественная картина мира – та часть когнитивной картины мира, которая представлена в произведениях искусства и формируется в сознании читателя, зрителя, слушателя при восприятии ими художественной литературы, музыки, живописи, скульптуры и т. д. Необходимо отметить, что художественная картина мира также отражает индивидуальную картину мира ее автора (писателя, художника, скульптора и т. д.), поскольку репрезентирует его индивидуальные концепты [Попова, Стернин, 2007]. При этом она остается важным ключом к воссозданию фрагментов национальной когнитивной картины мира, поскольку входит в нее как неотъемлемое целое и формируется вместе с ней в определенный временной отрезок, в конкретном месте (стране), культуре и социуме.

Таким образом, роль концепта в художественной картине мира заключается в его способности воспроизводить фрагменты художественной картины мира как самого автора произведения искусства, так и читателей его творчества и, соответственно, национальной когнитивной картины мира определенного народа в ту или иную историческую эпоху.

Целью же художественной картины мира, как считает Р. П. Мусат [2015], является «актуализация ментальных культурных ценностей, их доступность и обозримость для человека».

Среди функций художественной картины мира как «сгустка культуры» исследователи выделяют модальную функцию, выражающую индивидуальное отношение автора произведения искусства к отображаемой реальной действительности; эстетическую, воспроизводящую прекрасное в искусстве; этическую, отражающую определенный уровень морали и нравственности общества; эмоционально-оценочную, передающую оценки и эмоциональные реакции; аккумулятивную, предполагающую накопление и хранение эстетической информации, и некоторые другие [Миниханова, Фаткуллина, 2012].

Однако на наш взгляд, наиболее важными функциями художественной картины мира являются функция распространения ценностных смыслов той или иной культуры, а также функция катарсиса, т. е. «очищения», через которое проходит зритель, читатель, слушатель, в результате чего меняется его поведение и мировоззрение.

Итак, в рамках ментальной культуры художественная картина мира тесно связана с духовно-нравственными ценностями. Ее функционирование в обществе заключается в ее образно-эмоциональном, эстетическом и этическом способе освоения действительности, в силе нравственного воздействия на адресата художественной картины мира определенного исторического периода.

В данной работе мы рассматриваем печально известный в истории США период, глубочайшее социально-экономическое потрясение – американскую Великую депрессию. Начавшись в результате катастрофического падения курса акций в черный четверг 24 октября 1929 г., экономический кризис продолжался вплоть до 1939 г., что привело к массовой безработице, голоду, нищете, болезням, а также общему психологическому состоянию угнетенности, беспомощности и злобы у населения. По количеству жертв в истории страны Великая депрессия может сравниться с Гражданской войной Севера и Юга 1861–1865 гг.

Одним из направлений «Нового курса» Ф. Рузвельта для реабилитации страны стало развитие искусства, а именно живописи, фотографии, театра и кино. Он отправил десятки лучших фотографов в разные концы страны для того, чтобы они запечатлели ничем не приукрашенную жизнь простых американцев.

Примечательно, что стиль реализм стал своего рода выходом из депрессии. Люди видели нищету и безработицу на картинах, фотографиях и в жизни и начинали размышлять о том, как выйти из тяжелого положения. Таким образом, искусство явилось толчком для принятия быстрых решений, т. е. «спасением».

В 30-е гг. наиболее популярным направлением в искусстве становится фотография, где доминировали плакаты с лозунгами, отражающими концепт «*Безработица*»:

“I know 3 trades, I speak 3 languages, fought for 3 years, have 3 children and no work for 3 months, but I only want one job”. – «Я знаю 3 ремесла, разговариваю на 3 языках, воевал 3 года, имею 3 детей и ничего не делаю уже 3 месяца. Все, что мне нужно – это одна работа»;

“Why can't you give my Dad a job?” – «Почему вы не можете дать моему отцу работу?»;

“Want a job”. – «Ищу работу».

Американские реалисты фотографировали действительность, которая должна была подвигнуть людей к правильным действиям.

Многие фотографы запечатлевали целые семьи, не имеющие дома, работы, пищи, кочующие из одного конца страны в другой, вынужденные питаться замороженными овощами с полей, стрелять птиц и продавать покрышки с автомобилями, чтобы выжить. Например, в серии работ Доротеи Ланж ярко представлены концепты «Семья» и «Голод». Одна из ее фотографий – “Migrant Mother” («Мать-переселенка»), на которой изображена Флоренс Томпсон с тремя детьми, стала символом Великой депрессии. Ланж пообещала ей не публиковать фотографию, а только показать чиновникам, чтобы обеспечить пищей голодающий палаточный лагерь. Пищу действительно доставили, но фотография все же была опубликована, стала знаменитой за одну ночь, и мир увидел настоящее лицо Депрессии.

Картина «Американская готика» (1930) известного американского художника Гранта Вуда является еще одним примером репрезентации концепта «Семья», где на переднем плане мы видим сельских жителей, отца и дочь, готовых противостоять экономическим проблемам, вызвавшим Великую депрессию. В течение многих лет картина не раз подвергалась критике, при этом автор утверждал, что публика неверно трактует его работу. Он видел в сельских жителях решительных и отважных американцев, готовых бороться с проблемами. Однако многие искусствоведы находят уродство, замкнутость и ограниченность жителей сельских городов в суровых лицах героев картины.

Концепт «Забастовка» находит свое отражение в работах многих американских художников того времени, таких как «Забастовка шахтеров» (1936) Томаса Харта Бентона, «Раненый забастовщик и солдат» (1936) Хуго Геллерта, «Забастовка в Янгстауне» (1937) Уильяма Гроппера и др. В условиях экономического кризиса в стране активизировалось рабочее движение, выдвигавшее коммунистические лозунги советской власти. Многие забастовки проходили под красными флагами и сопровождались захватом заводов и фабрик. Так, 7 марта 1932 г. демонстранты вышли к воротам заводов Форда в Дирборне, чтобы выразить ноту протеста по поводу своего сокращения, однако полиция примени-

ла против них автоматы. Во время похоронной церемонии американцы несли портреты Ленина под звуки русских революционных маршей.

С 1931 г. начались забастовки шахтеров, жестоко подавляемые полицией, десятки людей погибли и были ранены. Из пятидесяти тысяч бастовавших порядка тысячи были арестованы, а около двух тысяч – подверглись избиениям и травле газом [Ротбард, 2012].

Великая депрессия 1929–1933 гг. стала хорошей почвой для появления в США множества различных фашистских группировок, опирающихся на идеи фашизма, антикоммунизма, а также расизма в отношении чернокожих американцев. Концепт «Смерть» репрезентирован полотнами американских художников того времени, таких как «Линчевание» (1936) Луиса Лозовика, «Сеятели фашизма» (1942) Томаса Харта Бентона, а также многочисленными фотографиями, изображающими членов организации «Ку-Клукс-Клан» и их деятельность [Terrifying images of why the kkk still haunt America, 2018]. Одна из ужасающих фотографий того времени отображает самосуд над афроамериканскими заключенными Абэ Смитом и Томом Шиппом (1935), которые подверглись линчеванию, а затем повешению, в то время как за всем происходящим наблюдала пятитысячная толпа американцев. Работа известного американского скульптора японского происхождения Исаму Ногучи «Смерть (через линчевание)» (1934) также представляет вниманию зрителя замученную фигуру афроамериканца, убитого толпой.

Концепт «Тяжелый труд» ярко отражен на полотнах таких художников, как Мейбл Дуайт – «Мужчины, собирающие бананы» (1936), Клэр Лейтон – «Погрузка» (1931), Хуго Геллерт – «Рабочий день» (1933), Диего Ривейра – «Носильщик цветов» (1935), Гарри Стенберг – «Строители» (1935), Элизабет Олдс – «Шахтер Джо» (1940), а также Томас Харт Бентон – «Жатва пшеницы» (1938) и Джозеф Хирш – «Время обеда» (1942). На всех этих картинах представлены рабочие и фермеры, выполняющие тяжелую физическую работу, сильные люди, но уставшие и изможденные. Во время экономического кризиса рабочие места сокращались, уменьшилась заработная плата. Для нуждающихся создавались трудовые лагеря, где они выполняли тяжелую работу: строили дороги, каналы, и мосты, при этом их заработная плата составляла всего пять долларов в месяц, но одним из преимуществ было то, что рабочим давали пищу. Около восьми с лишним миллионов человек прошли через такие трудовые лагеря [Назаров, 2018].

Концепт «Запустение» реализован в картинах таких художников, как Эдвард Хоппер – «Закат на железнодорожной станции» (1929), «Комната в Бруклине», «Заправочная станция» (1940), Луис Лозовик – «Бруклинский мост» (1930) и Джо Джоунс – «Покинутый край» (1937).

Во времена Великой депрессии были разорены торговые и промышленные фирмы, фермерские хозяйства, крупные железнодорожные

компаний, банки, встали заводы, перестали выпускаться автомобили, локомотивы и вагоны. На картинах представлены заброшенные железнодорожные и заправочные станции, дороги, мосты, по которым не ездят поезда, автомобили, а также необработанные и поросшие высокой травой фермерские поля.

Концепт «*Вера*» представлен картинами Прентисса Тейлора «Церковное собрание» (1936), Эли Джейкоби «Ночная служба» (1935), Томаса Харта Бентона «Господь, исцели дитя» (1934). В то нелегкое для страны время для многих американцев вера была последней надеждой на спасение: люди искали поддержку и помощь у бога, обращаясь к нему с молитвами на церковных службах и собраниях.

Концепты «*Кино*» и «*Театр*» нашли свое отражение в работах американского художника Регинальда Марша «Кино за 25 центов» (1936), «Звезда бурлеска» (1933), «Гарлем, вечер вторника в Савойе» (1932), «Хор Минского» (1935), «Вечер понедельника в Метрополитене» (1936), «Киностудия “Парамаунт”» (1934), «Большой Пип и Флип» (1936), «Счастливые смельчаки» (1931). В 30-е гг. XX в. популярными у американцев становятся массовые развлечения, такие как кино и театр. Это были единственные доступные виды досуга, способные отвлечь людей от материальных проблем. При этом большинство из них отдавало предпочтение именно просмотру фильма, билет на который стоил от 15 до 25 центов в зависимости от состава актеров.

Содержание фильмов того времени кардинально изменилось, зрители перестали смотреть боевики и переключились на фильмы более светлого содержания. По мнению американского культуролога Дж. Хайсона, такие изменения во вкусах американцев вполне закономерны. Он объясняет это тем, что экономические кризисы в области массовой культуры проходят две стадии: сначала, когда экономика приходит в упадок, фильмы, книги, спектакли носят простые, сентиментальные, оптимистические идеи, а впоследствии, когда экономическая ситуация стабилизируется, – эстетические, этические, высоко-нравственные идеи, способствующие серьезному осмыслению произошедших событий. Это отражается на жанрах и содержании фильмов, которые меняются от низких, таких как жестокие боевики, до высоких, таких как драмы и комедии [Закономерности экономического кризиса ... , 2018]. Примечательным является то, что мышонок Микки Маус стал национальным героем именно в период Великой депрессии, поскольку он вызывал подъем духа у людей в тяжелое время экономического кризиса. Еще одним национальным героем Америки 30-х гг. является Ширли Темпл – остроумная и талантливая девочка, воплощающая собой оптимизм и надежду на светлое будущее.

Таким образом, рассмотрение концептов художественной картины мира американских фотографов- и художников-реалистов позволяет воссоздать некоторые фрагменты американской национальной когни-

тивной картины мира времен Великой депрессии и выявить базовые концепты того времени: «Безработица», «Семья», «Голод», «Тяжелый Труд», «Забастовка», «Смерть», «Запустение», «Вера», «Кино» и «Театр».

Выявленные концепты делают доступными и обозримыми для человека, живущего в XXI в., культурные ценности и представления простых американцев 30-х гг. XX в. Благодаря рассмотренным произведениям искусства мы можем представить тяжелую жизнь, боль и безнадежность, с которыми они столкнулись. Отсутствие денег, потеря работы, умирающие от голода люди, среди которых было много детей, изнывающие от тяжелого труда рабочие, забастовки, не приносящие результатов и жестоко подавляемые полицией, беспредел и безнаказанность фашистских организаций, опустевшие дороги и мосты, по которым еле движутся ослабленные от голода прохожие, а также маленькие радости в виде фильмов и спектаклей, и, несмотря на тяжелое положение, на лицах многих американцев – надежда и вера в светлое будущее – эти и другие примеры описания содержания концептов заставляют современного зрителя менять свои поведенческие ориентиры, а также учиться на чужой истории и стараться предотвратить подобное в дальнейшей судьбе человечества.

Для современного лингвиста, регионоведа, переводчика становится важным и необходимым знание национальных культурных ценностей, формирующихся на базе данных концептов и характеризующих картину мира американцев. Это позволит глубже понимать представителей данной нации, предсказывать их поведение, моделировать результат общения, оставаясь политкорректными в условиях жесткой современной международной политической ситуации.

Мировая художественная культура являет собой ключ к пониманию художественных смыслов, присущих той или иной культуре, а также способствует развитию зрелого типа художественного сознания, способного понимать шедевры мирового искусства и скрытые в них национальные системы ценностей.

Литература

Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Яз. рус. культуры, 1997. 446 с.

Ротбард М. Великая депрессия в Америке. М. : ИРИСЭН, Мысль, 2012. 522 с.

Закономерности экономического кризиса и его последствия для общества [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2497> (дата обращения: 01.06.2018).

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. М. : МГУ, 1996. 245 с.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 560 с.

Миниханова Л. К., Фаткуллина Ф. Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности // Вестн. Башкир. ун-та. 2012. Т 17, № 3 (I). С. 1626–1627. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-kartina-mira-kak-osobyy-sposob-otrazheniya-deystvitelnosti> (дата обращения: 15.05.2018).

Мусат Р. П. Художественная картина мира в контексте социокультурных ценностей // Современ. проблемы науки и образования. 2015. № 2 (ч. 2). URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21433> (дата обращения: 25.04.2018).

Назаров Д. История Великой депрессии [Электронный ресурс]. URL: <http://wordweb.ru/2008/11/25/print:page,1,istorija-velikojj-depressii.html> (дата обращения: 03.05.2018).

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание / под ред. И. А. Стернина. Воронеж : ВГУ, 2002. Вып. 3. С. 4–8.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Яз. рус. культуры, 1997. 824 с.

Terrifying images of why the kkk still haunt America. URL: <https://www.gettyimages.com/event/terrifying-images-of-why-the-kkk-still-haunts-america-590021219#may-1946-the-member-demonstrating-the-klan-greeting-during-the-ku-picture-id50862138> (дата обращения: 01.05.2018).

УДК 811.111-26

В. В. Калинина

Иркутский государственный университет, Иркутск

СТЫД

КАК РЕГУЛЯТОР ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Статья посвящена анализу ситуаций стыда. Рассматривается онтология стыда с философской точки зрения. Особое внимание уделяется таким понятиям, как нравственность, моральные принципы, этическая норма, ценности. Автор описывает временные и пространственные изменения социальных норм и анализирует влияние стыда на сознание человека. В статье доказывается функция стыда как сдерживающего механизма поведения в обществе.

Ключевые слова: стыд, ценности, этическая норма, моральные принципы, нравственность, общество

V. Kalinina

Irkutsk State University, Irkutsk

SHAME

AS A REGULATOR OF HUMAN'S BEHAVIOUR

Abstract. The article deals with analysing situations of shame. Shame is considered from a philosophical perspective. Special attention is paid to such concepts as morality, moral principles, ethical norm, values. The author describes spatial and temporal changes of social norms and analyses the influence of shame on human's consciousness. The article proves the deterrent function of shame regarding social behaviour.

Keywords: shame, values, ethical norm, moral principles, morality, society.

Modern society faces a lot of problems both interpersonal and intrapersonal ones. Intrapersonal problems include conscience, remorse, contrition and shame. From a philosophical perspective, shame is the basis of morality and the beginning of a human's existence in a moral and historical essence, which is proved by V. S. Solovyev [1988], "I am ashamed, thus, I exist" [Solovyev, 1988, p. 124]. Shame affects a human's consciousness, regulating his behaviour.

Shame is a way of existence and a result of a human's attitude to the world, which is an emotional feeling. Shame is determined by a complicated essence of the inner world of a human and moral principles which he follows in his actions. Moral values are above other values and cannot be sacrificed for the sake of other values [Seifert]. Moral principles are a kind of a norm which a human relies on in the course of his life.

Shame develops under the circumstances of interpersonal relations. Shame contributes to creating group norms and maintaining common attitude towards them. Thus, it is worth defining the concept of a social norm. Social norm is a positive attitude to standard behaviour, norms and the system of values. A human who is ashamed is alienated from others, he is alone in the world and separated from it by shame. Socialisation of a human results in different reasons for shame: turning a human from "ours" into "alien", loss of a human's status position, dishonesty, lack of family values, rejecting social norms, etc. [Bazhenov, 1998, p. 13]. An ashamed human violates the rules of a "social game" and is involved in being controlled by a person of authority being regarded as powerful. Authority is a feature of a norm which implies a law, a tradition, volition and an opinion of one person or a group of people; authority is an agent that is dictating how to act [Wright, 1986].

Shame performs a function of self-regulating. Being based on consciousness reflection, shame directs a human to moral actions. Morality is defined as one of the most important and essential factors of social development and progress. The essence of morality is voluntary consent of feelings, attitudes and actions of the whole society. From a philosophical perspective, morality goes with the concepts of moral principles or moral laws. I. Kant (1965) underlines the importance of morality: a moral value of an action is defined by a human's view of a norm or a law, which is the moral good of a human. Morality contains certain categories determining a human's spiritual life. V. P. Baryshkov [2005] includes consciousness, shame, love and others into moral categories, which he defines as the essence of a heart.

In a situation of shame a personality exists in three forms: "I", "prosecutor" and "judge". "I" is the accused performing wrong and shameful actions. The role of a "prosecutor" is played by social values. The role of a "judge" is played by self-consciousness and reflection [Bazhenov, 1998, p. 8–9]. A human's reflection "bringing a verdict" to a human is his con-

science. Moral categories include conscience, which often accompanies shame. M. S. Kagan [1997] calls conscience “an instrument” of moral consciousness and points out that it regulates and controls a human’s behaviour being an inner necessity of a moral action and an inner judge in a court which a human brings against himself. Conscience corresponds to a sense of duty and due to the ability of judgement and a common sense performs the task of “inner trial” [Kant, 1965, p. 376].

The existence of an ashamed person is possible only in the society. An ability to feel shame is developed in the process of socialisation. A human follows rules and pursues goals in his life taking into account the rules which are followed by other members of society [Lewis, 1992, p. 10]. In the course of a human’s life and a person’s socialisation moral consciousness is formed. Social elements are “built in” an ashamed human’s existence [Bazhenov, 1998, p. 14]. A developing personality gets accustomed to social values, tries to be respected by a family and friends. It becomes a socialised moral personality. A human acting in an ethical way follows moral rules and if he does not, feels ashamed in front of his own conscience, which symbolises a trial of morality.

Evaluation of something as shameful undergoes temporal and spatial changes. Spatial changes comprise in the absence of universal situations of shame where each member of society would feel ashamed. What is shameful for one person does not seem to be shameful for another one. Adapting to society a human creates a possible world where he could exist with the values he would choose. Questioning values a human asks himself what truth is and whether all values are true. Consider the example: if art critics admire some piece of art and evaluate it as a masterpiece, it does not mean that people in all possible worlds will find it beautiful. Truth, as stated by M. S. Kagan [1997], might have a value and might not have, truth might transmit a value, but it is not a value itself [Kagan, 1997, p. 70].

A human might not accept the values of society as he categorises the world into “his” and “alien” [Baryshkov, 2005, p. 66–67]. A human is surrounded by different people and affected by his family, friends and colleagues. Every social institution follows its rules and values, which cannot be neglected by their members. Being a member of some social group, a human evaluates acceptability of the group’s values to his inner world. The task of a society is not to develop a human’s taste for values, but to rebuild his moral perception of the world, resolve his inner conflict between “Me ideal” and “Me real”.

It is important that a human decides himself what values to choose, not the society imposes its values on him, thus, a human becomes a personality. On the one hand, a human becomes a member of a cultural community. On the other hand, he becomes a unit of a society as a whole. Thus, a human is “born” twice: physically and spiritually. When a human is born spiritually, he acquires freedom of choice of values [Kortava, 1987, p. 34].

Values are material and immaterial forms of existence, they determine culture and a personality's attitude to a society, while they are not an attitude itself. This attitude is a value. The difference between a value and evaluation is that a value is the meaning of an object to a subject, whereas an evaluation is an emotional-intellectual estimation of this meaning to a subject [Kagan, 1997, p. 68]. Thus, for instance, values are good, beauty, happiness, meanwhile evaluation is a verdict of conscience, experience of good and judgement of taste. Values shaping social worldview are oriented to a standard, the result of comparing with which is a value. A value determines a human's subjective attitude to the surrounding reality and gives rise to evaluating utterances.

The culture of society is always changing, which is caused by social movements. Cultural changes, in their turn, affect conscience, opinions and culture on the whole. In the course of time a fact being previously considered as a shameful one might not be regarded as negative in the modern society. On the contrary, a shameful act in the modern society could be considered as a norm in the past. For instance, modern society and technology development determine certain conditions under which members of society must use a computer, a smartphone and other devices. Being unable to use these gadgets is condemned by others. However, a few decades ago, only few people owned contemporary devices and did not criticize others for their inability to use them. At the same time modern trends of mass media and lack of strict censorship enable journalists to use ambiguous words and phrases, sounding sometimes unethical, which was considered to be disgraceful in the past and criticised by the society.

Society undergoes temporal changes. Worldview position of shame is that altering their worldview people start regarding something else as decent, ethical or disgraceful, shameful [Bazhenov, 1998, p. 4]. A human living in society wants to become a part of a whole. If he does not follow its traditions, rules and values, he cannot become a member of society. A feeling of shame appears because of an impossibility to conform to the rules of society, that is why an ashamed human is alone and alienated from the world. In the society a human tries to maintain a good reputation. In case of his reputation being undermined, he is disgraced and condemned by the society, he has an inner conflict and a conflict with other members of society [Bulygina, 2000].

Evaluation of something as shameful regulates a human's behaviour because of a fear to be condemned. Shame is a regulator of morality due to its connection with ethical norms [Bulygina, 2000, p. 227]. A human feeling a possible negative evaluation tries to conform to social norms and not to perform a shameful action.

Presence of values in a society creates culture of this society, which essence is to follow values. Otherwise, society would degrade and return to its primitive existence. According to J. P. Sartre [2004], a human is ashamed

of his primitive existence, that is why shame, fear and pride are his initial reactions [Sartre, 2004, p. 313]. To avoid unpleasant feelings of being rejected a human must adjust to the culture of the society in which he lives.

Moral values are a constituent of value worldview and determine such ethical categories as guilt, contrition, conscience, duty, shame, etc. Lately the issue of a loss of moral values has been relevant. Shame is a result of behaviour and violation of not only moral law of society, but also a human's moral norms and values. All humans to some extent have a sense of morality and moral principles, that is why every human living in society is influenced by a feeling of shame, which is a regulator of his actions.

Moral principles are oriented to a norm, which is the standard of any society. A norm is extremely important not only in moral aspects of life, but also in everyday life of a person, as it covers almost all aspects of the worldview. A norm is considered an incentive of an action, belief or feeling. A statement which obliges, allows or prohibits or threatens can serve as a norm [Ivin, 2006, p. 22]. Norms are a relationship between a thought and reality. They are classified into rules, commands, moral and legal norms. There are some utterances in which the subject is the authority of the norm. Such norms are regarded as autonomous. Regulatory actions are classified into self-prohibition, self-permission and self-regulation [Kurbatov, 2001, p. 306].

Each society lives according to some legal or moral rules, thus a society creates the norm of behavior. The norm of behavior is some model which a person must correspond with living in a society. On the scale of values a norm is located in the "plus" zone, and assessing something as "good" either coincides with the norm or close to it [Volf, 2003, p. 88]. Learning norms of society an individual shapes his own value worldview. Values can be divided into ethical, aesthetical, spiritual and others. Ethics teaches how to assess a situation to behave morally right, or ethically. Ethical norm is an ideal of behavioral rules of society. Ethical values exist in a society, determine the worldview of an individual as a member of a society and make people's life in a society possible. Rejecting a norm of ethical values is regarded as shameful. Ethical concepts create one of the forms of society's conscience, which is morality in its various aspects [Cherneiko, 1997, p. 121]. The evidence of shameful actions being a rejection of an ethical or societal norm is the following example: "I don't care what shame comes on you. You deserve it all. I should not be sorry to see you disgraced, publicly disgraced [Wilde, 1963, p. 202].

When an ethical norm is rejected, the following situations are evaluated as shameful:

- 1) immoral thoughts and feelings: Miss Dashwood, do you think people make love when anybody else is by? Oh! for shame! [Austen, 1994a, p. 266];

2) immoral wishes: He paid her only the compliment of attention; and she felt a respect for him on the occasion which the others had reasonably forfeited by their shameless want of taste [Austen, 1994b, p. 33];

3) immoral and socially wrong actions: You will be censured, slighted, and despised by every one connected with him. Your alliance will be a disgrace; your name will never even be mentioned by any of us [Austen, 1994b, p. 274];

4) actions which are not morally wrong but a speaker tries to teach someone a lesson: Your clean hands I always knew were dirty. And now the whole world knows. You should be ashamed [Roth, 1997, p. 287];

5) illiteracy, unawareness of simple things: “Mosquitoes – damn it! And only the female bites!” – Mrs. Stoner, after a moment said, “Shame on you, Father. She needs the blood for her eggs” [Love Stories, 2006, p. 78].

A society is variable in its structure, which is why morality faces a problem of incompatibility of different morals of various social groups and classes, thus there is family moral, professional moral, societal moral, etc. [Stepanov, 1997, p. 643]. The example below shows how the same situation would be assessed by different groups of society: Like maybe I told you, we lose the last three double-headers we play, makin’ maybe 25 errors in the 6 games, which is all right for the intimate’s of a school for the blind, but is disgraceful for the world’s champions [Love Stories, 2006, p. 245].

Thus, ethical norm of shame regulates a human’s behavior through his conscience. Shame can prevent a human from performing actions which are regarded as shameful or diverging from a norm of morality. Ethical norm of shame is a result of a human’s attitude to the world. Shame is a social category and related to social norms. As a consequence of shame a human is rejected and condemned by society. Being ashamed a human cannot be a member of society, consequently he avoids actions which contradict his moral principles and values.

References

Баженов М. В. «Человек стыдящийся» как философская проблема : автореф. ... канд. филос. наук. Ижевск, 1998. 16 с.

Барышков В. П. Аксиология личностного бытия : монография. М. : Логос, 2005. 190 с.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Грамматика позора // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 216–234.

Вольф Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003. С. 87–101.

Вригт Г. Х. фон Логико-философские исследования : избр. тр. : пер. с англ. / общ. ред. Г. И. Рузавина, В. А. Смирнова ; сост. и авт. предисл. В. А. Смирнов. М. : Прогресс, 1986. 600 с.

Ивин А. А. Аксиология : науч. изд. М. : Высш. шк., 2006. 390 с.

Каган М. С. Философская теория ценности. СПб. : Петрополис, 1997. 205 с.

Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 1 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гульги, Т. И. Ойзермана. М. : Мысль, 1965. 544 с.

Кортава В. В. К вопросу о ценностной детерминации сознания. Тбилиси : Мецниереба, 1987. 64 с.

Курбатов В. И. Логика. Систематический курс. Ростов н/Д : Феникс, 2001. 512 с.

Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М. : Республика, 2004. 639 с.

Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. М. : Мысль, 1988. Т. 1. 413 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Яз. рус. культуры, 1997. 824 с.

Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М. : Изд-во МГУ, 1997. 320 с.

Austen J. *Pride and Prejudice*. London: Penguin Popular Classics, 1994. 399 p.

Austen J. *Sense and Sensibility*. London: Penguin Popular Classics, 1994. 374 p.

Lewis M. *Shame: The Exposed Self*. New York: The Free Press, 1992. 275 p.

Love Stories / предисл., коммент. Е. В. Гвоздковой. М. : Айрис-пресс, 2006. 352 с.

Roth P. *American Pastoral*. N. Y. : Vintage Books, 1997. 423 p.

Seifert J. Moral Goodness Alone Is 'Good Without Qualifications': A Phenomenological Interpretation and Critical Development of some Kantian and Platonic Ethical Insights into Moral Facts which Contribute to the Moral Education of Humanity. URL: <http://www.bu.edu/wcp/Papers/TEth/TEthSeif.htm> (дата обращения: 17.09.2014).

Wilde O. *The Picture of Dorian Gray*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963. 287 p.

УДК 316.77:001.8

Н. С. Калинина

Китайский народный университет, Пекин

КОНЦЕПЦИЯ «СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»: РАЗНИЦА АКЦЕНТОВ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВО ВНЕШНЕЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье описывается значение китайской концепции «Сообщество единой судьбы человечества», которая широко обсуждается в мировом общественном пространстве. Цель данной работы заключается в том, чтобы на примере концепции «Сообщество единой судьбы человечества» продемонстрировать проблемы, связанные с различием восприятия китайских политических терминов российской и китайской аудиторией. Задача данной статьи в том, чтобы показать зависимость расстановки акцентов при восприятии концепции от особенностей языковых средств, а также различного социального, культурного, исторического и политико-экономического опыта аудитории. Актуальность работы связана с большим значением, которое Китай вкладывает в развитие и продвижение данной концепции, а поскольку Россия поддерживает данную концепцию, то очень важно понимать ассоциативный подтекст, который связан с данной концепцией у российской и китайской аудитории.

Ключевые слова: «Сообщество единой судьбы человечества», китайские политические термины, коммуникативные коды, коммуникативные акценты, сообщество, судьба.

**THE «COMMUNITY OF COMMON DESTINY» CONCEPT:
DIFFERENCE IN EMPHASIS IN INTERNAL AND EXTERNAL COMMUNICATION**

Abstract. The article describes the meaning of the Chinese concept “Community of common destiny”, which is widely used now in the world communication space. The purpose of the article is to demonstrate the problems associated with the difference in the perception of Chinese political terms by the Chinese and the Russian audience as exemplified in the concept “Community of common destiny”. The article touches upon the problem of the concept’s meaning emphasis, which depends on language tools as well as various social, cultural, historical and political background of society. The relevance of the article is based on the great influence and great international importance that China puts in the development and promotion of this concept. Since Russia supports this Chinese concept, it is very important to understand the associative subtext that is connected with it among the Russian and the Chinese audience.

Keywords: Community of common destiny, Chinese political concepts, communication codes, communicational emphasis, community, destiny.

За последние годы концепция «Сообщество единой судьбы человечества», предложенная председателем КНР Си Цзиньпином, прочно вошла не только в китайское информационное пространство, но и в международное. На 19 съезде КПК концепция «Сообщество единой судьбы человечества» была заявлена как основная миссия правящей партии, а ее формулировка была закреплена в поправках к уставу партии КНР. СМИ заговорили о предложенной идее Китая как об альтернативе одновременно глобализационных и деглобализационных процессов, происходящих в мире, как о новой идее, скрепляющей контакты между государствами.

В последние годы вслед за экономическим и политическим усилением Китая, а также активизацией его роли на международной арене, китайские понятия и концепции все чаще находят отклик у зарубежной аудитории. Во многом этот факт связан с растущим значением роли средств массовой информации Китая в международной коммуникации. Специфика китайских политических терминов, непривычных западной аудитории, постепенно проникает в международное информационное пространство, обогащая и усложняя его. Однако, несмотря на обилие понятий и терминов, несмотря на подробные разъяснения, которые их сопровождают, их прочтение может отличаться в разных языковых, социальных и культурных средах.

Понятия и термины, возникающие в политическом контексте Китая, имеют особое значение в межкультурном и межгосударственном общении. У. И. Берзиня [2009] отмечает, что «создаваемые для китайцев современные политические тексты КНР не всегда совпадают в лексическом и смысловом плане со своими переводами, т. е. с теми же текстами, но предназначенными для внешнего пользователя».

Существует целый ряд причин, по которым политические понятия в разных национальных и культурных средах имеют свои особенности.

Прежде всего, политический язык любого государства через метафоры и символы дает отсылки к историческому прошлому и культурным традициям страны. Через ассоциативные отсылки к предыдущим политическим выступлениям или через лексическое новаторство выступления политический текст может в определенной культуре демонстрировать как идею политической преемственности, так и идею обновления политического курса. Также Е. М. Пак [2017] упоминает о предрасположенности политической речи в Китае к следованию канонам: «...когда политический деятель обращается к публике и в качестве аргумента использует исторический факт, цитаты древних мудрецов или затрагивает какие-либо древние традиции, то несомненно располагает к себе слушателей». Кроме того, нельзя не отметить интердискурсивность, внутреннюю неоднородность политического текста в КНР, вызванную особой стилистикой, жанром и дискурсивной практикой китайского языка, значение которой теряется в западном политическом тексте. Также сложности в переводе и трактовке китайских политических терминов и понятий вызваны особенностями иероглифического письма Китая, когда один и тот же текст может иметь несколько уровней прочтения.

С другой стороны, лингвистические помехи при прочтении китайской политической терминологии могут вызываться культурными, историческими, политическими и социальными особенностями зарубежного адресата сообщения. Особенно это касается терминов, образованных на базе абстрактных и общеупотребительных понятий, трактовка которых имеет свое значение и свои исторические и культурные аналогии в языковой среде, в которой происходит раскодирование сообщения. Так, вариации и элементы термина «Сообщество единой судьбы человечества» в русскоязычной среде имеют относительно длинную историю, это неизбежно влечет за собой аналогии и отсылки к более старым исторически сложившимся понятиям и философским диспутам.

В силу этого при декодировании понятия «Сообщество единой судьбы человечества» в русскоязычной и китаеязычной культуре, данное понятие в обеих культурных средах делает упор на эмоциональную окраску своего значения как во внешней, так и во внутренней коммуникации, однако акценты значения декодируются и воспринимаются по-разному.

1. Акценты в понимании концепции «Сообщество единой судьбы человечества» в Китае

При анализе этимологии понятия «Сообщество единой судьбы человечества», а также культурного, социального и политико-экономического контекста употребления и возникновения концепции, становится ясно, что вовне и внутри Китая транслируются и декодируются разные акценты.

Если разобрать китайский вариант названия концепции «Сообщество единой судьбы человечества» (“人类命运共同体”), то становится ясно, что определяемое слово в этой концепции – это «сообщество», также это слово можно перевести как «сообщность», «общность», а всю фразу как «судьбическая общность человечества». «Сообщество» («сообщность», «общность») – это смыслообразующее существительное, вокруг которого строится само понятие. В подтверждение этому стоит обратить внимание, что в сокращенном варианте данная концепция звучит именно как «единство» («общность») (“一体”). Необходимо обратить внимание на то, что при переводе значения социологических понятий «общества» и «общности» отличаются. Теннис [2002, с. 11–12] отмечает, что «...общность есть устойчивая и подлинная совместная жизнь, общество же – лишь переходящая и иллюзорная. И потому сама общность должна пониматься как живой организм, а общество – как механический агрегат и артефакт». Поскольку Китай делает упор на единство, всеобъемлющий характер и отсутствие противопоставления, более близким к китайскому значению является перевод «сообщность».

Данное понятие в оригинальном китайском прочтении имеет многогранную и широкую трактовку, это понятие активно развивается и используется не только во внешнеполитическом контексте. По данным базы научных работ Китая CNKI¹, наблюдается непрерывный рост количества научных публикаций, посвященных теме «Сообщество единой судьбы человечества»: в 2015 г. в 61 публикации среди ключевых слов было заявлено понятие «Сообщество единой судьбы человечества», в 2016 г. таких публикаций было 213, в 2017 г. – 860, а на 25 июня 2018 г. их насчитывалось уже 655. В качестве дисциплин, развивающих данную концепцию, указаны не только политика Китая и международная политика, но и экономика, культура, философия, журналистика, исследования марксизма, юриспруденция и другие.

В китайской трактовке концепции говорится об объединении всех народов в противостоянии общим проблемам экологии и безопасности. Кроме того, в китайском информационном пространстве непрерывно ведется обсуждение необходимости баланса между национальными государственными стратегиями и общими интересами развития мира, о соотношении транснациональных правил свободного рынка с политическими и культурными интересами. Основные идеи, которые сопровождают развитие данной концепции в китайском дискурсе, заключаются в том, что в современной мировой обстановке при постоянной угрозе торговых войн невозможно придерживаться какой-то одной системы регулирования, будь то система, основанная на продвижении исключительно западных ценностей, исключительно механизмов свобод-

¹ www.cnki.net.

ного рынка или интересов исключительно политической воли. «Сообщность» предполагает создание общей системы регулирования развития мира, основанной на балансе национальных, экономических, политических, культурных интересов всех заинтересованных участников.

При этом вопрос о самой судьбе остается открытым для обсуждения участниками «Сообщества». То есть философский вопрос о первичности судьбы или сообщества китайская концепция решает в пользу сообщества. В китайском варианте концепции понятие «судьбы» близко трактовке Тенниса [2002], который считал, что именно социальная связь, сообщество определяет закономерность происходящих событий, которые в итоге формируют судьбу. Судьба понимается как предназначение развития, которое является следствием «сообщности».

Исходя из вышесказанного, становится понятно, что видение Китаем данного проекта заключается в формировании рамок «сообщности», внутри которой каждый из участников будет иметь свой вектор судьбы, но вместе все эти векторы будут создавать один общий вектор,двигающий всю группу сообщества в одном направлении судьбы. Стратегия Китая во внешней коммуникации заключается в консолидации, создании единства и стабильности вокруг предлагаемого проекта развития мира. Внутреннее и внешнее единство и стабильность определяет судьбу как Китая, так и всего человечества.

2. Смысловые и ассоциативные значения понятия русскоязычной концепции «Сообщества единой судьбы человечества»

В русском коммуникационном пространстве на понимание и интерпретацию понятия «Сообщество единой судьбы человечества» оказывают влияние языковой, культурный, социальный, исторический и политический контексты.

В наибольшей мере с культурным контекстом России связана специфика трактовки понятия «судьбы», интерпретация которого связана с богатыми ресурсами русского языка. В русском языке понятие «судьба» может предполагать целый ряд подтекстов. Это может быть как предначертание, определенное социальными условиями, так и определенный экзистенциальный стиль связи событий. С точки зрения религиозного мироустройства, мифологема судьбы может выступать как безличная и окончательная в своих решениях сила. С точки зрения логической христианской упорядоченности мира судьба может выступать как темно-иррациональное начало бытия, антиподом которому выступает Провидение как залог спасения и преодоление смертного начала. С другой стороны, судьба может пониматься как в категории следования божественному предначертанию, на которое человек не может оказать влияния, так и как процесс активного участия в боже-

ственном сотворчестве. То есть в русском контексте понятие «судьба» может иметь как активный, так и пассивный.

Отдельно следует упомянуть ассоциативные исторические параллели, присущие понятию «сообщество судьбы». В начале XX в. австрийский политический деятель Отто Бауэр (1881–1938) использовал данное понятие для характеристики нации. Далее немецкий консерватор Ханс Фрайер (1887–1969) применил данный термин в своей концепции «Революция справа» для описания национальной общности как «сообщества судьбы». Это послужило толчком к тому, что термин «сообщество судьбы» активно использовался в немецкой пропаганде во время Второй мировой войны. В итоге после войны обсуждение большинства различных концепций и теорий в формулировках «сообщество судьбы» становится исключенным из мировой социологической практики вплоть до конца XX в., когда социологи снова возвращаются к данному термину и начинают его развивать для описания современных общественных проблем, требующих объединения человеческих ресурсов, как, например, проблемы миграции или проблемы борьбы с распространением заболеваний.

Если оценивать коммуникационную составляющую концепции «Сообщество единой судьбы человечества» в России, то стоит обратить внимание на то, что, в отличие от китайского коммуникационного контекста, в России обсуждение в СМИ строится не на том, чтобы сформировать рамки «Сообщества», которое будет двигать всех участников в одном общем направлении, а на том, чтобы найти свое место и закрепитесь внутри этих рамок. Так, например, обсуждение инициативы «Один пояс, один путь», которая является частью реализации концепции «Сообщество единой судьбы человечества», строится в российском медиаконтексте по большей части на том, чтобы выяснить, сколько «Путей» Китай планирует проложить, какие из них пройдут через Россию и насколько российский «Путь» является основным и экономически целесообразным по отношению к остальным. То есть в российской медийной интерпретации данная концепция обсуждается в понятиях реализации конкурентных преимуществ страны.

С политической и экономической точки зрения появление концепции Китая «Сообщество единой судьбы человечества» совпало с введением антироссийских санкций и обострением отношений между Россией и странами Запада. Поэтому идея о всеобщей взаимозависимости и невозможности исключения из мирового взаимодействия ни одного из участников глобального пространства оказалась очень близка политико-экономическому контексту в России. Данная концепция явилась противопоставлением изоляционной санкционной политике стран Запада, а также демонстрацией наличия альтернативного развития для России.

3. Значение акцентов во внутренней и внешней коммуникации

Для мирового информационного пространства становится все более характерной тенденция, когда международная коммуникация перестает быть только внешней коммуникацией, она также несет нагрузку внутренней коммуникации. Именно с помощью внутренней части международной коммуникации формируется тот конструктивистский образ, каким адресант коммуникации видит себя в восприятии других участников международного диалога. И сигнал, посылаемый этой коммуникацией вовнутрь и вовне и получаемый изнутри и извне, может сильно отличаться в зависимости от того, какие цели он призван решить и на какую культурную среду он рассчитан.

Для внутренней стабильности и достижения целей экономического развития Китая принципиально важно понимание стабильности, единства и общности как внутреннего, так и внешнего. Важно понимание связанности и неразрывности всего происходящего, внутри и вовне, закономерность происходящих событий и логичность мироощущения. Поэтому коммуникационный акцент в данной концепции делается на мирный, логичный и гармоничный характер.

Наличие данной концепции во внутренней коммуникации играет роль демонстрации для китайской аудитории фактора усиления роли Китая во внешней политике, играет роль укрепления национального самосознания и патриотической гордости за свою страну. Кроме того, нельзя не учитывать того, что Китай является инициатором данной концепции, поэтому вопрос поиска места и роли внутри этой концепции для него не стоит так остро, как для других участников. Поэтому для внутренней коммуникации данного концепта упор сделан на единстве, сообществе, мире, взаимоуважении, взаимосвязи и взаимозависимости, а не на поиске судьбы.

В это же время во внешней коммуникации в восприятии адресатов концепции на Западе ее процесс декодирования сосредоточен на постмодернистском мироощущении западной цивилизации, при котором мир воспринимается в качестве хаоса, а гармония – в качестве баланса силы. Исходя из западного мироощущения, сложно говорить о мировой «сообщности», поскольку даже сами понятия сообщества и общности интерпретируются по-разному. Поэтому в российском коммуникационном пространстве акцент сделан на «судьбу», на стратегические интересы, на поиск баланса, а не на «сообщность».

Расхождения в интерпретации и коммуникационном послы термина «Сообщество единой судьбы человечества» в русскоязычном и оригинальном китайском варианте является примером различного декодирования коммуникационного послы внутренним адресантом и

внешним адресатом. На интерпретацию образного понятия помимо его смыслового значения оказывает большое значение способ декодирования сообщения и ассоциативный ряд, принятый в данной культуре. Различные акценты коммуникации определяются как ролью участника коммуникации в предлагаемой концепции, так и его самоощущением, самоидентификацией, культурным и информационным окружением.

Тем не менее на сегодняшний день в результате того, что Китай и Россия столкнулись с идентичными внешнеполитическими вызовами, их стратегии развития по многим пунктам совпадают. Поэтому китайская концепция «Сообщество единой судьбы человечества» находит в целом позитивный отклик со стороны СМИ, несмотря на различные культурный, социальный и исторический подтексты и акценты в этой концепции.

Литература

Берзиня У. А. Традиционный китайский дискурс в современном политическом дискурсе КНР (постановка проблемы). // Общество и государство в Китае : XXXIX науч. конф. / Ин-т востоковедения РАН. М. : Вост. лит., 2009. С. 296–298.

Пак Е. М. Особенности политического языка в КНР // Науч. вестн. ЮИМ. 2017. № 1. С. 88–92.

Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб. : Владимир Даль, 2002. 451 с.

УДК 811

Л. В. Кирюхина, Е. Ф. Серебренникова
Иркутский государственный университет, Иркутск

СЛОВАРЬ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ЛУ ИВЭЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Аннотация. В статье представлено описание монографии Лу Ивэя «语助» *Юй чжу* – первой в Китае работы, посвящённой особенностям употребления служебных слов китайского языка. Освещается вопрос о времени создания труда; на примере нескольких словарных статей рассматривается способ толкования значений слов. Устанавливается своеобразие содержания монографии: описывая слова письменного языка вэньянь, автор, вместе с тем, прибегает к сравнению со словами разговорного языка либо перефразирует примеры, пользуясь разговорным языком. Определяется значение «语助» *Юй чжу* в развитии китайского языкознания: в течение длительного времени словарь Лу Ивэя был основным пособием для обучения вэньяню и положил начало новому направлению языковедческих исследований в Китае – составлению словарей служебных слов как основного вида исследований в китайском языкознании, имеющих отношение к грамматике.

Ключевые слова: китайский язык, китайское языкознание, служебные слова, Лу Ивэй, грамматика.

LU YIWEI'S DICTIONARY OF FUNCTION WORDS: CONTENT AND SIGNIFICANCE
FOR GRAMMAR TRADITION IN CHINESE LINGUISTICS

Abstract. The article presents a description of Lu Yiwei's «语助» *Yu Zhu*, which is the first work in China devoted to the function words' using. The time of the creation of the dictionary is discussed, the way of interpreting the meanings of words is considered, and the role of «语助» *Yu Zhu* in the development of Chinese linguistics is determined. The monograph is devoted to the written language, but the author often compares words of written and spoken language, or paraphrases examples using spoken language. For a long time, the dictionary of Lu Yiwei was the main textbook for learning wenyan. This monograph marked the beginning of a new direction of linguistic research in China – the compilation of function words' dictionaries – the main type of grammar research.

Keywords: Chinese, Chinese linguistics, function words, Lu Yiwei, grammar.

Обращение к словарю служебных слов Лу Ивэя обусловлено потребностью развития историографического и эпистемологического подходов в изучении истории китайского языкознания, и в частности важностью изучения истории развития китайской грамматической традиции, остающейся открытым полем исследования в связи с типологическими характеристиками китайского языка.

Начало изучения языка в Китае принято связывать с составлением списка иероглифов «史籀篇» *Ши чжоу пянь* в эпоху 周 Чжоу, т. е. до 221 г. до н. э. Появление собственно языковедческих работ возникает на основе комментирования памятников древней литературы [Яхонтов, 1965, с. 17]. Со временем происходит формирование богатейшей комментаторской традиции, из которой постепенно выделяются грамматология и фонетика. Грамматика как самостоятельная лингвистическая дисциплина складывается лишь в конце XIX в. под влиянием европейского языкознания. Позднее становление грамматики как отдельной дисциплины обусловлено типом китайского языка, в котором грамматическая система для непосредственного наблюдения не открыта [Тань, 2012, с. 150].

В русле традиционного китайского языкознания грамматические исследования не выходили за рамки комментаторства: изучались некоторые грамматические особенности слов с целью прояснить трудные для понимания места в канонических текстах. В эпоху Юань 元 (1279–1368) появляется первый словарь служебных слов «语助» *Юй чжу* (досл. «речи помогающие») Лу Ивэя (卢以纬).

Служебные слова играют важную роль в китайском языке: в силу типологических особенностей китайского языка отношения между знаменательными словами выражаются именно при помощи служебных слов, а также при помощи порядка слов. Кроме того, так как в древних текстах не проставлялись знаки препинания, служебные слова обладали

и синтаксической значимостью: указывали на начало и конец предложения или фразы. Умение правильно использовать служебные слова было важно как для правильного понимания канонических текстов, так и для того, чтобы писать на вэньяне. Определённые трудности в употреблении служебных слов, маркирующих текст, были вызваны их неоднозначностью: например слово 夫 могло быть служебным словом и обозначать начало фразы, могло записывать существительное «муж» или определение «этот» [Никитина, 2015, с. 221]. Чтобы помочь научиться верно применять служебные слова при написании сочинений, Лу Ивэй и написал свою книгу.

Предисловие к «语助» Юй чжу было написано в 1324 г. Ху Чанжу (胡长孺). Позднее, в эпоху Мин 明 (1368–1644), текст работы был сокращён, название заменено на «助语辞» Чжу юй цы (досл. «помогающие речи слова»), а Ху Вэньхуань (胡文焕) переписал предисловие в 1592 г. Внесённые изменения дали основание впоследствии относить словарь Лу Ивэя к эпохе Мин. Что касается самого переименования 语助 в 助语辞, отметим, что оба термина использовались для обозначения понятия «служебные слова». В традиционной китайской филологии вплоть до появления «马氏文通» Ма ши вэнь тун (1898 г.) Ма Цзяньчжуна (马建忠, 1845–1900) не было устоявшегося варианта наименования «служебных слов» [Кирюхина, 2017, с. 92]. Во времена Лу Ивэя термин 语助 был более распространённым, чем 助语辞, им пользовались ещё Чжэн Сюань (郑玄, 127–200), Ду Юй (杜预, 222–285), Кун Инда (孔颖达, 574–648), Чжу Си (朱熹, 1130–1200) и др.

В книге Лу Ивэя насчитывается 66 словарных статей. В каждой статье представлено описание от одного до девяти слов, притом что синонимы описываются в рамках одной статьи. Так, в первой словарной статье рассматриваются конечные частицы 也, 矣, 焉, в седьмой – одно слово 则 то, в 39-й – слова со значением «теперь, сейчас, ныне» 今, 今也, 今焉, 今则, 今而, 今乃, 自今, 方今:

一 也 矣 焉

是句意结绝处。“也”意平，“矣”意直，“焉”意扬。发生不同，意亦自别 [刘燕文 1986, p. 1]。

(1) Конечные частицы 也, 矣, 焉. Это место, где смысл предложения заканчивается. 也 – смысл [выражается] ровно, 矣 – смысл [выражается] прямо, 焉 – смысл [выражается] поднятием [интонации]. Произношение [у данных слов] неодинаковое, и смысл, естественно, различается.

七 则

此是因有上意发下语 [刘燕文 1986, p. 11]。

(7) 则 «то». Это продолжение, [высказанное] в соответствии с вышеизложенным смыслом.

三九 今 今也 今焉 今则 今而 今乃 自今 方今

或说古事, 或说前事, 或说道理, 又着此等“今”字转说上而今 [刘燕文 1986, p. 47]。

(39) 今, 今也, 今焉, 今则, 今而, 今乃, 自今, 方今 «ныне». [Когда] говорят о давних, прошлых событиях, объясняют, затем употребляют слово 今 и подобные, [указывают на] изменение того, что было прежде, и как есть в настоящий момент.

В «语助» Юй чжу при описании некоторых значений слов автор сравнивает слова между собой. Сравняться могут служебные слова письменного языка между собой. Например:

二 乎 欤 邪 或作耶

“乎”字多疑而未定之辞。或为问语, 只是俗语“么平”字之意。“欤”字、“邪”字为句绝之余声, 亦类“乎”字之意。此三字〔有如对人说话而质之者。“邪”字间〕有带疑怪之意。

句中央着“乎”字, 如“浴乎沂”之类, 此“乎”字与“於”字、“夫”字相近, 却有咏意。“攻乎异端”, 意微激作, 非若“於”字之详妥也 [刘燕文 1986, p. 2]。

(2) Конечные частицы 乎, 欤, 邪 (или 耶). 乎 – слово, [выражающее] большое сомнение и неопределённость. Либо служит для того, чтобы задать вопрос, аналогично разговорному 么 (ровный тон). 欤 и 邪 – частицы, [показывающие] конец предложения, также [они обладают] значением, подобным [тому, который выражает] 乎. Данные слова [используются], когда обращаются к людям и задают вопрос. У слова 邪 также есть значение удивления. [Когда] слово 乎 [используется] в середине предложения, как, например, «искупаться в [реке] И», [тогда] слово 乎 сходно [в использовании] со словами 於 и 夫, однако [乎] [также показывает паузу] при чтении. [В примере] «критиковать вредно» [乎 передаёт] некоторое значение восклицания, но не так определённо, как слово 於.

Все три слова второй словарной статьи являются конечными частицами письменного языка; они используются в вопросительных предложениях. Однако 乎 встречается в собственно вопросительных предложениях и сравнивается автором с разговорным вариантом – вопросительной частицей 么 (ранняя форма современной частицы 吗 [王力 1980, p. 452]). Частицы 欤, 邪 (耶) часто используются, когда говорящий предполагает что-то, но не уверен, ему требуется подтверждение собеседника. Слово 乎 также имеет и другие значения: может употреб-

ляться как 於 или 夫. Например, 浴乎沂 *искупаться в [реке]* И – предлог, указывает на место; 攻乎异端 *критиковать вредно* – выделительная частица, показывает паузу, акцентирует внимание на том, что предшествует 乎.

二八 逮夫 及夫 及乎 至於 施及 及

“逮”, 即“及”也, 俗语“到得此时”之意。“及乎”、“至於”意略同, 但“夫”、“乎”、“於”微有别耳。“施及”是迤邐里 到此。若单“及”字, 又有“并”字之意 [刘燕文 1986, p. 36]。

(28) 逮夫, 及夫, 及乎, 至於, 施及, 及 «к тому времени, когда...». 逮 значит 及夫 «к тому времени, когда...», смысл, как в разговорном варианте «до этого времени». Значения 及乎 и 至於 примерно одинаковые, однако у 夫, 乎 и 於 имеются незначительные отличия. 施及 [значит] «к этому времени». У односложного слова 及 также есть значение слова 并 «вместе с».

Все шесть слов 28-й словарной статьи в основном аналогичны по смыслу, их общее значение объясняется фразой разговорного языка. Слова сравниваются между собой, однако конкретных отличий автор не указывает.

Также Лу Ивэй сравнивает служебные слова письменного и устного языка, возможно, диалектного варианта. Кроме вышеупомянутого сравнения 乎 и 么, в ст. 12 автор пишет:

一二 亦

是俗语“也”字之意。“不亦说乎”, 谓“莫不也有喜悦处么平?”但“也”意缓, “亦”意颇切 [刘燕文 1986, p. 17]。

(12) 亦. [Обладает] тем же значением, что и разговорное 也. «Разве не радость?» имеется в виду «и есть радость?» Однако значение 也 мягкое, а значение 亦 жёсткое.

Лу Ивэй указывает на небольшое отличие в употреблении разговорного слова 也 и слова 亦 письменного языка. Оба слова являются частицами, которые отделяют слова, стоящие в начале фразы. В примере 不亦说乎 *разве не радость?* 不 не – отрицание, 亦 *ведь, разве* – подчёркивает особую значимость последующей части предложения, 说 (зд. читается уиè) *радоваться* – то, на чём делается акцент в предложении, 乎 – конечная частица, обозначает общий вопрос.

三六 未尝

俗语“未曾”之意。“尝”即是“曾”, 喻如曾经口食之而知其味也 [刘燕文 1986, p. 44]。

(38) 未尝 «никогда» (досл. «не пробовал»). Разговорный вариант – 未曾 «не, никогда» (досл. отрицание + «в своё время»). 尝 – это и

есть 曾 «некогда, когда-то, уже», [происходит] сравнение, как будто [человек] когда-то ел что-то и [теперь] знает его вкус.

Значение 未尝 объясняется при помощи его разговорного аналога 未曾.

Кроме того, Лу Ивэй сравнивает употребление одного слова в разных значениях. Так, рассматривается уже упомянутое слово 夫:

二六 夫

“夫”字在句首者，为〔发语之端〕，虽〔与“盖”字颇相近〕，但此“夫”字是为将指此事物而发语为不同。有在句中者，如“学夫诗”之类，与“乎”字似相近，但“夫”字意婉而声衍。在句末者，为句绝之余声，亦意婉而声衍 [刘燕文 1986, p. 33]。

(26) 夫. Слово 夫 в начале предложения [показывает] начало высказывания, хотя очень близко [по смыслу] к слову 盖 «так как», однако 夫 в этом [значении] отличается тем, что указывает на определённые явления и вещи. В середине предложения, как, например, «изучать “Ши [цзин]”», сходно [по смыслу] со словом 乎, однако 夫 по значению более учтливое и тонально окрашенное. В конце предложения [показывает] окончание предложения, по значению также учтливое и тонально окрашенное.

Служебное слово 夫 может употребляться в начале, в середине или в конце предложения. В начале предложения употребление 夫 сходно с употреблением 盖 так как, ибо, ведь, однако, в связи с тем, что у 夫 есть значение указательного местословия «этот», начальная частица 夫 показывает на определённые, известные явления и вещи. В середине предложения употребление 夫 аналогично одному из значений рассмотренного выше 乎. В конце предложения 夫 – вопросительная или восклицательная частица.

四八 恶

《孟子》“恶，是何言也”，释“恶”字为惊叹声，微带些嗔意。比《尚书》“禹曰‘於’”叹声甚别。

彼“於”字旨悠婉，此“恶”字旨直而切。

又与“恶在其为民父母”、“夫子恶乎长”不同。此“恶”字释为“犹何”，有俗语“那平里”“怎生”之意。

“时子恶知其不可”，是说时子那里知道是使不得。“恶乎宜乎？抱关击柝”是说怎生便合恁地居抱关击柝之职。即把孔子来证说，两“乎”字所以发下句之证语也 [刘燕文 1986, p. 59]。

(48) 恶. [В предложении из] «Мэн-цзы»: «О! Это какие слова!», слово 恶 толкуется как междометие (служебное слово, выражающее

восклициание), содержится небольшой оттенок возмущения. В значительной мере отличается от междометия «Юй сказал: О!» из «Шан шу». Слово 於 мелодичное и тактичное, слово 惡 прямое и резкое.

Также отличается от [惡 в предложениях] «В чём заключается, что они (правители) являются родителями для народа?», «Учитель в чём силён?». Здесь 惡 значит «какой, как», имеет значение разговорных 那 (ровный тон) 里 «где, куда», 怎生 «как, каким образом».

«Ши-цзы откуда узнал, что это невозможно?», здесь спрашивается о том, откуда узнал Ши-цзы, что это нельзя осуществить. «Кем [служить] будет правильно? Охранять заставу и бить в колотушку», говорится, что подходящая должность – караульный у ворот и ночной сторож с колотушкой. Словами Конфуция иллюстрируется, что ответ на то, что выражается двумя словами 乎, представлен в последующем предложении.

Лу Ивэй сравнивает междометия 惡 и 於. Междометие 惡 сопровождается таким примером: 景子曰: “内则父子, 外则君臣, 人之大伦也。父子主恩, 君臣主敬。丑见王之敬子也, 未见所以敬王也。”曰: “恶! 是何言也[孟子]!” Цзин-цзы сказал: «[Что касается] основ взаимоотношений между людьми, внутренние [основы проявляются] между отцом и сыном, внешние – между государем и подданным. [В отношениях между] отцом и сыном главное – это любовь, [в отношениях между] государем и подданным главное – это почтительность. Чоу (т. е. я) видит почтительность вана по отношению к Учителю, но не видит почтительности по отношению к вану». [Мэн-цзы] сказал: «О! Какие слова!» Высказывание из «Шан шу», которое приводится для иллюстрации значения междометия 於, звучит так: 禹曰: “於! 帝念哉! 德惟善政, 政在养民[尚书]。” Юй сказал: «О император, запомните! Добродетель [заключается] лишь в справедливом правлении, правление заключается в том, чтобы поддерживать народ». Рассматриваемые междометия выражают разные значения: в первом случае Мэн-цзы показывает своё недовольство, несогласие с высказыванием Гунсунь Чоу; во втором случае нет никаких отрицательных эмоций, это обращение к государю.

У служебного слова 惡 автор отмечает два разных значения: междометие О! и вопросительное местословие как?, каким образом?, где?, откуда?. Выступая в качестве междометия, 惡 употребляется в начале предложения.

Сравнение используется Лу Ивэем для того, чтобы обучающиеся лучше разобрались с тонкостями употребления служебных слов.

В некоторых словарных статьях толкование значений слов сопровождается примерами:

六 而

是句中转折，带此声以成文见意。句首有“而”字，亦是承上文转说下意。句末有“而”字，却是咏歌之助声，与“兮”字相类。

“偏其反而。”“俟我於著乎而。” [刘燕文 1986, p. 10].

(6) 而 – противопоставление в середине предложения, данное слово используют, чтобы сформулировать и выразить мысль. В начале предложения слово 而 противопоставляет последующую мысль вышеизложенному. В конце предложения же при чтении стихов слово 而 – эвфоническая частица, подобная частице 兮. «Наклоняются они (цветы) [в одну сторону] и обратно», «Ждёт меня у дверей!».

Лу Ивэй в качестве примеров использует строчку из неканонизированного стиха, взятого из «Лунь юй» (глава «子罕» «Учитель редко...»), а также строчку из стиха, входящего в «Шин цзин».

六一 尔 耳

二字同义通用，亦有分别。如“则可谓云尔已矣”、“然而无有乎尔”，则“尔”字有带“此”字意处，俗言“恁地”。如“无责耳矣”、“弗为耳”，则“耳”字直为语余声 [刘燕文 1986, p. 79].

(61) 尔, 耳 «и только». Два слова используются в одинаковом значении, однако есть и различия. У слова 尔 есть значение слова 此 «это», разговорное 恁地 «так», например, «можно сказать лишь это», «однако нет таких». Слово 耳 употребляется как частица, например, «только потому, что не несут ответственности [за свои слова]», «[люди] не делают [этого], только и всего».

Здесь приведены примеры из «Лунь юй» (глава «学而» «Учиться и...») и «Мэн-цзы» (главы «尽心下» «Всем сердцем... Часть вторая», «离娄上» «Ли Лоу. Часть первая», «告子下» «Гао-цзы. Часть вторая»).

Лу Ивэй приводит примеры не на каждое приведённое значение, а только на те, которые, как ему кажется, могут быть непонятны. В качестве источников примеров выступают классические произведения, встречаются пояснения к примерам при помощи слов разговорного языка:

五九 已

本训“止”。亦有语终而止，为语助之辞。如“不屑就已”、“可知已”、黄石公曰：“即我已”。此有俗语“了”字之说，如曰：“王之所欲可知了”、“山下之石即是我了。” [刘燕文 1986, p. 76].

(59) 已. Основное значение – 止 «останавливаться». Также есть [значение] остановки, когда высказывание закончилось, является вспомогательным словом. Например, «не стоит приближаться», «станет

понятным», Хуан Ши-гун сказал: «И есть я». Это можно сказать, используя разговорную [частицу] 了, например, «тогда желание вана станет понятным», «[Хуан] Ши с подножья гор [Гучэн] и есть я».

Конечная частица 已 подчёркивает завершённость действия или категоричность суждения. В данной статье приводятся примеры из «孟子» «Мэн-цзы» (главы «公孙丑上» «Гунсунь Чоу. Часть первая», «梁惠王上» «Лянхуэй ван. Часть первая») и «汉书» «Истории династии Хань» («张良传» «Жизнеописание Чжан Ляна»), последние два примера из трёх перефразированы с использованием разговорной частицы 了.

Кроме того, в «语助» Юй чжу присутствуют наблюдения лексикологического характера: Лу Ивэй обращает внимание на свойства некоторых служебных слов выступать в качестве словообразующих элементов. Так, в ст. 20 автор пишет:

二〇 然

训如“是”。曰“然”、“以为然”、“然之”，皆是许其是如此。若云“俨然”、“睥然”、“矜矜然”、“嚶嚶然”，却是形容之语助，实有“恁地”之意。“噉尔”之“尔”字，“翕如”之“如”字，“沃若”之“若”字，义皆类此 [刘燕文 1986, p. 26]。

(20) 然 «такой, так». Толкуют как 是 «это, этот, такой». 然, 以为然, 然之 – всё [означает] признавать что-либо таким. Однако в 俨然 «величественно», 睥然 «цветуще, пышно», 矜矜然 «уставши», 嚶嚶然 «дико» [然] является вспомогательным словом, [обозначающим] описание, обладает значением 恁地 «так, таким образом, как». Аналогичное значение у слова 尔 в 噉尔 «оскорбительно», у слова 如 в 翕如 «согласованно», у слова 若 в 沃若 «влажно».

Служебные слова 然, 尔, 如, 若 образуют, пользуясь современной грамматической терминологией, наречия.

Также в некоторых словарных статьях Лу Ивэй обращает внимание на чтение знаков. В некоторых статьях он отмечает тон: 么平 [刘燕文 1986, p. 2] – 么 (ровный тон) – mā, 底平 [刘燕文 1986, p. 6] – 底 (ровный тон) – dī. Чтение указывается и при помощи других знаков, например: 居音姬 [刘燕文 1986, p. 14] 居 читается jī. Лу Ивэй также использует метод 反切 разрезания. Например, так указано произношение конечной частицы 嚶: 乃里切, 音你 [刘燕文 1986, p. 6] nǎi+lǐ, читается nǐ, там же указано ещё два варианта чтения: 宜夜切, 本宜止切 – видимо, это варианты диалектного произношения знака 嚶.

Словарь «语助» Юй чжу Лу Ивэя является первым в Китае сочинением, в котором рассматриваются служебные слова. До появления данной работы служебные слова рассматривались только при составле-

нии комментариев к каноническим произведениям, в качестве специального объекта исследования китайских филологов служебные слова не выступали. С выходом «*语助*» *Юй чжу* началось составление словарей служебных слов, в которых авторы описывали особенности употребления служебных слов. Сочинения такого рода были написаны либо с целью помочь научиться писать на вэньяне, т. е. носили стилистическую направленность, либо с целью помочь чтению книг на вэньяне, т. е. имели комментаторскую направленность. К числу первых можно отнести рассмотренный нами «*语助*» *Юй чжу* Лу Ивэя, «*虚字说*» «*О пустых словах*» Юань Жэньлиня (袁仁林), к числу вторых – «*助字辨略*» «*Краткое руководство для различения вспомогательных слов*» Лю Ци (刘淇), «*经传释词*» «*Толкование лексики канонов и комментариев*» Ван Иньчжи (王引之), «*经词衍释*» «*Расширенное толкование лексики канонов*» У Чан'ин (吴昌莹) [何九盈 1995, p. 280]. Большое количество словарей служебных слов не привело к появлению грамматики как отдельного направления лингвистических исследований. Тем не менее грамматисты в последующем опирались и на некоторые положения, изложенные в подобного рода трудах.

Оценивая труд Лу Ивэя, исследователи отмечали, что собранный в нем материал неполный, композиция недостаточно продумана, в некоторых толкованиях допущены ошибки. Однако для того времени появление работы подобного уровня уже являлось плодотворным результатом [何九盈 1995, p. 284]. Словарь «*语助*» *Юй чжу* использовался для обучения письму на вэньяне довольно длительное время, интерес к нему ослаб только после появления «*助字辨略*» «*Краткого руководства для различения вспомогательных слов*» (1711 г.), «*经传释词*» «*Толкования лексики канонов и комментариев*» (1798 г.) и других работ.

В «*语助*» *Юй чжу* рассматриваются служебные слова письменного языка, однако при их объяснении Лу Ивэй иногда прибегает к помощи слов разговорного языка. Автор сравнивает служебные слова между собой, отмечает существующие отличия. При толковании отдельные моменты иллюстрируются примерами из классических произведений, главным образом из «*论语*» *Лунь юй*, «*尚书*» *Шан шу*, «*孟子*» *Мэн-цзы*, «*诗经*» *Ши цзин*. Также в словаре указывается произношение некоторых слов: автор либо обозначает тон, либо записывает другой иероглиф с таким же чтением, либо прибегает к помощи метода *反切* *разрезания*.

Создание данной монографии было вызвано практическими потребностями. Для того чтобы получить право поступления на государственную должность, вплоть до 1905 г. необходимо было сдать государственные экзамены. Для сдачи экзаменов требовалось продемон-

стрировать знание наизусть канонических произведений, а также умение писать сочинение на вэньяне. Лу Ивэй обучал этому учеников. Как мы уже отмечали, употребление служебных слов вызывало большие трудности, поэтому Лу Ивэй решил написать отдельную книгу, где были бы описаны значения служебных слов. Несмотря на то что объём её невелик, значение «语助» *Юй чжу* невозможно недооценить: составление подобного рода словарей стало важным направлением лингвистических – грамматических – исследований в Китае.

Литература

Кирюхина Л. В. О грамматической терминологии в традиционной китайской филологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 3 ч. Ч. 1. Тамбов : Грамота, 2017. № 3 (69). С. 90–93.

Никитина Т. Н. Грамматика древнекитайских текстов. М. : Восток – Запад, 2015. 312 с.

Тань Аошуан Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 272 с.

Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1965. 115 с.

何九盈.中国古代汉语学史.广东教育出版社, 1995. 449 页.

刘燕文.语助校注.郑州:中州古籍出版社, 1986. 85 页.

王力.汉语史稿.中华书局, 1980. 621 页.

УДК 371.321

Ко Ен Чоль

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

СПОСОБ ПРЕПОДАВАНИЯ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ ТЕКСТОВ ПО КУЛЬТУРЕ КОРЕИ

Аннотация. Для улучшения коммуникативных навыков изучаемого языка, необходимо понимать культуру данного языка. Содержание исследования: 1) разработка плана обучения корейскому языку на основе текстов культуры Кореи для улучшения коммуникативных навыков при обучении корейскому языку; 2) подготовка необходимой грамматики и учебных материалов на основе когнитивных, эмоциональных и культурных факторов, при этом целью обучения устанавливается сосредоточивание на всех компонентах, таких как: грамматика, лингвистические и коммуникационные аспекты и другие. Также включение в урок практики и фонетики для более эффективного развития коммуникативных навыков.

Ключевые слова: обучение корейскому языку, предание об Ондале, цели обучения, когнитивная область, эмоциональная область, необходимая грамматика, учебный материал.

**METHOD OF TEACHING THE KOREAN LANGUAGE
ON THE BASIS OF TEXTS ON KOREAN CULTURE**

Abstract. In order to improve the communication skills, it is important to understand the culture of the target language. The content of the research is as follows: 1) Development of a plan for teaching the Korean language on the basis of Korean culture texts to improve communicative skills in teaching the Korean language; 2) Preparation of the necessary grammar and teaching materials on the basis of cognitive, emotional and cultural factors, with the goal of learning to focus on all components, such as grammar, linguistic and communication aspects, and others. Also, the work covers including a colloquial and phonetics practice into the lesson for more effective development of communication skills.

This work was supported by Seed Program for Korean Studies through the Ministry of Education of Republic of Korea and Korean Studies Promotion Service of The Academy of Korean Studies (AKS-2016-INC-2230003).

Keywords: education in Korean language, Ondal fable, learning goals, cognitive field, emotional area, necessary grammar, teaching material.

1. Введение

Материалы статьи основаны на авторских разработках [Аликберова, Ко, Тахтарова, 2018; Ко, 2017а, b; Ко, 2016а, b,с; Юн, 2007].

Коммуникативная компетентность выражается в слиянии языковых и культурно-антропологических знаний. Делл Хаймс о важных вещах во владении языком говорил следующее: «Владение языком – это знание общества и культуры, в котором говорят на этом языке, и умение использовать данный язык» [Hymes, 1972].

Способность общаться на корейском языке значит, что «иностранцы используют язык так же, как носители языка» и такое использование языка тесно связано с культурой.

Особенно следует обратить внимание, что «есть знания языка» и «хорошо использовать язык» – разные понятия. Язык глубоко связан с культурой, с людьми, группами, обществом, которые используют данный язык, а также с историей.

Приведем пример значения слова «ссальпаб» в корейском языке: 1) отварной рис, сделанный из рисовой крупы; 2) экономические излишки; 3) плохой для здоровья продукт питания. Данное слово используется в трех значениях, поэтому изучающим корейский язык необходимо понимать корейские культурные особенности и использовать культурный контекст. Для эффективного использования необходимо привитие навыков элементов культуры Кореи, поэтому целью является «разработка эффективного метода преподавания корейского языка на основе изучения текстов по культуре Кореи».

Содержание исследования заключается в следующем:

1) разработать план обучения корейскому языку на основе текстов культуры Кореи для улучшения коммуникативных навыков при обучении корейскому языку;

2) подготовить необходимую грамматику и учебные материалы на основе когнитивных, эмоциональных и культурных факторов, при этом целью обучения установить сосредоточивание на всех компонентах, таких как: грамматика, лингвистические и коммуникационные аспекты и другие. Также включить в урок практику и фонетику для более эффективного развития коммуникативных навыков.

В данном исследовании процесс подготовки учебного плана по корейскому языку заключается в следующем:

Выбор содержания ⇨ *Определение целей обучения (когнитивные, эмоциональные)* ⇨ *Грамматика* ⇨ *Выбор и подготовка учебных материалов* ⇨ *Создание учебного плана* ⇨ *Урок.*

2. План преподавания корейского языка на основе текстов по культуре Кореи

Ниже приводится подготовленный исследователем план урока по корейскому языку на основе произведения культуры Кореи «Предание об Ондале».

Данный план рассчитан на когнитивное и эмоциональное понимание корейского языка, грамматических конструкций, применение на практике, беглость в усвоении материала. План рассчитан на учеников продвинутого уровня, продолжительность занятия 100 минут.

План занятия по корейскому языку для продвинутого уровня

Название раздела	Предания
Учебный материал	Предание об Ондале
Продолжительность занятия	100 минут
Объект	Корейский язык (продвинутый уровень, 5–6 гып)
Цель занятия	Область понимания (когнитивная): 1. Можно узнать о системе сословий в Корее. 2. Можно узнать о патриархальной системе в Корее. 3. Можно узнать о брачной культуре в Корее. 4. Можно узнать об идее почитания родителей в Корее
	Область восприятия (эмоциональная): 1. Можно сравнить культуру других стран и Кореи. 2. Повышение восприятия ответственности в отношениях с родителями и в брачных отношениях. 3. Повышение любви и преданности к своей стране как гражданина этой страны (патриотизм)
Грамматика	-(하)지 않 는데 -(하)려 했 으나
Материалы	Учебный материал, задания для активности, визуальный материал, карточки со словами (предложениями)
Преподаватель	Ко Ен Чоль

Этап	Содержание урока	Примечание
Введение (6 минут)	<p>Преподаватель: Добрый день! Давайте вспомним, что мы проходили на предыдущем уроке.</p> <p>Для того чтобы студенты свободнее могли отвечать на тему «Вопрос-ответ о хобби», преподаватель показывает необходимый визуальный материал.</p> <p>Визуальный материал: игра в теннис, рыбалка</p> <p>Преподаватель: Вы принесли свое домашнее задание «Сочинение о хобби»?</p> <p>Кратко разбирается домашнее задание.</p> <p>Преподаватель: Ребята, когда в вашей стране люди женятся, какой уровень должен быть у партнера и какие отношения определяют возможность свадьбы?</p> <p>(Послушать ответы нескольких (1–5) студентов.)</p> <p>Преподаватель: Посмотрите на картинку, на которой изображен королевский дворец и король.</p> <p>[http://100.daum.net/multimedia/24_C1B-00-0103-00001_07.jpg]</p> <p>Преподаватель: Посмотрите на картинку, на которой изображен Он-даль-дурачок.</p> <p>[http://book.daum.net/detail/book.do?bookid=KOR9788984289086]</p>	Свободный вопрос-ответ Картинка 1. Королевский дворец и король Картинка 2. Он-даль-дурачок
Представление (40 минут)	<p><i>Содержание</i></p> <p>Представление сегодняшней темы</p> <p>Преподаватель: Сегодня мы с вами будем изучать свадьбу в Корее и патриотизм корейского народа. Давайте вместе прочитаем следующий рассказ.</p>	

Этап	Содержание урока	При- меча- ние
	<p>온달 설화</p> <p>온달은 <u>고구려</u> 평강왕 때 사람이다. 얼굴이 험악하고 우스꽝스럽게 생겼지만 마음씨는 고왔다. 집안이 몹시 가난하여 항상 밥을 빌어 어머니를 <u>봉양</u>했으며, 헤진 옷과 신발로 저자 거리를 돌아다녀서 당시 사람들이 그를 ‘바보 온달’이라고 불렀다.</p> <p>평강왕의 어린 딸이 울기를 잘하여 왕이 농담으로, “네가 늘상 울어서 내 귀를 시끄럽게 하니 커서는 틀림없이 사대부의 아내가 못되고, ‘바보 온달’에게 시집을 가야 되겠다” 라고 했다. 왕은 공주가 울 때마다 이런 말을 했다.</p> <p><u>공주</u>의 나이 16 세가 되어 왕이 상부(上部) 고씨(高氏)에게 시집 보내려고 하니 공주가 아뢰었다. “대왕께서 항상 말씀하시기를, 너는 반드시 온달의 아내가 될 것이다 하셨는데, 오늘 무슨 까닭으로 이전의 말씀을 바꾸십니까? <u>필부</u>도 거짓말을 하지 않는데 하물며 지존이 그러실 수 있겠습니까?”</p> <p>그러므로 ‘임금은 농담을 하지 않는다’ 하는 것입니다. 이제 대왕의 명령이 그릇된 것이므로 저는 받들지 못하겠습니다.” 이 말을 듣고 왕이 화를 내어 꾸짖었다. «네가 내 말을 따르지 않는다면 단연코 내 딸이 될 수 없다. 어찌 함께 살 수 있겠느냐? 너는 너 갈 데로 가거라.»</p> <p>이에 공주는 <u>보물</u> 팔찌 수십 개를 팔뚝에 차고 <u>궁궐</u>을 나와 혼자 길을 떠났다. 길에서 한 사람을 만나 온달의 집을 물어 그리로 찾아갔다.</p> <p>그 집에서 눈먼 노모를 보고 앞으로 가까이 다가가서 절을 하며 아들의 행방을 물으니, 노모가 대답했다.</p> <p>“내 아들은 가난하고 보잘 것이 없으니, <u>귀인</u>이 가까이할 만한 사람이 못됩니다. 지금 그대의 냄새를 맡아보니 향기가 보통이 아니고, 그대의 손을 만져보니 부드러움이 솜과 같으니, 반드시 천하의 귀인인 듯합니다. 누구에게 속아서 여기까지 오게 되었나요? 내 자식은 굶주림을 참다못해 느릅나무 껍질을 벗기려고 산으로 간지 오래 되었는데 아직 돌아오지 않았소.»</p> <p>공주가 그 집을 나와 산 밑에 이르러 느릅나무 껍질을 지고 오는 온달을 만났다. 공주가 그에게 자기의 생각을 이야기하니 온달이 불끈 화를 내며 말했다.</p> <p>“이는 젊은 여자가 취할 행동이 아니니, 반드시 사람이 아니고 여우나 귀신일 게야. 나에게 가까이 오지 마라.”</p> <p>온달은 돌아보지도 않고 가버렸다.</p>	

Этап	Содержание урока	При- меча- ние
	<p>공주는 혼자 돌아와 사립문 밖에서 자고, 이튿날 아침에 다시 들어가서 모자에게 자세한 사정을 이야기했다. 온달이 주저하면서 결정을 내리지 못하고 있는데, 어머니가 말했다.</p> <p>«내 자식은 못나고 천하여 귀인의 짝이 될 수 없고, 내 집은 몹시 가난하여 귀인이 살 곳이 못 됩니다»</p> <p>공주가 대답했다.</p> <p>“옛 사람의 말에, '한 말의 곡식만 있어도 방아를 짙을 수 있고, 한 치의 베만 있어도 바느질을 할 수 있다'라고 했습니다. 서로 마음만 맞는다면 어찌 꼭 부귀해야 같이 살겠습니까?”</p> <p>공주가 가져온 금팔찌를 팔아서 토지, 주택, 노비, 소와 말, 그릇과 연장 등을 사들이니 살림살이가 모두 갖추어졌다.</p> <p>말을 살 때 공주가 온달에게 당부하기를, “부디 시장의 말을 사지 말고, 나라에서 쓸모가 없다고 해서 백성에게 내다 파는 말을 사되, 병들고 수척한 말을 골라 사 오세요.” 라고 하니, 온달이 그대로 말을 사왔다. 공주가 부지런히 말을 기르니 말은 날로 살찌고 건강해졌다.</p> <p>고구려에서는 언제나 봄 3월 3일이 되면 낙랑언덕에 모여서 사냥하여 잡은 돼지와 사슴으로 하늘과 산천의 신령에게 제사를 지냈다. 그 날이 되어 왕이 사냥을 나가는데 여러 신하와 5부의 군사들이 모두 뒤따랐다. 이 때 온달도 자기가 기르던 말을 타고 따라 갔는데, 항상 앞장서서 달렸고, 또한 포획한 짐승도 많아서 다른 사람이 그를 따를 수가 없었다. 왕이 그를 불러서 이름을 물어 듣고는 놀라며 신기하게 여겼다.</p> <p>이 때, 후주(後周)의 무제(武帝)가 군사를 출동시켜 요동(遼東)을 공격하자, 왕은 군사를 거느리고 배산 들에서 맞아 싸웠다. 그 때 온달이 선봉장이 되어 용감하게 싸워 수 십여 명의 목을 베니 여러 군사들이 이 기세를 타고 공격하여 크게 이겼다. 전쟁에서 세운 공을 논의 할 때 온달을 으뜸이라고 하지 않는 사람이 없었다.</p> <p>왕이 그를 가상히 여겨 감탄하길, '이 사람이 내 사위다'라 하고 예를 갖추 그를 맞아들이고 그에게 대형(대형)이란 벼슬을 주었다. 이로부터 그에 대한 왕의 은총이 더욱 두터워졌으며 위풍과 권세가 날로 성하여졌다.</p> <p>양강왕이 즉위하자 온달이 아뢰기를, “지금 신라가 우리의 한강 이북 지역을 차지하여 자기네 땅으로 만들었으므로, 그 곳 백성들이 통탄하며 부모의 나라를 잊은 적이 없습니다. 바라옵건대 대왕께서 저를 어리석고 못났다고 여기시지 마시고 군사를 주신다면 단번에 우리 땅을 도로 찾겠습니다.” 하였다.</p> <p>왕이 이를 허락했다. 그가 길을 떠나면서 이렇게 맹세했다.</p>	

Этап	Содержание урока	Примечание
	<p>“계림 현과 죽령 서쪽의 땅을 우리에게 되찾아오지 못하면 돌아오지 않겠다.”</p> <p>그는 드디어 진격하여 아단성 밑에서 신라군과 싸우다가 날아오는 화살에 맞아 전사하고 말았다. 그를 장사 지내려 했으나 시신이 움직이지 않았다.</p> <p>공주가 와서 관을 어루만지면서 “아아, 죽고 사는 일이 이미 결정되었으니, 이제 그만 돌아가십시오.” 하니, 마침내 시신이 들려 장사를 지낼 수 있었다.</p> <p>대왕이 이 소식을 듣고 애통해 했다.</p> <p><삼국사기 권 45 열전></p> <p><i>Лексика</i> Представление лексики, встречающейся в рассказе (чтение, письмо, аудирование, говорение)</p> <p>고구려, 봉양, 공주, 필부, 보물, 귀인, 곡식, 방아, 백성, 으뜸, 벼슬, 전사, 시신, 애통, 삼국사기</p> <p>Когурё, ухаживание (за родителями), принцесса, мужчина (мужик), сокровище, благородный человек, зерно, мельница, народ, первый (лучший), должность чиновника, воин, камердинер короля, глубокая печаль (сожаление), самгуксаги.</p> <p>Преподаватель объясняет студентам лексику, представленную выше.</p> <p><i>Грамматика</i></p> <p>-지 않다</p> <p>Какую форму принимает '-지 않다', зависит от глагола. С глаголом состояния грамматика принимает форму '않은', но с глаголами есть случаи, когда используется '않은' или '않는'</p> <p>-려 했으나</p> <p>‘-려 했으나’ используется с глаголами, чтобы выразить свою печаль по отношению к тому, что не удалось выполнить.</p> <p><i>Объяснение пословицы</i> <반달 같은 딸 있으면 온달 같은 사위 삼겠다></p> <p>В значении «у тебя должна быть красивая дочь, тогда ты сможешь получить хорошего зятя».</p> <p>Вышеприведенную пословицу можно услышать и в наши дни. «Сказание об Ондале» 〈온달전〉 повествует о полководце Ондале (溫達, ?~590), жившем во времена Когурё. Хоть и прошло уже порядка 1400 лет, но этот герой и по сей день сосуществует с нами. К тому же, если рассматривать слово «Ондаль» (溫達) не только как имя, то можно найти омонимичные значения, такие как «полный месяц» и</p>	

Этап	Содержание урока	Примечание
	<p>«по лунному календарю 15 сутки, когда луна приобретает самую округлую форму».</p> <p>В дополнение хотим привести доказательство того, что сказание об Ондале было запечатлено не только в «Самгуксаги». Также известны: пещера Ондаль (№ 261 в списке природных памятников Кореи), находящаяся в районе Чхунчхон-пукто; замок Ондаль (온달산성) (№ 264), расположенный в районе Таняна Ёнгчхунмён; исторический памятник Ачхасансонг (아차산성) (№ 234), находящийся в городе особого статуса Кванджингу квангчжангдон-гва куи-доне (Сеул).</p> <p><i>Чтение и объяснение</i></p> <p>Преподаватель: Сейчас я задам вам вопросы по материалу, с которым мы познакомились.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Каким человеком был Ондаль? • Почему принцесса собралась выйти замуж за Ондаля? • Как умер Ондаль? • Есть ли в вашей стране похожая история? <p>Студенты отвечают</p>	
<p>Практика (30 минут)</p>	<p>Практика</p> <p>1. Написание письма</p> <p>Принцесса, после того как она вышла замуж за Ондаля и они были готовы жить долго и счастливо, пишет отцу письмо.</p> <p>Преподаватель: Попробуйте изложить информацию от лица принцессы о её текущей жизни и положении дел</p> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; margin-bottom: 10px;"> <p>아버님에게 꼭 하고 싶은 말이 있습니다. (Есть то, что я обязательно хочу сказать отцу.)</p> <p>하나 / 둘 / 셋</p> </div> <p>Письмо, которое она отправляет отцу</p> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; margin-bottom: 10px;"> <p>아버님에게 (Отцу) /</p> </div> <p>2. Морфологические упражнения</p> <p>Преподаватель: А сейчас посмотрите на карточки с предложениями и проговорите предложения, используя грамматику.</p> <p>-(하지) 않는데</p> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; margin-bottom: 10px;"> <p>A: 이 일은 급하지 않다. (Эта работа не к спешке.)</p> <p>영희는 철수를 좋아하지 않고 있다. (Ёнхи не нравится Чхольсу)</p> </div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; margin-bottom: 10px;"> <p>B: 빨리 할 필요가 없다. (Нет причины спешить.)</p> <p>철수 너는 영희를 너무 좋아하지 말아라. (Чхольсу, не люби так сильно Ёнхи.)</p> </div> <p>-려 했으나</p> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px;"> <p>A: 학교에 가야 한다. (Нужно идти в школу.)</p> <p>집에서 숙제를 하고 있다. (Дома делаю домашнее задание.)</p> </div>	

Этап	Содержание урока	Примечание																				
	<p>B: 지금 갑자기 배가 아파서 병원부터 갔다. (Неожиданно заболел живот, и я отправился в больницу.) 친구가 갑자기 찾아와 축구를 하자고 했다. (Неожиданно ко мне пришел друг и предложил играть в футбол.)</p> <p>Преподаватель: Закончите следующие предложения.</p> <p>-(하)지 않는데 우리 동생은 나를 정말 믿지 않는데 ... 공부를 열심히 해도 실력이 오르지 않는데</p> <p>-려 했으나 생일 선물로 카메라를 선물하려 했으나 주말에 등산 하려고 했으나 ...</p>																					
<p>Практика (40 минут)</p>	<p>До начала практических упражнений Ребята, сегодня мы прошли грамматику <-(하)지 않는데>, <-(하)려 했으나>, так ведь? Используя эту грамматику, попробуйте задать вопрос своему другу.</p> <p>Практическое упражнение 1 Преподаватель: (Распределяет задания.) А сейчас вы поговорите друг с другом. Задавайте друг другу вопросы, используя грамматику <-(하)지 않는데>. Полученные ответы записываются. После этого мы обсудим с вами полученные результаты по очереди.</p> <table border="1" data-bbox="300 1249 1219 1512"> <thead> <tr> <th>이름</th> <th>질문-답변</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td></td> <td>공부라고 싶지 않는데:</td> </tr> <tr> <td></td> <td>영화관에 가고 싶지 않는데:</td> </tr> <tr> <td></td> <td>친구를 만나고 싶지 않는데:</td> </tr> <tr> <td></td> <td>자고 싶지 않는데:</td> </tr> </tbody> </table> <p>Практические упражнения 2 Преподаватель: (Распределяет задания.) А сейчас вы поговорите друг с другом. Задавайте друг другу вопросы, используя грамматику <-(하)려 했으나>. Полученные ответы записываются. После этого мы обсудим с вами полученные результаты по очереди.</p> <table border="1" data-bbox="300 1715 1219 1977"> <thead> <tr> <th>이름</th> <th>질문-답변</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td></td> <td>공부하려 했으나:</td> </tr> <tr> <td></td> <td>이번에는 성공하려 했으나:</td> </tr> <tr> <td></td> <td>친구를 만나려 했으나:</td> </tr> <tr> <td></td> <td>바지를 사려 했으나:</td> </tr> </tbody> </table>	이름	질문-답변		공부라고 싶지 않는데:		영화관에 가고 싶지 않는데:		친구를 만나고 싶지 않는데:		자고 싶지 않는데:	이름	질문-답변		공부하려 했으나:		이번에는 성공하려 했으나:		친구를 만나려 했으나:		바지를 사려 했으나:	
이름	질문-답변																					
	공부라고 싶지 않는데:																					
	영화관에 가고 싶지 않는데:																					
	친구를 만나고 싶지 않는데:																					
	자고 싶지 않는데:																					
이름	질문-답변																					
	공부하려 했으나:																					
	이번에는 성공하려 했으나:																					
	친구를 만나려 했으나:																					
	바지를 사려 했으나:																					

Этап	Содержание урока	Примечание
	<p>Преподаватель: Все поговорили? Попробуйте рассказать о том, какой ответ дал вам ваш друг. Давайте по очереди.</p> <p>Студенты дают ответы.</p> <p>Преподаватель хвалит студента за хороший ответ, а если есть ошибки, то сразу же исправляет.</p> <p>Практическое задание 3</p> <p>Преподаватель: Давайте попробуем поставить сценку об Ондале-дурачке.</p> <p>Разделитесь на группы по 4 человека. В каждой группе должны быть король, мама Ондаля, Ондаль и принцесса.</p> <p>Разделитесь по 4 человека, распределите материал и порепетируйте свою роль.</p> <p>Студенты распределяют роли и практикуются.</p> <p>Преподаватель: Теперь каждая группа представит свою сценку. Давайте начнем с группы номер один.</p> <p>Студенты разыгрывают сценку.</p> <p>Преподаватель: Очень хорошо. Все постарались.</p> <p>После практики</p> <p>Сегодня через предание об Ондале мы узнали с вами о преданности народа своей стране. Также мы узнали, что когда мы хотим сказать, что что-то не так, мы используем грамматику <-(하)지 않는데>, а когда нам жалко, что не удалось чего-то сделать, мы используем <-(하)려 했으나>. Раньше мы не могли использовать <-(하)지 않는데>, <-(하)려 했으나>, но теперь каждый сможет применять эту грамматику на практике</p>	
Заключение (4 минуты)	<p>Преподаватель: Сегодня мы рассмотрели предание об Ондале.</p> <p>Ваше домашнее задание: написать о своих планах на выходные. Выполняйте домашнее задание, применяя полученные на уроке знания.</p> <p>Все сегодня хорошо поработали! Увидимся на следующем занятии!</p>	

3. Заключение

При изучении языка необходимо понимать важность социокультурного контекста и использовать его для улучшения коммуникативных навыков. Другими словами, для улучшения коммуникационной способности изучаемого языка важно понимать культуру страны данного языка.

Для улучшения эффекта от учебного процесса, необходимо разработать учебный план по корейскому языку через изучение культуры Кореи и включение функциональных аспектов, таких как грамматика и много других.

Данная работа осуществлялась при поддержке Программы по поддержке молодых специалистов в области корееведения через Министерство образования Республики Корея и Службу содействия развитию корееведения Академии корееведения (AKS-2016-INC-2230003).

Литература

Аликберова А. Р., Ко Ен Чоль, Тахтарова С. С. Содержание образования по культуре Кореи для студентов-корееведов университетов России // Современ. пед. образование. 2018. № 1. С. 13–18.

Ко Ен Чоль, Мухаметзянов Р. Р. Изучение особенностей корейских и славянских мифов об образовании государства // Науч. исслед. и разработки. Современ. коммуникативистика. 2017. Т. 6, № 4.

Ко Ен Чоль. Ko Young Cheol. Student Needs Analysis for Departments of Korean Language Curriculum improvement of Russian Universities. Global Media Journal. 2016, Vol. 14, no. 27, p. 48.

Ко Ен Чоль. Анализ учебных планов по направлению корейский язык в университетах Республики Корея // Мир науки. 2016. Т. 4, № 5.

Ко Ен Чоль. Выборочный анализ содержания учебников по корейской литературе: для издания российских учебников по литературе // Россия – Корея: настоящее и будущее российского корееведения : первый Междунар. семинар по корееведению. Казань : КФУ, 2016.

Юн Ё Тхак. Образование по корейской литературе для иностранных студентов. Сеул : История литературы Кореи, 2007.

Hymes, D. H. On Communicative Competence. in J. B. Pride & J. Homled(eds.). Sociolinguistics. Penguin, 1972.

Ko Young Cheol. Exploring the Elements of Korean Literature Education Contents for Foreigners: Selection of Korean Literature Education Contents for Russian Universities, Global Media Journal. 2017. Vol. 15, Is. 28.

http://100.daum.net/multimedia/24_C1B-00-0103-00001_07.jpg.

<http://book.daum.net/detail/book.do?bookid=KOR9788984289086>.

УДК 159.922.4

О. Г. Кобжицкая

Иркутский государственный университет, Иркутск

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ КИТАЕЦЕНТРИЗМА – БАЗОВОГО КОМПОНЕНТА КИТАЙСКОГО ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Аннотация. Данная статья освещает проблему этноцентризма как значимую черту китайского менталитета и его роль в формировании этнических стереотипов. Целью статьи является рассмотрение объективных и субъективных факторов, способствующих возникновению этнического самосознания и сложению китаецентристской модели мира. Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения культурных процессов и явлений, лежащих в основе национальной картины мира и дающих представление о духовной и поведенческой специфике народа. В статье используется метод анализа источников по истории, культуре и философии Китая. По результатам анализа можно сделать следующие выводы: 1) этноцентризм как преобладающая черта китайского менталитета начинает формироваться еще в эпоху древности; 2) представление китайцев о себе, как о центре мировой цивилизации возникло в условиях взаимодействия китайского этноса с другими этническими общностями, значительно уступавшими им в культурном развитии; 3) содержательной стороной сформировавшегося гетеростереотипа стало устойчивое негативное восприятие иных культур и представление о всех некитайцах, как о «варварах»; 4) этноцентризм привел к формированию политической доктрины китаецентризма, которая сложилась в систему вассалитета и даннических отношений с сопредельными государствами.

Ключевые слова: китайский этнос, национальное сознание, этническое самосознание, этноцентризм, китайская цивилизация, китаецентризм, этнические стереотипы.

**A RETROSPECTIVE VIEW OF THE PROBLEM OF SINOCENTRISM
AS A BASIC COMPONENT OF CHINESE ETHNIC SELF-AWARENESS**

Abstract. This article deals with the problem of ethnocentrism as a significant feature of the Chinese mentality and its role in the formation of ethnic stereotypes. The aim of the article is to consider objective and subjective factors that contribute to the emergence of ethnic self-awareness and the making of the Sino-centrist model of the world. The relevance of the article is determined by the need to study cultural processes and phenomena, which underpin the national picture of the world and represent the spiritual and behavioral specifics of the people. The article uses the method of analyzing sources on the history, culture and philosophy of China. The results of the analysis allow us to draw the following conclusions: 1. Ethnocentrism as the predominant feature of the Chinese mentality begins to form in the Ancient Age; 2. Representation of the Chinese people about themselves as the center of the world civilization arose in the conditions of interaction of the Chinese ethnos with other ethnoses, which concede in cultural development; 3. The content side of the formed heterostereotype was a steady negative perception of other cultures and the representation of all non-Chinese people as tramontains; 4. Ethnocentrism led to the formation of the political doctrine of Sino-centrism, which has developed into the practice of vassalage and tribute relations with neighboring countries.

Keywords: Chinese ethnicity, national consciousness, ethnic self-awareness, ethnocentrism, the Chinese civilization, Sino-centrism, ethnic stereotypes.

Этническое самосознание является важнейшим признаком этноса и выступает в качестве неременного условия его функционирования. В. В. Шарапов рассматривает этническое самосознание как результат действий всех основных признаков, формирующих этническую общность. В их числе он называет такие признаки, как язык, территория, религия. Взаимодействие этих признаков оказывает влияние на образование и сохранение этнической общности, что находит выражение в этническом самосознании. Таким образом, этническое самосознание, по мнению В. В. Шарапова, становится решающим фактором для определения принадлежности к той или иной этнической общности [Шарапов, 2008, с. 188].

Этногенез – довольно сложное явление, являющееся предметом специального изучения этнической истории, где он рассматривается как ее начальный этап. В науке под этнической историей следует понимать последовательно связанные во времени изменения качественных признаков, характеризующие народы того или иного региона [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 6]. Развитие национального сознания китайского этноса прошло несколько исторических этапов. Начиная с возникновения общности *хуася* и формирования этнонима *чжунгожэнь* «люди срединных царств» в середине I тыс. до н. э. до формирования *чжунхуаминьцзу* «китайская нация» в XIV в. Последний был использован в качестве этнонима, отражающего сплоченность китайского народа против господства монголов. Как отмечает О. С. Литвинцев, этноним *чжунгожэнь* активно использовался в Новое время в виду куль-

турных контактов китайцев с западными странами для противопоставления себя иностранцам [Литвинцев, 2016, с. 115].

Формированию этнического самосознания китайцев способствовали постоянные тесные контакты с другими этносами. «Во многом сами процессы аккультурации обусловили богатство, разнообразие и эволюцию китайской цивилизации» [Там же].

Согласно периодизации этнической истории китайцев, предложенной китайским ученым Ван Тунлином, первый этап формирования китайской нации охватывает период времени, начиная с глубокой древности до середины I тыс. до н. э. Это процесс формирования этнического сознания, который связан с возникновением этноса *хуася*. «Предки сино-тибетцев появляются примерно в 6 тыс. до н. э. в Восточной Азии и оседают в бассейне Верхней Хуанхэ, откуда постепенно проникают на Среднюю Хуанхэ и Верхнюю Янцзы. ...В позднем неолите (3500–2500 гг. до н. э.) уже существует этническая группа *хуася* как восточная ветвь сино-тибетцев» [Там же]. «Одновременно в верхнем течении Хуанхэ и в приморском районе существовали неолитические культуры, со временем породившие народности, которых древние китайцы называли “западными жунами” и “восточными и”. На Юге в ту эпоху имелись свои неолитические культуры, связанные с предысторией Юго-Восточной Азии» [Малявин, 2003, с. 68].

Начальной стадией генезиса этнического сознания китайцев выступает эпоха бронзовой культуры Шан-Инь. Иньцы вступили в контакт с соседними неолитическими племенами и заложили основу будущей китайской цивилизации. Немаловажную роль в формировании китаеццентристской модели мира сыграли религиозные верования иньцев, о чем будет сказано ниже.

По имеющимся археологическим данным волнообразное появление культуры Шан-Инь – от менее к более развитому комплексу бронзовой культуры и, наконец, к наиболее развитой ее форме – иньскому городищу в районе города Аньяна, свидетельствует о начальном этапе развития государственности и превосходстве иньской общности над окружающими ее племенами. Это превосходство выражалось как в обладании высококачественной боевой техникой, так и в наличии развитой иероглифической письменности. После того как иньским правителем Пань Гэном была перенесена столица в район современного города Аньяна, можно говорить об окончательном оседании иньцев на равнине и образовании протогосударства с правителем ваном, подчинившим своему влиянию периферийные племена. Столица «Великий город Шан» представляла собой центральную зону в политической структуре Инь. Здесь находились резиденции правителя и его центральной администрации. Промежуточная зона состояла из региональных подразде-

лений, которые возглавляли титулованные местные правители из числа родственников вана или его жены (владельцы особые). Третья внешняя зона состояла из различных племен, правители которых хотя и признавали авторитет иньского вана, но подчас вели себя независимо по отношению к нему [Васильев, 1998, с. 182]. Однако часть племен «предпочитала вассальные связи и тесный контакт с Инь опасности подвергнуться разрушительному опустошению со стороны иньского войска в случае конфликта» [Там же]. В иньских гадательных надписях встречаются названия более 50 племен *фан*, окружавших иньцев и настроенных враждебно по отношению к ним. «К названиям первой группы относятся наименования животных или растений. ...В названиях второй группы встречаются изображения человека (представляют собой фигуру человека с той или иной особенностью одежды или прически)» [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 267].

Что касается системы религиозных представлений иньцев, то она была более развитой по сравнению с эпохой неолита и приобрела ряд новых черт. По мнению М. В. Крюкова, несмотря на то, что в период Инь у древних китайцев и соседних с ними племен еще не было четкого деления на «мы-они», отсутствовали самоназвание и самосознание, тем не менее иньцы осознавали свое центральное месторасположение в обитаемом мире. Согласно религиозным представлениям иньцев у них существовало верховное божество Шан-ди – верховный владыка, который был главным среди духов и ведал делами живущих потомков. Верховенство Шан-ди было предопределено его изначальным статусом предка-основателя иньской династии. По праву кровного родства с ним верховным правителем на земле был иньский ван. Будучи верховными правителями на земле, иньские цари – ваны естественным образом считали правителей других племен своими вассалами.

Другой важной составляющей иньских религиозных верований стала пятичленная космологическая модель мира. Эта модель зародилась еще в неолитическую эпоху, но окончательно сложилась в поздней иньский период. По этой модели мировое пространство состояло из пяти главных зон: четырех зон, соответствующих четырем сторонам света – Востоку, Югу, Западу и Северу *сы фан* и пятой зоны – Центру *чжун*. И хотя, как отмечает М. Е. Кравцова, данный вариант «горизонтальной модели мира» характерен и для других древних государств, однако только в Китае рассматриваемые космологические представления получили исключительную культуральную значимость [Кравцова, 1999, с. 106]. Эта космологическая модель соответствовала реальному географическому положению, где Центром *чжун* являлась столица Инь – великий город Шан, а все остальные пространственные зоны определялись, исходя из ее местоположения. Центр мыслился как са-

крально-политический фокус мирового пространства, тогда как правитель мыслился находящимся в центре всего мироздания [Кравцова, 2008, с. 92]. Следует отметить, что правитель-ван, возглавлявший эту структуру, был одновременно и первосвященником.

Таким образом, представление о правителе и его мироустроительных функциях заложило основу китаецентристской концепции мира задолго до появления этнической отчужденности, членения по схеме «мы-они» [Переломов 1981, с. 133].

Как известно, элемент противопоставления является неотъемлемой частью психического склада любой нации. Он находит отражение в двух взаимосвязанных процессах: межгрупповой дифференциации, в основе которой лежит оценочное сравнение своей и чужой групп, и групповой идентификации – осознании своей принадлежности к группе. Некоторые этнопсихологи, такие как Б. Ф. Поршнев, настаивают на первичности межгрупповой дифференциации. Так, отсутствие самоназвания у иньцев с лихвой компенсировалось наличием названий многочисленных враждебных им племен *фан*.

Нужно отметить, что для китайцев построение образа «чужого», представителя иной культуры, являлось способом онтологического познания собственного образа, построенного на противопоставлении. То есть построение гетеростереотипа влияло напрямую на формирование автостереотипа в положительном ключе. Как отмечает Ю. В. Бромлей, «складывающиеся в ходе межэтнического общения представления о своем собственном и чужих народах (этнические авто- и гетеростереотипы) не просто суммируют те или иные их черты, но и выражают ценностное отношение к ним» [Бромлей, 1983, с. 182]. Невозможность обыденного сознания охватить сразу все характерные черты культуры как своей, так и «чужой» этнической общности может привести к искаженному представлению о них. Тогда и может возникнуть этноцентризм – предпочтение своей этнической группы всем остальным. Хотя сам по себе этноцентризм не подразумевает враждебного отношения к другим группам, при неблагоприятных социальных и культурных обстоятельствах негативный оттенок в этнических стереотипах под его воздействием может проявиться достаточно сильно. «Зачастую стереотипные представления о других этносах заключают в себе такие характеристики, которые данный этнос считает недостойными и противопоставляет своим понятиям о чести, нравственности, красоте и др.» [Там же].

Исследователь этнопсихологических особенностей китайцев В. В. Соболев считает причиной устойчивого негативного отношения китайцев к представителям других этносов, укрепившегося в сознании основной массы китайского населения, преувеличение в положительную сторону качеств членов своей этнической общности и при-

нижение тех или иных качеств представителей других этнических групп [Собольников, 2001, с. 82]. Ученый объясняет этот факт тем, что этническая общность *хуася* в основном контактировала с этническими группами, которые были гораздо ниже их в культурном отношении. Таким образом, объективной стороной китаецентризма был огромный культурный потенциал Китая, поражающий большинством своих параметров представителей других народов и этим привлекательный для соседей Срединной империи.

Сменившая Инь в XI в. до н. э. эпоха Чжоу, по мнению некоторых исследователей, составляла с последней единую культурную традицию, восходящую к неолитическим комплексам бассейна р. Хуанхэ [Кравцова, 1999, с. 52]. К моменту завоевания иньцев чжоусцы, находившиеся на более низкой ступени развития, заимствовали культурные достижения иньцев, в том числе их культ Верховного владыки. У чжоусцев культ Шан-ди был постепенно вытеснен культом Неба. В основе культа лежало представление о Небе как о некоей верховной силе, стоявшей над земным миром. Чжоуский правитель получил наименование *тяньцзы* «сын Неба». Божественное происхождение земного правителя-вана «обязывало» его выступать в роли мироустроителя и повелителя Вселенной. Характер взаимоотношений с соседними племенами у чжоусцев остался таким же, как у иньцев. Они также придавали большое значение регулярности поступления дани с зависимых территорий.

Качественные изменения представления об окружающем мире произошли на завершающем этапе формирования этнического самосознания китайцев. Период Восточного Чжоу (770–256/221 гг. до н. э.) ознаменовался образованием единых в культурном отношении Срединных государств *чжунго* и появлением этнического самоназвания *хуася*. Как известно, этноним, являясь одним из наиболее наглядных этнических признаков, свидетельствует об осознанности членами этноса их особого единства и отличия от членов других общностей. Указание на отношение китайцев к своей этнической общности, а также к территории ее обитания, нашло отражение в целом ряде этнонимов. Самое древнее употребление этнонима *ся* 夏 сохранилось в надписи на ритуальном сосуде «Цинь-гун гуй», датированной серединой VI в. до н. э. Чжоуский термин *ся* этимологически связан с названием династии, предшествовавшей Инь, так как «чжоусцы считали себя потомками не свергнутых ими иньцев, а их предшественников, людей *Ся*» [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 271]. Этнониму *хуа* 华 «цветущий, прекрасный» (появился в VII–VI вв. до н. э.) был противопоставлен *мань и* 蛮夷 («грубый, наглый дикарь»), обозначающий представителей иных этнических групп, не относящихся к *хуа*. Как отмечает М. В. Крюков, в период Чуньцю в качестве синонимов употреблялись различные соче-

тания: *чжухуа* 诸华; *чжуся* 诸夏; *хуася* 华夏 [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 271]. Что касается этнонима *чжунго* 中国 «Срединное царство», точнее «Срединные царства», то он упоминается в источниках периода Чуньцю как место расселения *хуася* и подобно *хуася* противопоставляется «варварам» *мань и*.

Кроме *мань и* понятие «варвары» могло выражаться и с помощью таких сочетаний как *жунди*, *дижун*; *маньи жунди* и «четыре категории *и*». Однако к середине 1 тыс. до н. э. каждый из терминов *мань*, *и*, *жун*, *ди* стал ассоциироваться с определенной стороной света: *и* – «варвары» на востоке; *мань* – на юге; *жун* – на западе; *ди* – на севере.

Такой переход к дифференцированному наименованию был связан с выдвиганием на передний план в эгоцентрической модели мира культурно-различительных признаков и подчеркиванием культурного превосходства *хуася*. «Если раньше, в период Инь и начале Чжоу, идея главенства, сюзеренитета над соседними племенами и народностями исходила из представления о божественном характере власти своих правителей, то отныне эта идея подкрепляется уже представлением о принадлежности к более высокоорганизованной культуре» [Переломов, 1981, с. 135].

Как отмечает Ю. В. Бромлей, характерные для отдельных племен черты духовной культуры (религиозные верования, язык, общие обряды и обычаи) могли послужить и как этнодифференцирующие признаки, но только не сразу, а в ходе длительного непосредственного общения. Если возникала необходимость установить за короткий срок племенную принадлежность человека, то создавались специальные внешние атрибуты: прическа, татуировка, одежда, украшения [Бромлей, 1983, с. 262].

Что касается этноса *хуася*, то вместо прежних этноразличительных признаков – родственных уз и общности происхождения – появляются такие, которые отражают некоторые особенности материальной культуры и связанные с ними обычаи. Так, в китайском трактате «Лицзи» («Книга ритуалов») окружающие китайцев варвары описываются так: «Живущие на востоке называются *и*, они не расчесывают волосы и татуируют тело; некоторые не пользуются огнем для приготовления пищи... живущие на западе называются *жун*. Они ходят с распущенными волосами и одеваются в шкуры; некоторые из них не употребляют в пищу зерно» [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 10].

Складывающаяся дихотомия дикость-цивилизация, в которой «чужой» – это дикарь с неразвитой культурой, моралью, социальными институтами и т. д., получила свое наиболее полное выражение в учении Конфуция. В главе «Луныюй» («Беседы и суждения») философ прямо высказывает свое мнение о «варварах» как неспособных к управлению государством: «Если даже у *и* и *ди* и появятся правители, им никогда не сравниться со всеми *ся*, лишенными правителей» [Переломов, 1998, с. 317]. Одной из основополагающих нравственных кате-

горий в учении Конфуция о благородном человеке *цзюньцзы* является гуманность *жэнь*. Обладателем *жэнь*, по мнению философа, могли быть только хуася, но не варвары, находящиеся на более низкой ступени нравственного развития и, следовательно, неспособные его постичь. Таким образом, «сознание нравственного, духовного превосходства хуася над своими соседями и являлось моральным оправданием их права на духовное превосходство над всей окружавшей их ойкуменой» [Переломов, 1981, с. 147].

По мнению А. А. Бокщанина, окончательное сложение доктрины китаецентризма произошло в эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) благодаря деятельности теоретика-конфуцианца Дун Чжуншу. Основу концепции Дун Чжуншу составляет представление о таком политическом взаимодействии империи с внешним миром, по которому существует только две стороны: Китай и «варвары», т. е. весь остальной мир. Эти части воспринимались не только как различные, но и неравные, неравноценные. Утверждалось, что Китай превосходит «варваров» во всем и что это превосходство всеобщее и вечно. Оно предопределено самой природой и столь же естественно, как различие «между отцом и сыном, мужчиной и женщиной» [Бокщанин, 2010, с. 132].

Таким образом, возникшее еще в эпоху Инь представление о превосходстве над соседними народами в процессе эволюции китайского этноса превратилось в этническую доминанту, оказавшую существенное влияние на формирование картины мира китайцев и характер их взаимоотношений с внешним миром. Весомый вклад в идею этнического превосходства хуася внес Конфуций и его последователи. Логическим следствием этой идеи стала доктрина о духовной миссии Китая и его обязанности просвещения соседних народов.

В заключение отметим, что первоначально противопоставление «мы- варвары» в той или иной степени отражало реальный характер взаимоотношений китайцев с другими этносами с низким уровнем развития культуры. По мере расширения контактов с другими более отдаленными государствами китайцы продолжали с пренебрежением относиться к их представителям, считая их «варварами». По мнению Н. Н. Ярошевич, формирование подобного гетеростереотипа не является чем-то уникальным в мировой истории, однако Китай является страной, где негативный образ «иностранца» повлиял на построение внутренней и внешней политики.

Литература

- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 412 с.
Васильев Л. С. История Востока: В 2 т. Т. 1. М. : Высш. шк., 1998. 495 с.
Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978. 344 с.

Бокшанин А. А., Непомнин О. Е., Степугина Т. В. История Китая. Древность, средневековье, новое время. М. : Вост. лит. РАН, 2010. 599 с.

Кравцова М. Е. Представления о верховной власти и правителе // Духовная культура Китая : энцикл. В 5 т. Т. 2. М. : Вост. лит., 2008. С. 92.

Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб. : Лань, 1999. 416 с.

Литвинцев О. С. Основные этапы развития национального сознания китайского этноса // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2016. С. 107–118.

Малявин В. В. Китайская цивилизация. М. : Астрель, 2003. 627 с.

Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М. : Наука, 1981. 332 с.

Переломов Л. С. Конфуций: «Луньью». М. : Вост. лит. РАН, 1998. 588 с.

Собольников В. В. Этнопсихологические особенности китайцев. Новосибирск : СибАГС, 2001. 132 с.

Шарапов В. В. Структура и функции этнического самосознания // Изв. Самар. науч. центра РАН. Самара, 2008. С. 188–194.

УДК 811.58

И. Н. Комарова,

Институт языкознания РАН, Москва

Ю. Н. РЕРИХ

О ЛХАССКОМ ДИАЛЕКТЕ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена изучению результатов научной работы выдающегося специалиста по Тибету Ю. Н. Рериха, в ее части, посвященной лхасскому диалекту тибетского языка.

Ключевые слова: Ю. Н. Рерих, диалекты тибетского языка, лхасский диалект тибетского языка.

I. Komarova,

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

YU. N. ROERICH ON LHASA DIALECT OF THE TIBETAN LANGUAGE

Abstract. The article covers the results of the scientific work of the outstanding Tibet researcher, Yu. N. Roerich, in the part devoted to Lhasa dialect of the Tibetan language.

Keywords: Yu. N. Roerich, dialects of the Tibetan language, Lhasa dialect of the Tibetan language.

В последние десятилетия неугасающий интерес ученых-востоковедов к истории, языку и культуре Тибета объясняется не только той ролью, которую Тибет играл в истории и цивилизации Центральной Азии, но также научной деятельностью выдающегося тибетолога Ю. Н. Рериха и его харизматичной личностью. Тонкие лингвистические исследования тибетского языка Ю. Н. Рериха, охватывающие историю письма, фонетику, фонологию, морфологию и сравнительную диалек-

тологию тибетского языка, позволили сделать важные выводы относительно лхасского диалекта тибетского языка.

Современный тибетский язык функционирует в форме многообразных локальных диалектов. Незначительные грамматические и лексические расхождения диалектов тибетского языка выявляются на всех уровнях языковой структуры. Основные различия касаются фонетического строя, т. е. состава гласных и согласных, а также наличия или отсутствия системы тонов.

Диалекты тибетского языка, которые неоднократно исследовал Ю. Н. Рерих, на основании признаков фонетических различий разделяются на две большие группы – архаичные и современные – к архаичным диалектам относятся такие диалекты, как Амдо, распространенные на северо-востоке и востоке Тибета, сохранившие древнее состояние тибетского языка VII–VIII вв. и имеющие не столь существенный разрыв между письменной и устно-разговорной формами. К современным диалектам относятся диалекты Центрального Тибета – лхасский и шигацзе, имеющие большие расхождения между графическим написанием и произношением.

Современным диалектам тибетского языка свойственно функциональное неравенство: лхасский диалект является ведущим диалектом тибетского языка и выступает основным источником значительных фонетических инноваций. Лхасский диалект, приобретая преимущественное использование в различных сферах общественной жизни, теряя свою территориальную ограниченность, является основой современного тибетского литературного языка. Ещё в 1931 г. Ю. Н. Рерих указывал, что лхасский диалект является *lingua franca* всего Тибета [Roerich, 1931].

Талантливый исследователь китайского языка О. М. Готлиб и его коллеги Е. В. Кремнёв и Т. Е. Шишмарева ряд своих значительных работ посвятили различным аспектам китайской иероглифической письменности [Готлиб, Кремнёв, Шишмарева, 2014, 2016], объединяющей носителей китайского языка не только севера и юга Китая, но и различных стран мира. Это справедливо и для тибетской графической письменности, поскольку в настоящее время можно с уверенностью утверждать, что, несмотря на фонетические и лексические расхождения (устная речь, как правило, не понятна на слух), тибетская письменность объединяет всех носителей тибетского языка как в КНР, так и за его пределами (в Индии, Непале и др. странах).

Тибетский язык относится к китайско-тибетской семье языков, тибето- бирманской подгруппе.

Грамматическая система тибетского языка обладает типологическими характеристиками, которые свойственны агглютинативным и

флективным языкам. А по определенным типологическим критериям тибетский язык принадлежит к языкам изолирующего строя.

С изолирующими языками лхасский диалект тибетского языка типологически сближают некоторые следующие исключительные особенности: а) закрытая система силлаботонических единиц-силлабем, строго фиксированная структура слога с иерархическим делением на инициаль и финаль, представленных парадигмами с различным набором согласных и гласных фонем; в слогах моделей CVC, CV, CY: инициаль представляют двадцать девять согласных фонем: *ph, p, th, t, kh, k, kuh, ky, zh, ch, z, c, j, q, m, n, ng, ny, l, w, r, y, x, h, s, sh, hu, lh, f*, в слогах всех пяти фонологических моделей CV, CV:, V:, VC, CVC финаль включает семнадцать кратких и долгих гласных фонем: *a, a:, o, o:, u, u:, i, i:, e, e:, y, y:, ø, ø:, ε, ε:, ə*, и только восемь согласных фонем выступают в качестве терминали: *m, n, ng, k, /, r, w, p*, так как в тибетском языке имеется тенденция к открытости слога; б) ограниченная возможность монофонемной структуры репрезентировать морфемы или одноморфемные слова; г) наличие системы четырех тоном, противопоставленных по признакам: ровный/неровный, восходящий/нисходящий. Будучи важным фонологическим средством, тон связан с такими языковыми уровнями, как лексический и грамматический: *khang¹* {дом}, *khang²* {который}, *khang³* {снег}, *khang⁴* {удовлетворять}; *sung¹* {защищаю} (наст. вр.), *sung⁴* {защищал} (прош. вр.); *sing¹* {выбираю} (наст. вр. изъяв. накл.) – *sing⁴* {выбери} (повел. накл.).

Ю. Н. Рерих большое внимание уделял словообразованию лхасского диалекта тибетского языка [Рерих, 1958, 1961].

Основными морфологическими способами словообразования имен и глаголов в тибетском языке, как и в других изолирующих языках, являются аффиксация, словосложение и редупликация. Производные слова, а также сложные слова и повторы характеризуются сложными и многообразными отношениями с такими языковыми уровнями, как фонологический, морфологический и лексический.

Способ соединения корневых и аффиксальных морфем, как правило, имеет агглютинативный характер:

а) Сложные глаголы, состоящие из двух и более знаменательных морфем:

xip²si²⁴ «исследовать» (*xip³* «детальный», «тщательный», знаменательная морфема + *si²³* «рассмотреть», знаменательная морфема);

se:¹xε²⁴ «объяснять» (*se:¹* «светлый», «ясный», знам. морфема + *xε:²⁴* «объяснять», знам. морфема);

jing¹zhø¹ «освобождать» (*jing⁴* «связывать», «сковывать», знам. морфема + *zhø:¹* «распутывать», «развязывать» знам. морфема).

б) Распространены типы глаголов, состоящие из знаменательной и аффиксальной морфем, к наиболее продуктивным аффиксам относятся pa^1 , wa^1 , ya^{23} , $ngen^1$.

$ze:2pa^1$ «делать», «действовать», «осуществлять» (*вежл.*) ($ze:2$ «делать», «действовать», знам. морфема + pa^1 суффикс);

$zhup^2pa^1$ «выполнять», «достигать», «медитировать» ($zhup^2$ «выполнять», знам. морфема + pa^1 суффикс);

tu^2wa^1 «собирать» (tu^2 «собирать», знам. морфема + wa^1 суффикс);

$kø:1wa^1$ «варить», «кипятить» ($kø:1$ «варить», знам. морфема + wa^1 суффикс).

в) Тибетские повторы также относятся к способам глагольного словообразования. Например, $kyhor^1 kyhor^1$ «махать», «качаться»; $nyi:2 nyi:1$ «рушиться», «обваливаться»; $zir^1 zir^1 qe^{23}$ «жать», «давить».

При словосложении образуются слова, состоящие из двух или нескольких лексически значимых компонентов и характеризующиеся двусторонней структурно-семантической связью с исходными лексическими единицами. При словосложении соединение лексем имеет агглютинативный характер. Выделяются сложные слова следующих моделей:

1) сложные слова атрибутивной модели, состоящие из именной и глагольной морфем:

$se:1xe^{24}$ «объяснять» ($se:1$ «ясный», «светлый» + xe^{24} «объяснять»);

$xip^2 xer^1$ «расследовать» (xip^3 «тонкий», «тщательный» + xer^1 «сличать», «сравнивать»);

$sar^1 pø:1$ «возделывать (целину)» (sar^1 «новый», «свежий» + $pø:1$ «возделывать новые земли»).

2) сложные слова объектно-предикативной модели, состоящие из именной и глагольной морфем:

$xam^3 te^{23} xu^2$ «служить» (xam^3 «нога», te^{23} «служить», «поддерживать» + xu^2 «просить», «звать»).

3) сложные слова субъектно-предикативной модели, образующиеся при сложении именной и глагольной морфем:

$ma^{24} kya^{23}$ «воевать» (ma^{24} «армия», «солдат» + kya^{23} «делать», «выпускать стрелу», «ударять»);

$qu^1 tho^{24} kya^{23}$ «клевать» (qu^1 «клюв», tho^{24} «вырывать», «срывать» + kya^{23} «делать», «выпускать стрелу», «бросать», «ударять»).

Редуплицированные образования представлены двумя типами: а) тождественные повторы с одинаковым фонемным и тонемным составом: $then^1 then^1$ «развивать», «расширять»; б) дивергентные повторы с различными вариациями морфем.

Таким образом варьирование в тибетских глаголах наблюдается на сегментном и суперсегментном уровнях. Альтернирующую часть

дивергентных повторов могут составлять инициалы и финалы (централы и терминалы), а также тонемы. Например, чередование инициалей /lh > l/: $lh\theta^{2^4} l\theta^{2^4} qe^{2^3}$ «ослаблять», «разжимать»; чередование централей /o > u/: $ko^2 ku^{2^1}$ «униженно просить», «сдаваться»; чередование тонем: второй низкий восходящий тон > третий низкий восходящий – нисходящий тон /II тон – III тон/: $ru^2 ru^3 qe^{2^3}$ «собратиться».

Среди способов именного словообразования в тибетском языке преобладает суффиксация. Суффиксы pa^1 , po^1 , ma^2 , mo^2 , wa^2 , wo^2 , ya^{2^3} , $ngen^1$ и др. способны обозначать предметность, процессуальность, признаковость, встречаясь в составе разных лексико-грамматических классов: $qang^1 pa^1$ «любитель вина цян» (ячменный алкогольный напиток, сущ.), $je:^1 po^1$ «любимый» (прил.), $te^2 wa^1$ «счастье» (сущ.), $qu^1 wo^1$ «река» (сущ.), $na^2 ya^{2^4}$ «болезнь» (сущ.), $lep^1 ngen^1$ «ученик» (сущ.).

Тонемы, принадлежащие к суперсегментному уровню языка, соотносятся с сегментными единицами – слогом и словом и, соответственно, с их семантическими и грамматическими свойствами. Тем самым выявляются особенности взаимодействия лексических, грамматических и просодических средств в словообразовании и словоизменении тибетского языка.

Функция тонов весьма значительна в словообразовательной системе тибетского языка. В одних случаях самостоятельно употребляющиеся слово и его корреляты в составе двусложного слова являются тождественными, при этом могут наблюдаться незначительные модификации основных параметров тона. В других случаях эти две коррелирующие единицы имеют фонологически значимые различия, выражающиеся в чередовании тонем.

В исходе двусложного слова тибетского языка, как правило, реализуется максимально высокий тоновой уровень, тем самым проявляется закон допущения в исходе слов только признака «высокий». Как следствие, низкие тонемы стали чередоваться с высокими.

Словообразовательная роль тонов в словосложении:

В первом слоге двусложного слова также происходят модификации тона, в результате чего реализуются противопоставления по признакам «нисходящий-ровный», «восходяще-нисходящий-восходящий». Например, в первом слоге четвертый высокий нисходящий тон меняется на первый высокий ровный тон [IV → 1-й]: $q\theta^{2^4}$ «религиозное учение» + lu^{2^3} «метод, способ» → $q\theta^{2^1} lu^{2^4}$ «религия».

В первом слоге двусложного слова III низкий восходяще-нисходящий тон чередуется со II низким восходящим тоном: lu^3 «тело» + $kham^4$ «здоровье» → $lu^2 kham^4$ «здоровье».

Во втором слоге происходят модификации как контура тона, так и его регистра, в результате чего реализуются противопоставления по

признакам «восходящий-ровный», «низкий-высокий»; II низкий восходящий тон чередуется с I-м высоким ровным тоном: nam^1 «небо» + chu^2 «лодка» → nam^1zhu^1 «самолет»; qa^2 «чай» + $ma:^2$ «масло» → $qa^2 ma:^1$ «тибетский чай с маслом».

В ряду явлений, сближающих тибетский язык с изолирующими языками, следует также назвать агглютинативные свойства именных или глагольных граммем.

К типологически значимым чертам лхасского диалекта тибетского языка, присущим агглютинативным языкам, наряду с совпадением графического, фонетического и морфологического слогаделения, относится такое суперсегментное явление, как сингармонизм гласных.

В производных словах, сложных словах и дивергентных повторах наблюдается тесная взаимосвязь между составляющими компонентами с точки зрения сингармонизма гласных.

Гармония гласных заключается в артикуляционном сближении гласных звуков обоих слогов по некоторым признакам, в частности сингармонический характер связи морфем в тибетском слове организует вокалическую структуру слов по признаку подъема гласных.

В следующих примерах производных слов зафиксированы явления сингармонизма гласных [а-э]: $chu^2 + pa^1 > chu^2pə^1$ «лодочник», $nyi^2 + ma^1 > nyi^2 mə^1$ «солнце» $pang^2 + ku^2 > pəng^2ku^1$ «муха».

В структурах сложных слов также наблюдается оформление слова с помощью сингармонизма гласных [а-э], [о-у]: hla^1 «бог, дух» + $y:^2$ «страна, район» > $hlə^1y:^1$ «рай, земля обетованная»; $thong^1$ «смотреть» + $qung$ «мало» > $thung^1 qung^1$ «презирать, пренебрегать»; na^2 «черный» + qu^1 «вода» > $nək^2qu^1$ «река Накцю».

Суперсегментная организация повторов (чередование тонов: II тон – I тон) также сопровождается сингармонизмом гласных [а-э]: $xam^2 + xim^2 > xəm^2xim^1$ «затяжной»; $kyang^2 + kyɪng^2 > kyəng^2 kyɪng^1$ «высокомерный».

В двусложных словах имеет место как прогрессивная, так и регрессивная ассимиляция, что представляет особенность тибетского сингармонизма гласных, при которой устойчивыми являются только гласные высокого подъема [i, i:, y, y:, u, u:], которые влияют на гласные среднего или низкого подъема [a, a:, ɛ, ɛ:, o, o:, ø, ø:] первого слога или, наоборот, второго слога слова.

Таким образом, в первом и во втором слогах двусложных слов гласные среднего подъема чередуются с гласными высокого подъема, а гласные низкого подъема чередуются с гласными среднего подъема:

[а-э] kha^1 «рот, порт» → $chu^2kə^2$ «порт, переправа»;

[о-у] ko^2 «голова» → ku^2y^2 «череп»;

[ø-у] $chø^3$ «беседа» → $chy^2tu:^1$ «обсуждение»;

[e-i] ke^2 «добро, молитва» → ki^2chu^{24} «ученик, послушник».

Всякий раз вне зависимости от места реализации в слове гласным высокого подъема [i, i:, u, u:, y, y:] принадлежит «пальма первенства», и они задают тон в двусложном слове, способствуя передвижению гласных на более высокий близлежащий уровень по подъему, что и определяет особый тип тибетского сингармонизма.

Существуют редкие случаи обратного воздействия гласных среднего подъема на гласные высокого подъема:

[u – o] phu^2 «ребенок» → pho^2mo^1 «девочка»;

lu^{23} «норма, порядок» → $lok^2sø:^1$ «нормы поведения, порядок»;

[i – e] $nyi:$ «два» → $nye:^2tong^1$ «две тысячи»;

mi^2 «человек» → me^2ze^1 «жизнь».

Сингармонизм гласных является одним из средств цельноформленности слова. Сингармонические модели, реализуемые в двусложных словах лхасского диалекта тибетского языка, подтверждают, что на суперсегментном уровне существует тесная взаимосвязь между морфемами различного типа – между знаменательными морфемами, а также между знаменательными и незнаменательными морфемами.

С флективными языками тибетский язык объединяют такие явления, как: а) «внутренняя» флексия при синтетическом типе именного и глагольного формообразования; б) размытость границ фузионно слитых корневых и аффиксальных морфем. Мена фонем в различных формах одной и той же морфемы может образовать четыре вида изменений флексийных морфем: 1) вокальные количественные, 2) вокальные качественные, 3) консонантные и 4) тонемные. Например, мена кратких и долгих гласных [o – o:] cho^2go^1 {друг} > $cho^2go:^1$ {у друга}, локатив.

В одной словоформе может происходить одновременно несколько видов «внутренней» флексии, например [o – ø] [II восходящий тон – III низкий восходяще-нисходящий тон]: ko^2 {голова}, номинатив > $kø^{23}$ {головой}, инструменталис.

Три следующих релятивных показателя (в транслитерационной записи) – эргативный показатель sa^1 , локативный показатель ra^2 и атрибутивный показатель i^2 (вариант ji^2) сливаются с предшествующим словом.

Приведем примеры слияния релятивных показателей местоимений с предшествующим словом: $ngε^{23}$ «я», эргатив, субъект действия при переходном глаголе, транслитерационная запись слова $ngas$; $ngε^{23}$ < $ngas$, (nga^2 «я», синтаксический показатель эргатива s слился с предшествующим словом).

$ngε:^2$ «мой», транслитерационная запись слова $nga'i$; $ngε:^2$ < $nga'i$ (nga^2 «я» синтаксический показатель атрибутива i слился с предшествующим словом).

Когда синтаксические показатели имеют агглютинативную технику соединения, морфологические границы слов, которые они обслуживают, предельно ясны и прозрачны: *khong¹ ki²³* «он» эрг., *khong¹ ki* «его», атр. В таких же словоформах – «слитках», как *ngε²³* «я», эрг., *ngε²* «мой», атр. морфемное членение невозможно.

Особые группы лексических единиц, а также грамматические формы глагола и имени образуют в тибетском языке категории вежливости, отражая специфические черты тибетской культуры, ценностные ориентации её носителей и представляя «почтительный, уважительный язык».

О сложных иерархических отношениях в тибетском обществе, отразившихся в языковых средствах, Ю. Н. Рерих писал: «Тибетский язык богат выражениями почтительности, среди которых различают две степени: общепринятые выражения почтительности и весьма почтительные. Последние употребляются в беседе с высокопоставленными лицами» [Рерих, 1961]. Например: нейтр. стиль: *laph-pa* – нейтр. стиль; *sung-wa* – вежл. стиль; *ka-nang-wa* «говорить» – весьма вежливый стиль.

Характер речевых актов и употребление нейтральных и вежливых форм в тибетском языке определяются национальным стилем коммуникации, на который оказывают влияние различные факторы: социальные роли и статус коммуникантов, социальные отношения, степень знакомства, сфера общения; психофизические черты, эмоциональное состояние коммуникантов, отношения между участниками речи; социоэтнические и национально-культурные особенности.

Исключительной чертой образования вежливых форм именных частей речи является добавление к именной основе формантов вежливости – десемантизированных единиц, обозначающих части тела человека: *qa²³* «рука», *u¹* «голова», *ku¹* «тело» и др. Например: *qa¹-ngy¹* «деньги» (вежл.) – *ngy¹* «деньги» (нейтр.); *u¹ xa¹* «шапка» (вежл.) – *xa²* «шапка» (нейтр.) *ku¹ cong¹* «торговля» (вежл.) – *cong¹* «торговля» (нейтр.); Однако встречается немало разнокоренных именных основ: *gu¹* (нейтр. стиль) – *gεp⁴* (вежл. стиль) «вода»; *kha¹* (нейтр. стиль) – *xε²* *ku¹* (вежл. стиль) «рот»; *sem¹* (нейтр. стиль) – *thu²⁴* (вежл. стиль) «сердце». Описание морфологических особенностей выражения категории вежливости, сделанное Ю. Н. Рерихом, расширяет представление о типологической специфике тибетского языка.

Научные работы Юрия Николаевича Рериха по тибетскому языку, включая Тибето-русско-английский словарь с санскритскими параллелями, снискавшие высокое признание отечественных и зарубежных тибетологов, – представляют кладезь мудрости и энциклопедического познания.

Литература

Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин : монография. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014, 283 с.

Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. К вопросу о графических изменениях в эволюции китайских письменных знаков в трактовке И. М. Ошанина // Востокведные чтения 2016. Языки Южной и Юго-Восточной Азии : тез. докл. межинститут. науч. конф. (Москва, 26 окт. 2016 г.). М., 2016. С. 7–8.

Рерих Ю. Н. Основные проблемы тибетского языкознания // Сов. востоковедение. 1958. № 4.

Рерих Ю. Н. Тибетский язык. М. : Изд-во вост. лит., 1961 (2001).

Рерих Ю. Н. Тибето-русско-английский словарь с санскритскими параллелями в 11 т. (Под общей редакцией Ю. Парфионовича и В. Дылыковой). М. : Наука, Вост. лит. 1983–1993.

Roerich G. N. Modern Tibetan Phonetics with Special reference to the Dialect of Central Tibet // Journal of Asiatic Society of Bengal. 1931. vol. 27, № 2. P. 285–312.

Roerich G. N. Tse-Trung Lopsang Phuntshok. Textbook of Colloquial Tibetan. Dialect of Central Tibet. Calcutta: Govt, of West Bengal; Educational Dept; Education Bureau, 1957.

УДК 8.81

А. М. Кошель, Д. М. Домашевская
Иркутский государственный университет, Иркутск

К ПРОБЛЕМЕ ОБОСНОВАНИЯ ТЕРМИНА «ЭТНОТЕЗАУРУС»

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме обоснования термина «этнотезаурус». В статье представлены основные положения теории словарей тезаурусного типа, проанализированы определения тезауруса. Рассмотрены характеристики основных типов письменности. Кроме того, описаны основные положения теории лингвистической относительности Сепира – Уорфа. Проведен краткий грамматологический анализ знаков некоторых терминов родства в языках с идеографическим и фонологическим типом письменности.

Ключевые слова: тезаурус, теория лингвистической относительности Сепира – Уорфа, этнолингвистика, письменность, этнотезаурус.

A. Koshel, D. Domashevskaya
Irkutsk State University, Irkutsk

TOWARD THE ISSUE OF THE ETHNOTHESAURUS DETERMINATION

Abstract. The article is devoted to the problem of the determination of the ethnothesaurus. This article contains the main statements of the thesaurus dictionaries theory. The authors analyze the definitions of thesaurus dictionaries. The article also focuses on the basic principles of the linguistic relativity theory. It specifies the main features of the writing systems. In addition, the article contains a brief grammatological analysis of the affinity terms of language with the ideographic type of writing.

Keywords: thesaurus, the linguistic relativity theory, ethnolinguistic, writing system, ethnothesaurus.

Язык, культура и мышление находятся в тесной взаимосвязи. Ещё в XIX в. В. фон Гумбольдт утверждал, что «язык есть орган, образующий мысль... Деятельность мышления и язык представляют поэтому неразрывное единство». Язык определяет мышление и одновременно является отражением того, как видит мир человек, т. е. является неким отражением его картины мира. Язык этноса, соответственно, дает нам представление о том, каким образом концептуализируют мир носители этого языка. Особый интерес при изучении и сопоставлении картин мира разных этносов с точки зрения отражения лексики языка представляют тезаурусы. Тезаурус – словарь, в котором представлена вся совокупность тематически сгруппированной лексики того или иного языка. Отражая лексический объем языка, тезаурус включает в себя семантические связи и корреляции лексических единиц и, тем самым, дает возможность проведения анализа и выстраивания модели картины мира того или иного этноса. То есть можно предположить, что тезаурус является одной из моделей системного представления языковой картины мира. И здесь возникает вопрос: возможно ли в рамках этнолингвокультурной парадигмы введение термина «этнотезаурус»?

Термин «тезаурус» используется в нескольких научных областях: в информатике, теории искусственного интеллекта, в психологии, в лингвистике. В данной статье термин «тезаурус» рассматривается как термин лингвистический.

Если обратиться к определениям, которые даются словарями, то, например, в толковом словаре Ожегова тезаурус – это: «1) Словарь языка, ставящий задачу полного отражения всей его лексики; 2) Словарь или свод данных, полностью охватывающий термины, понятия какой-либо специальной сферы». То есть согласно данному определению тезаурус – это, прежде всего, словарь, в котором должен быть представлен весь лексический состав определенного языка. Второе определение является более узким, здесь тезаурус отражает только терминологию какой-либо специальной сферы.

В Большой советской энциклопедии тезаурус (от греч. *thesaurós* – сокровище, сокровищница) – это «множество смысловыражающих единиц некоторого языка с заданной на нём системой семантических отношений». То есть тезаурус фактически определяет семантику языка (национального языка, языка конкретной науки или формализованного языка для автоматизированной системы управления). Отличие определения, данного в БСЭ, от рассмотренного выше в том, что здесь тезаурус определяется как словарь, отражающий не только лексический состав языка, но и смысловые отношения между единицами лексического состава.

Большой энциклопедический словарь определяет тезаурус как «1) словарь, в котором максимально полно представлены слова языка с

примерами их употребления в тексте; 2) словарь, в котором слова, относящиеся к какой-либо области знания, расположены по тематическому принципу и показаны семантические отношения (родо-видовые, синонимические и др.) между лексическими единицами». Первое определение, данное в БЭС, имеет сходство с определением, данным в толковом словаре Ожегова. И в словаре Ожегова, и в БЭС тезаурус – это словарь, отражающий всю лексику языка. Отличие в том, что в определении БЭС уточняется, что тезаурус содержит в себе лексику с примерами употребления, т. е. лексика языка представлена в тезаурусе в связи с другими лексическими единицами, что также отражает семантические отношения между лексическими единицами языка, и в этой своей части данное определение близко к определению, данному в БЭС. Второе определение тезауруса, данное в БЭС, является более узким, определяя тезаурус как словарь, в котором представлены лексические единицы, относящиеся к какой-либо области знания. Данное определение имеет сходство с определением, данным в словаре Ожегова, но только в той его части, где говорится о тезаурусе как о словаре слов определенной области знаний (терминологии). Далее определение тезауруса, данное в БЭС, имеет важное уточнение: слова расположены в тезаурусе по тематическому принципу с указанием семантических отношений.

Из рассмотренных определений наиболее полно отражающими суть тезауруса, на наш взгляд, являются те, которые включают в себя наличие в тезаурусе, кроме лексических единиц, отражения семантических связей и отношений между этими единицами. При этом во всех рассмотренных источниках тезаурус определяется, прежде всего, как словарь.

Словарь – определенным образом организованное собрание слов, обычно с приписанными им комментариями, в которых описываются особенности их структуры и/или функционирования. То есть словарь – это расположенная по определенному принципу лексика.

Говоря о подходах к расположению лексики в словарях, следует отметить два основных подхода в современной лексикографии: 1) по близости звучания и 2) по смысловой близости. Первый принцип расположения лексики – по близости звучания – лежит в основе словарей, лексика в которых расположена в алфавитном порядке. По данному принципу лексика располагается, например, в толковых, энциклопедических, терминологических словарях. Второй подход к расположению лексики реализуется в словарях идеографического типа (от греч. *idea* – «понятие, идея, образ» и *grapho* – «пишу»). Лексика в идеографических словарях сгруппирована по принципу семантической близости.

Тезаурус по своей сути является идеографическим словарем. Кроме того, тезаурусы относятся к ономаσιологическому типу слова-

рей, т. е. они представляют связь от понятия к слову, размещая слова по смысловой близости.

Слово, являясь единицей языка, имеет знаковую природу. Согласно теории Ф. де Соссюра, слово-знак есть двустороннее единство «означающего» и «означаемого», которое соотносится с предметом действительности. Звуковая оболочка слова – это план выражения; понятие, которое это слово отражает, – это план содержания. Основная функция слова заключается в выделении и обозначении объектов познаваемого мира. Как следствие, совокупность слов можно рассматривать как некое отражение или коррелят действительности. Кроме того, слово является выражением процесса познания человеком окружающего мира, процесса мышления. Язык неразрывно связан с мышлением.

Связь языка и мышления уже давно является предметом исследования ученых. Ещё в XIX в. В. фон Гумбольдт утверждал, что язык и мышление, так же как и язык и культура, едины. Гумбольдт считал, что мышление зависит от языка, язык же в свою очередь образует некий «промежуточный мир» между действительностью и мышлением. Подход В. фон Гумбольдта к изучению языка являлся антропологическим, язык должен изучаться не как самостоятельная отдельная система, а в тесной связи с сознанием и мышлением человека, с его культурой.

В дальнейшем идеи В. фон Гумбольдта о взаимосвязи языка, мышления и культуры нашли свое продолжение в трудах таких лингвистов, как Ф. Боас и его ученик Э. Сепир. Американский ученый-антрополог Ф. Боас является основоположником этнолингвистики – области языкознания, изучающей язык в его взаимосвязи с культурой. Одной из основных проблем когнитивного характера, которой учёные занимаются в рамках этнолингвистики, является исследование процесса отражения в языке культурных представлений народа, говорящего на этом языке. Этнолингвистика изучает, каким образом носители разных языков концептуализируют внеязыковую действительность, и ставит вопросы: существуют ли универсальные для всех наций объекты мира и, соответственно, универсальные понятия? В какой мере конкретный язык влияет на восприятие окружающей действительности и формирование картины мира его носителей? Кроме того, этнолингвистика также исследует средства и формы общения, характерные для конкретной социальной или этнической группы.

Центральным понятием этнолингвистики является лингвистическая относительность. Гипотеза лингвистической относительности («гипотеза Сепира – Уорфа») возникла на основе идей Ф. Боаса и Э. Сепира и была сформулирована Б. Уорфом, учеником Э. Сепира. Согласно данной гипотезе, особенности мышления и системы понятий, существующие в сознании человека, определяются тем языком, носите-

лем которого является этот человек. То есть картина мира нации формируется языком, носителем которого является эта нация. Соответственно, опираясь на данную гипотезу, можно предположить, что у носителей разных языков картины мира, системы понятий, образ мышления и способы концептуализации внеязыковой реальности будут разными. Например, в русском языке для обозначения родителей отца и родителей матери существуют два понятия: бабушка и дедушка. В английском языке «бабушка» – *grandmother*, «дедушка» – *grandfather*. При рассмотрении обозначения аналогичных степеней родства в китайском языке мы обнаруживаем, что бабушка со стороны отца – 祖母 (морфема 祖 «род» (礻 «алтарь предков» + 且 «мужской детородный орган, символ рода») + морфема 母 «мать») или 奶奶, где морфема 奶 «молоко, кормить грудью»: 女 «женщина» + 乃 «женская грудь; твой, свой (притяжательное местоимение древнекитайского языка)», бабушка со стороны матери – 外祖母 (外 «внешний» + 祖 «род» + 母 «мать») или 姥姥 (姥 «пожилая женщина, матушка»: 女 «женщина» + 老 «старый»), дедушка со стороны отца – 祖父 (祖 «род» + 父 «отец; рука, держащая символ семейной власти») или 爷爷 (爷 «отец; господин, хозяин»: 父 «рука, держащая символ семейной власти; отец» + 卩 «устар. символ власти и социального статуса»), дедушка со стороны матери – 外祖父 (外 «внешний» + 祖 «род» + 父 «отец; рука, держащая символ семейной власти»). Мы видим, что в английском и русском языках отсутствует деление на родство по линии отца и по линии матери, а также отсутствует отсылка к родовой иерархии, а именно – к продолжению рода по линии отца. И бабушка со стороны отца, и бабушка со стороны матери обозначаются одним понятием – «бабушка». В китайском языке для обозначения родственников по линии отца и по линии матери используются разные понятия, в целом маркирующие кровь матери как «внешнюю, чужую», а кровь по линии отца как «кровь рода, свою». Сама внутренняя форма слов детерминирована этнокультурным сценарием, оформившимся в ходе исторического развития китайского этноса. Аналогичная картина наблюдается, например, и при обозначении братьев и сестёр. В русском языке существует понятие «сестра», в английском языке – *sister*, в китайском языке «старшая сестра» – 姐姐 (морфема 姐: 女 «женщина» + 且 «мужской детородный орган, символ рода»; первое значение знака 姐 зафиксировано в «说文解字» «Шо вэнь цзе цзы» (I в. д. н. э. – I в. н. э.) и гласит: «народность Шу именовали мать как 姐»), «младшая сестра» – 妹妹 (妹 «младшая сестра»: 女 «женщина» + 未 «верхушка дерева»). Для обозначения брата в английском языке используется понятие «brother», в русском языке «брат», в

китайском языке «старший брат» – 哥哥 (哥 «старший брат», идеограмма, состоящая из двух морфем 可 «счастливый, довольный»; в 说文解字: «звук, песня; слово для именованя старшего», в эпоху Тан знак 哥 был одним из обращений к отцу), «младший брат» – 弟弟 (弟 «младший брат»; в 说文解字: «человек, несущий лук; связанные по порядку шкуры; в порядке очереди»). Таким образом, при именовании старших детей в семье подчеркивалась их близость к авторитету родителя, требуя соответствующего отношения и уважения со стороны младшего поколения (своеобразное проявление одной из конфуцианских добродетелей – сыновней почтительности 孝). То есть, кроме обозначения степени родства, в китайском языке также присутствует косвенное указание на возраст, сопричастность бытию, свойственному жизнедеятельности большинства представителей китайского этноса, этнокультурные характеристики, традиции и ритуал. На основе данных примеров можно предположить, что способ категоризации внеязыкового пространства носителя китайского языка имеет более детальный характер, чем, например, носителя русского и английского языков. То есть в процессе категоризации человеком окружающей действительности при наличии единых исходных данных (в нашем случае – родственных отношений) в различных языковых картинах мира формируются непохожие этнокогнитивные пространства, фиксирующиеся в те-заурусах того или иного языка.

Говоря о языке как о способе концептуализации внеязыковой действительности, необходимо вспомнить о важной его составляющей – «материальной составляющей» – письменности. Именно в письменности реализуется возможность человека зафиксировать процессы, происходящие на ментальном уровне: познание окружающего мира, наименование объектов этого мира, формирование «этноязыковой картины мира» [Готлиб, 2007, с. 8].

Являясь своего рода инструментом фиксации человеческого опыта категоризации внеязыкового пространства, письменность вместе с тем способствует и формированию этого пространства: «Являясь в общем плане основным способом сохранения человеческих мыслей, письмо является и фактом индивидуальной этнической культуры, во многом формируя ее этнокультурный и этносемантический облик» [Там же, с. 6].

Кроме того, что письменность является способом сохранения информации и принимает участие в формировании этнокультурного облика той или иной нации, письменность также участвует в «семантическом членении мира» [Там же, с. 7]. То есть письменность помогает не только в обозначении объектов мира, но и несёт в себе смыслоразличительную функцию.

На сегодняшний день существует несколько типов письменных систем, среди которых наиболее распространенными являются алфавит и идеографическое письмо. Идеографическая письменная система предшествовала появлению алфавитной.

Ю. С. Степанов в книге «Константы мировой культуры» рассматривает письменность в качестве целостной семиотической системы. В данной семиотической системе он выделяет «план содержания», «план выражения», «синтагматику» и «парадигматику» [Степанов, Проскурин, 1993, с. 30]. В качестве плана содержания письменности выступает единство единиц различного уровня языка (звуковых, слоговых, словесных, числовых и т. п.). Кроме того, к плану содержания относятся и семантические ассоциации между самими знаками (буквами) и их именами, с одной стороны, и различными явлениями культуры – верованиями, обрядами, мифами, с другой. К плану выражения относятся графические символы во всем многообразии, которые используются в том или ином языке для обозначения единиц различного уровня данного языка. Последовательность письменных знаков в тексте – это синтагматика письменности; расположение письменных знаков в системе и их соотношенность друг с другом – это парадигматика письменности.

На основании того, что письменность рассматривается как целостная семиотическая система, появляется возможность типологической классификации письменности [Гамкрелидзе, 1989, с. 9]. С точки зрения «плана содержания» письменности можно выделить два основных типа письменности: семасиографию (или идеографию) и фонографию.

В идеографических системах письменности обозначается конкретное понятие, а не звуковая сторона языка. То есть в письменных системах данного типа «план содержания» языка отображается непосредственно в письменных знаках. Кроме того, данные письменные знаки обозначают какие-либо универсальные понятийные категории. Говоря о «плане выражения» данного типа письменных систем, следует отметить, что письменные знаки этих систем графически могут быть похожими на те объекты реального мира, которые они обозначают. Идеографическая письменность – это вид письменности, в котором знаки передают некие смыслы через изображения ассоциированных с этими смыслами конкретных объектов. Такие системы также характеризуются как «пиктографические».

Фонографические типы письменности – те типы письменности, в которых «означающие» знаков соотносятся со звуковой стороной определенного языка, а не с универсальными понятийными категориями. В данных типах письменности «означаемыми» являются не понятия, а слова [Гамкрелидзе, 1989, с. 11]. В системах фонографического типа письменность соотносится с речью. В таких системах «планом содержания» является звуковая форма языка, т. е. слово, слог или отдельный

звук рассматриваются в качестве «означаемых» графических знаков письменной системы. Фонографическая система, в которой письменные знаки выражают отдельные звуки, называется «алфавитной системой» или «алфавитом» [Ожегов, Шведова].

Пространство письменности того или иного народа во всей ее своеобразности и способности репрезентировать актуальное этнолингвокультурное видение окружающей действительности по сути является «сокровищницей» той или иной этнолингвокультуры. Письмо само в себе является аксиологическим звеном культуры. Если рассматривать пространство некой этнолингвокультуры как одну из предметных областей современных лингвокогнитивных исследований, то письменность этой этнолингвокультуры вполне можно определить как «один из действенных инструментов описания» этой области. Особенным образом эта прикладная инструментальность проявляет себя при рассмотрении идеографического типа письма, где грамматологический аспект функционирования языковых единиц играет важную роль в процессе исследования этнолингвокультурных знаков (мифов, ритуалов, словарей, канонов, гипонимов, гиперонимов, явления пликация и т. д). Таким образом, видится необходимым привести термин, который содержит в себе весь описательный потенциал «одного из инструментов исследования этнолингвокультурного пространства». На наш взгляд, наиболее подходящим будет термин «этнотезаурус». Под этнотезаурусом мы понимаем совокупность сведений, полномерно охватывающих функционирование того или иного этнолингвокультурного пространства. Так, говоря об этнотезаурусе пространства письменности, мы подразумеваем всю совокупность письменных знаков того или иного этноса, являющую собой, уже, внутри- и межэтническое средство коммуникации, шире – инструмент для исследования процессов лингвокогнитивной деятельности представителей этого этноса.

Предпринятая нами попытка анализа знаков некоторых терминов родства в наличествующих пространствах письменности (фонографической и идеографической) иллюстрирует важность учета грамматологического аспекта существования тезауруса национального языка, а сам тезаурус идеографического письма возможно рассматривать как одну из моделей этнокогнитивной парадигмы.

Литература

Гамкрелидзе Т. В. Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность (Типология и происхождение алфавитных систем письма). Тбилиси, 1989. 349 с.

Готлиб О. М. Основы грамматологии китайской письменности. М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. 284 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.com/words/35551.shtml> (дата обращения: 20.10.2017).

Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М. : Наука, 1993. 147 с.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
МАСТЕРСТВА С ВЫСШИМИ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ
В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ ШКОЛЬНИКОВ
К ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЕ ПО КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ**

Аннотация. Рассматриваются разные форматы сотрудничества Центра педагогического мастерства с высшими учебными заведениями в процессе подготовки московской сборной к Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку. Автор рассказывает о том вкладе, который внесли профессорско-преподавательские составы МГИМО, МГУ ИСАА, Восточного факультета СПбГУ и других вузов в успешное выступление московских школьников на заключительном этапе Олимпиады. Также представлены и проанализированы результаты опроса учащихся по поводу продолжения изучения китайского языка в вузах.

Ключевые слова: Всероссийская олимпиада школьников, китайский язык, преемственность «школа – вуз», интеллектуальное соревнование, синология.

V. Kruglov

Center of Pedagogical Proficiency, Moscow

**THE COOPERATION BETWEEN THE CENTER OF PEDAGOGICAL PROFICIENCY
AND RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE PROCESS OF PREPARING
SCHOOLCHILDREN TO THE ALL-RUSSIAN CHINESE LANGUAGE OLYMPIAD**

Abstract. The article discusses the different formats of cooperation between the Center of Pedagogical Proficiency and universities in the process of preparing Moscow team for the All-Russian Chinese Language Olympiad. The author points out the contribution made by different universities, such as MGIMO, Moscow State University, Saint-Petersburg State University, to the successful performance of Moscow team in the final stage of the Olympiad. Moreover, the author presents and analyzes the results of a survey concerning the study of the Chinese language in universities.

Keywords: All-Russian Olympiad, Chinese language, succession «school-university», intellectual competition, sinology.

Всероссийская олимпиада школьников по китайскому языку (далее – Олимпиада) является одним из самых престижных конкурсов в области языкознания для детей, заинтересованных изучением китайского языка. С каждым годом география Олимпиады расширяется, если в 2017 г. в заключительном этапе участвовали представители 13 регионов Российской Федерации [Заключительный этап Всероссийской ...], то в 2018 г. их уже было 26 [Олимпиада, 2018]. Это, безусловно, говорит о том, что все больше и больше учащихся проявляют интерес к изучению этого достаточно трудного восточного языка, хотят продемонстрировать свои навыки и умения в условиях конкурса, показать высокий уровень владения иностранным языком и знания лингвострановедческих реалий Поднебесной.

В свою очередь, возрастающий интерес школьников к изучению китайского языка ставит перед учителями и преподавателями новые задачи, а именно освоение методики подготовки к различного рода интеллектуальным соревнованиям. В Москве такая подготовка ведётся в Центре педагогического мастерства¹.

Ежегодно проходит отбор самых сильных и талантливых учащихся, которые в течение года проходят курс подготовки к интеллектуальным соревнованиям по китайскому языку на бюджетной основе. Форматов подготовки несколько. В первую очередь, это очный курс, который начинается в сентябре и заканчивается в апреле – как раз когда и проходит Заключительный этап Олимпиады. Весь курс разделён на дисциплины, а именно: «Аудирование», «Чтение», «Лексико-грамматический аспект», «Лексикология китайского языка», «Лингвострановедение Китая», «История искусства Китая», «Стилистика китайского языка», «Фразеология китайского языка», «Мультимедийный комплексный курс общего перевода китайского языка», «Навыки устной речи». Со временем появляются новые дисциплины, что отвечает тем изменениям, которые с каждым годом вносятся в Олимпиаду в целях ее усовершенствования. Весь очный курс проводится тренерским составом сборной Москвы.

Безусловно, было бы сложно качественно подготовить московских школьников без привлечения вузовских преподавателей, поэтому Центр педагогического мастерства активно сотрудничает с различными вузами России и ближнего зарубежья. Таким образом, в области подготовки к соревнованиям по китайскому языку сотрудничество ведётся с такими вузами и подразделениями вузов, как Московский государственный институт международных отношений МИД России (МГИМО), Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета (МГУ ИСАА), Факультет глобальных процессов Московского государственного университета (МГУ ИСАА), Военный университет Министерства обороны РФ (ВУМО), Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), Белорусский государственный университет (БГУ) и Принстонский университет США. Этот список постоянно пополняется, так как открываются все новые направления подготовки, количество одаренных детей, обучающихся в ЦПМ, непрерывно растёт.

¹ Центр педагогического мастерства организует работу по развитию таланта школьников Москвы, координирует проведение школьного и муниципального этапов Всероссийской олимпиады школьников, проводит региональный и готовит московских учащихся к заключительному этапу.

Стоит начать с составителей заданий Олимпиады, а именно с преподавателей Кафедры восточной филологии МГЛУ. Активного участия в подготовке московской сборной они, впрочем, не принимают, что объясняется так называемым карантинном между участниками Олимпиады и жюри, но оказывают методическую помощь тренерскому составу. Тут также стоит отметить, что на заключительный этап в каждом году привлекаются новые члены жюри от принимающей стороны, как правило, это преподаватели китайского языка Института Конфуция – вуза-организатора. Таким образом, собирается независимая комиссия, в которой обязательно участвует специалист из Китая, что гарантирует прозрачность и справедливость оценивания участников Олимпиады. Помимо жюри, также существует Центральная предметно-методическая комиссия (председателем является глава жюри), которая осуществляет проверку и перепроверку правильности заданий Олимпиады, учитывает психологические и интеллектуальные способности школьников при составлении вопросов, усовершенствует задания Олимпиады в целях справедливого конкурса между школьниками, изучающими китайский язык как иностранный. В последний год произошло сокращение этой комиссии, если раньше в ней были представители 8 вузов России, включая такие вузы, как МГЛУ, МГУ, ДВФУ, РГПУ имени А. И. Герцена, СПбГУ (Восточный факультет), ИГУ, МГПУ, РГГУ [Приказ Минобрнауки России № 1497], то сейчас в ней остались преподаватели только из 4 вузов (МГЛУ, РГГУ, МГУ и ДВФУ) [Приказ Минобрнауки России № 999].

Многие вузы, в которых преподавание китайского языка уже стало доброй традицией и где были заложены основы отечественной синологической школы, также принимают активное участие в подготовке московской сборной. В декабре 2017 г. члены и кандидаты сборной Москвы прослушали курс лекций преподавателей и профессоров кафедры китайской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Курс был построен таким образом, что имел практическое применение к успешному выполнению заданий разных разделов Олимпиады. Московские учащиеся обогатили свои знания по лингвострановедению Китая благодаря лекциям заведующего кафедрой китайской филологии, профессора, д-р филол. наук А. Г. Сторожука и первого заместителя декана Восточного факультета, канд. филол. наук А. А. Родионова, постигли трудности китайской грамматики на занятиях с доцентом, канд. филол. наук Е. Н. Колпачковой и освоили азы художественного перевода с профессиональными переводчиками – преподавателями кафедры канд. филол. наук Е. И. Митькиной и Н. Н. Власовой. Помимо аудиторных занятий, дети посетили Кунсткамеру и Эрмитаж, где подробно ознакомились с

китайской и дунхуанской коллекциями. Подобные выездные мероприятия способствуют не только углубленной подготовке сборной, но и успешной профориентационной работе с будущими абитуриентами. На осень 2018 г. тренерским составом запланировано два выезда: сборной Москвы в БГУ и резерва сборной на Восточный факультет СПбГУ.

Другим вузом-партнером в подготовке московских школьников к Всероссийской олимпиаде по китайскому языку является МГУ. С момента проведения олимпиады два подразделения МГУ, Институт стран Азии и Африки и Факультет глобальных процессов, проводят Летнюю школу по подготовке к олимпиаде в августе и лекционный курс в феврале–марте. Слушатели летней школы отбираются из числа самых сильных учащихся общеобразовательных учреждений, где китайский язык изучается как первый или второй иностранный. Занятия в летней школе МГУ ведутся либо преподавателями кафедры китайской филологии МГУ ИСАА, либо преподавателями-китаистами кафедры иностранных языков Факультета глобальных процессов. Как правило, это все преподаватели-практики, авторы широко используемых учебников и учебно-методических пособий по китайскому языку. Более того, с 2016 г. МГУ проводит собственную Олимпиаду для школьников «Изучаем китайский язык!» в сотрудничестве с Центром педагогического мастерства. Лексико-грамматическая часть Олимпиады МГУ затрагивает гораздо больше разделов нормативной грамматики китайского языка, чем Всероссийская олимпиада школьников. Это в первую очередь помогает выявить слабые стороны сборной Москвы и скорректировать эти упущения в процессе подготовки в ЦПМ, ведь все ошибки участников разбираются и объясняются преподавателями МГУ, а они, в свою очередь, консультируют тренерский состав сборной Москвы в том, каким темам стоит уделять особое внимание. Таким образом, довольно успешный тандем «МГУ – ЦПМ» играет важную роль в процессе подготовки сборной Москвы к Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку.

Формат работы с вузами на этом не заканчивается. В течение каждого семестра в ЦПМ проводится серия мастер-классов ведущих китаеведов и синологов, на которые приглашаются не только слушатели очного курса ЦПМ, но и все учащиеся московских школ, интересующиеся изучением китайского языка. Тематика мастер-классов достаточно широкая: от фонологии китайского языка путунхуа до стратегического мышления китайцев. В 2018 г. прошло 7 мастер-классов, среди них три было проведено представителями МГИМО МИД России (ведущий кафедрой китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков, профессор, д-р филол. наук А. Н. Алексахин, «Фонология китайского языка путунхуа»; доцент той же кафедры, канд. пед. наук

О. А. Масловец, «Успешное выступление на Устном туре Олимпиады: методика подготовки», и преподаватель военной кафедры А. Н. Николаев, «Методика выполнения заданий части «Чтение» Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку»), два мастер-класса провели преподаватели МГУ ИСАА (доцент кафедры китайской филологии, канд. филол. наук С. В. Никольская, «Традиционные китайские романы эпох Мин и Цин» и старший научный сотрудник, канд. полит. наук. А. А. Сергеева, «Политическая система Китая»), один мастер-класс был проведен начальником кафедры дальневосточных языков, полковником Л. А. Радус по стилистике китайского языка. Среди экспертов, проводивших мастер-классы, были представители и дальневосточной синологической школы, так, достаточно интересную тему китайского стратагемного мышления подняла преподаватель кафедры иностранных языков БГПУ, канд. филол. наук Я. А. Журавлева.

Преподаватели и профессора, проводящие мастер-классы, не только хорошие лекторы, но и высококлассные специалисты, которые консультируют тренерский состав сборной Москвы. Например, Ольга Александровна Масловец, будучи крупнейшим в России лингводиактом и методистом в области китайского языка, оказывает непрерывную помощь в правильном выстраивании методики подготовки сборной. По этому направлению мы сотрудничаем и с зарубежными вузами. В феврале 2016 г., посещая Принстонский университет, нам удалось получить очень ценную консультацию заведующего кафедрой китайского языка Чоу Чипина, который вручил свои труды главному тренеру сборной Москвы и дал рекомендации по выстраиванию успешной подготовки команды к выступлению на Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку. До сих пор поддерживаются дружеские и партнёрские связи между ЦПМ и Принстонским университетом в области китайских филологических исследований.

Как и было отмечено, вовлечение вузов в процесс подготовки сборной Москвы к ВсОШ по китайскому языку ставит не только практическую образовательную цель, но и профориентационную.

Нами был проведён следующий опрос:

1. Профессорско-преподавательский состав какого вуза внёс наибольший вклад в Ваше успешное выступление на Олимпиаде?

- a) МГУ (ИСАА и ФГП)
- b) МГИМО
- c) СПбГУ

2. В каком вузе Вы бы хотели продолжить изучение китайского языка?

- a) МГУ
- b) МГИМО

- c) СПбГУ
- d) НИУ ВШЭ
- e) МГЛУ
- f) КФУ
- g) вузы КНР

3. В рамках какой специальности Вы бы хотели изучать китайский язык?

- a) зарубежное регионоведение
- b) дипломатия и внешняя политика РФ
- c) филология
- d) педагогика
- e) экономика
- f) юриспруденция
- g) культурология

4. Что для Вас делает привлекательным изучение китайского языка?

- a) перспективы российско-китайского сотрудничества
- b) интерес к восточной культуре
- c) желание работать в сфере международных отношений
- d) желание преподавать китайский язык
- e) возможность уехать в Китай жить и работать
- f) большая востребованность специалистов со знанием китайского языка

го языка

Результаты данного опроса представлены на рис. 1, 2, 3.

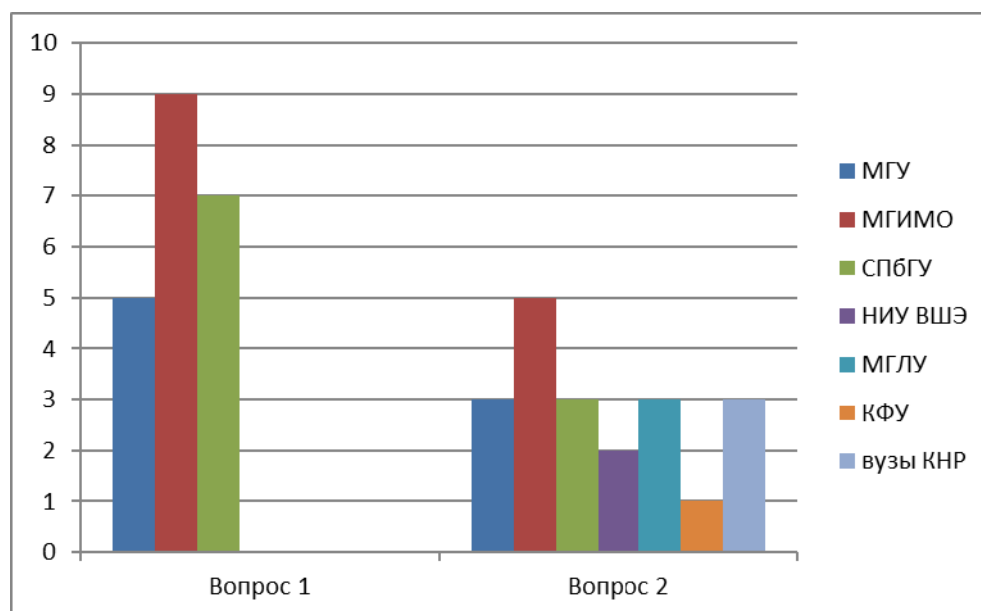

Рис. 1. Результаты опроса (вопросы 1, 2)

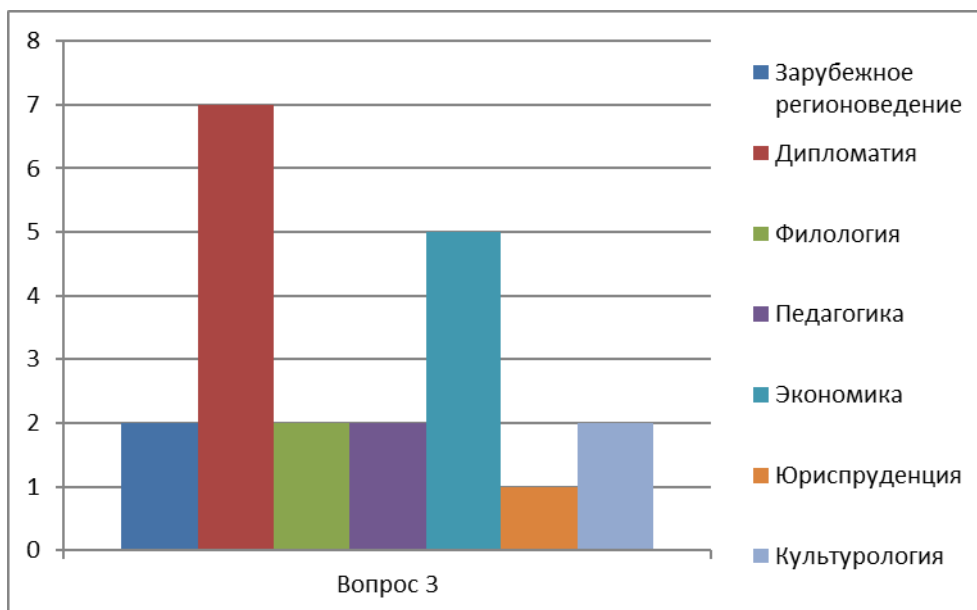

Рис. 2. Результаты опроса (вопрос 3)

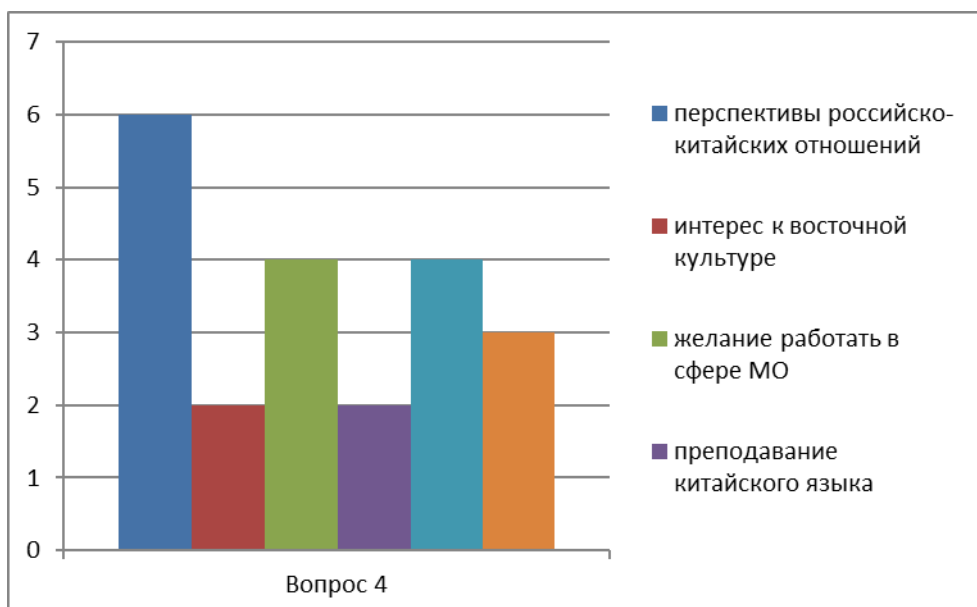

Рис. 3. Результаты опроса (вопрос 4)

Анализируя результаты опроса, можно отметить:

1. Большинство школьников считает, что именно лекции профессорско-преподавательского состава кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков и военной кафедры МГИМО МИД России оказали значительную помощь в выполнении заданий Олимпиады.

2. Также учащиеся, которые были в Санкт-Петербурге на учебном выезде, единогласно отметили, что преподаватели и профессора Восточного факультета СПбГУ внесли большой вклад в их призерство и победу на различных этапах Олимпиады.

3. Результаты опроса по второму пункту были закономерны. Преподавателям МГИМО удалось заинтересовать школьников своими лекциями и вызвать у них желание продолжить изучение китайского языка в МГИМО. Еще одним фактором популярности этого направления стало то, что в МГИМО есть продолжающие группы с изучением китайского языка.

4. Большинство учащихся отметили, что хотели бы работать в сфере международных отношений или связать свою будущую карьеру с экономикой. Такие направления, как педагогика, филология и культурология, вызывают сравнительно небольшой интерес у московских школьников, а юриспруденция и вообще занимает последнее место в этом пункте.

5. В связи с «разворотом на Восток» активизировалось сотрудничество России и Китая во многих областях. Школьники, изучающие китайский язык и осведомленные о последних политических событиях, хотят выстраивать сотрудничество с Китаем, прекрасно понимая, насколько это направление перспективно для нашей страны.

Итак, в связи с развитием российско-китайского сотрудничества изучение китайского языка в России получило новый импульс. Всероссийская олимпиада школьников по китайскому языку и огромное внимание к ней со стороны Министерства просвещения Российской Федерации говорит о том, что требуются специалисты с хорошим знанием китайского языка. Чтобы подготовить высокопрофессиональных специалистов, необходимо привлекать академическую среду, чем активно и занимается Центр педагогического мастерства в процессе подготовки одаренных школьников к Олимпиаде. За последние годы было выстроено плодотворное сотрудничество с рядом ведущих вузов в области китайских исследований и преподавания китайского языка. Подобное взаимодействие играет важную роль в создании преемственности «школа – вуз» и закладывает прочный фундамент будущей отечественной синологической школы.

Литература

Заключительный этап Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку (10–16 апр. 2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://amurigo.ru/olimpiada-shkolnikov> (дата обращения: 20.06.2018).

Олимпиада 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.vspu.ru/olymp2018/> (дата обращения: 20.06.2018).

Об утверждении состава центральных предметно-методических комиссий всероссийской олимпиады школьников : приказ М-ва образования и науки РФ (Минобрнауки России) № 1497 от 21 дек. 2015 г.

Об утверждении состава центральных предметно-методических комиссий всероссийской олимпиады школьников : приказ М-ва образования и науки РФ (Минобрнауки России) № 999 от 4 окт. 2017 г.

ТРАДИЦИИ КОРЕЙСКОЙ КУХНИ: ПОВСЕДНЕВНАЯ ПИЩА

Аннотация. Рассматривается одна из ключевых составляющих традиционной корейской кухни – повседневная пища. Обосновывается актуальность изучения данной тематики, решается ряд задач: 1) выделить основные составляющие блюд повседневной корейской кухни, 2) проанализировать, под воздействием каких факторов формировался повседневный рацион в Корее, 3) определить значение пищи в жизни корейцев. Авторы приходят к выводу, что исторические события, культура, национальные особенности, религиозные верования и географическое положение Кореи оказали большое влияние на национальные кулинарные особенности. Что касается проникающих в Корею иностранных блюд и кулинарных приемов, то они, за некоторыми исключениями, не становятся частью обычного домашнего уклада, а остаются экзотикой.

Ключевые слова: этнография, культура питания, Корея, рацион, ежедневное меню, традиция.

O. Kuznetsova, N. Karacheva
Irkutsk State University, Irkutsk

TRADITIONS OF KOREAN CUISINE: EVERYDAY FOOD

Abstract. The article deals with everyday food that constitutes one of Korean traditional cuisine key components. It shows the relevance of the phenomenon. The following research tasks are solved in the article: 1. To sort out basic components of everyday Korean meals; 2. To analyze which factors influenced the formation of everyday diet in Korea; 3. To value the role of food in Korea. The authors come to the conclusion that various historic events, culture, national features, religious beliefs and geographical position influenced Korean cuisine. As for dishes and culinary methods borrowed from other countries, they usually remain exotic.

Keywords: ethnography, nutritional education, Korea, diet, everyday menu, tradition.

Историки и этнографы уже неоднократно отмечали, что в любой стране и в любую эпоху традиции питания являются одним из наиболее консервативных и устойчивых элементов бытовой культуры. Изучение культуры питания различных народов – важнейший раздел современной этнографии. Представляется возможным согласиться с утверждением о том, что особую значимость изучение культуры пищи приобретает, когда речь идет о Корее – стране, где царит культ еды. В Корее еда никогда не воспринималась только как источник энергии для поддержания процессов жизнедеятельности организма. К пище относились как к величайшему дару, который помогает обрести здоровье, успокоить душу, гармонизировать жизнь человека и пространство вокруг него. Как пишет Т. М. Симбирцева [2000], «еда не только украшает праздники и обряды, сопровождает в горе и радости. Она мерило добродетели и благосостояния, индикатор патриотизма, отрада души и тела, предмет мыслей, а также гордости или зависти, показатель хода времени (о нем

говорит сезонная еда), залог здоровья и лекарство, объект изучения в университетах, средство заработать деньги и их потерять, двигатель технического прогресса. Можно сказать, что все это справедливо для любого народа. И все-таки для корейцев это справедливо втройне».

Целью данной статьи является изучение одного из крупных разделов традиционной корейской кухни – ежедневного меню.

Культура питания в Корее как часть материальной культуры сложилась исторически, эволюционируя в соответствии с природно-климатическими условиями, способами ведения хозяйства, общественно-экономическим укладом и образом жизни.

В начале XX в. автор обзорных иллюстрированных путеводителей по странам Азии Ангус Хамилтон напишет в своей книге «Корея» (1904), что корейцы всеядны. Птицы, животные, рыбы – всё им по вкусу. В определенное время года собачатина пользуется большой популярностью; свинина и говядина, еще сочащиеся кровью; домашняя птица и дичь, непотрошенные и приготовленные с головой и когтями, рыба, высушенная на солнце и зловонная – всё съедается.

Не подлежит сомнению тот факт, что географические и климатические условия во многом повлияли на развитие корейской кухни. Корейский полуостров, со всех сторон окруженный морем, невелик, его площадь около 220,8 тыс. км², протяженность с севера на юг около 1000 километров. Максимальное расстояние до моря даже в самых «континентальных» районах страны не превышает 300 км, а подавляющее большинство населения сосредоточено в прибрежных районах. Около 70 % территории занимают холмы и горы, этим объясняется отсутствие пастбищ. В гористой местности встречается большое количество дикорастущих растений и трав, которые издавна используются в пищу. Большое количество муссонных дождей в летний период делает территорию Корейского полуострова идеальным местом для выращивания риса.

В ходе проведенного исследования нами были выделены основные составляющие блюд корейской кухни: 1) рис, 2) большое количество овощей, дикорастущих трав в сыром или обработанном виде, 3) красный перец, который является компонентом большинства приправ, 4) различные виды морской и речной рыбы, морепродукты, 5) со второй половины XX в. – свинина, говядина, курятина, в большинстве своем импортируемые в Корею. Рассмотрим каждый элемент повседневного меню подробнее.

Рис. В сельском хозяйстве Кореи рис является основной зерновой культурой. В 1965 г. доля риса в общем производстве зерна в Корее составляла 53,7 %, к 1980 г. она возросла до 66,7 %, а в 1991-м – до 86,3 %. В настоящее время Корея полностью обеспечивает свои потребности в рисе [Ким, 2010].

Для корейцев рис – неотъемлемая часть стола, как хлеб для многих европейских народов. Рис – это больше, чем просто продукт, это часть культуры и цивилизации. Выбрасывать остатки риса недопустимо. Рис символизирует бессмертие, духовную пищу, изначальную чистоту, славу, солнечную энергию, знание, изобилие, счастье и плодородие.

Приготовленный рис (밥) представляет наиболее сбалансированную еду, которая лучше всего отражает идею о гармонии мира и пяти элементах, заимствованную в Китае: для приготовления риса необходимо: 1) промыть рис и залить водой (элемент «вода»), 2) поместить вместе с водой в чугунный котел (элемент «металл»), 3) поставить котел на земляную печь (элемент «земля»), 4) дровами развести огонь и приготовить рис (элементы «дерево» и «огонь»).

Неоспорим тот факт, что между жизнью общества и лексикой языка имеется очень тесная связь. Очевидным примером из видимой, материальной, сферы может служить пища. Существует несколько лексем со значением «рис»: 벼 – рис неочищенный; 밥 – вареный рис; 쌀 – рис (как крупа); зерна риса. Значимость риса для корейцев подтверждает то, что в их культуре особенно важную роль играет слово 밥 – «вареный рис». Это слово общеупотребительное и часто встречается в пословицах, изречениях, идиоматических выражениях, кроме того, слово 밥 обозначает не только рис, но и еду в целом, прием пищи [Pettid, 2008].

Когда корейцы спрашивают друг друга, ели ли они, они говорят: «밥을 먹었습니까?», т. е. если переводить буквально: «Ели ли Вы вареный рис?» В корейском языке встречается большое количество фраз и выражений со словом «рис», которым не всегда можно найти аналог в русском языке. И по этой причине при переводе этих выражений на русский язык слово «рис» опускается:

밥때 – время обеда, время приема пищи;

밥을먹다 – принимать пищу, кушать;

밥맛이 있다 – иметь хороший аппетит (밥 – «рис»; 맛 – «вкус»; 있다 – «быть»); дословно: наличие вкуса),

밥맛이 없다 – нет аппетита, плохой аппетит (дословно: отсутствие вкуса);

밥맛 나게 하다 – вызывать (пробуждать) аппетит (맛 – «вкус»; 나게 하다 – «обновлять»);

밥맛이 떨어지다 – потерять аппетит;

밥상을 드리다 – подавать на стол (밥 – «рис»; 상 – «стол»; 드리다 – «давать»);

밥상을 치우다 – приготовить обеденный стол, т. е. убрать с него все лишнее (치우다 – «убирать»; «приводить в порядок»);

밥상에 올리다 – подавать еду, блюда (올리다 – «давать»; «преподносить»);

밥상을 받다 – сесть за стол (받다 – «получать»);

밥상을 차리다 – накрывать на стол, сервировать стол (차리다 – «готовиться к чему-либо»; «наряжаться»);

밥투정을 하다 – жаловаться на недостаток еды, ворчать из-за нехватки еды (투정 – «клянчить»; «выпрашивать»);

밥통하다 – привередничать, капризничать (за столом);

밖에서 밥을 먹다 – кушать вне дома (밖에서 – «снаружи»; 먹다 – «есть»);

진동한동 밥을 먹다 – перекусить по-быстрому;

밥을 먹다 – зарабатывать на жизнь (먹다 – «есть»; дословно: кушать рис);

밥술을 먹다 – жить средне, не богато и не бедно (дословно: есть неполную ложку риса);

밥줄이 끊어지다 – потерять работу (밥줄 – «источник существования»; 끊어지다 – «ломать»; «прерываться»);

밥 먹듯 하다 – иметь склонность к чему-либо; не стесняться делать что-либо (дословно: делать что-либо, словно кушать вареный рис) [Кузнецова, 2016, 2017].

Кроме риса, корейцы выращивают также ячмень, гречиху, пшеницу, кукурузу. Однако все эти злаки играют подчиненную роль по отношению к рису. Наряду со злаковыми, большое значение в корейской кулинарии имеют бобовые культуры, в особенности соя. В пищу используются как обычные, так и слегка пророщенные соевые бобы. Кроме сои, корейцы едят фасоль угловатую, а также горох и зеленые бобы маш [Ланьков, 2000].

Овощи. Ни одно корейское блюдо не считается законченным без овощей, поданных отдельно в виде закусок – *панчхан* (кор. 반찬) или добавленных в блюдо.

Система «закусок» – это то, что кардинально отличает «хлебоедящую» кулинарную культуру от «рисоедышей». В странах, где рис

является основой рациона, невозможно отделить главное блюдо от дополнительных, они приобретают свое значение только во взаимном контексте [Кузнецова, 2013].

В прежние времена в зависимости от общественного положения и семейного благосостояния столы делились на категории в зависимости от количества панчханов, к примеру, стол из пяти, семи, девяти или двенадцати панчханов. В зависимости от блюда овощи могут быть приготовленными или сырыми, приправленные специями или без специй. Помимо овощей, выращиваемых на полях, корейцы широко используют дикое растения и травы, которые собирают в горах. Распространение овощей в корейской кухне частично объясняется особенностями географического положения и климата, благодаря которым на полуострове большое количество дикорастущих растений. Кроме того, известно, что суровые условия, многочисленные войны и голод часто вынуждали людей искать альтернативные виды пищи. Третьей причиной распространения овощей является буддистская диета, доминирующая в период Корё и сохранившаяся в дальнейшем [Pettid, 2008].

Что касается завезенных из других стран овощей, таких как картофель, батат, помидоры, белокочанная капуста, они менее популярны, помидоры считаются в Корее фруктами. Широко используется редька, которая, как и капуста, служит главным сырьем для приготовления острых маринованных овощей. Маринованная редька очень часто подается на стол в качестве приправы. Корейцы часто едят и листья некоторых растений: корейской полыни, пастушьей сумки, аралии и др. Листья этих растений обычно потребляют в сыром виде, заедая ими те или иные блюда. В состав очень многих корейских блюд в больших количествах входят лук и чеснок, которые едят также и сырыми. Своеобразным продуктом, весьма важным для корейской кулинарии, являются молодые побеги папоротника [Ланьков, 2000].

Традиция добавлять в блюда различные овощи и зелень в Корее уходит корнями во времена доаграрного общества, кроме того, она значительно обогатилась благодаря знакомству корейцев с буддистскими верованиями, согласно которым человек должен воздерживаться от употребления в пищу мяса. В тяжелые времена женщины и дети, особенно девочки, собирали съедобные травы в окрестностях, этот способ добычи пищи описан во многих народных корейских песнях [Pettid, 2008].

Знания о съедобных травах передавались из поколения в поколение в устной форме, кроме того, достаточно рано стали издаваться специальные пособия: в середине XIII в. появился медицинский справочник «Народные средства для оказания первой медицинской помощи», который включал много сведений о лечебных свойствах часто встречающихся в Корее трав. В 1554 г. в связи с неурожаем был впервые опубликован «Краткий справочник, как справиться с голодом». В работе пе-

речислен 851 вид съедобных растений и трав, даются необычные рецепты, например, как приготовить кашу из сосновых иголок или муку из коры вяза [Pettid, 2008].

В подтверждение популярности овощей в Корее приведем цитату из книги Т. М. Симбирцевой «Корея на перекрестке эпох» [2000]: «Кажется, нет ничего, что не шло бы у корейцев в пищу. На рынках и в универсамах рядом с горами известных в России даров природы высются горы и охапки того, о чем мы и представления не имеем: тонкий дикий лук пучку, листья кунжута, полынь, шпинат, разные вида салата, горный чеснок, «мышинная трава», корни колокольчика, лотоса и салата, папоротник, разнообразные горох и бобы – зерно и ростки, пастушья сумка, омежник лежачий. ... Я называю только то, что смогла найти в словаре, но намного больше такого, что в словаре не приводится».

Фрукты и ягоды. Известно, что корейцы едят мало сладкого, роль десертов в корейской кулинарии выполняют фрукты и ягоды. Наибольшей популярностью пользуются яблоки, груши, персики, абрикосы, дыни (небольшие, специфической формы), мандарины, хурма, клубника. Некоторые из этих фруктов и ягод входили в корейский рацион с древних времен, другие появились сравнительно недавно. Например, распространение клубники стало возможным только после того, как в корейском сельском хозяйстве стали применять теплицы, а произошло это в середине пятидесятых годов XX в. В конце 1960-х гг. в Корее появились черника, голубика, садовая малина (дикорастущая малина в стране известна, но почти не употребляется в пищу), однако эти ягоды и сейчас остаются экзотикой, в отличие от клубники, которая пользуется огромной популярностью [Ланьков, 2000].

Соусы и приправы. Корейскую кухню нельзя представить без основных видов соусов: *канчжан/канджан* (кор. *간장*), *твенчжан/твенджан* (кор. *된장*) и *кочхучжан/кочхуджан* (кор. *고추장*), которые используются при приготовлении многих блюд.

Канчжан – жидкий соевый соус почти черного цвета со сладко-солёным вкусом и специфическим запахом. Этот соус имеет долгую историю. День приготовления соевого соуса выбирали очень тщательно, придерживаясь определенных правил. Так, женщина, которая готовила соус, за три дня до этого не должна была выходить из дома, чтобы избежать встречи со злыми духами.

Соевую пасту (*твенжан*) древние корейцы стали готовить одновременно с соусом канчжан. Мясо для корейцев было малодоступной едой, поэтому соевые бобы были хорошим источником недостающих белков. Сами соевые бобы плохо усваиваются, но твенчжан, как продукт брожения, усваивается хорошо и помогает пищеварению.

Кочхучжан делают из соевого творога, рисовой или ячменной муки с добавлением молотого красного перца, солода и соли. Это густой, как

каша, соус, темно-красного цвета, очень острый на вкус, что является его главной особенностью. Кочхучжан добавляют в супы и заправляют им салаты, его можно даже есть отдельно, в виде панчхан. Соус стали делать сравнительно недавно – в середине XVIII в., так как перец, его основная составляющая, появился в Корее только в XVI в. [Ким, 2010].

Считается, что корейская кухня использует приправы и пряности реже и умереннее, чем китайская. Помимо чеснока и лука, огромную роль в корейской кулинарии играет красный перец, который является там одной из самых любимых и широко употребляемых приправ.

Следует отметить, что формирование традиционного типа питания связано именно с адаптацией на полуострове перца, который появился в Корее достаточно недавно. Первые упоминания о нем в литературе относятся к XVI – началу XVII в., когда завезенный из Португалии в Японию красный перец попал в Корею во время вторжения в страну японских войск под предводительством полководца Хидэеси Тоётоми в 1592 г. В настоящее время он служит основой корейской национальной кухни, играя в ней почти такую же важную роль, как и рис. Как замечает Н. Б. Тянь [2004], такая популярность красного перца объясняется тем, что при его потреблении снижается потребность человеческого организма в соли. В Корее добыча соли была государственной монополией и, соответственно, соль была дорогой. Широкое распространение перец получил в XVII–XVIII вв., когда потребность в соли в Корее резко возросла. «Причина данного явления заключалась в том, что именно в это время огромное значение в общественно-религиозной жизни страны приобрела практика исполнения конфуцианских ритуалов, так как для них требовалось много рыбы, из которой делалась значительная часть жертвенных блюд. Чтобы сохранить ее в съедобном состоянии до времени проведения ритуала, необходимо было значительное количество соли – в пропорции 20 % от веса самой рыбы. Кроме того, спрос на соль существенно повышался также в период голода, когда корни трав, сосновые иглы и кора деревьев становились главными продуктами питания для простого народа. Между тем неурожаи, вызванные засухой или наводнениями, в XVII–XVIII вв., как и в позднейшие времена, были частым явлением. Поэтому, чтобы хоть как-то компенсировать недостаток соли ... корейцы и стали широко употреблять перец».

Таким образом, к XVIII в. окончательно сформировался тип питания корейцев, который включает в себя перец, причем порой в огромных количествах. Неслучайно большинство корейских блюд имеет характерный красный цвет. Данное явление имеет не только историческое объяснение. Дело в том, что в основном корейские блюда создавались как закуски и дополнительные блюда к рису, приготовленному на пару, без соли и специй; для того чтобы скрасить его пресный вкус, в них стали добавлять перец.

Кроме перца и соли, корейцы также употребляют уксус, сахар, имбирь, горчицу, кунжут.

Мясо, рыба, морепродукты. Традиционная корейская кухня практически не знала мяса. До недавнего времени мясо было продуктом дорогим и малодоступным для большинства корейцев. Это обусловлено природными особенностями Кореи – отсутствием в стране сельскохозяйственных угодий, которые могли бы быть использованы под пастбища. Данной географической особенностью объясняется и то, почему в Корее не распространены молочные продукты. Частью повседневного рациона мясо стало в Корее только в 1970-х гг. Тем не менее разрыв в его потреблении между городскими жителями и сельскими до сих пор весьма ощутим. Именно широкое употребление в пищу животных белков, которое стало одним из результатов «корейского экономического чуда», привело к тому, что рост корейцев заметно увеличился в последние годы. Так, в 1970 г. средний рост 14-летнего мальчика был 150,3 см, а в 1987 г. – уже 164,0 см [Тян, 2004].

Наибольшей популярностью среди корейцев пользуется свинина, затем говядина и, наконец, куриное мясо, которое испокон веков в Корее считалось средством повышения потенции у мужчин. В старину говорили: «Жареная курица повышает ян у мужчин». В традиционной Корее теща считала своим долгом к приходу зятя готовить курицу. Для женщин курицу тоже считали полезной, причем полагали, что специфической «женской» частью курицы являются крылышки, считалось, что в крылышках содержатся вещества, препятствующие старению кожи и, по мнению медиков, даже способствующие остановке маточного кровотечения, поэтому их использовали для укрепления женского организма после родов и прибавления молока у кормящих матерей [Там же].

За пределами Кореи широко распространено заблуждение, что собачатина является любимым национальным блюдом. На самом деле это далеко не так. Жаркое или, чаще, суп из собачьего мяса – редкость. По наблюдениям А. Н. Ланькова [2000], многие молодые корейцы гордятся тем, что никогда не пробовали собачье мясо. Идеи вестернизации, гуманного отношения к животным, быстро распространяющиеся в Южной Корее, объясняют исчезновение собачьего мяса из традиционного корейского меню. Собачатину в Корее едят в основном мужчины, считается, что это блюдо стимулирует потенцию. Собачье мясо положено есть в преимущественно мужской компании, присутствие женщин при этом не возбраняется, но им обычно заказывается другое блюдо. Даже качественно приготовленная собачатина имеет своеобразный запах, поэтому ее едят с луком и приправами, отбивающими всякое напоминание о происхождении мяса. Суп из собачьего мяса принято есть в определенные дни года, например в июле, в период изнуряющей

жары. В Корее собачье мясо подают только в немногих специальных ресторанах, и стоит оно во много раз больше, чем свинина или говядина.

Корея – полуостров, со всех сторон окруженный морем, большая часть населения которого сосредоточена в прибрежных районах, следовательно, нет ничего удивительного в том, что рыба и морские продукты играют особую роль в корейском питании, являясь главными поставщиками животных жиров. Наибольшей популярностью в Корее пользуются минтай, сельдь, скумбрия, сайра, камбала, желтая горбуша, угорь, в последнее время распространение получил тунец. Кроме того, широко применяются в кулинарии разнообразные раковины, моллюски. осьминоги и кальмары относятся к числу самых популярных продуктов питания. Широко применяются в корейской кухне крабы. Замаринованные в специальном остром соусе крабы являются одной из самых острых приправ к вареному рису.

Корейцы едят рыбу в сыром виде, жарят, сушат, добавляют в супы и закуски, прием пищи очень редко не сопровождается блюдом из рыбы или морепродуктов. Рыба, приготовленная на гриле, давно входит в рацион питания корейцев. Так обычно готовят скумбрию, рыбу-саблю, тихоокеанскую сельдь. Сушеная рыба также очень популярна, прежде всего потому, что такой способ приготовления облегчал хранение рыбы и позволял транспортировать ее в районы, удаленные от побережья [Pettid, 2008].

Вот как описывает рыбное меню Т. М Симбирцева [2000]: «Кроме разнообразной рыбы и ее составных частей – икры, молоки, жабер, хвостов и плавников, а также более или менее известных моллюсков – устриц, трубачей, рафий, мидий, кальмаров и каракатиц, в ход идут и такие невиданные у нас продукты, как «морской шприц», морские ушки, медузы и многое другое, совершенно непере译имое. Все это режется, мнется, толчется, смешивается, маринуется, томится под гнетом, жарится и парится, образуя фантастическую гамму ароматов и вкусов».

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы. Повседневный рацион в Корее достаточно разнообразен, он формировался под воздействием климатогеографических (близость к морю, преобладание гористой местности, обилие осадков летом), исторических и социальных (влияние соседних стран, большое количество военных конфликтов, преобладание социального расслоения общества), культурных и религиозных (влияние буддизма и конфуцианства) причин.

Современная Корея – страна с древними кулинарными традициями, в корейской культуре пища рассматривается как неотъемлемая часть мира, как один из центральных символов культуры в целом, она составляет основу социальной действительности, входит в состав жертвоприношений, без нее немислима сама жизнь. Следует отметить, что

хотя сейчас корейское общество, особенно молодое поколение, также подвержено процессам вестернизации, многие элементы этнической культуры корейцев сохранились и в настоящее время. По мнению исследователей, традиционная культура Кореи характеризуется относительной стабильностью, так как многие культурные коды остаются активными по сей день, в большей мере это относится к пище, напиткам и обрядам жизненного цикла.

Литература

Ким Г. Н. Республика Корея. Алматы : Дайк-пресс, 2010. 589 с.

Кузнецова А. Г. Институт королевской кухни в эпоху Чосон (1392–1897) [Электронный ресурс] // Вестн. Центра корейского языка и культуры С.-Петерб. ун-та. 2013. Вып. 15. URL: <http://koryo-saram.ru/institut-korolevskoj-kuhni-v-epohu-choson-1392-1897/> (дата обращения: 25.06.2018).

Кузнецова О. В. К вопросу о роли пищи в корейских обрядах жизненного цикла // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 30–31 мая 2016 г.). Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ. 2016. – С. 65–75.

Кузнецова О. В. К вопросу о роли пищи в корейских праздниках и обрядах годового цикла // Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 18–20 окт. 2017 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ. 2017. С. 176–183.

Ланьков А. Н. Корея: будни и праздники. М. : Междунар. отношения, 2000. 480 с.

Симбирцева Т. М. Корея на перекрестке эпох. М. : Муравей-Гайд, 2000. 256 с.

Тян Н. Б. Специфика национальной корейской кухни [Электронный ресурс] // Вестн. Центра корейского языка и культуры С.-Петерб. ун-та. 2004. Вып. 7. URL: <http://koryo-saram.ru/n-b-tyan-spetsifika-natsional-noj-korejskoj-kuhni/> (08.06.2018).

Hamilton A. Korea. New York: Elibron Classics, 1904. 358 p.

Pettid M. J. Korean Cuisine: An Illustrated History. London : Reaktion Books Ltd, 2008. 225 p.

УДК 008(73)

Е. В. Лесниковская

Иркутский государственный университет, Иркутск

МЕСТО США НА «КУЛЬТУРНОЙ КАРТЕ» МИРА

Анотация. Анализируются культурные ценности США, предписываемые им современными теориями культурных измерений. Для выборочной проверки некоторых из культурных характеристик используется вторичный анализ социологических данных. На основе сопоставления данных теорий культурных измерений и социологических опросов, а также исторически сложившихся культурных особенностей США, дается сравнительная характеристика национальным американским культурным ценностям.

Ключевые слова: США, культурные ценности, американские национальные культурные ценности, культурные измерения, культурная карта мира, национальная культура.

THE PLACE OF THE USA ON THE WORLD «CULTURAL MAP»

Abstract. The article covers the American cultural values that cultural dimensions theories assign to the country. In order to test some of the cultural characteristics in question, the author uses secondary analysis of sociological data. Basing on the comparison of the findings of cultural dimensions theories and polls as well as historically conditioned American values, the author provides an overview of American national cultural values.

Keywords: the USA, cultural values, American national cultural values, cultural dimensions, world cultural map, national culture.

Интерес к США в современном мире держится на высоком уровне. Очевидно, что он объясняется той значимой ролью, которую играет эта страна на мировой политической, экономической, культурной арене. Немаловажно и то, что изменения в конфигурации политических сил в мире, миграционный кризис, колебания региональных финансовых рынков требуют пристального внимания к внешней политике стран – крупных игроков в мировом пространстве. Непростым видится и состояние общества с усилившейся поляризацией, в первую очередь по политическим взглядам. В таком контексте видится актуальным вопрос о том, что именно формирует современную Америку как нацию и общество. Как и в любой стране, главная роль в этом принадлежит национальным ценностям.

Существует широкий ряд определений национальных культурных ценностей, общей чертой которых является постулат о том, что в любом обществе существуют идеи, верования, моральные принципы, ожидания, которые разделяются членами данного общества. Выступая гарантом упорядоченности, общественного порядка, такие идеи и принципы определяют индивидуальные и коллективные ожидания, распространенность определенных социальных практик, образа жизни. Таким образом, культурные ценности выступают одним из важнейших факторов формирования социальной реальности. Как подчеркивает А. А. Рязанцев, «...подлинную значимость в культуре имеет именно обретение социального опыта, так как культурные ценности – это уже некоторый багаж обретенного и накопленного социального опыта, лежащего в основе исторической, психологической и социальной устойчивости данной культуры» [Рязанцев, 2011]. Именно знание принятых в стране ценностей, ее культурного кода позволяет индивиду «ориентироваться» в сложной социальной реальности сегодняшнего дня.

Основные культурные ценности – это то, что составляет «культурный ДНК» страны. Культурные ценности получают особенно активное обсуждение во времена, когда национальная идентичность подвергается внешней или внутренней угрозе (или же общество *воспринимает* что-либо в качестве такой угрозы). В мировой исследовательской

практике обнаруживаются множество теорий и схем, объясняющих культурные коды стран. Одной из наиболее популярных в последнее время стала теория Р. Инглхарта и К. Вельцеля. Основываясь на данных Всемирного обзора ценностей (World Values Survey), ученые создали своего рода карту культурных ценностей стран мира. Работа над этим проектом была начата еще в 1981 г. и продолжается до сих пор, что, помимо прочего, позволяет проследить трансформацию ценностей в мире в динамике. Отправной точкой данного исследования послужили теория модернизации и теория постиндустриального общества. Р. Инглхарт развивает идею Д. Бэлла о том, что переход общества в постиндустриальную фазу позволяет индивидууму проводить больше времени не у станка, производя материальные объекты, а общаясь с себе подобными. Таким образом, индивид наращивает возможности и навыки самостоятельного принятия решения, и, как следствие, возрастает его запрос на выражение индивидуальной воли, на самовыражение [Inglehart Baker, 2000]. Исходя из этого, Р. Инглхарт выдвигает предположение о взаимосвязи роста экономического благополучия и увеличивающемся запросе на ценности самовыражения, отмечая при этом, что, хотя экономические изменения в обществе оказывают влияние на существующие ценности, в общем и целом культурные характеристики страны, обусловленные в первую очередь историко-религиозными факторами, отличаются устойчивостью [Там же].

Культурная карта мира Инглхарта – Вельцеля основывается на двух измерениях: первое измерение противопоставляет выживание самовыражению, а второе – традиционные ценности светско-рациональным [World]. Ценности выживания связаны с экономической и физической безопасностью, в то время как ценности самовыражения имеют отношение к демократическим ценностям (например, к участию в принятии решений) и индивидуальному самовыражению, самореализации. Традиционные ценности в основном представлены религиозными и семейными ценностями, в то время как светско-рациональные ценности обращены к научному взгляду на мир; мировоззрению, основанному на рациональности. Авторы теории отмечают, что анализ культурных, моральных ценностей страны в рамках двух вышеописанных измерений позволяет определить место страны на своего рода культурной карте мира. Страны со схожими ценностями образуют своеобразные культурные кластеры. Так, США входят в кластер, обозначенный как «Англоязычный». Помимо США, к нему относятся Великобритания, Ирландия, Северная Ирландия, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Формирование данного кластера видится закономерным, поскольку единый культурный фундамент этих стран не вызывает сомнения.

Европейские страны разделены по конфессиональному принципу. Так, в кластер «Протестантская Европа» входят Германия, Швеция, Да-

ния, Норвегия, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды. Культурный кластер «Католическая Европа» составляют Франция, Бельгия, Люксембург, Испания, Португалия, Андорра, Австрия, Чехия, Греция, Хорватия, Венгрия, Словакия, Словения. «Православная Европа» представлена Россией, Украиной, Белоруссией, Грузией, Арменией, Сербией, Боснией и Герцеговиной, Македонией, Албанией, Молдовой, Румынией, Болгарией. Интересно выделение такого культурного кластера, как «Балтийские страны», состоящего из Литвы, Латвии и Эстонии. В то время как в отечественной литературе такое определение является устоявшимся, в западной литературе и общественно-политическом дискурсе стран Евросоюза в последнее время возникают дискуссии по поводу определения «местоположения» балтийских стран. Например, в то время как большинство европейских источников относит данные государства к Восточной Европе или Центрально-Восточной Европе, ООН определяет их как относящиеся к Северной Европе. В то время как данный вопрос остается дискуссионным, необходимо отметить, что теория Р. Инглхарта и К. Вельцеля, очевидно, учитывает и сложившийся исторический путь стран, и особенности их общественно-политических институтов, не ограничиваясь лишь конфессиональным признаком. К «Конфуцианскому» кластеру отнесены Китай, Тайвань, Гонконг, Северная Корея и Япония. «Южноазиатский» кластер составляют Индия, Вьетнам, Таиланд и Кипр. Два оставшихся кластера обозначены как «Латиноамериканский» и «Афро-Исламский». Отметим, что в то время как включение некоторых стран в определенные культурные кластеры видится нам дискуссионным (например, включение Кипра в Южноазиатский кластер, или включение Индонезии в Афро-Исламский кластер), расположение США в Англоязычном культурном кластере представляется закономерным.

Итак, рассмотрим более подробно расположение Англоязычного культурного кластера в схеме Инглхарта – Вельцеля, а также локализацию США внутри данного кластера. Англоязычный кластер сбалансирован в отношении традиционных и светско-рациональных ценностей – ни один из двух типов ценностей не обладает значительным доминированием над другим. Что касается второго измерения (выживание vs. самовыражение), то в данном кластере очевидно доминирование самовыражения, которое, впрочем, отличается в разных странах. Наименее ценно самовыражение в Северной Ирландии, наиболее – в Канаде. Такая картина служит иллюстрацией к указанному утверждению Р. Инглхарта о том, что ценности самовыражения напрямую зависят от степени экономического благополучия – чем выше экономический уровень в стране, тем более важную роль играет самовыражение. Действительно, Северная Ирландия наименее благополучна по степени экономического состояния среди стран Соединенного Королевства.

Что касается США, то эта страна имеет высокие показатели по традиционным ценностям и ценностям самовыражения. В рамках измерения традиционных ценностей, США является одной из наиболее консервативных стран среди западных демократий. Наряду с США, к странам с высокой позицией традиционных ценностей относятся такие консервативные католические страны, как Польша, Ирландия, латиноамериканские страны (Аргентина, Бразилия), а также такие фундаментально традиционные общества, как Ирак. В отношении ценностей самовыражения, к США близки такие страны, как Ирландия, католические и протестантские западноевропейские страны (Бельгия, Франция, Нидерланды, Швейцария), а также Скандинавские страны (Финляндия) [World].

Таким образом, согласно культурной карте Инглхарта – Вельцеля, США являются страной с сильными традиционными (религиозными и семейными) ценностями. В то же время в США отмечается высокая значимость ценностей самовыражения, что подразумевает ориентацию на личное благополучие и демократическую репрезентацию.

Проведем вторичный анализ социологических данных по ценностным ориентациям населения США, с целью соотнесения с положениями теории Инглхарта – Вельцеля. Так, согласно опросу, проведенному исследовательским центром Pew Research Center в 2012 г., 71 % респондентов заявили, что разделяют консервативные ценности касательно семьи и брака, а 80 % респондентов отметили, что никогда не сомневались в существовании Бога [Pew Research Center ...]. Что же касается ценностей самовыражения, то, согласно недавнему опросу того же исследовательского центра, 84 % респондентов отметили, что свобода и демократические права обладают очень высокой значимостью, а в рейтинге обязанностей добропорядочного гражданина первое место заняло голосование в выборах [Pew Research Center ...].

Другой распространенной теорией, позволяющей создать систему координат для ценностей стран мира, является получившая широкое распространение теория культурных измерений Г. Хофстеде. В рамках теории оценивается, как культурные ценности общества разделяются его членами и как ценности формируют их поведение. Теория включает в себя шесть характеристик: индивидуализм – коллективизм; избегание неопределенности; дистанция от власти (другими словами, сила социальной иерархии в данном обществе); маскулинность – женственность (маскулинность ориентирована на выполнение задачи, а женственность – на человека); долгосрочная ориентация; самооправдание – самоограничение [Hofstede, 2011].

По первой характеристике, согласно теории Г. Хофстеде, США являются одной из наиболее индивидуалистских культур в мире, т. е. образ американцев в собственных глазах определяется скорее в рамках «Я», чем «Мы». Интеграция в американском обществе слабая, люди имеют

сильные связи лишь с близкими родственниками и не интегрированы жестко в большие группы общества, не зависимы от таких групп.

Что касается социальной иерархии, то позиция США по такому показателю, как дистанция от власти, довольно низка. Это означает, что социальная иерархия в США не обладает значимой силой и может быть подвергнута сомнениям и оспорена. Сочетание высокого уровня индивидуализма и относительно низкого уровня социальной иерархии создает предпосылки для таких ценностей и культурных шаблонов, как «свобода и равенство для всех», самостоятельность, коммуникабельность и мобильность [Hofstede, 2011].

Высокий уровень маскулинности как культурной характеристики подразумевает ориентацию на успех, достижения, соперничество. Полагаться на практические решения, быть нацеленным на выполнение задач – такие идеи созвучны американской культурной традиции. В то же время по уровню маскулинности, хотя и довольно высокому, США далеко до, например, Японии (показатель в США – 62 балла; в Японии – 95 баллов) [Там же].

По такой характеристике, как отношение к неопределенности, США занимают позицию чуть ниже усредненного показателя (46 баллов). Такой результат позволяет предположить, что американцы толерантны к новым идеям и могут успешно справляться с неожиданными или неопределенными ситуациями. В американском обществе не так много строгих, жестких правил. С другой стороны, не очень высокий показатель по данной культурной характеристике подразумевает, что в областях, воспринимаемых как жизненно важные, значимые для страны и мира, американцы предпочитают определенность и предсказуемость – так, например, современные вызовы – национальная безопасность, проблемы терроризма и т. д. – требуют тщательного мониторинга и строго контроля.

Культурная характеристика долгосрочной ориентации (противопоставленная краткосрочной ориентации) показывает связь прошлого страны с ее будущим. Краткосрочная ориентация означает, что страна ценит свои традиции и прошлое, но имеет слабо выраженную позицию относительно будущих вызовов и будущих действий. Долгосрочная ориентация демонстрирует, что страна ценит адаптацию, прагматично относится к будущему и стратегически ориентирована на будущие действия. Прагматичность, ориентация на будущее, высокая адаптивность тесно ассоциированы с американской культурой, в связи с чем ожидаем высокий уровень долгосрочной ориентации в этой стране. Тем не менее США имеет невысокий уровень по данной культурной характеристике, что проявляется в склонности американцев к поддержанию традиционных (религиозных и семейных) ценностей. Кроме этого, такой показатель может быть связан с широким распространением в американской

культуре делового образа жизни, распространения частного бизнеса, бизнес-подходов, а они, в свою очередь, требуют перепроверки новой информации и составления отчетности за короткий период времени, что способствует формированию краткосрочной культурной ориентации.

Самооправдание (индугенция) понимается в теории Г. Хофстеде как низкий уровень контроля над своими желаниями, в то время как самоограничение представляет собой способность контролировать собственные импульсы и желания. Данная культурная характеристика демонстрирует степень, до которой люди позволяют себе удовлетворять свои желания. В США высок показатель индугенции (68 баллов). [Hofstede, 2011]. Такой результат видится несколько противоречивым. Действительно, с одной стороны, американское общество имеет пуританские корни, а следовательно, фундамент строгой морали, а с другой – является родиной массовой культуры и индустрии развлечений. Такое противоречие отражено и в популярном современном выражении “Work hard, play hard” («Усердно работай, усердно развлекайся»), предписывающем вкладывать столь же много усилий и энтузиазма в отдых и развлечения, как и в свою работу.

При рассмотрении и сравнении двух теорий, отметим, что, на наш взгляд, данные теории предлагают базовый уровень для сравнения многих культур и, соответственно, должны быть ограничены лишь небольшим числом характеристик-измерений. Глубинный же анализ культурных ценностей страны основывается на уникальном историческом пути, пройденном данным обществом. С другой стороны, применение «культурных карт» может предоставить возможность избежать опасности стереотипного видения культуры страны. Размещение страны в универсальной системе координат – культурных характеристик позволяет избежать сложившихся ожиданий, в том числе и самим исследователям.

В то же время мы полагаем, что выделенные в ходе исследовательских проектов по измерению культурных ценностей страны характеристики наглядно показывают тенденции сбалансирования, или своего рода компенсации культурных ценностей. Так, индивидуализм и самостоятельность в американской культуре компенсирован другой культурной ценностью – добровольчеством. Практики добровольчества, участие в делах местного сообщества компенсируют ориентированность общества на индивидуализм, удерживают его от крайней, негативной его формы – атомизации. Привязанность к традициям и прошлому страны активно компенсируется высокой мобильностью населения (географической, смены места работы), продвигаемыми в обществе идеями перемен, прогресса, развития.

Полагаем, что важной культурной характеристикой, которой могут быть дополнены социологические и социокультурные обзоры ценностей стран мира, выступает способность общества к рефлексии, пе-

реосмыслению собственных ценностей, степень критичности отношения к меняющимся ценностям, к новым трендам в культурной, духовной жизни общества. В конце концов, культура является результатом накопления обществом знаний, в том числе и о самих себе. Несмотря на то, что такая характеристика не выделена в наиболее популярных сегодня системах культурных измерений ценностей, она используется при социологических опросах. На примере США можно утверждать, что в данном обществе высокий показатель рефлексии. Так, проведенный в текущем году опрос Gallup показал, что подавляющее большинство (77 %) респондентов считают, что состояние моральных ценностей в стране ухудшается. Три четверти респондентов не удовлетворены состоянием высоких принципов в обществе – этот результат стал самым пессимистичным за последние пятнадцать лет [Gallup].

Таким образом, на сегодняшний день отмечается широкое распространение теорий, предполагающих выделение унифицированных социокультурных характеристик. Данные характеристики затем позволяют выстроить своего рода систему культурных координат для стран мира. Несмотря на очевидные ограничения таких теорий (небольшое число характеристик, необходимые теоретические упрощения и т. д.), данные теории могут использовать как отправную точку для дальнейших социокультурных исследований рассматриваемых стран.

Литература

Рязанцев А. А. Культурные ценности как фактор формирования картины мира [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2011. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-tsennosti-kak-faktor-formirovaniya-kartiny-mira> (дата обращения: 10.06.2018).

Gallup. About Half of Americans Say U. S. Values Are “Poor” half-americans-say-moral-values-poor. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.gallup.com/poll/235211/half-americans-say-moral-values-poor.aspx> (дата обращения 10.06.2018).

Hofstede, Geert. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, Unit 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8> (дата обращения: 08.06.2018).

Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American Sociological Review. 2000. N 65 (1). P. 19–51.

Pew Research Center. American Values Survey. Questions Database [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people-press.org/values-questions/q41d/i-never-doubt-the-existence-of-god/#total> (дата обращения: 15.06.2018).

Pew Research Center. The Public, The Political System and American Democracy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people-press.org/2018/04/26/the-public-the-political-system-and-american-democracy> (дата обращения: 30.05.2018).

World Values Survey [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=Findings> (дата обращения: 03.06.2018).

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМ В СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. Рассматриваются советско-японские и советско-американские отношения в послевоенный период 1945–1950 гг. Данный период заложил основу существующего мирового порядка, а также основных проблем в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Развернувшееся противостояние между СССР и США и фактическое начало холодной войны сказалось на отношениях между СССР и Японией. Проблема репатриации военнопленных и требование СССР о привлечении к суду императора Хирохито стали хорошими поводами для антисоветской пропаганды в Японии.

Ключевые слова: международные отношения, Япония, японские военнопленные, Хирохито, Макартур, Феллерс.

A. Lestev

Kazan State Institute of Culture, Kazan

PROBLEMS FORMATION IN SOVIET-JAPANESE RELATIONS IN THE POST-WAR PERIOD

Abstract. This article describes Soviet-Japanese and Soviet-American relations in the postwar period 1945–1950. The existing world order and the main problems in the Asia-Pacific region were founded in this period. The unfolding confrontation between the USSR and the USA and the actual beginning of the Cold War affected the relations between the USSR and Japan. The problem of the repatriation of prisoners of war and the USSR's demand for bringing the Emperor Hirohito to trial were good reasons for anti-Soviet propaganda in Japan.

Keywords: international relations, Japan, Japanese prisoners of war, Hirohito, MacArthur, Fellers.

Первое десятилетие после окончания Второй мировой войны до сих пор остаётся одной из слабоизученных страниц как для истории России, так и для истории международных отношений. Между тем именно в этот период начала складываться система современных международных отношений. Для России этот период является временем, когда сложились наиболее острые проблемы в межгосударственных отношениях с США и Японией, которые до сих пор не разрешены. Одна из таких проблем – это отсутствие мирного договора с Японией. Главным препятствием для этого являются территориальные претензии Японии на четыре Курильских острова: Хабомаи, Шикотан, Итуруп и Кунашир, отошедшие к СССР по результатам Второй мировой войны. Российские исследователи склонны видеть в этой проблеме, прежде всего, руку Вашингтона и его политики, что, безусловно, правильно, но существуют и другие причины, среди которых и ошибки советской дипломатии и политики в отношении Японии, которыми американские специалисты не замедлили воспользоваться.

Главными проблемными темами в послевоенный период в отношениях между Японией и Советским Союзом стали вопрос о репатриации из Советского Союза японских военнопленных и требование советского правительства судить всех причастных к военным преступлениям, к числу которых был отнесен император Японии Хирохито. Обе проблемы были умело использованы американскими дипломатами на международной арене и штабом генерала Макартура в самой Японии, осуществляющего функции фактического главы Японии в послевоенный период. Ошибки советской дипломатии, а также негибкость советской позиции, основанные на плохом понимании американской политической игры и японских национальных особенностей, привели к всплеску антисоветских и антикоммунистических настроений в японском обществе, предопределивших дальнейшее развитие отношений на многие десятилетия вперед.

Репатриация японских военнопленных. В результате разгрома Квантунской армии советскими войсками по данным учетных подразделений НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных по состоянию на 1 сентября 1945 г. в советский плен было принято 608 360 солдат и офицеров [Японские военнопленные в СССР, 2013, с. 10], среди которых был и командующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзо [Генерал-майор Светличный, 2013]. Вместе с гражданскими лицами количество пленных превышало миллион человек. В ходе визита в Японию в 1991 г. президента СССР М. С. Горбачева японской стороне были переданы списки на 37 800 японцев, умерших в советском плену [Японские военнопленные в СССР, 2013, с. 5].

Накануне вступления в войну против Японии СССР присоединился к Постдамской декларации, в соответствии со 9-й статьей которой было определено, что японским военным служащим после их разоружения будет разрешено вернуться на родину и продолжить мирную жизнь [Японские военнопленные в СССР, 2013, с. 11]. В результате именно этот документ стал основой для претензий союзников к СССР.

Соблюдая условия Постдамской декларации, советское руководство в лице Л. Берии, Н. Булганина и А. Антонова направило командующему 2-м Дальневосточным фронтом маршалу Василевскому приказ, в котором говорилось, что «военнопленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут». Однако тут же вслед за этим 23 августа Государственный комитет обороны во главе со Сталиным принимает Постановление № 9898 «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», в котором подробно расписывалось распределение их по республикам, областям и отраслям народного хозяйства страны [Японские военнопленные в СССР, 2013, с. 11].

В результате вплоть до 1956 г. проблема японских военнопленных оставалась камнем преткновения в отношениях с Японией и инструментом политического торга между бывшими союзниками.

В послевоенные годы фактическим главой Японии, ответственным в том числе и за международные контакты, был генерал армии США Дуглас Макартур, именовавшийся главнокомандующим союзных держав в Японии. Именно штаб генерала Макарута развернул настоящее информационное наступление на Советский Союз, используя для этого вопрос о японских военнопленных.

Соглашение о репатриации японских военнопленных со штабом Макарута было подписано советским представителем в Союзном совете для Японии генерал-лейтенантом Деревянко 26 ноября 1947 г. [Соглашение, 2013]. В результате этого соглашения планировалось отправлять в среднем по 50 000 японцев ежемесячно. Подготовка к подписанию соглашения уже вызвала серьезные дипломатические разногласия, заключавшиеся, по мнению советской стороны, в желании американцев снять с себя ответственность: «Все американские замечания направлены на снятие с них ответственности за доставку репатриантов в Японию. Ясно выражено стремление переложить эту ответственность на японцев..», «Это и политически для нас неприемлемо, ибо соглашение мы заключаем с американской стороной, а не с японцами» [Генерал-лейтенант Голубев. 2 Письмо, 2013]. Также были отвергнуты попытки переложить на советскую сторону расходы по репатриации и обслуживанию кораблей, при этом все расходы были возложены на японскую сторону, а ответственность за репатрируемых после посадки на суда возлагалась на штаб Макарута.

Различного рода задержки с отправлением военнопленных, отказ в предоставлении информации о точном количестве военнопленных и отказ в допуске и посещении их в лагерях активно использовался для информационных атак и дипломатических нападков на СССР. По поводу количества военнопленных генерал-лейтенант Голубев писал: «Ориентировочное (заведомо преуменьшенное) число подлежащих репатриации японцев через порты Находка-Маока американскому командованию сообщить нужно, оговорив возможную цифру репатрируемых по месяцам» [Генерал-лейтенант Голубев. 1 Письмо, 2013]. Однако уже 5 марта 1947 г. на заседании Союзного совета Бишоп в своем выступлении, говоря о японцах, находящихся на территории СССР, привел цифру – 1 050 301 человек. Яков Малик в своем письме Молотову советует как можно быстрее, но не специально, опровергнуть эту цифру, учитывая, что по данным Уполномоченного Совета министров по делам репатриации на территории СССР находилось 723 137 человек, генерал-лейтенанту Деревянко предлагалось отправить следующее предписа-

ние: «При удобном случае, но не специально, на заседании Союзного совета или в ответ на запросы японцев, заявите, что названная Бишопом цифра якобы находящихся на территории СССР японцев не соответствует действительности и завышена. Укажите, что, по данным советских органов репатриации на 5 марта 1947 г., на территории СССР находилось японских военнопленных и гражданских лиц всего около 700 000 чел.», в примечании говорилось, что цифра уменьшена с учетом возможной смертности японцев [Малик, 2013]. Но уже запущенная однажды под видом факта информация впоследствии использовалась штабом Макартура для манипуляций. 21 декабря 1949 г. на заседании Союзного совета представитель штаба Макартура Себолд заявил, что в советских лагерях умерли 374 041 человек из не взятых на учет 376 929 японцев, Себолд обвинил СССР в задержке репатриации, умерщвлении военнопленных посредством непосильного труда и антисанитарных условий, а также в идеологической обработке военнопленных: «Таким образом, – заявил Себолд, – если мы допустим правдоподобность всех приведенных в заявлениях репатриантов ужасных фактов, как-то: болезни, плохое питание, недостаточная жилплощадь и все нечеловеческие условия рабского труда наряду с отсутствием даже элементарной медицинской помощи и других удобств, если все эти невероятные факты нечеловеческого обращения имели место в действительности, то мы можем прийти к заключению, что 374 041 японцев умерли и никогда не возвратятся в Японию» [На заседании Союзного совета, 2013]. Уже 22 декабря генерал Макартур опубликовал заявление, в котором объявил, что «он принимает предложение британского члена Союзного совета для Японии относительно расследования “судьбы” японских военнопленных в СССР Швейцарией или Международным комитетом Красного Креста и что он обратится к правительству США с просьбой о проведении необходимых переговоров» [Заявление генерала Макартура, 2013]. 30 декабря последовала нота Госдепартамента США, врученная посольству СССР в США 3 января 1950 г., в которой СССР также упрекался в сокрытии данных о 376 929 японцах [Нота Госдепартамента США, 2013]. 5 января правительство Австралии направило ноту СССР с призывом согласиться на беспристрастное расследование о судьбе военнопленных [О ноте Австралийского правительства, 2013]. Как мы видим, началось планомерное давление на СССР по всем фронтам. На 106-м заседании Союзного совета для Японии 1 февраля 1950 г. представитель штаба Макартура выступил со специальным отчетом, подготовленным американской разведкой, озаглавленным «Жизнь и смерть японских военнопленных в лагерях Советского Союза» [На 106-м заседании, 2013]. Несмотря на то что это был в значительной степени тен-

денциозный документ, он вызвал новый взрыв мирового общественного возмущения по поводу обращения с японскими военнопленными.

К сожалению, на подобное международное давление СССР ответил совершенно провальным шагом, оказавшим влияние на все последующие советско-японские отношения.

1 февраля 1950 г. Госдепартаменту США была вручена нота советского правительства с требованием привлечь императора Японии Хирохито к международному военному суду как военного преступника.

К этому времени американской оккупационной администрацией и лично главнокомандующим Макартуром давно было принято решение не только не привлекать к суду императора, но и не привлекать никого из членов императорской фамилии [Молодяков, 2006, с. 436]. Кроме того и штаб Макатура, и оказавшиеся на скамье подсудимых военные преступники [Молодяков, 2006, с. 406] старались обелить и спасти императора. В этом смысле показательной выглядит статья бригадного генерала Боннера Ф. Феллерса «Hirohito's struggle to surrender» [Fellers, 1947], в которой он рассказывает о своём расследовании относительно императора и всячески подчеркивает его невиновность и стремление к миру вопреки воле милитаристов. Статья вышла в 1947 г. в июльском номере журнала «Foreign service». Сам генерал Макартур писал о Хирохито, что «он сыграл важную роль в духовном возрождении Японии, а его лояльное сотрудничество и влияние помогли успеху оккупации» [MacArthur, 1965, с. 288]. Вашингтон отклонил советскую ноту, связав её с желанием отвлечь внимание от проблемы военнопленных. В самой Японии требование СССР о привлечении императора к суду восприняли крайне враждебно, с другой стороны, отклонение американцами советского требования восприняли с облегчением [Лестев, 2015, с. 359].

Таким образом, советское правительство не могло не знать о данном решении американских властей. Советские представители участвовали в заседаниях Союзного совета и в деятельности международного трибунала. Задуманное как некий политический демарш против американцев данное требование в условиях разворачивающейся холодной войны сыграло на руку американцам, стремившимся любыми способами не допустить советского и коммунистического влияния в послевоенной Японии. Советское требование привлечь к суду императора стало еще одним поводом для консолидации японской элиты против коммунистической угрозы, а также инструментом в руках праворадикальных организаций, что также соответствовало расчётам оккупационной администрации – ««приручить» их и использовать против возможной коммунистической революции» [Молодяков, 2006, с. 433].

Стоит отметить, что в дальнейшем любые подвижки или уступки японского правительства, направленные на нормализацию отношений с

СССР и заключение мирного договора, встречали бурный протест со стороны «прирученных» американцами правых.

Таким образом, в качестве причин антисоветской направленности японской политики можно назвать как позицию и влияние американской оккупационной администрации, так и собственную политику СССР, получившую отражение в недружественных дипломатических нотах и заявлениях. Между тем американской администрации удалось стать не завоевателями и оккупантами, а союзниками и защитниками японского императора от коммунистической угрозы. Данный факт лишний раз свидетельствует о значительной роли пропаганды в международных отношениях.

Литература

Генерал-майор Светличный. Список японских генералов, взятых в плен войсками Забайкальского фронта за период с 9 по 28 августа 1945 г. / Японские военнопленные в СССР: 1945–1956 : сб. док. / Сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М.: МФД, 2013. С. 27.

Генерал-лейтенант Голубев. 1 Письмо ВрИО Уполномоченного совета министров СССР по делам репатриации заместителю министра иностранных дел с предложением по плану репатриации японцев / Японские военнопленные в СССР: 1945–1956 : сб. док. / сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М. : МФД, 2013. С. 524.

Генерал-лейтенант Голубев. 2 Письмо ВрИО Уполномоченного по делам репатриации заместителям министра иностранных дел СССР и начальника Генерального штаба вооруженных сил с замечаниями к советскому проекту соглашения о репатриации японцев / Японские военнопленные в СССР: 1945–1956 : сб. док. / сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М. : МФД, 2013. С. 527–529.

Заявление генерала Макартура об обращении к Международному комитету Красного Креста с просьбой о содействии в установлении судьбы японских военнопленных в СССР (по каналам ТАСС) / Японские военнопленные в СССР: 1945–1956: сб. док. / сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М. : МФД, 2013. С. 560–561.

Лестев А. Е. Понимание ментальности страны – значимый фактор в выстраивании внешнеполитических отношений (на примере послевоенных отношений между СССР, США и Японией) // Междунар. отношения. 2015. № 3. С. 358–361. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.3.14546.

Малик Я. Служебная записка заместителя министра иностранных дел СССР министру иностранных дел об ответной реакции на заявление американского представителя на заседании Союзного совета для Японии / Японские военнопленные в СССР: 1945–1956: сб. док. / сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М. : МФД, 2013. С. 533.

Молодяков В. Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949): дипломат, политик, мыслитель. М. : АИРО-XXI; СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 528 с.

На 106-м заседании Союзного совета для Японии 1 февраля 1950 г. (по каналам ТАСС) / Японские военнопленные в СССР: 1945–1956 : сб. док. / сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М. : МФД, 2013. С. 566.

На заседании Союзного совета для Японии 21 декабря 1949 г. (по каналам ТАСС) / Японские военнопленные в СССР: 1945–1956: сб. док. / сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М. : МФД, 2013. С. 559.

Нота Госдепартамента США, врученная посольству СССР в США 3 января 1950 г., о непредоставлении Советской стороной точных данных о японских воен-

нопленных и интернированных лицах / Японские военнопленные в СССР: 1945–1956 : сб. док. // сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М. : МФД, 2013. С. 563.

О ноте Австралийского правительства Советскому Союзу (по каналам ТАСС) / Японские военнопленные в СССР: 1945–1956 : сб. док. / сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М. : МФД, 2013. С. 564.

Соглашение между представителем СССР в Союзном совете для Японии и штабом Макартура о репатриации первой партии японцев (по каналам ТАСС) / Японские военнопленные в СССР: 1945–1956 : сб. док. / сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М. : МФД, 2013. С. 529.

Японские военнопленные в СССР: 1945–1956 : сб. док. / сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М. : МФД, 2013. С. 10.

Fellers F. B. Hirohito's struggle to surrender // Bonner Frank Fellers Papers, 1904–1997 Collection, box 1, folder 2, Hoover Institution Archives.

MacArthur D. Reminiscences. London: William Heinemann Ltd, 1965. 438 p.

УДК 809.57-085

Е. В. Ли, А. С. Нагорская

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОСОБЕННОСТИ И СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА ПРОСЬБЫ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Рассматривается понятие косвенного речевого акта и определяются его виды, раскрывается специфика реализации косвенного речевого акта просьбы в рамках корейской лингвокультуры, выделяются стратегии построения речевого акта просьбы в южнокорейском дискурсе в зависимости от условий коммуникации.

Ключевые слова: речевой акт, речевой акт просьбы, косвенный речевой акт, концепция вежливости, высококонтекстная культура.

E. Li, A. Nagorskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

CHARACTERISTICS AND MEANS OF REALIZING SPEECH ACT OF THE REQUEST IN THE SOUTH KOREAN DISCOURSE

Abstract. The article considers a concept of an indirect act and its types, specifies the implementation of an indirect speech act of request in Korean linguoculture, highlights strategies of constructing a speech act of a request in South Korean discourse according to the conditions of communication

Keywords: speech act, speech act of request, indirect speech act, the concept of politeness, high context culture.

В эпоху глобализации проблемы межкультурной коммуникации выходят на центральное место в лингвистических исследованиях. Тот факт, что для успешной коммуникации представителей разных культур знание правил и закономерностей общения в той или иной стране имеет важнейшее значение, не вызывает сомнений. С прагматической точки зрения, ключевое значение для эффективности коммуникации приобре-

тает верная интерпретация адресатом интенции адресанта. Однако в ситуации межкультурного общения намерение адресанта не всегда бывает верно истолковано в силу культурных и иных различий участников коммуникации. С другой стороны, выбор говорящим коммуникативной стратегии без учета культурных особенностей собеседника также может привести к взаимному непониманию и сложностям в дальнейшем общении.

Речевой акт просьбы является одним из наиболее сложных для реализации в условиях межкультурной коммуникации в силу того, что набор моделей, обслуживающих его, достаточно разнообразен даже в пределах одного языка, а в разных языках эти модели зачастую могут не находить соответствий.

Несмотря на это, изучение речевого акта просьбы в корейском языке до сих пор не становилось предметом специального исследования отечественных лингвистов-корееведов.

В связи с этим цель данной статьи состоит в выявлении специфики речевого акта просьбы в корейском языке, а также определении набора моделей, используемых для его реализации, и факторов, оказывающих влияние на выбор той или иной модели.

Для представителей западных культур, в том числе и русской, особую сложность в общении с корейцами представляет зависимость процесса коммуникации от внеязыкового контекста.

Согласно концепции американского антрополога Э. Холла, который в зависимости от роли контекста в процессе коммуникации делит культуры на низко- и высококонтекстные, определяя при этом контекст как информацию, окружающую и сопровождающую событие, нечто, вплетенное в значимость происходящего, корейская культура является культурой высокого контекста. Иными словами, в корейской культуре неязыковой контекст, включающий в себя такие компоненты, как ситуация общения, социальный статус и возраст собеседников, межличностные отношения и т. п., играет решающую роль при выборе стратегии общения.

Как справедливо отмечает Т. Ю. Каплан, «система социальных ценностей в Корее базируется на коллективизме и соблюдении иерархии, которые являются отражением конфуцианских принципов. Залог успешной коммуникации в Корее – это уважение этих ценностей корейского общества» [Каплан, 2012]. Таким образом, иерархическая структура общества и исторически сложившаяся система ценностей и является тем фундаментом, который определяет выбор стратегии общения и языковых средств для ее реализации.

Так, в корейском языке наблюдаются существенные различия в моделях реализации речевого акта просьбы в зависимости от социаль-

ных ограничений, заложенных в ситуацию. Например, запросы (просьбы), адресованные вышестоящему начальству, могут быть сформулированы в менее прямых терминах, чем запросы, адресованные человеку, который находится ниже по социальному статусу.

Необходимо отметить, что неукоснительное соблюдение общественной иерархии и правил речевого этикета зачастую приводит к тому, что просьба в корейском языке выражается путем косвенного речевого акта [구형정, 2002]. Пак Чжиён объясняет это тем, что прямое выражение просьбы «может ранить чувства собеседника». Сходного мнения придерживается Гу Хёнджон, который отмечает, что, совершая речевой акт просьбы, говорящий фактически требует от слушающего выполнить в будущем определенное действие, тем самым ограничивая свободу выбора слушающего, который самостоятельно должен принять решение относительно выполнения данного действия. Подобное требование может оказаться обременительным для слушающего и тем самым поставить под угрозу его независимость и самостоятельность, поэтому, в соответствии с концепцией вежливости, говорящий старается снизить степень категоричности высказывания и выбирает соответствующие дискурсивные стратегии, такие как, например, косвенное выражение просьбы [박지영, 2006, p. 16].

Поскольку одной из целей статьи является определение моделей реализации речевого акта просьбы в корейском языке, для более четкого понимания сути вопроса рассмотрим понятия прямых и косвенных речевых актов в теории Дж. Остина и Дж. Серля.

Под прямыми речевыми актами вслед за Дж. Серлем понимается «собственное, непосредственное, дескриптивное значение речевого акта, в котором иллокутивная цель отражена в языковой структуре высказывания» [Серль, 1987]. Под косвенными речевыми актами следует понимать «речевые акты, иллокутивная сила которых не совпадает с типом предложения [Серль, 1987]. Так, например, повествовательное предложение не всегда выражает возражение или же утверждение, а императив – приказ или требование, или вопросительное выражение не всегда обозначает речевой акт вопроса.

Иначе говоря, под косвенным речевым актом следует понимать тот акт, в котором иллокутивное намерение говорящего не соответствует прямому значению высказывания, но обуславливается фоновыми знаниями и условиями общения, что, в связи с вышесказанным, и представляет особый интерес в рамках данной статьи.

Как утверждает Р. Конрад, часто «под косвенным речевым актом подразумеваются потенциальные, пропущенные или же воображаемые, а не реальные речевые акты» [Конрад, 1985].

Это наиболее актуально для корейского языка, поскольку, как было сказано выше, в силу культурной специфики в нем прослеживается интенция выражать просьбу имплицитно.

Приведем несколько примеров.

-불 좀 켜. «Включи свет» (директив).

-어둡네요. «Что-то темно» (экспрессив).

-불 좀 켜 줄래? 어둡지? «Может, включишь свет?» «Темно же?»
(Вопрос.)

-벌써 밖이 어두워졌어요. «Уже на улице потемнело» (ассертив).

В указанном порядке наблюдается уменьшение степени выраженности прямой интенции (прямого речевого акта). Только в первом примере просьба включить свет выражена прямым речевым актом, остальные являют собой пример косвенного выражения просьбы.

Влияние на выражение просьбы оказывают факторы, формирующиеся на уровне взаимоотношений говорящего и слушающего, такие как: социальное положение, степень близости отношений коммуникантов. Так, например, говорящий определяет степень вежливости в соответствии с указанными факторами, а затем выбирает ту или иную языковую форму для выражения данного стиля вежливости.

Занимаясь изучением косвенных речевых актов, Джеймс Р. Наттингер и Джанетт С. Декарико выделяют конвенциональные и неконвенциональные косвенные речевые акты. Лексико-грамматическая форма конвенциональных косвенных речевых актов устойчиво ассоциируется с определенной функцией, неконвенциональные речевые акты, напротив, потенциально многофункциональны, и, следовательно, для их интерпретации задействуются более сложные когнитивные процессы [Nattinger & DeCarrico, 1992].

Иными словами, конвенциональные речевые акты служат для выражения косвенных смыслов, становятся идиоматичными формами, являясь следствием рассогласования самой структуры предложения и его содержания. Неконвенциональные – для реализации как одной, так и нескольких целей одновременно, под влиянием экстралингвистического и паралингвистического окружения сохраняют свое основное интерактивное содержание.

Аналогичный подход применяется и в работе Шашаны Блум-Калки и Элит Олштейн [Shoshana Blum-Kulka, Elite Olshtain, 1989], где они выделяют 3 степени косвенности:

- прямой, эксплицитный уровень, реализуемый запросами, синтаксически отмеченными как таковые, например императивами или другими вербальными средствами, которые называют действие в качестве запроса;

- конвенционально-косвенный уровень, на котором действие реализуется посредством ссылки на контекстуальные предпосылки, необходимые для его выполнения;

- неконвенционально-косвенный уровень, т. е. группа косвенных стратегий типа подсказки, которые реализуются путем отсылки на объект (например, «Почему это окно открыто?») или опираясь на контекстные подсказки («Здесь холодно») (пер. наш. – Н. А.) [Shoshana Blum-Kulka, Elite Olshtain, 1989].

В рамках представленных ступеней авторы выделяют 9 стратегий, которые могут выражаться речевыми актами различных типов [Там же].

1. Вывод на основе наклона. Самый прямой способ представления просьбы с использованием прямого императива.

책 좀 빌려줘. *«Дайте мне ваши заметки, пожалуйста».*

2. Явная перформативность. Способ выражения иллокутивного намерения, основную роль в котором играет перформативный глагол. Намерение выражено эксплицитно.

책 빌려줄 것을 부탁드립니다. *«Прошу, одолжите мне книгу».*

3. Слабая перформативность. Один из способов смягчения ситуации за счет использования вспомогательных глаголов.

책 좀 빌려주셨으면 좋겠어요. *«Было бы неплохо, если бы Вы одолжили мне книгу».*

4. Вывод значения. Намерение просьбы может быть выведено непосредственно из внутреннего содержания высказывания. Выражает намерения, желания или чувства по отношению к действию собеседника.

책 좀 잠시 빌려줘야 되겠는데요. *«Мне нужно одолжить вашу книгу на некоторое время».*

5. Выражение желания. Говорящий эксплицитно выражает намерение или желание.

책 좀 잠시 빌리고 싶은데요. *«Хочу одолжить вашу книгу на некоторое время».*

6. Предложение совершить действие. Предложение содержит предположение.

책 좀 빌려주는 게 어때? *«Как насчет того, чтобы одолжить мне вашу книгу?»*

7. Выяснение предварительных условий. В тексте содержится ссылка на подготовительные условия (например, способность или готовность, возможность совершения акта).

니 책 좀 빌릴 수 있을까? *«Могу ли я одолжить твою книгу?»*

책 좀 빌려 줄래? *«Одолжить мне книгу?»*

니 책을 빌리는 게 가능한 일일까? *«Возможно ли одолжить твою книгу?»*

8. Сильный намек: способ выражения косвенного акта просьбы путем указания на объект/предмет или действие.

너 책 가지고 있어? «А книга у тебя с собой?»

9. Слабый намек: объект/предмет или действие напрямую не упоминается, значение просьбы может быть выведено из контекста. Высказывания интерпретируются через контекст как запрос. Например, следующее высказывание в следующей ситуации может быть интерпретировано как просьба (намек) подвезти на машине:

회의가 이렇게 늦어질 줄 몰랐네. «Я и не думал, что собрание закончится так поздно».

Многие ученые при рассмотрении косвенного речевого акта обращаются к концепции вежливости, предложенной П. Грайсом (Paul Grice) и разработанной Р. Лакоффом и Дж. Личем (Lakoff R, John Leech). Как утверждает Р. Лакофф, «дискурс используется для обмена информацией, поддержания и укрепления межличностных отношений, и чем большее влияние он оказывает на собеседников, тем важнее становится соблюдение правил этикета» [Lakoff, 1983].

На основе набора правил вежливости (максим Грайса), которые были выявлены на базе одного из основных исследований Лакоффа (1973), посвященного вежливости, Браун и Левинсон (Brown & Levinson, 1987) разработали более системную и всеобъемлющую теорию вежливости. По их словам, коммуникант, определяемый как некая «модельная личность (МЛ) / типичная личность», имеет лицо, которое он определяет как «публичный образ себя», а поддержание лица, говорящего и слушающего в повседневном разговоре, – это цель диалога [Brown, Levinson, 1978].

Отражением категории социальной почтительности при выражении просьбы могут служить следующие примеры:

문 좀 여세요. «Откройте дверь».

문 좀 열어 주세요. «Пожалуйста, откройте дверь».

문 좀 열어 주시겠어요?. «Пожалуйста, не откроете ли Вы дверь?»

문 좀 열어 주실 수 있으세요? Досл. «Можете ли Вы открыть дверь, пожалуйста?»

저 문 좀... «Дверь..., пожалуйста»

В приведенных примерах прослеживается градация от наименее вежливого к наиболее вежливому эквиваленту. Вместе с тем можно заметить, что в отмеченных речевых единицах наблюдается уменьшение степени прямой интенции по принципу – от большего к меньшему.

Необходимо отметить, что существует ряд случаев, когда, несмотря на законы вежливости, просьба выражается прямым речевым актом.

1. Ситуация, когда социальная роль собеседника предполагает выполнение определенного действия. Например, при разговоре с продавцом магазина:

저 가방 좀 보여 주세요. – «*Покажите ту сумку, пожалуйста*»,
или при обращении к официанту:

메뉴 주세요. «*Принесите меню*».

2. Просьба о помощи, когда жизни или здоровью говорящего угрожает реальная опасность:

살려 주세요. «*Спасите*».

제발 도와주세요. «*Помогите, пожалуйста*».

В указанных случаях просьба всегда выражается прямым речевым актом, употребление косвенного речевого акта в такой ситуации будет считаться нарушением речевых норм.

Подводя итог вышесказанному, сформулируем основные выводы:

1) Корея является страной с высококонтекстной культурой, и построение коммуникации во многом зависит от неязыкового контекста, который определяется иерархической системой корейского общества;

2) специфика выражения просьбы в корейском языке связана с системой социальной иерархии и концепцией вежливости и заключается в преимущественном использовании косвенных речевых актов;

3) косвенная форма речевого акта просьбы в южнокорейском дискурсе используется для повышения «этикетности» коммуникативного акта, поскольку одним из главных принципов вежливости является предоставление адресату большей степени свободы реагирования.

Литература

Каплан Т. Ю. Некоторые вопросы невербальной коммуникации в Корее // Вестн. рос. корееведения. 2012. № 4. С. 103–110.

Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 39–348.

Серль Дж. Косвенные речевые акты просьбы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1987. Вып. 19. С. 195–232.

Nattinger & De Carrico. Corpus and context. Investigating pragmatic functions in spoken discourse. Studies in corpus linguistics, 1992. P. 29–50.

Shoshana Blum-Kulka, Elite Olshtain. Requests and Apologies: A Cross-Cultural Study of Speech Act Realization Patterns (CCSARP). 1989. P. 201–250.

Lakoff R. T. The Logic of Politeness or Minding Your P's and Q's // Papers from the 9th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. Chicago, 1983 P. 100–250.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1978. P. 66–180.

구현정. 조건 담화와 공손법 // 언어과학연구 23.

박 지 영. 한국어 학습자를 위한 요청화행 교육 방안 연구. 2006. URL: https://vk.com/doc7726713_463431351?hash=44cf49558c81aad24&dl=ada8b762d0c5b3d00d (дата обращения 25.04.2018).

Ли Кэ, Цуй Хунхай, Фань Хуэйцянь

Шаньдунский университет бизнеса и технологий, Яньтай

李科, 崔洪海, 范慧茜

山东工商学院, 烟台

隐私的人性价值之光 — 解析《红字》中的罪与罚

摘要: 霍桑的小说《红字》展现了通奸入罪以及公开惩罚犯者的那段美国历史。本文拟从隐私的观念及其人性价值出发, 通过解析《红字》中的罪与罚, 揭示公共权力对私人生活领域的粗暴介入和干涉, 展示霍桑在作品中对人性意蕴和隐私价值的追问, 并重新认识这部小说超越时代的思想性和艺术价值。

关键词: 隐私; 人性; 《红字》; 罪与罚

Li Ke, Cui Honghai, Fan Huiqian

Shandong Institute of Business and Technology, Yantai

THE HUMANITY VALUE OF PRIVACY — INTERPRETING CRIME AND PUNISHMENT IN *THE SCARLET LETTER*

Abstract. Hawthorne's novel, *The Scarlet Letter*, demonstrates the period of American history when adultery was seen as a crime and both adulterer and adulteress were punished publicly. This paper seeks to interpret the crime and punishment in *The Scarlet Letter* from the viewpoint of privacy and its humanity value, to reveal the violent interference of public power in private life, and to show Hawthorne's questioning of the meaning of humanity and the value of privacy, so as to recognize the novel's profound thought and artistic value that transcend its time.

Keywords: privacy; humanity; *The Scarlet Letter*; crime and punishment.

1. 引言

美国作家霍桑的小说《红字》自问世以来, 就对评论家和读者产生了长盛不衰的艺术魅力, 不同时期的读者都在其中读到了与他产生共鸣的故事并获得人生的真谛, 不同时期的评论者从不同角度、用不同的理论去解读它, 如社会历史学的观点、现代主义文学的人际观、女权主义观点、宗教的观点等。也有研究从犯罪与惩罚的视角切入, 但至今尚无人尝试用隐私的观念和理论去解析这部作品。《红字》是现代文学中最早的心理小说之一, 刺探了人性的阴暗面—那些藏在外表之下的不为人知、不对人言的东西。[Johnson, 2008, p. 2] 从这个角度来看, 小说探究的是人要隐藏起来的“私”, 即隐私。

隐私作为一种生活事实, 是人之为本质的属性所在, 即使在并不保护隐私权, 甚至公开个人隐私作为惩罚手段的《红字》时代也依然清晰可见。本文拟从隐私的观念及其人性价值出发, 通过解析《红字》中的罪与罚, 揭示公共权力对私人生活领域的粗暴介入和干涉及

其悲剧性影响，展示霍桑在作品中对人性意蕴和隐私价值的思考，进而指出该小说特有的思想和进步价值。

2. 隐私及其人性价值

人类对隐私的认识始于“知羞耻”、“掩外阴”，是从人类脱离动物界以后所特有的羞耻心与敏感而萌发出来的。隐私最初是表现了一种人之所以与动物相区别的人类本性，是人对自身无法改变的动物属性的一种超越。随着人类物质文明的发展，这种原初意义上的隐私内容范围不断扩大，人们需要越来越大的私人生活空间，不仅容纳自己的生物性，更重要的是安放自己的精神和思想自由。隐私中的“私”指的是和他人、和公共利益无关的私人活动，“隐”是指私人活动不被他人或其他权力干涉和侵入。私人活动中的私人生活包括私人的日常生活、夫妻生活、两性关系和社会交往等等，具有纯粹的私人性及和公共相脱离性 [王秀哲，2008, p. 256]。

隐私作为一种法律上的概念或权利直到 19 世纪末才第一次在美国出现，是从精神痛苦的角度明确提出把隐私作为一种应该受到法律保护的利益，认为隐私是与人类尊严不可分割的一种条件和权利 [艾伦 & 托克音顿，2004, p. 5]。隐私权虽然是一项晚出的权利，但是它所保护的隐私利益是和每个人的人格尊严紧密相连的。隐私权旨在维护人之尊严及个人自由，体现为个人自主，不受他人操纵、支配，不被他人嘲笑或羞辱，排除外来的包括公共权力的侵扰，具有鲜明的自由权性质。

3. 《红字》中的罪与罚

发表于 1850 年的小说《红字》，取材于 1642 年到 1649 年发生在北美殖民地马萨诸塞的波士顿的一起通奸案件。在当时，两性关系不属于私人生活中的内容，通奸不被看作个人隐私，而是作为一项重罪可以被处以绞刑，即使通奸者的丈夫不希望她死；惩罚的惯例是示众问罪、犯者永远配带特殊标记、直至坟墓。惩罚的方式是利用人们的“羞耻心”，却又无情地践踏着人们的“羞耻心”。在惩罚过程中，没有所谓的隐私观念，个人隐私会受到无情的揭露、审判和惩罚，隐私权也不会得到公共权力的充分尊重和保护。

3.1 对通奸的定罪

海丝特的婚姻从一开始就是违背人性的。年轻貌美的她由父母包办嫁给了比她年长得多的一个老医生，他们的生活“有如败墙上的一丛绿苔，靠腐朽的养料来养育” [转自蒙雪琴，2003, p. 80]。有名无实的婚姻关系对于她的心理是一种伤害，对于她作为女人的本性是一种侮辱。在波士顿独居的日子里，海丝特结识了青年牧师丁梅斯代尔，她心中最强烈的感情被唤醒，加之几年来丈夫音讯皆无，传说已葬身海底，他们的爱情便显得合情合理。然而，这种爱情在当时的社会制度

和宗教法律下不可能发展成为合法的婚姻关系，他们便暗中结合了 [李儒寿，2005, p. 486]。和丁梅斯代尔的恋情，作为海丝特人生经历的一部分，是她的痛苦也是她的幸福，是她公开的耻辱与被罚的根源，也是她隐秘的欢乐和精神的支柱。她不认为自己有罪，深信和丁梅斯代尔的私通“具有自身的神圣之处。 [p. 147]”面对要她说出通奸的另一方当事人的威逼利诱，她严词拒绝，独自承担了全部的罪责和耻辱。

海丝特因为通奸是应该被判处死刑的，美国有关死刑的法律具有很强的摩西风格，并大量引用《圣经》中的观点作为支持。[劳伦斯，2007, p. 53] 所以，《红字》中一个旁观海丝特公开受审的女人吼道：“有没有管这号事的法律？是有的，《圣经》和法典上都有明文规定。”[P37] 1但马萨诸塞当局考虑她是受了极大的诱惑才堕落的、并且丈夫可能已葬身海底，所以不敢贸然施行正义的法律从严处置她。然而，死罪可免、活罪难逃，在政教合一的体制下，无论是根据法律还是根据宗教，海丝特的通奸都是必须予以严惩的重罪。

在《红字》时代，那些与公众利益关系很小的问题，都跟议会审议和政府立法奇怪地搅合在一起。许多给人带来欢乐的活动如开玩笑、大笑、当众表演或唱歌都被定为罪行，将完全无害的人类活动犯罪化是违反和毁灭人性的。[Johnson, 2008, p. 68] 与此同时，当权者对真正有害公众的危险的重罪如谋杀、强奸的关注程度，和对通奸、不顺从的关注程度是一样的。[同上, p. 77] 据统计，通奸是 17 世纪马萨诸塞处罚最多的犯罪之一，从 1606 到 1660 年，共有 15 人判处了死刑，其中有两人是因犯通奸罪。[劳伦斯，2007, p. 53-55] 因此当局不会认为海丝特的这种行径与公众利益无关、只关乎个人，更不会把私通当成当事人的私事或隐私不与过问，相反，海丝特的行为是绝不能被宽赦、必须予以严惩。

清教徒们认为《圣经》就是上帝定下的关于教会与世俗事务的律令：除非丈夫死亡，或除非丈夫因妻子不贞而休之，婚约永远有效；妻子应臣服于丈夫，上帝、男人、女人是一个自上而下的神圣的、森严的等级关系。因此，任何对这部律令的冒犯不仅是冒犯了婚姻传统，更是对上帝与男人的不敬；又因在清教主义北美这项律令是由世俗官员以上帝的名义实施的，这种冒犯同时又被视为触犯国家刑律。[曹亚军，1999, p. 68] 犯了摩西十诫中第七条诫规“不可奸淫”的人，即使不判死刑，至少也要被打 (beaten)、被烙印 (branded)、被监禁 (imprisoned)、处以罚金 (fined) 和被驱除出 (banished) 马萨诸塞。

¹文中所有该小说的引文均出自姚乃强译《红字》，华夏出版社，2008 年出版。下文只标页码不再另注。

[Johnson, 2008, p. 72]在此，法律与宗教是不分的，互相影响、互相支持，共同完成对当事人通奸行为的定罪。

3.2 对通奸的惩罚

早期北美殖民地的法律带有强烈的家父性质，把成年人也看成孩子，认为他们没有能力安排好私人生活，需要年长之人监督他们人生的每一步，法律与规则控制他们的生活细节，使他们基本无法做出独立的选择。[同上：75]审判则是降低社会地位的仪式，使用忏悔、当众羞辱的办法对错误的灵魂进行再教育和改造，使犯罪人声名狼藉。因此，公开刑罚，如当众鞭笞、绑在木桩上示众、在额头上烙上印记或者割掉耳朵等，大量存在着。[劳伦斯，2007, p. 52-55]《红字》里惩罚用的木与铁制造的颈手枷，“充分体现了要让人蒙辱示众的思想。[P40]”所以，白兰被判有罪后，令她站在刑台上当众受辱，并终身佩戴红色的字母“A”。这一判罚还引致了围观妇女们的不满，她们认为应该在她的“额头烙上个印记”[P37]而不是只在胸口贴个字母。

公开刑罚不是一种主要的法律制裁，是政府披露信息的一种手段，它通过宣扬犯者的隐私到达一种羞辱的效应。人们看到犯罪人被羞辱后，对待罪犯及其家属的态度就会发生变化。人们会规避此人，或者不信任他，或是嘲弄和责骂他。羞辱者企图通过其行为发出一个信号：自己属于好人类型，与罪犯是不同的。海丝特因此作为“耻辱的典型”[p. 58]时时受到世人的白眼、侮辱、监督和劝诫。人们见到她如躲避瘟疫般飞速逃走，或是欺负她的孩子珠儿，“牧师们会在街上对她劝诫一番，结果招来一群人围着这个可怜的、罪孽深重的女子蹙眉狞笑”，去教堂“往往会不幸地发现她自己就是讲道的内容”[p. 62]。

与公开刑罚同时运用的是，统治者通过立法的方式迫使犯罪者长期与社会隔离。1648年通过的《马萨诸塞法律与自由权汇编》的目的就是要对罪犯进行惩治和教育，而对那些不知悔改者采取与社会隔离的办法作为最后的手段。[劳伦斯，2007, p. 52]白兰与他人通奸而事情败露被判入狱，面对地方长官和丈夫的威逼利诱，她宁愿被惩罚、被示众，也绝口不说隐私的另一方当事人。在当权者的眼里，她即属于“不知悔改者”，理应与社会隔离，所以她的拘禁期结束后，“被社会排斥在外”[p. 61]，长年累月过着与世人隔绝的生活。尤其是在精神层面被隔离，被排除在正常的人际交往之外。

公开佩戴在胸前的红字就像一个魔圈，把她的“罪”公之于众，彰显她的隐私、具有符咒一般的影响而引致世人的唾弃。全镇人毫不掩饰对她的蔑视和仇恨，使她时时刻刻都感到痛苦和耻辱。即使是她竭力救济的那些穷人也时常辱骂她，她为之干活的阔太太们“也惯于把苦汁滴进她的心里”[p. 61]。“用粗鄙的语言攻击她毫无防范的心灵，犹如

在溃烂的创口上再去一拳”。[p. 62]“清教徒法庭十分狡黠诡秘，给她设计的那种永不休止、永远有效的惩罚确实每时每刻以各种各样的方式使她感受到无穷无尽的悸痛。”[p. 62] 海丝特在一个完全孤立无助的境地中，进行着漫长而痛苦、绝望又孤独的自我救赎，虽然她肉体上未被处死，但她的精神追求已经死亡，并且最终还是为赎罪而死，深刻地揭示了公共权力的严酷惩罚和被害者的无辜惨痛。

3.3 罪与罚的余论

人们不禁要问国家或社会是否有权以法律的名义干预公民之间的私事？通奸是否真的会对他人的生活造成影响？如果答案是否定的，是否应该把它定性为犯罪？以隐私的视角来看，即使《红字》中的通奸被社会伦理所否定，是不被社会认可的行为，但不一定非要公开并要犯罪化；退一步讲，即使通奸被定性为犯罪，对犯者的刑罚也不一定非要公开进行。如果真能如此，或许主人公的人生悲剧就可以避免。无可否认的是，隐私并不排除不可告人的成分，但是无论隐私合法与否，除法定事由限制之外，当事人当然就其享有隐私权，得以沉默隐匿该事实，并禁止任何人无正当理由而刺探、公开、传播该隐私。[马特，2008, p. 133] 隐私是人性的组成部分，与人性价值密不可分，关乎个性的自由成长，而这一点从古至今都是相通的，也只有认识到这一点，才能很好地保护隐私。

4. 霍桑的人性追问

对《红字》的解释不能是单一的和平面的，也不能简单地把它当作对现实社会的真实描摹。霍桑在这本小说中涉及的问题在今天就和在 100 多年前一样，是极富争议的。小说的核心是通奸罪，而对通奸的惩罚是令人迷惑的。如果红字所述故事的历史背景是准确的，毫无疑问通奸是死罪，海丝特为什么能逃过一死？有学者 [转自 Johnson, 2008, p. 73] 认为在殖民地时期对通奸罪是否执行死刑就是有争议的，有的立法者为极少对通奸罪判处死刑大为恼怒，有的则“过于仁慈”而不判通奸者死刑，“如果他们自己的妻子或女儿也误入歧途，他们就该感谢自己了。[p. 37]”这说明作者认为即便是坚定的惩罚者也由于种种缘由保留一定的恻隐之心，不对通奸罪处以极刑。

即使逃过死刑，为什么霍桑也让海丝特免于对通奸犯通常的刑罚——烙印、公开被打和驱逐呢？这可以有多种不同的解释，但显然霍桑是经过长期思考，才在其作品里用“罪”和“罚”的观念对生活进行概括，并通过展示公权力介入私生活的悲剧性结果提出更带有普遍性的问题。霍桑的确不否认白兰的通奸是错误的，但同时表达了对过犯者内心隐秘的同情和尊重。他通过他的作品屡次发问，如果真的人人都袒露自己灵魂的话，是否每个人都洁白无瑕？在他另一部小说《教长的

黑面纱》中，教长为表现“罪”的意识，戴起了黑面纱把脸遮住。临死时他大声疾呼：“我环顾左右，人人脸上都有黑面纱”。[杨阳，2008, p. 49] 在《红字》中，霍桑通过白兰的思考又表达了他的这一思想：那个字母使她对别人心里隐藏的罪孽有了恻隐之心。她似乎得到某种启示：“贞洁的外表只是一种骗人的伪装；要是把各处的真实情况都抖搂出来，那么许多人的胸前就该像海丝特一样佩上闪亮的红字。”[p. 63]

“人”的英文 *person* 在语言渊源上的最初意思就是“面具”。在这个世界上，人人都戴着自己的面具。面具被撕破的人，会被挑剔的强光灼伤，被迫暴露真实的自我。这种暴露会让被暴露者在嘲笑和羞辱面前毫无遮掩，而且会让他受制于那些知道他秘密的人。[艾伦&托克音顿，2004, p. 52]霍桑认为：不管一个人犯了什么过失，没有别的暴行比它（让人蒙辱示众）更违背常人的天性，没有别的暴行比不准罪人因羞愧而隐藏自己的脸孔更为险恶凶残的了。[p. 40]“强迫一个女人供出内心的隐私是蹂躏妇女的天性”，“要她袒露灵魂深处的隐私，而她的灵魂即令受到了玷污，依然是神圣不可侵犯的”。[p. 48] 作为一个具有超前意识的作家，霍桑在这部小说对人性的意蕴和隐私的价值进行了思索，触及到现代人才会思考的一些问题，他把“罪”与“罚”的探讨提升到一个新的高度，并力图赋予更深的意义。

5. 结语

小说《红字》展现了隐私入罪以及公开刑罚犯者、侵犯个人隐私的那段美国历史。通读小说，正是在人性的追问中，读者和作者一起看到了隐私的人性价值之光。隐私作为一种特殊的独立，它建起一道不可违抗的尊严之墙来抵挡全世界，使个人得有所保留，对抗外力干预。[艾伦&托克音顿，2002, p. 53] 隐私权作为晚出的人权，人们似乎认为其是现代社会的产物，但是从《红字》的故事里，也可以清晰找到与人类本性需求相连的隐私价值，这其实才是隐私权需要进行保护的最深层次的基础。即使今天我们已经认识到了保护隐私权的重要性，准确把握隐私权基本人权价值依然非常必要。作者可能并非有意为之，我们读者却无法忽视该部作品的思想性、进步性和艺术价值。

参考文献

Johnson C. 2008. *Understanding The Scarlet Letter* [M]. Beijing: Renmin University of China.

阿丽塔·L·艾伦 理查德·C·托克音顿. 2004. 冯建妹等译. 美国隐私法: 学说、判例与立法[M], 北京: 中国民主法制出版社.

曹亚军. 1999. 霍桑及其《红字》之二: “海关”及通奸罪的政治解读[J]. 深圳大学学报(人文社会科学版), (2): 65-72.

劳伦斯·M·弗里德曼. 2007. 苏彦新等译. 美国法律史[M]. 北京: 中国社会科学出版社.

李儒寿.2005.《红字》女主人公海丝特白兰性格特征探析[J].武汉大学学报(人文科学版), (4): 486–489.

马特.2008.隐私语义考据及法律诠释[J].求索 (5): 131–133.

蒙雪琴.2003.海丝特获得新生了吗? [J].解放军外国语学院学报, (6): 79–82.

王秀哲.2008.隐私权的含义及人权保障法规范保护研究[A].莫纪宏主编.人权保障法与中国[C].北京:法律出版社.

杨阳.2008.罪恶追究的偏执灵魂袒裸的疼痛——关于《红字》中犯罪与法律惩罚的思索[J].中国政法大学学报, (6): 44–49.

УДК. 327.8

С. Б. Макеева

Иркутский государственный университет, Иркутск

**РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ
ПРОВИНЦИЙ КНР В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ
«ПРОГРАММЫ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РЕГИОНАМИ
СЕВЕРО-ВОСТОКА КНР И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ РФ НА 2009–2018 ГОДЫ»**

Аннотация. Рассматриваются основные векторы развития трёх северо-восточных провинций КНР в рамках реализации российско-китайского сотрудничества. Прослеживается влияние на развитие Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин процесса расширения сотрудничества с РФ в таких перспективных направлениях, как глубокая переработка ресурсов, аэрокосмическая промышленность, производство современного оборудования и высокотехнологичные отрасли.

Ключевые слова: северо-восточные провинции КНР, Программа сотрудничества, приграничная инфраструктура, зоны сотрудничества, логистические узлы.

S. Makeeva

Irkutsk State University, Irkutsk

**THE REGIONAL DEVELOPMENT OF NORTH-EASTERN PROVINCES
OF CHINA IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION
OF THE «COOPERATION BETWEEN CHINA'S NORTH-EAST AND RUSSIA'S FAR
EAST AND EASTERN SIBERIA IN 2009–2018» PROGRAM**

Abstract. The article considers the main vectors of development of the three North-Eastern provinces of China in the framework of the Russian-Chinese cooperation. The influence of expanding cooperation with Russia on the development of Heilongjiang, Jilin and Liaoning in such promising areas as deep processing of resources, aerospace, production of modern equipment and high-tech industries, is in evidence.

Keywords: North-Eastern provinces, cooperation program, border infrastructure, cooperation zones, logistics hubs.

Северо-восточные провинции Китая: Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин – находятся в непосредственной близости от Восточной Сибири, Забайкальского края и Дальневосточного региона России. За последние десятилетия укрепления партнёрского российско-китайского

сотрудничества региональное развитие северо-восточных провинций КНР определяется устойчивым поступательным ростом китайской экономики, с одной стороны, расширением приграничной торговли России и Китая, с другой, а также реализацией новых форм российско-китайского сотрудничества в экономической и технической сферах.

Начиная с 2009 г. на официальном межгосударственном российско-китайском уровне реализуется «Программа сотрудничества между регионами Северо-Востока КНР и Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ на 2009–2018 гг.», которая была разработана в целях выполнения стратегии регионального развития России и Китая, разработанного КНР «Плана восстановления Северо-Восточного региона» и разработанного РФ «Специального плана социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г.», на основании подписанного 26 марта 2007 г. в Москве «Китайско-Российского коммюнике», в котором в первой главе 8-го раздела содержится план осуществления «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем» (2009–2012 гг.) [中华人民共和国 2013]. Также на межгосударственном российско-китайском уровне 2018 и 2019 гг. объявлены перекрёстными «годами межрегионального сотрудничества России и Китая». Реализация программы и проведение годов межрегионального сотрудничества оказывают прямое влияние на торгово-экономическую, промышленно-техническую, социально-гуманитарную сферы развития северо-восточных провинций Китая. Сотрудничество провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин с РФ воздействует на развитие энергетики, электроэнергетики, сельского и лесного хозяйства, торговли и логистики этих трёх северо-восточных провинций Китая. Китайское правительство надеется, что расширение сотрудничества с РФ в таких перспективных направлениях, как глубокая переработка ресурсов, аэрокосмическая промышленность, производство современного оборудования и высокотехнологичные отрасли, окажет положительный эффект на развитие провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин [Макеева, 2010].

2018 г. является итоговым периодом завершения реализации «Программы сотрудничества между регионами Северо-Востока КНР и Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ на 2009–2018 гг.», которая включает в себя следующие ключевые направления: «Обустройство пунктов пропуска, строительство и реконструкция приграничной инфраструктуры»; «Сотрудничество в сфере транспорта»; «Развитие зон сотрудничества», «Создание и развитие зон научно-технического сотрудничества» и «Сотрудничество в сфере освоения и охраны природы острова Большой Уссурийский»; «Укрепление российско-китайского сотрудничества в сфере трудовой деятельности»; «Сотрудничество в

сфере туризма»; «Ключевые проекты регионального сотрудничества»; «Сотрудничество в гуманитарной сфере»; «Межрегиональное сотрудничество в области охраны окружающей среды».

По состоянию на май 2018 г., согласно направлению в Программе «Обустройство пунктов пропуска, строительство и реконструкция приграничной инфраструктуры» китайская сторона завершила электрификацию Биньчжоуской железной дороги (Харбин – Маньчжурия); провела модернизацию железной дороги Маньчжурия – Хулун-буир, а также запустила экспериментальный междугородний поезд. Была введена в эксплуатацию скоростная магистраль Маньчжурия – Дацин (городской округ в провинции Хэйлунцзян), строительство которой происходило в рамках возведения скоростной магистрали Суйфэньхэ – Маньчжурия, которая проходит по таким крупным городам, как Суйфэньхэ, Муданьцзян, Харбин, Дацин, Цицикар и Маньчжурия (всего 1520 км) [海拉尔, 2018]. Магистраль была официально введена в эксплуатацию 3 ноября 2013 г. и стала важным международным автомобильным каналом в Северо-Восточной Азии. В 2009 г. китайской стороной была завершена реконструкция пункта пропуска Хэйшаньтоу, а также сдана в эксплуатацию магистраль Хэйшаньтоу – Лабудалинь протяжённостью 78 км. 11 октября 2012 г. в г. Уланчаб (Внутренняя Монголия) состоялась церемония запуска железной дороги Хэйшаньтоу – Хайлар, длина пути составила 192 км, объём транспортировки – 16 млн тонн в год. Железная дорога является важным каналом для транспортировки угольных и туристических ресурсов вдоль маршрута, в то же время берёт на себя задачу импорта российских грузов из порта Хэйшантоу, который станет ещё одним международным шлюзом в Россию. 15 июля 2016 г. официально открылся пассажирский поезд из города Цзямусы в порт Тунцзян на российско-китайской границе. Налажен транспортный маршрут Хуньчунь – Зарубино, по инициативе КНР был осуществлён запуск регулярных грузовых поездов.

С января 2016 г. началось строительство автомагистрали Хулун-Буир – Маньчжурия. Данный проект всё ещё находится в процессе реализации. В октябре 2016 г. Государственный комитет по развитию и реформам КНР одобрил проект строительства автомагистрали Хайлар (район городского округа Хулун-Буир) – Маньчжурия [交通运输, 2017]. К проектам, находящимся в процессе реализации, ответственность за выполнение которых лежит в равной степени как на российской, так и на китайской стороне, можно отнести: строительство моста Хэйхэ – Благовещенск, а также строительство железнодорожного моста между пропускными пунктами Нижнеленинское – Тунцзян. Строительство моста Хэйхэ – Благовещенск началось 24 декабря 2016 г., предположительно в 2019 г. мост будет введён в эксплуатацию. К основным неза-

вершённым совместным проектам следует отнести: строительство высокоскоростной магистрали Чанчунь – Владивосток, а также строительство сверхскоростной железной дороги между Владивостоком и Хуньчунем.

Результатами реализации Программы в сфере транспорта стало восстановление железнодорожного движения Хуньчунь – Махалино в августе 2013 г. Был выполнен технический рейс по международному маршруту для нерегулярных пассажирских перевозок Харбин – Шуаньшань – Жаохэ – Покровка – Бикин – Хабаровск. Были также организованы прямые пассажирские рейсы из Петропавловска-Камчатского до Даляни. В 2011 г. были возобновлены полёты из Южно-Сахалинска в Пекин, а также рейсы Южно-Сахалинск – Харбин, Чанчунь – Владивосток, Яньцзи – Владивосток.

Реализация Программы по «Развитию зон сотрудничества» имеет большое значение для экономического и научно-технического развития трёх северо-восточных провинций КНР. По состоянию на апрель 2018 г., китайской стороной реализованы следующие проекты: создан парк российско-китайского научного сотрудничества в Чанчуне. В 2006 г. было подписано соглашение между Министерством науки и техники КНР, правительством провинции Цзилинь, правительством города Чанчунь, Китайской академией наук совместно с Сибирским филиалом Российской академии наук и правительством г. Новосибирска о создании парка. В 2010 г. парк стал бизнес-инкубатором государственного значения, в парке был создан китайско-российский инженерный центр сверхтвёрдых материалов. К концу 2013 г. в Технопарке были созданы 45 предприятий в сфере новых и высоких технологий, в том числе созданы совместные лаборатории и инженерно-технологические центры различных профилей, например совместная лаборатория по выращиванию и освоению грибных ресурсов Китая и России, китайско-российская совместная лаборатория редкоземельных материалов, китайско-российская совместная лаборатория чистой энергии и смежных технологий, китайско-российский центр биоинженерии и биотехнологий, китайско-российский центр по инженерии сверхтвёрдых материалов. В Технопарке на постоянной основе созданы представительства и выставки инновационных разработок России, Украины и Беларуси.

К совместным проектам, реализованным в рамках третьего пункта Программы, следует отнести торжественное открытие российско-китайского приграничного моста в Фуюане в сентябре 2012 г. В 2016 г. была также создана совместная межправительственная комиссия по развитию Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая.

Строительство совместных научно-технических парков развито на территории Северо-Восточного Китая. Функционируют совместные

научно-технические парки в городе Чанчунь, Далянь, продолжается строительство парка на территории города Харбин. 16 декабря 2015 г. в городе Харбин был создан новый район, на территории районов Сунбэй, Хулань, Пинфан, площадь которого составила 493 квадратных километра. Данный район располагает богатой научно-технической и производственной базой. Согласно 14 съезду КПК в г. Харбин (13 января 2017 г.), в ближайшие пять лет в «новом районе г. Харбина будет создан Российско-Китайский производственный парк».

В ходе реализации пункта Программы «Укрепление российско-китайского сотрудничества в сфере трудовой деятельности» можно отметить, что продолжается развитие сотрудничества в рамках «Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ через проекты в сельском хозяйстве, животноводстве и строительстве на условиях генерального подряда и субподряда».

В рамках пятого пункта Программы «Сотрудничество в сфере туризма» китайской стороной в 2013 г. был осуществлён запуск туристического водного маршрута в уезде Фуюань. Маршрут носит название «Остров двух рек» и включает в себя путешествие вокруг острова Большой Уссурийский, а также по реке Амур и Амурской протоке. Был также организован маршрут российско-китайской дружбы, проходящий по таким китайским городам, как Харбин, Чанчунь, Шэньян.

26 декабря 2016 г. Госсовет опубликовал «13-й пятилетний план развития индустрии туризма», в котором говорится о реализации туристических маршрутов Северо-Восточного региона, таких как Даньдун (Ляонин) – Цзиань (Цзилинь), Чанбайшань, Яньцзи (Цзилинь), Хуньчунь (Цзилинь) – Суйфэньхэ (Хэйлунцзян), маршрута «Снежный источник лесного моря»: Цзилинь (городской округ в провинции Цзилинь), Дуньхуа (Цзилинь) – Муданьцзян, Цзиси (Хэйлунцзян), а также о строительстве региональных аэропортов.

Туристическое сотрудничество Северо-Восточного региона КНР и РФ включает в себя: упрощение процедуры поездок, развитие безвизового режима в приграничных зонах, встречи представителей туристических фирм Северо-Востока Китая и России, совместные туристические проекты и инвестирование в развитие туристических зон.

На сегодняшний день итогами развития безвизового режима между Россией и Китаем стало создание пяти зон с безвизовым режимом, две из которых находятся на Северо-Востоке Китая. С 2004 г. безвизовый режим осуществляется в городе Хэйхэ (Хэйлунцзян) сроком до 30 дней. С 1 января 2014 г. был упрощён порядок въезда российских граждан на территорию Суйфэньхэ (городской уезд в провинции Хэйлунцзян) сроком пребывания до 15 дней.

Региональное развитие трёх северо-восточных провинций КНР (Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин) определяется инновационными методами взаимодействия с РФ. В рамках реализации «Программы сотрудничества между регионами Северо-Востока КНР и Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ на 2009–2018 гг.» правительство КНР уделяет значительное внимание развитию трансграничной инфраструктуры в рамках строительства «Трёх мостов и одного острова» – Тунцзянский железнодорожный мост (переход Нижнеленинское (ЕАО) – Тунцзян), Хэйхэский автодорожный мост (переход Благовещенск (Амурская область) – Хэйхэ), Дуннинский мост (переход Полтавка (Приморский край) – Дуннин) и освоение острова Хэйсяцзы (Большой Уссурийский).

Перспективным вектором развития северо-восточных провинций в ближайшие годы является реализация торгово-экономических, научно-технических проектов в рамках строительства «экономического коридора Китай – Монголия – Россия». Предварительные итоги выполнения «Программы сотрудничества между регионами Северо-Востока КНР и Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ на 2009–2018 гг.» определяют перспективы развития Хэйлунцзянской зоны свободной торговли (КНР и РФ), приграничной испытательной зоны развития вдоль китайско-российской границы, демонстрационной зоны трансграничного экономического сотрудничества, зоны логистических узлов для Европы и Азии.

Литература

Макеева С. Б. Социально-политические аспекты изучения правовых основ международного взаимодействия // Молодёжь Сибири – науке России : сб. статей по материалам науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. А. Кравченко. Новосибирск : Сиб. ин-т бизнеса, упр. и психологии. 2010. С. 170–174.

中华人民共和国国家统计局 // 中华人民共和国国家统计局. 2013. URL: <http://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 24.05.2018).

海拉尔至满洲里城际列车试运行 // 正北方网. 2018. URL: <http://www.northnews.cn/2018/0102/2726639.shtml> (дата обращения: 27.05.2018).

交通运输部批复内蒙古自治区海拉尔至满洲里公路初步设计 // 中华人民共和国交通运输部. 2017. URL: http://zizhan.mot.gov.cn/sj/gonglj/xinwendt_glj/201707/t20170718_2486364.html (дата обращения: 05.02.2018).

**ОТ «ВОЛНЫ ЖЕЛТОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ»
К «ВОЛНЕ ЖЕЛТОЙ ИНФОРМАЦИИ»:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ И МЕДИАЭТИКИ**

Аннотация. Если говорить о «желтой журналистике» или «желтой информации», то оба эти медиаявления являются следствием одной общей закономерности, основанной на несбалансированности медиатехнологий и медиаэтики, когда относительно передовые медиатехнологии не имеют своевременного разумного ограничения со стороны медиаэтики. Имея волновую естественную цикличность, «желтая журналистика» и «желтая информация» по существу являются объективными периодическими коммуникативными явлениями, или формами социальной практики.

Ключевые слова: желтая журналистика, желтая информация, медиатехнологии, медиаэтика.

Meng Linshan

Renmin University of China, Beijing

**FROM “YELLOW JOURNALISM TIDE” TO “YELLOW INFORMATION TIDE”:
THE INTERACTION BETWEEN MEDIA TECHNOLOGY AND MEDIA ETHIC**

Abstract. Although yellow journalism is different from yellow information, they are both governed by the same objective law: the unbalanced interaction between media technology and media ethic, which means that historically relatively advanced media technology lacked timely reasonable restriction from media ethic. Just like tide, the periodic natural phenomena, yellow journalism and yellow information, are essentially the objective periodic communication phenomena, or the social practice forms.

Keywords: yellow journalism, yellow information, media technology, media ethic.

Yellow journalism and yellow information: historical similarity

Yellow journalism is a kind of communication phenomena, characterized by sensationalism and vulgarization of news, tracing back to the cut-throat competition between William Randolph Hearst's New York Journal and Joseph "Joe" Pulitzer's New York World. In order to defeat Pulitzer, Hearst spent a lot of money recruiting all the staff of New York World (Sunday Edition), including the celebrated columnist Richard F. Outcault, the creator of the famous cartoon character Yellow Kid. Therefore, Yellow Kid was also transmitted to New York Journal, which was the blasting fuse igniting the conflict between the two newspapers. The reason why Yellow Kid was so popular is that the cartoon character, with thin hair and no teeth, wearing oversized clothes, wandering around, expressing his opinion, was the mirror image to the society, striking a chord with the readers.

Irritated by Hearst's "hijacking" behavior, Pulitzer hired a new artist, George Lachs, to recreate the New York World's Yellow Kid, and took Hearst to court. That battle for Yellow Kid caused a stir in New York City.

Taking advantage of people focusing on the incident, New York World and New York Journal started to seize readers and audiences by planning sensational reports without scruple, no matter whether the reports were true or inveteracious. During that time, Ervin Wardman, a famous reporter from the New Yorker, named the reporting style of the two newspapers “Yellow Journalism”, which was quickly accepted by people as a proper noun and nomenclature referring to that journalistic “battle” and the type of reporting.

In China, from September 2017 up to now, People's Daily – one of the most authoritative media – has published articles criticizing the algorithm of recommending yellow sheet, fake news and pornographic information to users, which caused an “earthquake” in the Chinese press. The paper has stated that with the wide application of big data and artificial intelligence, some commercial websites and mobile news apps are trying to create a brand-new reading experience and reach users through receiving information about their habits by applying an algorithm in the process of producing news and messages. Such news or the information service model is convenient for the users who want to see what they like to watch; however, it may cater to the low taste of the audience with high probability and cause the effect of an information cocoon. On December 29th, 2017, in order to curb this unhealthy media trend, the National Internet information office, which is in charge of Chinese Internet development and safety, demanded of Topbuzz (the Toutiao) to rectify and reform its 6 channels of apps, including Recommend Channel, Hot Spot Channel, Society Channel, Image Channel, Q&A Channel and Finance & Economics Channel, which led to suspense in updating and supplying news and information service from December 29th, 2017 to December 30th, 2017.

In my perspective, yellow journalism, an academic term derived from historical events, can no longer accurately explain the development of media and the «vulgarization phenomenon» arising from the media ecology in today's world. In the mass communication mode, news is one of the essential social information forms having significant impact on the public. Nevertheless, with the constant update and development of media technology, a new mode of communication and interactive form is taking shape. Non-news information can also spread widely through the Internet, mobile Internet and the Internet of things, influencing social development and people's cognition. Hence, the academic concept of yellow journalism can no longer be applicable to the media environment in current China, which relies on on Internet communication technology and public communication mode. For instance, in apps of the news aggregation platform, there are both «serious» news and «yellow» news, besides the amount of non-news information. Therefore, in my opinion, compared with the “yellow news tide”, the concept of “yellow information tide” describes and explains the current communication phenomena more appropriately and accurately.

As for the definitions, although “yellow journalism” and “yellow information” have different connotations and explanatory power, there exist

historical and social similarities between them, such as the process of modernization and urbanization, plenty of immigrants who swarmed into city, the effect of population aggregation becoming more and more remarkable. Therefore, based on this similarity and for a larger market share and better development, the competition among the commercial media firms is becoming increasingly fierce by using low-taste and eye-catching content to attract audiences and consumers.

Flux and Reflux:

Unbalanced restriction between media technology and ethics

The current academic research on American yellow journalism mainly focuses on four aspects. W. Joseph Campbell's research on American yellow journalism is based on the methodological framework of "a single-year study". Another aspect emerges from the perspective of the history of the Spanish-American war. Craig Carey discusses the influence of the development of the telegraph technology and the rise of yellow journalism on the development of breaking news reporting skills. Marvin Olasky focuses on the regional study in American Yellow Journalism history, treating the journalism sensationalism in the late 19th century Texas press as the research object with the perspective of "Biblical Morality". In the field of interdisciplinary comparative research, Davis Ian tries to comb the relationship between yellow journalism and the origin of PR.

In Campbell's perspective, the press and the American Journalism history research community both ignored the significance and the value of the year 1897, and, in particular, the problem of rear supply: "Should a newspaper furnish members of the editorial staff with stationery supply", "What is the rule in regard to paying car fare for reporters on the local staff of newspapers", or the argument about whether typewriters lower the literary grade of the work done by reporters. Basing on the method of "a single-year study", Campbell categorizes and integrates all the important events that happened in the American Press in 1897 – he set this whole year as the research unit. The researcher analyzes the interaction and the impact of these events, including "the most famous editorial in American journalism, the New York Sun's timeless 'Is There a Santa Claus?'", the emergence of yellow journalism, the breakthrough in applying half-tone technology in daily newspapers, the success of "jail-breaking journalism", the first modern reference to public relations, the emergence of cinema, a motion picture camera first taken to war, and "the origin of the Katzenjammer Kid, now America's longest-running newspaper comic". But even more importantly, 1897 is the year of choice for the future of American journalism: "the self-activated, participatory ethos of Hearst's yellow journalism" or "the detached, sober antithesis of that genre, as represented by the New York Times and its lofty commitment to 'All the News That's Fit to Print'", which is the watershed of these two news practicing visions and paradigms.

Carey [2016, p. 132] points out that when scholars study the media, it is hard to distinguish the cultural attribute of the media from its technical attribute. For instance, basing on the cultural logic, people always try to figure out how media create cultural symbols and stories; on the other perspective, how media tech and signal-processing technology such as telegraphy and the wire-based press code these cultural symbols is the tech-logic people are most concerned about. Compared with his predecessors' approach lacking the tech-logic, Carey focuses his research on the technological attribute of media for supplying the cultural media research, drawing attention to telegraphy "in order to excavate and elucidate the technological procedures through which stories of sensationalism, spectacle, and media propaganda functioned".

As a scholar studying American regional journalism history, Olasky pays more attention to the development of local press. In the era of yellow journalism, Texas press is hypocrisy, which means they judge the same phenomena with two totally different evaluation criteria and attitudes. On the one hand, editors and journalists from Texas Press Association "gave speeches criticizing sensationalism" and "attacked 'big city' northern newspaper "for sending the crime and wickedness "to satisfy the cravings of a sensation-loving public". On the other hand, local press reported the gory sensationalism news, such as "a man murders his 70 brothers and half-brothers". Although what they do and say looks quite ridiculous and inconsistent, the logic behind the "weird" behavior bases on the "Biblical Morality". "There was nothing wrong with sensationalism, though, was contextualization: Would the gory specific detail point readers toward a biblical moral? Would they be instructed to 'go, and sin no more?'"

According to Olasky's study, most of the editors during the 1890s were Christians. Compared with northern big city commercial newspapers, Texas editors held unique professional ethic, such as "the press should work for 'the glory of God'", the press should work "with the strong faithand note the biblical allusion", "journalist should apply the Bible to daily life" instead of reporting daily chores.

On the surface, in spite of Texas newspapers being full of sensational news in 1890s, then Texas editors didn't regard their reports as yellow news. They insisted that "the sensational big city newspapers.....featured blood and lust not to help man reach heaven, but just to increase circulation". "Texas journalism, though, was different.....editors were playing up contemporary applications of old lessons". Therefore, it's necessary to do comparative research in different context and ideology.

Every coin has two sides, and yellow journalism is no exception. Ian's research, based on the view of interdisciplinary comparative study and sociology, provides us with a brand-new insight. In the context of the development of printing technology and culture, the emergence of Public Relations as industry or discipline, had something to do with the development of American yellow journalism, which led to the mount of general readership

taking shape. With the growth of readerships, some middle-class scholars and editors started to worry about the “chaos” readerships might make. This trend forced political elites to attach importance to “public opinion”, which is regarded as the vital strength “promoting social cohesion” and realizing liberal democracy.

From the above, in all the works – Campbell’s research on analyzing American yellow journalism with the “a single-year study” methodological framework, or the discussion about the relationship between development of telegraphy and emergence of yellow journalism conducted by Carey, or Olasky’s study on Texas sensationalism journalism in the perspective of “Biblical Morality” ,or the Ian’s Interdisciplinary comparative study on the relationship between Yellow Journalism and the origin PR, the scholars keep a watchful eye on the same aspect, which is the relationship between the yellow journalism and technology, society, ideology, ethics, culture.

Back to Chinese scholars’ research on “yellow information” in current China, they only introduce and evaluate the concept of “yellow journalism” and explain the emerging phenomenon, which lacks explanatory power, instead of making effort to decipher why this kind of phenomenon has reappeared over and over again in the last 120 years, from modern to contemporary, from West to East, from developed countries to developing ones.

In my perspective, although Yellow Journalism is different from Yellow Information, they are both governed by the same objective law: the unbalanced interaction between media technology and media ethic, which means historically relatively advanced media technology lacking timely reasonable restriction from media ethic. Just like tide, the periodic natural phenomena, yellow journalism and yellow information are essentially the objective periodic communication phenomena, or social practice forms.

Return to balance: synchronized research on “Tech-ethic”

In the history of human cognition, there have been different interpretations on the relationship between science & technology and ethic. From the perspective of Feng Yuanjun [1997, p. 23–24], there are five kinds of traditional relationship theories about it. The first relationship theory was that knowledge equals ethic, the second was that the relationship between science & technology and ethic is antithesis, the third was that the development of science & technology has nothing to do with ethic, the fourth was that science determines ethic, and, on the contrary, the fifth was that ethic determines science. In Feng’s opinion [1997, p. 24], the relationship between science & technology and ethic is dialectical and complicated, which is the two-way motion of interaction and mutual restriction.

Foucault’s technical philosophy is also concerned by Chinese scholars. For instance, Liu Zheng [2016, p. 33] points out that Foucault’s technical philosophy shows its double transcendence. On the one hand, it breaks through the humanism limitation of traditional technological philosophy, explaining that men were made of technology, the products of technology. On

the other hand, it broadens the meaning of Technology, which no longer refers to the tech and its production activities, but establishes the essential homology connection between technology and power, truth, ethic. At this level, ethic as one of generalized technique forms and technology interact.

With the development of technical philosophy and NBIC converging technologies (Nanotechnology, Biotechnology, Cognitive Science, Information Technology), it is possible to implement the “Tech-ethic” synchronized research. Liu Baojie [2013, p. 34] points out that “tech-ethic” synchronized research, different from traditional research, tries to solve a series of problems, such as value-sensitive design in technological innovation, separation of design ethic from apply ethic, dynamic compatibility of technology and ethic. In my perspective, all of the technologies – Nanotechnology, Biotechnology, Cognitive Science, Information Technology – must have a deep impact on the features and development of human society. Therefore, in order to keep the balance between technology and ethic, it is necessary to take the “Tech-ethic” synchronized research as the new direction of this balance solution.

Conclusion

“Yellow journalism” and “Yellow information”, the periodic communication phenomena caused by the interaction between media technology and media ethic, are essentially the materialistic dialectical relationship between «material-consciousness». Just as Harold Innis said, according to his bias communication theory, bias existed in all kind of media, some media were the type of time bias, others – the space bias. Different biases lead to unique culture and ideology because this kind of difference is based on the material property of media. Media technology being one of the most important material properties of media, the role of it depends on how to use media and how to regulate all activities related to media. “Tech-ethic” synchronized research may be the best way to balance media technology and media ethic, which makes technology truly useful to mankind.

References

- 冯元均 (1997)。科学技术与伦理道德的双向运动。《科学学研究》，15(2)，23–27。
- 刘宝杰 (2013)。技术-伦理并行研究的合法性。《自然辩证法研究》，29(10)，34–37。
- Carey, C. (2016). Breaking the News: Telegraphy and Yellow Journalism in the Spanish-American War. *American Periodicals: A Journal of History & Criticism*, 26(2), 130–148.

ВНУТРИОТРАСЛЕВАЯ ТОРГОВЛЯ УСЛУГАМИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

Аннотация. На основе данных за 2009–2016 гг., в статье представлен анализ торговли услугами между Россией и Китаем, проведенный с использованием индекса Грубеля – Ллойда, индекса Брулхарта и индекса конкурентоспособности в торговле. Результаты анализа показывают, что в сфере торговли услугами между Россией и Китаем доминирует внутриотраслевая торговля. Тем не менее уровень внутриотраслевой торговли между этими странами значительно различается в зависимости от вида услуг.

Ключевые слова: международная торговля; торговля услугами; внутриотраслевая торговля; Китай; Россия.

A. Samarina, Wang Shaoyuan
Dongbei University of Finance and Economics

INTRA-INDUSTRY TRADE IN SERVICES BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Abstract. Based on the trade data for the period from 2009 to 2016, the paper analyzes the trade in services between Russia and China, using Grubel-Lloyd index, Brulhart index and trade competitiveness index. The results show that services trade pattern between Russia and China is dominated by intra-industry trade. However, the level of intra-industry trade between Russia and China in different services varies greatly.

Keywords: international trade; trade in services; intra-industry trade; China; Russia.

1. Introduction

For a long time trade in services was neglected by international trade economists due to the concept of non-tradability of services and its specific nature as non-storable and intangible commodities. The situation changed with Uruguay round of multilateral trade negotiations and creation of GATS (General Agreement on Trade in Services), which has defined four modes of service's supply: cross-border trade, consumption abroad, commercial presence and presence of natural persons providing services. As a result, a significant part of «non-tradable» services was defined as «tradable» [Lee&Lloyd, 2002]. Nowadays, international trade in services has become a new and distinctive characteristic of the current economic globalization and has led to major adjustments in the world economy and industrial structure [Cui & Chen, 2008]. According to Eurostat, world exports of commercial services totaled US\$ 4.8 trillion in 2016, up from US\$ 2.9 trillion in 2006. Inter-industry trade is an export of services from one industry and import from another, it's associated with comparative advantages of the country in producing the exact type of services. Intra-industry trade (IIT), the important feature of modern international trade in services, occurs when countries simultane-

ously tend to import and export their same or similar services [Lee & Lloyd, 2002], and associated with non-comparative advantage gains from trade. The level of intra-industry trade is an important measure of the ability of a country or region to adapt to changes in the international market and its position in the international division of labor [丁秀飞, 2016]. The more diversified the country's economy is, the higher will be the share of IIT in its commodities turnover. It is assumed that the development of IIT stimulates the exchange of new technologies and promotes economic growth [Troekurova & Nekhorosheva, 2013].

Although the questions of intra-industry trade have been widely studied in the literature, most of the studies have concentrated on the merchandise trade [Lee & Lloyd, 2002]. Trade has traditionally been related to tangible goods, and service sector was supposed to be untouched by it. However, with the recent growth of services' share in the international trade and the global economy, research on intra-industry trade in the service industry has gradually enriched. Over the last two decades, studies on international trade in services have been mainly conducted in 3 directions: service-specific research, region-specific research and bilateral trade research. In the service-specific research area, the most attention was given to trade in tourism services, it was studied by Jiang Zhengling (2007), Webster et al (2007), Hu Ying & Han Liyan (2008), Leitao (2011), etc. Kierzkowski (1989), Francois & Wooton (2001) studied trade in international transport services; Tang (1999) – trade in communication services; Li et al. (2003) – trade in insurance services; Hughes et al (2001) – trade in financial services. Region-specific researches were conducted by Lee & Lloyd (2002) – research on intra-industry trade in 20 OECD countries; Zeng (2005), Cai (2007), Wang (2010) – research on intra-industry trade and its determinants in China, etc. Among researchers involved in the study of bilateral trade in services we can note Cheng Dazhong (2008), Chen Shuangxi (2010), Ma Jing, Zhang Yueyou (2012), Sichei, M (2012), who studied intra-industry trade in services between China and the USA, China and Japan, China and European countries, China and Australia, South Africa and the US, etc. Based on the trade data for the period from 2009 to 2016, this paper also analyzes the bilateral trade in services between China and Russia, using various indexes for measuring intra-industry trade level and trade competitiveness.

2. Trade in services in China and Russia

According to Eurostat, between 2010 and 2016, China recorded the fastest growth for trade in services. World trade statistical review 2017 named China the second biggest importer of commercial services in 2016 with a share in world imports of 9,6 %. China also took the fifth position in

the export ranking with a share in world exports of 4,3 %. For comparison, the Russian Federation had a 1,6 % share of global imports and 1 % share of global exports. Figures 1 and 2 clearly illustrate China’s fast and steady growth for trade in services (in export and import). Russia’s trade in services doesn’t demonstrate the same trend.

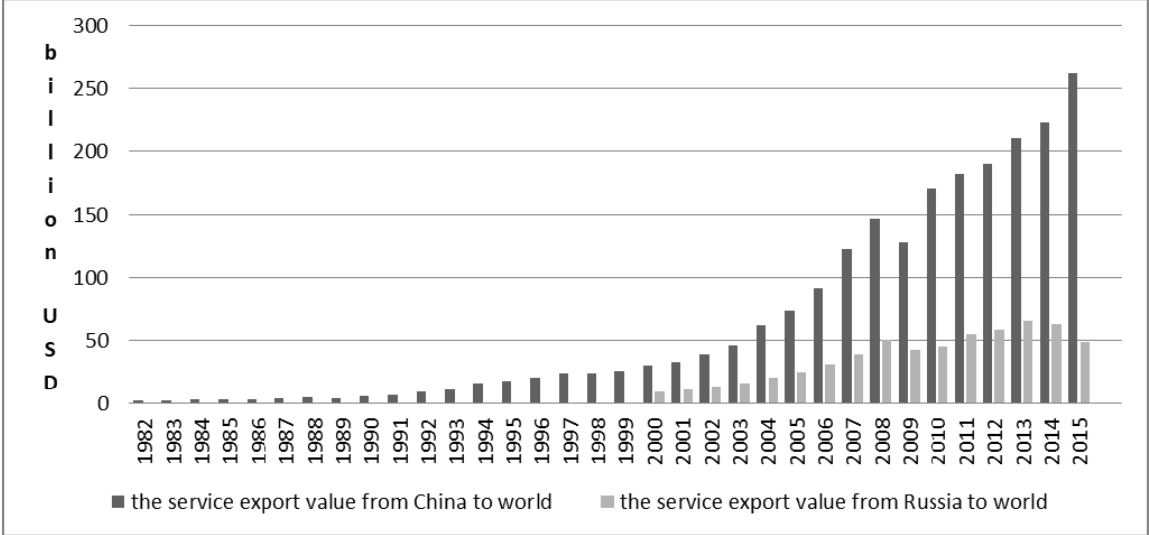

Figure 1. China’s and Russia’s service export value
Data source: UN Comtrade database

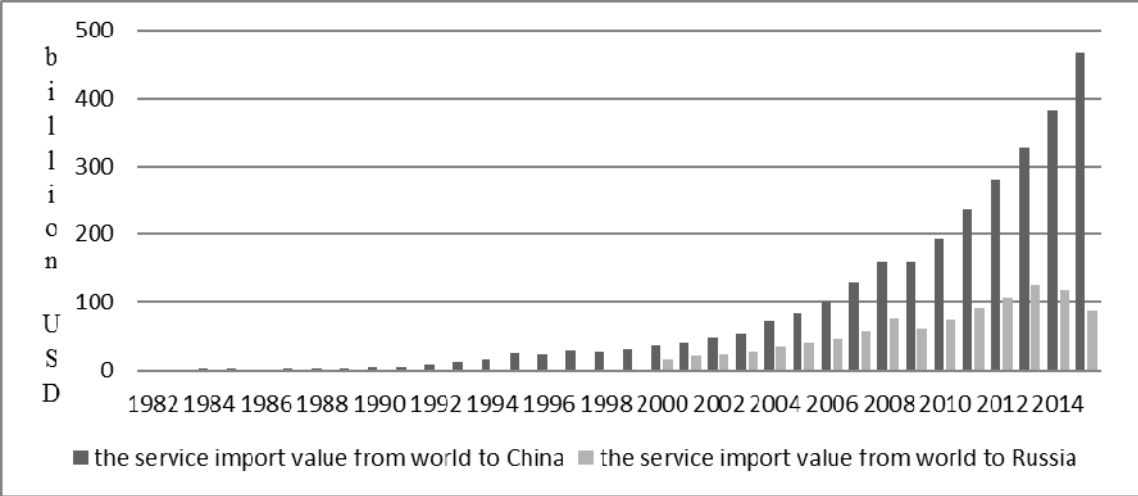

Figure 2. China’s and Russia’s service import value
Data source: UN Comtrade database

Statistics on bilateral trade in services also show that for many years China has been one of Russia’s largest service trade partners. According to the Bank of Russia, the total turnover of Russia-China’s trade in services (exports plus imports) rose from 1 billion US\$ in 2002 to 4 billion US\$ in 2016 (see figure 3, 4). China ranked as Russia’s 7th-largest service trading partner, 6th-largest export market, and 10th – largest source of imports.

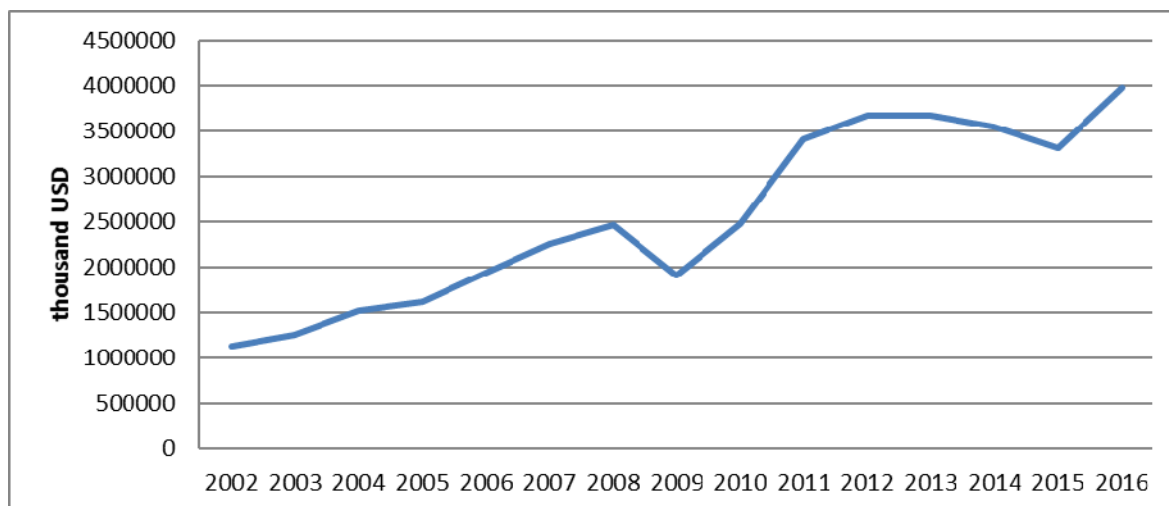

Figure 3. Total turnover of trade in services between Russia and China, 2002–2016
Data source: Bank of Russia

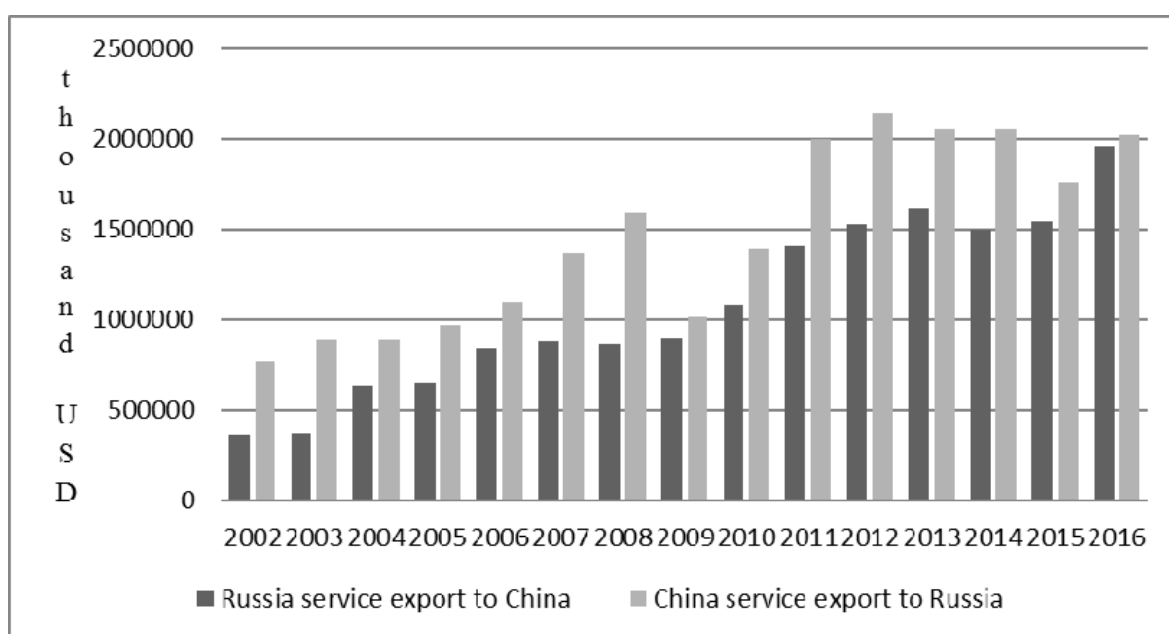

Figure 4. The export of services from Russia to China and from China to Russia, 2002–2016
Data source: Bank of Russia

3. Index estimation of intra-industry trade in services between Russia and China

This paper uses the service industry classification standard based on EBOPS (Extended Balance of Payments Services) to calculate the relevant intra-industry trade index for eleven major categories of service trade. The data is taken from the Bank of Russia and UN Comtrade Database for a period from 2009 to 2016.

1) Intra-industry trade – GL index estimation

Proposed by Grubel H. G. and Lloyd P. J. in 1975, GL index is the static estimation index of intra-industry trade. Nowadays it is the most commonly used method to evaluate the level of intra-industry trade between countries. The formula is as follows:

$$IIT_i = 1 - |X_i - M_i| / (X_i + M_i),$$

where IIT is the intra-industry trade index for industry i ; X_i and M_i are the exports and imports of specific service industry i respectively. Obviously, the value range of IIT is $[1, 0]$, the greater value indicates the higher level of intra-industry trade. The value greater than 0,5 shows that intra-industry trade is a priority type of trade in the industry, the value closer to 0 indicates that the industry has mostly imports or exports, which means that the level of intra-industry trade is low.

Table 1

GL index of Russia-China service industry trade

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	average
All services	0,938	0,874	0,826	0,832	0,881	0,843	0,934	0,985	0,889
Transport	0,593	0,547	0,726	0,504	0,414	0,510	0,313	0,196	0,475
Travel	0,801	0,722	0,709	0,721	0,776	0,786	0,752	0,761	0,753
Construction	0,608	0,769	0,743	0,708	0,602	0,484	0,414	0,979	0,663
Insurance and pension services	0,364	0,556	0,146	0,772	0,906	0,291	0,145	0,329	0,439
Financial services	0,192	0,173	0,401	0,345	0,957	0,207	0,343	0,036	0,332
Charges for the use of intellectual property	0,860	0,090	0,779	0,740	0,337	0,066	0,051	0,122	0,381
Telecommunications, computer and information services	0,869	0,547	0,674	0,586	0,506	0,665	0,511	0,515	0,609
Other business services	0,741	0,743	0,779	0,761	0,997	0,881	0,894	0,775	0,821
Personal, cultural, and recreational services	0,955	0,726	0,576	0,749	0,339	0,501	0,644	0,255	0,593
Manufacturing services on physical inputs owned by others	0,338	0,251	0,093	0,030	0,241	0,238	0,186	0,052	0,178
Maintenance and repair services	0,716	0,697	0,558	0,585	0,775	0,761	0,405	0,445	0,618

Data source: Bank of Russia

From the data in the table 1 it is clear that annual intra-industry trade level in China-Russia service industry was high with yearly average GL index above 0,8 in the past eight years. Although there were fluctuations in different periods, the level of intra-industry trade was generally increasing and reached a maximum of 0,985 in 2016. Among all services, the labor-

intensive industries, such as travel service industry and other business services industry have always shown a stable high level of intra-industry trade, with an average GL index of 0,753 and 0,821 respectively. Trade in telecommunications, computer and information services was also mainly intra-industry trade model with slightly lower GL index within the range from 0,5 to 0,8. Intra-industry trade level in construction services has demonstrated a certain downward trend from 2010 to 2015, but rose sharply in 2016 with GL index close to 1 and keeping relatively high average GL index above 0,6. The average value of GL index for trade in personal, cultural, and recreational services was above 0,5 but didn't show any obvious trend to rise or to fall due to changes from low to high value in different years. The average level of intra-industry trade in maintenance and repair services was relatively high, but showed an obvious downward tendency, falling from 0,716 in 2009 to 0,405 in 2015. The same tendency exists in the transport services trade sector, where the GL index dropped down to the value 0,196 in 2016. Trade in financial, insurance services and in the intellectual property fee sector mostly was inter-industry trade, except for some period. The manufacturing services sector's average intra-industry trade index was the lowest, only 0,178, so the sector held a monopoly in inter-industry trade.

2) Marginal intra-industry trade – Brulhart index estimation

GL index can't express the changes in the level of intra-industry trade if the export volume and import volume of a certain sector of the service industry increase or decrease at the same time. Marginal intra-industry trade index (MIIT index), proposed by Brulhart in 1994, measures the dynamic changes in the level of intra-industry trade considering the time factor. The formula is $MIIT_i = 1 - (|\Delta X_i - \Delta M_i| / (|\Delta X_i| + |\Delta M_i|))$, where $MIIT_i$ is the marginal intra-industry trade index for industry i ; X_i and M_i are changes in exports and imports over a period of time of industry i respectively. Hereinafter we consider the time period 1 year. The value range of the MIIT index is also [0, 1]. A value of 1 indicates that the marginal trade in industry i is all intra-industry trade, and a value of 0 indicates that the marginal trade is all inter-industry trade.

Calculation results from Table 2 are basically consistent with ones of the GL index. During the period from 2009 to 2016 (7 years) marginal intra-industry trade index for China-Russia trade in services was above 0,7 for 4 years, indicating a high level of intra-industry trade. Travel, construction, other business services, maintenance and repair services are among service sectors having relatively high MIIT index. Other sectors such as insurance, financial, transport, communication, cultural, recreational, manufacturing services and intellectual property fee sector mostly have very low MIIT index, which means that inter-industry trade was the main trade model in those areas. In general, Brulhart index value is smaller compared with Grubel-Lloyd index value, which shows that the level of intra-industry trade may be overestimated by GL index if consider the dynamic perspective.

Table 2

MIIT index of Russia – China service industry trade

	09-10	10-11	11-12	12-13	13-14	14-15	15-16	average
All services	0,7	0,7	0,9	0	0	0	0,8	0,4
Transport	0,4	0,9	0,4	0	0	0	0	0,2
Travel	0,4	0,7	0,9	0	0,6	0,9	0,8	0,6
Construction	0,9	0,3	0,6	0	1	0,8	0	0,5
Insurance and pension services	0	0	0	0,9	0	0,1	0	0,1
Financial services	0	0	0,1	0	0	0,5	0	0,1
Charges for the use of intellectual property	0	0	0,4	0,1	0	0	0	0,1
Telecommunications, computer and information services	0	0	0,3	0,1	0	0,2	0,6	0,2
Other business services	0,8	0,8	0,6	0	0,3	0	0	0,4
Personal, cultural, and recreational services	0	0	0	0	0	0,8	0	0,1
Manufacturing services on physical inputs owned by others	0,2	0	0,2	0	0	0	0	0,1
Maintenance and repair services	1	0,4	0,6	0,3	0	0	0,6	0,4

Data source: Bank of Russia

3) Trade competitive index (TC)

Trade competitive index (TC) is one of the indicators estimating country's trade competitiveness, the formula as follows:

$$TC_i = (X_i - M_i) / (X_i + M_i),$$

where TC_i – trade competitive index of i services, X_i – value of the selected country's exports of i services, M_i – the value of the selected country's imports of i services. The ratio is between -1 to 1, the higher ratio indicates higher competitiveness. Table 5 explains the detailed estimation of TC index value ratio [Huang, 2014].

Table 3

Correlations between TC range and comparative advantage

0,8 to 1	very obvious competitive advantage
0,5 to 0,8	obvious competitive advantage
0 to 0,5	unobvious competitive advantage
-0,5 to 0	unobvious competitive disadvantage
-0,8 to -0,5	obvious competitive disadvantage
-1 to -0,8	very obvious competitive disadvantage

Combined with the intra-industry trade index (GL index), TC index helps better analyze the overall situation in China-Russia trade in services.

Table 4

Trade competitiveness indices in Russia-China bilateral trade in services

	Russia								China							
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Transport	0,4	0,5	0,3	0,5	0,6	0,5	0,7	0,8	-0,4	-0,5	-0,3	-0,5	-0,6	-0,5	-0,7	-0,8
Travel	-0,2	-0,3	-0,3	-0,3	-0,2	-0,2	-0,2	-0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2
Construction	0,4	0,2	-0,3	-0,3	-0,4	-0,5	-0,6	0,0	-0,4	-0,2	0,3	0,3	0,4	0,5	0,6	0,0
Insurance and pension services	-0,6	0,4	-0,9	-0,2	-0,1	-0,7	-0,9	-0,7	0,6	-0,4	0,9	0,2	0,1	0,7	0,9	0,7
Financial services	-0,8	-0,8	-0,6	-0,7	0,0	-0,8	-0,7	-1,0	0,8	0,8	0,6	0,7	0,0	0,8	0,7	1,0
Charges for the use of intellectual property	0,1	-0,9	-0,2	-0,3	-0,7	-0,9	-0,9	-0,9	-0,1	0,9	0,2	0,3	0,7	0,9	0,9	0,9
Telecommunications, computer and information services	-0,1	-0,5	-0,3	-0,4	-0,5	-0,3	-0,5	-0,5	0,1	0,5	0,3	0,4	0,5	0,3	0,5	0,5
Other business services	-0,3	-0,3	-0,2	-0,2	0,0	-0,1	0,1	-0,2	0,3	0,3	0,2	0,2	0,0	0,1	-0,1	0,2
Personal, cultural, and recreational services	0,0	0,3	-0,4	-0,3	0,7	0,5	0,4	0,7	0,0	-0,3	0,4	0,3	-0,7	-0,5	-0,4	-0,7
Manufacturing services on physical inputs owned by others	-0,7	0,7	-0,9	-1,0	0,8	-0,8	-0,8	-0,9	0,7	-0,7	0,9	1,0	-0,8	0,8	0,8	0,9
Maintenance and repair services	-0,3	-0,3	-0,4	-0,4	-0,2	-0,2	-0,6	-0,6	0,3	0,3	0,4	0,4	0,2	0,2	0,6	0,6

Data source: sorted out and calculated by author based on data from UN Comtrade database

A look at table 5 clearly shows that China is mainly competitive in financial, manufacturing, insurance and maintenance services, and Russia is competitive in transport services.

Conclusion

Existing research has found that intra-industry trade is the main pattern of international trade in services. As a further test of this finding, based on Russia's and China's panel data from 2009 to 2016, this paper used the Grubel-Lloyd index to assess the level, structure and changes of intra-industry trade in the service sectors of the two countries. Through the above analysis, the following conclusions can be drawn. The bilateral service trade pattern between Russia and China is dominated by intra-industry trade. However, the level of intra-industry trade between Russia and China in different services varies greatly. According to GL index value, the level of intra-industry trade is high for travel and other business services. Construction services, maintenance and repair services, telecommunication and computer and information services, personal, cultural, and recreational services also have the certain level of intra-industry trade. Trade in other service industries is mainly based on inter-industry trade pattern which reflect the competitiveness of two countries in different industries. Russia has an obvious competitive advantage in transport services. China has a very obvious competitive advantage in financial and manufacturing services, obvious competitive advantage in insurance services and services related to intellectual property fees. The rising competitive advantage of China in maintenance and repair services is consistent with the downward tendency of the level of intra-industry trade between two countries in that area. As important trading partners, Russia and China are each other's big source of imports. In order to promote further trade expansion between the two countries, both countries have to pay attention to their own competitive disadvantages, grasp the important opportunities for the development of Russia-China relations and strengthen cooperation in the field of trade in services. The development of economic and trade cooperation will render huge benefits to both partners.

References

Cui R., Chen F. Issues of Service Intra-industry Trade between China and Japan// *International economics and trade research*. 2008. N 24. P. 51–55.

Huang X. International Competitiveness of the Chinese Publishing Industry// *Publishing Research Quarterly*. 2014. N 30. P. 104–114.

Lee H.-H., Lloyd P. J. *Intra-industry trade in services*. London : Macmillan, 2002.

Troekurova I., Nekhorosheva E. Prospects for the development of intra-industry trade between Russia and northeast Asian countries// *Вестн. Саратов. гос. экон. акад.* 2013. № 3. С. 165–171.

丁秀飞. 中德服务部门产业内贸易水平研究// *北方经贸*. 2016. N 3. P. 3–6.

И. Н. Солсоев

Иркутский государственный университет, Иркутск

А. А. Монтотова

Языковой центр Big Ben, Иркутск

**ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ
АМЕРИКАНСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ГРАЖДАН
О ХАРАКТЕРЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ США И МОНГОЛИЕЙ**

Аннотация. Внешняя политика Монголии, традиционно ориентированная на Россию и Китай, после распада СССР кардинально изменилась. Эта смена вектора внешней политики выражается в поиске «третьего соседа» при одновременном сохранении сотрудничества с двумя ближайшими соседями. Помимо стран, расположенных географически на небольшом удалении (Япония, Южная Корея), все чаще на передний план в данном смысле выходят США, которые проявляют все больший интерес к сравнительно новому демократическому обществу. В статье анализируются итоги практического исследования общественного мнения граждан США и Монголии об отношениях между двумя странами.

Ключевые слова: общественное мнение, США, Монголия, внешняя политика, международные отношения.

I. Solsoev

Irkutsk State University, Irkutsk

A. Montotova

Language school Big Ben, Irkutsk

**AMERICAN AND MONGOLIAN PUBLIC OPINION ON THE CHARACTER
AND PERSPECTIVES OF US-MONGOLIA RELATIONS**

Abstract. The foreign policy of Mongolia, traditionally oriented towards Russia and China, has changed dramatically since the collapse of the USSR. This change in the foreign policy vector is expressed in the search for a «third neighbor» while preserving cooperation with the two closest neighbors. In addition to countries located geographically at a small distance (Japan, South Korea), the United States increasingly comes to the fore in this sense, which is showing increasing interest in a relatively new democratic society. The article analyzes the results of a practical study of public opinion of citizens of the United States and Mongolia on relations between the two countries.

Keywords: public opinion, the United States, Mongolia, foreign policy, international relations.

Указанное исследование проводилось авторами в рамках научно-исследовательской работы студентов бакалавриата и магистратуры Иркутского государственного университета. Авторами был проанализирован целый ряд научных работ и публикаций, однако в процессе работы над научной темой возникла необходимость провести практическое исследование, результаты которого представлены ниже.

В качестве наиболее оптимального способа применения теории на практике в рамках данной работы был выбран метод индивидуального анкетирования, и это может быть объяснено следующими причинами:

1) в отличие от других практических методов исследования, метод анкетирования позволяет охватить более широкую аудиторию за более короткий промежуток времени;

2) ввиду специфики и малоизученности данной темы метод анкетирования является наиболее подходящим по сравнению с другими способами, так как связаться с респондентами представляется возможным благодаря сети Интернет;

3) метод анкетирования предоставляет возможность обработки полученной информации с помощью компьютера, что дает более точные результаты.

Было принято решение о создании двух разных анкет для двух аудиторий: американской и монгольской. Проведение анкетирования заняло период продолжительностью в четыре месяца: с декабря 2016 по март 2017 г. За это время удалось опросить 115 граждан США и 105 граждан Монголии разных возрастных категорий.

Были определены следующие темы анкет:

1) Mongolia in the US foreign policy as seen by Americans (Монголия во внешнеполитическом курсе США с точки зрения американцев);

2) US-Mongolian relations as seen by Mongolians (Американо-монгольские отношения с точки зрения монголов).

Следует обратить внимание на выбор языка для проведения анкетирования. Не требует объяснения предпочтение американского варианта английского языка для первой анкеты. Что же касается анкеты для монгольской аудитории, то здесь в качестве ведущих языков были выбраны английский и русский; причина – определенный лингвистический барьер. Тем не менее этот фактор никак не воспрепятствовал осуществлению данного проекта, поскольку большинство монгольских респондентов предпочло именно англоязычный вариант анкеты. И этот факт весьма любопытен, ведь он еще раз подтверждает наличие сильного американского влияния в современном монгольском обществе.

Первым этапом проекта явилось составление вопросов для анкет. Было необходимо получить как можно больше исчерпывающей информации при наиболее краткой и емкой формулировке вопросов. Поэтому каждая анкета содержит десять вопросов с нарастающей сложностью: если первые вопросы носят общий характер, например получение сведений об опыте респондентов относительно США и Монголии, то завершающие вопросы требуют развернутого ответа относительно политической ситуации, взаимоотношений и взаимного влияния этих двух стран.

На следующей стадии практического исследования было необходимо начать реализацию проекта – иными словами, довести анкеты до обеих аудиторий. В качестве их базы был использован онлайн-сервис SurveyMonkey [SurveyMonkey], предоставляющий его пользователям

возможность проведения опросов на широкий спектр тем: от политики и экономики до искусства. Для справки: сервис был основан в 1999 г. американским предпринимателем Райаном Финли, и к 2015 г. количество его пользователей достигло отметки 25 млн чел. Для проведения опроса требуется обязательная регистрация на сайте SurveyMonkey. Следующий шаг – добавление вопросов, выбор их типа (открытый, закрытый) и визуальное оформление анкеты. После выполнения этих действий анкетер получает ссылку на добавленную им анкету для обеспечения доступа к ней респондентов.

Третий этап практического исследования представил некоторую сложность, поскольку было необходимо найти целевую аудиторию. Однако, как и в случае с выбором языка анкет, установить контакт с американской аудиторией оказалось проще по двум причинам: за годы работы и учёбы имело место большое количество контактов с гражданами США. Кроме того, подавляющее большинство американцев пользуются такими социальными сетями, как Facebook или Twitter, которые обеспечивают быструю и надежную связь с ними. Что же касается монгольской аудитории, то здесь, помимо общения в режиме реального времени посредством вышеупомянутой социальной сети Facebook, также пришлось привлечь граждан Монголии, проживающих в Иркутске.

Таким образом, практическая часть данного исследования представляет собой проведение анкетирования среди граждан стран, рассматриваемых в этой работе, США и Монголии, с целью получения мнения общественности касательно монгольского вектора внешнеполитической стратегии США. Проект длиной в четыре месяца состоял из трех этапов: составление вопросов; выбор онлайн-платформы для его реализации; компьютерное оформление анкет и непосредственно проведение анкетирования. Все это привело исследование к его завершающей части – обработке и анализу полученных результатов.

Как уже было сказано ранее, осуществление практической части исследования продолжалось в период с декабря 2016 по март 2017 г. включительно. За весь период анкетирования в общей сложности было опрошено 220 человек, из которых 115 являются гражданами США и 105 – гражданами Монголии. В данной статье будут рассмотрены и интерпретированы результаты проведенного практического исследования.

Целесообразно будет начать с анкеты «Mongolia in the US foreign policy as seen by Americans» («Монголия во внешнеполитическом курсе США с точки зрения американцев»). Возрастной состав участников анкетирования был следующим: большинство респондентов относится к категории от 25 до 30 лет – 43 человека; чуть меньше оказалось людей в возрасте от 19 до 24 лет – 26 человек. Людей в возрасте от 31 до 36 лет и от 37 до 42 лет оказалось почти поровну – 12 и 11 человек соот-

ветственно. Респонденты школьного, предпенсионного и пенсионного возрастов оказались в меньшинстве – 4 человека младше 18 лет, 9 человек в возрасте от 49 до 54 лет и 5 человек старше 55 лет. Наконец, замыкает список категория людей в возрасте от 43 до 48 лет – 5 человек.

Первая половина вопросов позволяет получить общие знания респондентов касательно рассматриваемой страны. Так, первый вопрос звучит следующим образом: «Бывали ли Вы когда-нибудь в Монголии?». Отрицательный ответ дали 67 человек (58,26 %); не бывали, но планируют посетить 23 человека (20,0 %); наконец, 25 человек (21,74 %) посещали Монголию и могут поделиться опытом. Респонденты, посещавшие Монголию, отмечают уникальность монгольского образа жизни, а также ее суровый климат. «Мне не повезло в том плане, что мой визит пришелся на январь, и это немного смазало мои впечатления; тем не менее, эта экзотичная и новая для меня страна мне очень понравилась», – заметил один американец.

Второй вопрос позволяет узнать, знакомы ли респонденты с монгольской культурой. Под понятием «культура» имелись в виду музыка, изобразительное искусство, литература, кухня, образ жизни. 79 человек (68,67 %) ответили положительно, 36 (31,33 %) – отрицательно.

На территории США проживает порядка 18 тысяч монголов, активно продвигающих свою культуру. Неудивительно поэтому, что большое количество респондентов ответило положительно на вопросы о знакомстве с монгольской культурой и наличии знакомых или друзей монгольского происхождения. Так, в третьем вопросе респонденты должны были сообщить, встречали ли они когда-нибудь монгольские сообщества на территории США. Ответы распределились следующим образом: 47 человек – «да» (40,87 %), 68 человек – «нет» (59,13 %). В четвертом вопросе участники анкетирования должны были сообщить, есть ли среди их друзей или друзей их знакомых люди монгольского происхождения. 21 человек (18,26 %) ответил отрицательно, 59 человек (51,30 %) – положительно и 35 человек (30,44 %) затруднились ответить.

Пятый вопрос – открытый. В нем участникам опроса предлагалось описать Монголию, основываясь на личном опыте. Респонденты, ответившие отрицательно на первый вопрос («Бывали ли Вы когда-нибудь в Монголии?»), отметили ее необыкновенность. Те, что ответили положительно, дали очень объемные и интересные ответы, и будет разумно процитировать наиболее яркие из них:

«Это крайне экстраординарная и необычная страна. Удивляет то, как монголы все еще сохраняют прочную связь со своим историческим прошлым и как они до сих пор следуют старому образу жизни (например, скотоводство). Конечно, не к каждому монголу можно применить

данное высказывание. Тем не менее, меня очень впечатлила их культура. Ни в одном месте мира не встретишь подобное».

«На первый взгляд, Монголия – это типичное азиатское государство, но в реальности она ярко выделяется на фоне других стран этого региона. Так как я всю жизнь прожил в Чикаго, я часто могу видеть их в своем родном городе. Очень нравится их национальный костюм».

«Существует множество мифов относительно Монголии. Когда я говорю кому-то, что некоторое время жил в Монголии, обычно следует одна и та же реакция – удивление, а затем вопрос: “Там ведь жарко?” Но разве можно описывать Монголию как жаркую страну? До своего визита я так ее и представлял. Однако я ошибался. В нашу первую зиму в Монголии наш обогреватель замерз, так как за окном было -40°C . Пицца остывала моментально, а затем покрывалась инеем. Еще одно заблуждение о Монголии заключается в том, что ее считают китайской провинцией. Вопреки возмущениям Китая, это не так. Однако, несмотря на все то, через что мне пришлось пройти во время пребывания в этой стране контрастов, у меня остались только положительные впечатления о Монголии. Это очень красивая страна. Ее бескрайние степи, над которыми на протяжении нескольких миль кружат причудливой формы облака, захватывают дух. Там, где находится озеро Хубсугул, встречаются и горы, и леса, и равнины. На западе можно увидеть горы, вершины которых покрыты вечной мерзлотой. В пустыне Гоби, расположенной на юге страны, вздымаются песчаные дюны и бегут перекачати-поле. Все мои лучшие истории случились в Монголии».

«Самые лучшие и необычные в Монголии рестораны, бары, пабы, отели и парки находятся в Улан-Баторе. Здесь наличествует достаточно развитая инфраструктура. Еще через этот город протекает красивая река. Очень много строящихся объектов, которые в будущем только украсят город, также очень много высотных зданий. Даже и не скажешь, что это Монголия, страна, которую многие ошибочно считают несовременной».

Шестой вопрос также является открытым. Здесь респонденты должны были поделиться своим мнением относительно роли США в качестве «третьего соседа» Монголии. Большинство респондентов считают, что Америка сможет стать надежным партнером для Монголии. Далее приведены наиболее ценные для исследования ответы:

«Думаю, что при роли США в качестве “третьего соседа” Монголии баланс сил между Западом и Востоком придет к равновесию, поскольку Китай является сильным соперником для США в плане экономического и технического развития, а Россия – в плане политики. Так как ни Россия, ни Китай никогда не станут союзником США, Монголия – это самый лучший и надежный кандидат на таковую роль во всех отношениях».

«До своего визита в Монголию я считал, что она относится к категории неразвитых стран, не входящих в круг интересов нашей страны. Однако после осени 2014 г. я навсегда изменил свое мнение. Прежде чем отправиться в Монголию, я провел небольшое исследование, благодаря которому узнал, что это государство обладает огромными минеральными ресурсами. Тем не менее экономика Монголии крайне нестабильна, поэтому она нуждается в помощи извне. США оказывают такую помощь, и она заключается не только в финансовом содействии. Более того, обе страны ведут взаимовыгодное сотрудничество на протяжении нескольких десятков лет. К тому же за всю историю взаимоотношений между нашей страной и Монголией у них не было ни одного конфликта, поэтому я могу смело сказать, что США смогут стать “третьим соседом” Монголии».

«Может быть, мы и станем “третьим соседом” Монголии. Во время своего пребывания в этом государстве я многое для себя узнал, особенно обо всех его преимуществах, а также о текущей политической ситуации на Дальнем Востоке. Я не вижу особых препятствий для США на пути упрочения отношений в плане этого стратегически выгодного партнерства, поэтому можно считать, что мы сможем стать “третьим соседом”, и отличным соседом».

«Стать “третьим соседом” Монголии будет трудно, учитывая ее геополитическое положение и близость России и Китая, но если провести параллель с Южной Кореей и тем, как она стала союзником США, то можно предположить, что в конечном итоге Монголия также станет нашим партнером».

«Несмотря на то, что в “погоне” за званием “третьего соседа” Монголии два ее ближайших соседа не намерены так просто сдаваться, я все же считаю, что у США есть все шансы стать хорошим и, самое главное, сильным защитником. Не стоит даже упоминать тот факт, что у США уже есть огромный опыт оказания помощи развивающимся странам и, как следствие, обретения союзников по всему миру. В случае с Монголией мы имеем то же самое: на протяжении десятилетий США оказывали щедрую финансовую помощь этой стране. Поэтому я считаю, что становление США “третьим соседом” Монголии неизбежно».

Однако не все участники анкетирования оказались столь оптимистичны относительно этого двустороннего партнерства. Некоторые считают, что Китай и Россия не позволят ни одной стране, тем более США, «увести» Монголию из своего поля зрения, а кто-то даже посчитал, что Монголия вовсе не представляет интереса для США. Тем не менее 88 респондентов (76,52 %) уверены в том, что США станут «третьим соседом» Монголии, в то время как 27 человек (23,48 %) придерживаются противоположного мнения либо затруднились ответить.

В седьмом вопросе респондентам предлагалось дать развернутый ответ относительно позиции Монголии во внешнеполитическом курсе США. В этом случае мнения также разделились. 74 человека (64,35 %) считают, что Монголия является важной составляющей внешнеполитической стратегии США, особенно в ее азиатском векторе. Один респондент ответил: «Если честно, я бы не сказал, что Монголия – это самый важный стратегический объект для США, особенно если сравнивать ее с той же Японией. Тем не менее США уже давно заинтересованы в Монголии, и тому есть причины: природные, военные, человеческие ресурсы. Поэтому я считаю, что Монголия находится на стадии становления стратегически важного партнерства с нашей страной». Похожего мнения придерживается и респондент, ответивший следующим образом: «Я считаю, что Монголия является отчасти важным стратегическим партнером для США. Логично будет разделить цели США на азиатском континенте на две категории: наиболее важные, куда входят Япония и Южная Корея, и относительно важные, куда я бы и включил Монголию». 22 человека (19,13 %) не считают, что Монголия занимает высокую позицию во внешней политике США, и еще 19 человек (16,52 %) затруднились ответить.

Таким образом, анализ анкеты «Монголия во внешнеполитическом курсе США глазами американцев» позволяет прийти к выводу, что, несмотря на то, что многие американцы не имеют широкого представления о Монголии в целом и не считают ее важным партнером для Америки, большинство ответивших придерживаются мнения, что, будучи живописной страной с огромным ресурсным потенциалом, Монголия представляет большой интерес для США, поэтому последние имеют все шансы стать ее «третьим соседом».

Вторая анкета, как уже говорилось, называется «Американо-монгольские отношения с точки зрения монголов». Она позволяет взглянуть на обратную сторону рассматриваемого в данном исследовании вопроса – на монгольский вектор во внешнеполитической стратегии США.

Возрастная структура всех 105 респондентов следующая: большинство ответивших, а именно 32 человека, относятся к возрасту 31–36 лет. Чуть меньше оказалось студентов – 17 человек. 14 респондентов относятся к категории от 25 до 30 лет, 10 человек – к категории людей старше 55 лет, 13 человек – к категории 37–42 года, 6 человек – к категории от 43 до 38 лет. Юных респондентов оказалось всего 9. В меньшинстве оказались респонденты в возрасте от 49 до 54 лет – всего 4 человека.

Как и в первой анкете, первая половина вопросов направлена на получение общей информации о рассматриваемом государстве.

Первый вопрос звучит следующим образом: «Какими языками, помимо родного, Вы владеете?» Были представлены следующие опции:

русский язык, английский язык, китайский язык, другой вариант. Если респондент владеет несколькими языками, то он мог выбрать несколько вариантов сразу. Русский язык выбрали 83 человека (79,05 %); английский – 79 человек (75,24 %), китайский – 9 человек (8,57 %). 40 человек (38,10 %) также указали и другие варианты ответа, среди которых встречаются корейский, японский, немецкий, французский и казахский языки. Таким образом, можно сделать вывод, что разрыв между теми, кто владеет русским языком, и теми, кто владеет английским, незначителен. Внушительное число ответивших уделяют внимание и другим языкам, особенно корейскому, что можно объяснить активной трудовой миграцией монголов в Южную Корею. Наконец, в меньшинстве остаются респонденты, владеющие китайским языком.

Второй вопрос позволяет узнать, считают ли респонденты американскую культуру распространенной в Монголии. Подавляющее большинство ответило положительно – 95 человек (90,48 %). Не согласны с ними всего 6 человек (5,71 %), а 4 человека (3,81 %) затруднились ответить. Один респондент указал, что американская культура распространена в Монголии в той же степени, что и корейская.

В третьем вопросе респондентам предлагалось сообщить, отдали ли бы они предпочтение США, если бы им пришлось выбрать страну для путешествия. 86 человек (81,90 %) дали положительный ответ, 9 человек (8,57 %) – отрицательный, 8 человек (7,62 %) затруднились ответить. 2 человека (1,91 %) выбрали альтернативный вариант, указав Японию. Следующий вопрос продолжает эту мысль и позволяет узнать, посещали ли респонденты США. Ответы распределились следующим образом: 16 человек (15,24 %) бывали в США больше одного раза, 34 человека (32,38 %) – один раз, 47 человек (44,76 %) никогда не посещали, но планируют поездку и, наконец, 8 человек (7,62 %) никогда не посещали и не планируют. Таким образом, на основе этих двух вопросов можно заключить, что большая доля опрошенных более чем заинтересована в США.

Пятый вопрос звучит следующим образом: «Какие страны Вы или Ваши знакомые намерены посетить в будущем?» Спектр стран, названных респондентами, оказался весьма разнообразным.

Согласно полученным данным, среди названных стран традиционно лидируют США. 47 человек выбрали Великобританию, 41 – Японию, 37 – Южную Корею. Стоит обратить внимание на то, что из числа респондентов, выбравших Южную Корею, некоторые отметили, что их родственники в данное время работают или учатся в Сеуле. В Россию намерены отправиться 17 ответивших, во Францию – 15, в Чехию – 11. Так же, как и в случае с Кореей, респонденты, выбравшие Чехию, указали, что на данный момент их друзья или родственники пребывают в

этой стране, что неудивительно, поскольку Чехия занимает третье место среди стран, в которых проживают выходцы из Монголии – около 4500 человек. Германию указали 9 человек, Египет – 6, Израиль и Китай – по 5, Канаду – 4. Замыкают список Сингапур, Норвегия, Италия и Израиль – по 3 человека.

Шестой вопрос подобен двум предыдущим: в нем респонденты должны были сообщить, имеют ли они друзей за границей, и если да, то из каких они стран.

Согласно полученным ответам, среди упомянутых стран лидирует Россия, в которой проживают родственники и/или друзья 29 опрошенных. Далее следуют Южная Корея, Япония, Китай, США. Меньшее количество ответивших указало Чехию, Германию и, наконец, Канаду.

Полученные данные показывают степень коммуникабельности респондентов, а также наличие личных связей в указанных странах. Таким образом, наиболее активно респонденты поддерживают связь с гражданами России, что неудивительно, поскольку Россия находится в непосредственной близости от Монголии. То же самое можно сказать и о Южной Корее, особенно если брать во внимание явление трудовой миграции, популярной среди монголов сегодня.

Седьмой вопрос открывает аналитическую часть анкеты. Так, в нем респонденты на основе собственных наблюдений должны были оценить результаты американо-монгольского сотрудничества в повседневной жизни. 58 респондентов (55,24 %) дали положительный ответ, 44 человека (41,90 %) замечают эти результаты частично, и только 3 человека (2,86 %) ответили отрицательно. Отсюда следует вывод, что большинство опрошенных согласны с идеей о наличии сильного влияния американской культуры в монгольском обществе, равно как и с высоким уровнем развития двусторонних отношений между этими странами.

В восьмом вопросе респондентам предлагалось поделиться своим мнением относительно влияния России и Китая в современной Монголии.

Согласно полученной информации, относительное большинство ответивших считают, что влияние двух ближайших соседей Монголии все еще велико. И это неудивительно, ведь внешняя политика Монголии все еще тесно связана с Россией и Китаем. Эту идею поддержали 53 респондента из 105. Тем не менее вызовы современности и глобализация мирового сообщества не могут не затрагивать Монголию, и на данный момент ее внешнеполитический курс находится в стадии трансформации, поэтому влияние ее ближайших соседей постепенно ослабевает, с чем согласились 39 респондентов. 22 человека считают, что Россия и Китай оказывают минимальное влияние на Монголию, и только 11 человек не смогли дать однозначного ответа.

Наконец, в девятом вопросе респонденты должны были поделиться своим мнением относительно роли США в качестве «третьего соседа» их родной страны. Были получены разные ответы, зачастую полностью противоречащие друг другу. Поэтому будет целесообразно разбить полученные мнения на несколько категорий, процитировав некоторые идеи.

1. США станут «третьим соседом» Монголии в ближайшем будущем. С такой идеей согласилось 48 опрошенных (45,71 %). Они отмечают, что Америка прикладывает достаточно усилий для того, чтобы в скором времени стать окончательным партнером Монголии. При этом, как заметил один респондент, Монголия окажется в треугольнике интересов США, России и Китая, и все эти страны будут оказывать на нее равное влияние. Другой респондент согласился с тем, что окончательное сближение США и Монголии случится очень скоро, однако он убежден, что на современном этапе развития международных отношений политическая ситуация очень быстро меняется, поэтому США – это только временный союзник.

2. США станут «третьим соседом» Монголии, но на это уйдет большое количество времени. 22 респондента (20,95 %) считают Америку наилучшей кандидатурой на роль «третьего соседа» Монголии, но в то же самое время они убеждены, что построение прочных долговременных отношений – процесс сложный, поэтому он затянется на многие десятилетия.

3. Американо-монгольское сотрудничество выгодно для обеих сторон, поэтому роль США в качестве «третьего соседа» только приветствуется. Такое мнение выразили 20 человек (19,05 %). «Это очень сложный вопрос, но все же я считаю, что сотрудничество США с нашей страной взаимовыгодно», – полагает один респондент. С ним согласен и другой опрошенный: «США уже на протяжении долгого времени являются нашим сильным партнером, и каждый знает, что наша страна также выгодна и для Америки», в то время как еще один респондент был настроен более решительно: «На мой взгляд, при выборе “третьего соседа” Монголии США – это единственно верный для нас вариант. Неважно, насколько часто на Америку обрушивается критика; важно то, что США уже давно показали миру, чего они стоят. Это очень сильная страна, настоящий гегемон. А быть партнером гегемона – это всегда успех».

4. США оказывают только негативное влияние на Монголию, поэтому становление Америки «третьим соседом» крайне нежелательно. С этой идеей согласны 3 респондента из 105 (2,86 %). Наиболее полную и четкую ее формулировку можно выразить цитатой одного из опрошенных: «Влияние США отрицательно сказывается на Монголии. Утечка мозгов из Монголии в США – это только один из примеров та-

кого влияния: многие молодые специалисты покидают нашу страну и остаются в США, зачастую с просроченной визой, приобретая таким образом статус нелегальных иммигрантов. А ведь они могли бы остаться здесь и работать во благо своей родины, улучшая ее экономические и демографические показатели».

5. Одна из передовых азиатских стран станет «третьим соседом» Монголии. К такому развитию событий склоняются 12 человек (11,43 %). По их мнению, в качестве главных противников США в борьбе за Монголию выступают Япония и Южная Корея.

Итак, принимая во внимание данные, полученные по итогам проведения анкетирования на тему «Американо-монгольские отношения глазами монголов», можно сделать вывод, что значительное число опрошенных граждан Монголии все еще уверены в том, что влияние России и Китая, двух тяжеловесов на международной арене, все еще велико. Вместе с тем большое количество респондентов убеждено в нарастающей силе США как в мире, так и в Азии, поэтому они считают, что именно США станут «третьим соседом» Монголии; более того, по их мнению, Америка станет сильным противником двух ее соседей в данном регионе. Тем не менее практически все опрошенные признают наличие растущего американского влияния в их стране не только в политической сфере, но и во всех других.

Таким образом, проведенное практическое исследование позволяет заключить, что и американцы, и монголы настроены оптимистично относительно идеи о дальнейшем укреплении американо-монгольского сотрудничества. Конечно, некоторые респонденты из США не считают, что монгольский вектор американского внешнеполитического курса является приоритетным для их страны, равно как и некоторые монгольские опрошенные, в свою очередь, не считают США достаточно сильным кандидатом на роль «третьего соседа» Монголии. Тем не менее большинство участников анкетирования признает то, что, принимая во внимание результаты плодотворного тридцатилетнего сотрудничества, становление США как «третьего соседа» Монголии неизбежно. Однако насколько быстро это случится – лишь вопрос времени.

Литература

SurveyMonkey [Electronic resource] : website. URL: <http://surveymonkey.com/> (mode of access: 09.05.2017).

The World Factbook of CIA [Electronic resource] // The World Factbook of CIA : website. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/mg.html> (mode of access: 12.05.2018).

Л. Ч. Табада

Иркутский государственный университет, Иркутск

Н. А. Лашкевич

Университет иностранных языков города Кобе, Кобе

**ПЕРЕДАЧА РЕАЛИЙ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА
«ПРИНЦЕССА МОНОНОКЕ»)**

Аннотация. Рассматривается проблема передачи культурно-специфических явлений, фигурирующих в креолизованных текстах, в условиях перевода анимационного фильма. Дается определение аудиовизуального перевода. Рассматривается классификация стратегий передачи реалий Я. Педерсена, проводится количественный анализ применения этих стратегий в переводе фильма «Принцесса Мононоке». Также выявляются варианты влияния визуального компонента на выбор способа перевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, перевод кино, аниме, японский язык, реалия.

L. Tabada

Irkutsk State University, Irkutsk

N. Lashkevich

Kobe City University of Foreign Studies, Kobe

**RENDERING THE REALIA IN AUDIOVISUAL TRANSLATION
(BASED ON THE ANIMATION FILM “PRINCESS MONONOKE”)**

Abstract. The article considers the problem of rendering the realia (cultural references, culture-bound words) appearing in creolized texts when translating an animation film. A definition of the audiovisual translation is provided. We consider J. Pedersen’s taxonomy of strategies to render the realia, and conduct a quantitative analysis of usage of these strategies in a translation of “Princess Mononoke”. Moreover, we single out the variants of influence of the visual component on the choice of a method to translate a realia.

Keywords: audiovisual translation, cinema translation, anime, Japanese, realia.

В современном мире аудиовизуальный перевод играет все большую роль в связи с ростом объема медиакommunikации, расширением сфер ее применения, изменением средств и способов ее осуществления, а также большей их доступностью и, соответственно, увеличением числа источников сообщений. Помимо традиционных объектов перевода, таких как новостные сообщения, кино- и анимационные фильмы, значительным спросом пользуется перевод электронных игр, материалов презентаций, видеоконференций и т. д. Также можно предположить возникновение потребности и в переводе различных видеосообщений, получивших распространение в социальных сетях (так называемых сторис или сториз, рассказов) и аналогичных им текстов.

Несмотря на актуальность аудиовизуального перевода (далее – АВП) и значительное количество работ, посвященных разным его аспектам, достаточно сложно найти его определение на русском языке. Это, очевидно, связано со сложностью как объекта, так и процесса пе-

ревода, который может реализовываться по-разному в зависимости от характеристик переводимого текста, условий и переводческой задачи. Говоря об АВП, авторы описывают либо специфику аудиовизуальных текстов, либо способы осуществления перевода, либо требования, предъявляемые к переводчику, однако их анализ не завершается дефиницией собственно АВП. В целях нашего исследования предложим свой вариант определения.

Аудиовизуальный перевод – это особый вид перевода, объектом которого являются креолизованный текст, включающий аудиальный (вербальный и невербальный – звуки и музыка) и визуальный (иконический и в некоторых случаях вербальный) компоненты; АВП может осуществляться в виде устного (синхронного или последовательного) или письменного перевода, либо комбинированным способом.

Под *креолизованным текстом* (далее – КТ) мы вслед за Е. Е. Анисимовой понимаем «особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова, 1992, с. 73]. Иначе говоря, под креолизацией понимается совмещение разных семиотических систем в пределах одного текста.

К таким текстам, несомненно, относятся аудиовизуальные. Так, Ж. Невеш указывает, что «...аудиовизуальные тексты полисемантичны. Реципиенты аудиовизуальных материалов одновременно являются и зрителями, и слушателями, и читателями. Они обрабатывают информацию сразу на нескольких уровнях декодирования» [Neves, цит. по: Козуляев].

Кинофильмы (как игровые, так и анимационные) представляют собой наиболее очевидный случай креолизации, поскольку в них сочетаются визуальный и звуковой компоненты, каждый из которых можно далее поделить на невербальный (собственно изображение; шумы и музыка) и вербальный (титры, надписи, отображение печатных изданий, писем, в последнее время – СМС и сообщений в социальных сетях; кинодиалоги и речь от автора) [Gottlieb, 1998].

Анимационное кино отличается от игрового и документального кино технологией создания изображения: если в случае собственно кинофильмов при съемке фиксируются действия реально существующих объектов, то в анимационных фильмах изначально создается множество рисунков (отсюда более распространенный ранее термин – «мультипликация») или положений кукол, снимающихся покадрово, при воспроизведении отснятого материала создается иллюзия движения изображенных объектов. Отличия в технологии производства обусловили своеобразие художественного языка, во многом не совпадающего с языком игрового и документального кинематографа [Слышкин, Ефре-

мова, 2004, с. 35]. Однако, во-первых, несмотря на различия между кино- и анимационными фильмами, последние точно так же представляют собой КТ, во-вторых, технологии компьютерной графики, все чаще применяемые как для производства мультфильмов, так и в кинематографе, во многом стирают грань между двумя этими направлениями.

При анализе проблем АВП чаще всего обращают внимание на вербальный компонент КТ, нежели невербальный, так как переводчик главным образом работает с языковой составляющей. Вместе с тем невербальные компоненты, в первую очередь – визуальный, оказывают значительное влияние на решение переводческих проблем, и их нельзя игнорировать.

Как справедливо указывает В. Е. Горшкова, одну из значительных проблем АВП составляет передача реалий, т. е. явлений, существующих в лингвокультуре оригинала и получивших там языковое выражение. Эта проблема не является новой в переводоведении, вместе с тем обычно она анализируется на материале вербальных текстов, в связи с чем представляется необходимым рассмотрение вопроса о влиянии иных компонентов КТ, в частности – визуального.

В качестве источника материала для анализа был выбран анимационный фильм японского режиссера Хаяо Миядзаки «Принцесса Мононоке» (яп. 『もののけ姫』 *мононоке химэ*). Такой выбор был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, в данном произведении, относящемся к жанру фэнтези, встречается много реалий, отражающих как устройство данного фэнтезийного мира, так и специфику социальных отношений, истории и культуры Японии. Во-вторых, перевод фильма был осуществлен профессиональным переводчиком непосредственно с японского языка на русский [Принцесса Мононоке]; это имеет значение в связи с тем, что многие японские фильмы переводятся а) с английского языка или б) любителями (возможно и сочетание этих вариантов). И то, и другое сказывается на передаче культурно-специфических деталей. В качестве способа перевода использовано дублирование (многоголосый перевод).

Под реалией мы понимаем языковую единицу, отражающую некоторое явление, специфическое для культуры текста оригинала. В связи с отсутствием таких единиц в принимающей лингвокультуре возникает проблема их передачи в переводе (хотя стоит оговориться, что часто употребляемые реалии заимствуются и приобретают регулярное соответствие в языке перевода).

Среди трудов, посвященных проблеме реалий в АВП, следует отметить работу Я. Педерсена [Pedersen, 2011], в которой анализируются способы передачи реалий (*extralinguistic cultural references*) в переводе субтитрами на телевидении. В целом она соотносима с классификацией С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин, 1980], разница заключается в

распределении способов перевода между стратегиями, а также в специфике перевода при помощи субтитров, который описывает Я. Педерсен.

Я. Педерсен выделяет семь стратегий передачи реалий, которые могут иметь по несколько вариантов реализации.

Первая из них – это *сохранение* реалии (Retention) с вариантами в виде абсолютного сохранения (т. е. полной передачи графической или звуковой формы оригинала) и адаптации к языку перевода.

Вторая стратегия – *уточнение* (Specification), ее суть в добавлении некоторого пояснения к реалии, которая сама по себе сохраняет форму (аналог переводческого комментария); также уточнение может достигаться путем гипонимического перевода.

Третья стратегия – *прямой перевод* (Direct Translation), для которого в качестве вариантов указываются калькирование и буквальный перевод.

Четвертая – *подстановка* (Substitution), подразделяемая на культурную и ситуационную подстановки, т. е. реалия заменяется культурным или ситуативным аналогом.

Пятая стратегия – *генерализация* (Generalization), при которой используется либо гипероним, либо парафраз.

Шестая стратегия – *опущение* (Omission), при которой реалия не передается в тексте перевода.

Седьмая – применение *официального эквивалента* (Official Equivalent), который к моменту осуществления перевода должен быть введен в язык перевода на основе какого-либо документа. Сюда относится в том числе перевод единиц измерений.

В ходе нашего исследования методом сплошной выборки в вербальном компоненте текста анимационного фильма «Принцесса Мононоке» был выделен 561 случай перевода реалий, включая случаи нулевого перевода. С учетом повтора некоторых единиц, число реалий равняется 108. В связи с тем что для некоторых из них есть по несколько вариантов перевода, общее число пар реалий и их переводов оставило 179 (число лексических единиц языка перевода – 165, так как в 14 случаях применялась стратегия опущения).

Из 108 реалий 42 были использованы по одному разу, соответственно, на них приходится по одной единице языка перевода. Например, слово 地雷火 *дзирайка* было переведено как «бомбы».

20 реалий использовались по два раза и более, однако каждый раз переводились одинаково. Так, слово こだま *кодама* переводилось «кодама».

46 реалий встречаются два раза и более, при этом используются разные варианты перевода. Так, слово もののけ *мононоке* употребляется 7 раз, на которые приходится 5 вариантов перевода: «бесы мононоке» (1 раз), «мононоке» (3 раза), «бесов» (1 раз), «диких зверей» (1 раз), «мононоке из демонов» (1 раз).

На основе такого критерия, как сочетание визуального и вербального компонентов текста в представлении реалии (создании контекста), нами выделено четыре комбинации, для каждой из которых определено число употреблений разных способов перевода.

Комбинация 1 (К1): реалия, с одной стороны, представлена в визуальном компоненте, с другой – поясняется вербальным контекстом (47 случаев). Способы перевода: сохранение реалии с адаптацией (13 раз), парафраз (7 раз), гиперонимический (6 раз), гипонимический (6 раз), ситуативная замена (5 раз), культурная замена (4 раза), сочетание нескольких способов (2 раза), абсолютное сохранение (2 раза), опущение (1 раз), пояснение в тексте перевода (1 раз).

Комбинация 2 (К2): реалия представлена в визуальном компоненте, однако не поясняется вербальным контекстом (46 случаев). Способы перевода: парафраз (12 раз), культурная замена (10 раз), гиперонимический (9 раз), ситуативная замена (7 раз), сохранение реалии с адаптацией (3 раза), опущение (2 раза), пояснение в тексте перевода (2 раза), использование официального эквивалента (1 раз).

Комбинация 3 (К3): реалия не представлена в визуальном компоненте, однако поясняется вербальным контекстом (4 случая). Способы перевода: сохранение с адаптацией (2 раза), культурная замена (1 раз), использование официального эквивалента (1 раз).

Комбинация 4 (К4): реалия не представлена в визуальном компоненте; не поясняется вербальным контекстом (11 случаев). Способы перевода: парафраз (3 раза), пояснение в тексте перевода (2 раза), гиперонимический перевод (2 раза), сохранение с адаптацией (1 раз), ситуативная замена (1 раз), гипонимический (1 раз), опущение (1 раз).

На основе анализа содержания отрезков вербального компонента текста, содержащих реалии, и соответствующих им отрезков визуального компонента нами выделены следующие варианты влияния последнего на выбор способа перевода.

1. *Изображение дополняет значение перевода и способствует выбору более лаконичного варианта* (33 случая). Многие реалии в фильме отражены как в вербальном, так и в визуальном компоненте текста, поэтому более многочисленны случаи, относящиеся к К1 и К2. При этом чаще всего реалии переводились с помощью гиперонимов (8 раз) или культурной замены (6 раз), так как конкретизация или компенсация культурной специфики достигались за счет изображения. Например, в одной из реплик упоминается бытовая реалия: *なんで鞍と蓑も持ってこなかったのさ!* Нандэ кура то **мино** мо моттэ конакатта но са! (время отрывка: 01:30:18,538 – 01:30:20,997). **蓑** *мино* означает «соломенный плащ», однако такой перевод был бы слишком громоздким. В результате используется короткий вариант «плащ», поскольку сам

предмет демонстрируется в кадре, предшествующем реплике: «Как же это все? А почему же не принес седло и плащ?»

2. *Изображение помогает выбрать наиболее адекватный контексту вариант перевода* (24 случая). Так, в реплике 女たちが上の郭にたてこもって頑張っている。 *Онна-тати га уэ но курува ни татэкомоттэ гамбаттэ иру* (время отрывка: 01:34:36,545 – 01:34:39,255) присутствует слово 郭 *курува* «квартал, район; место, огороженное земляным валом», которым в фильме называется огороженное высокой стеной из заостренных сверху бревен место, где располагается металлургическое производство, имеющее важное значение в сюжете. 郭 *курува*, обозначающее реалию, было переведено путем культурной замены лексемой «частокол», значение которой соответствует представленному визуально объекту: «Женщины держат оборону за верхним **частоколом**».

3. *Изображение помогает определить значение лексемы, обозначающей реалию* (6 случаев). В вербальном компоненте текста используется слово しし *сиси*, которое относят к устаревшей лексике. Им обозначались животные, мясо которых использовалось в пищу, в первую очередь кабаны и олени [猪/豬]. В тексте оно встречается дважды: в репликах かのししは、はるか西の国からやって来た *Кано сиси ва, харука ниси но кунни кара яттэ кита* (время отрывка: 00:08:01,105 – 00:08:04,983), а также そなたの国は？見慣れぬししに乗っていたな。 *Соната но кунни ва? Минарэну сиси ни ноттэ ита на* (время отрывка: 00:37:14,023 – 00:37:17,400). При этом в первом случае в кадрах до и после того, в котором звучит реплика, дается изображение кабана, во втором – в последующем кадре герой едет верхом на олене. В связи с этим многозначность лексемы снимается, и первая реплика переводится: «**Вепрь** этот издалека явился, из западных краев», а вторая: «А где твоя земля? У тебя необычный **олень**, нездешний».

4. *Изображение содержит дополнительную информацию, что приводит к выбору единицы с более широким значением* (1 случай). Выявлен один пример, когда имя персонажа ヒイ様 *Хии-сама* (время отрывка: 00:01:39,099 – 00:01:41,934) переводится названием рода занятий – **Ведунья**. Очевидно, выбор обусловлен малой информативностью имени, особенно для российского зрителя, наличием указания на роль персонажа в местном обществе, а также возможностью отразить и его высокий статус.

5. *Изображение дополняет значение переводной единицы, но на выбор способа влияния почти или вовсе не оказывает* (95 случаев). Сюда мы относим реалии, перевод которых не зависит от наличия изображения: антропонимы, этнонимы и т. п.: 東の果てに赤ししにまたがり、石のやじりを使う勇壮(ゆうそう)なるエミシの一族なりとな... *Хигаси но хатэ ни*

акасиси ни матагари, иси но ядзири о цукау ю:со:-нару эмиси но итидзоку нари то на... «Далеко на востоке живет народ **эмиси**. Они не знают страха, ездят на красных оленях, а стрелы у них с каменными жалами». При неоднократном употреблении реалии она может переводиться по-разному во избежание повторов. В таких случаях на перевод наибольшее влияние оказывает не изображение, а вид реалии, либо контекст.

6. *Изображение не оказывает влияния на выбор способа перевода в связи с отсутствием изображения* (20 случаев). Такое происходит, когда реалия не представлена и не поясняется визуально (К3 – К4). Исключением являются те из них, когда реалия произносится в реплике, в связи с чем необходимо обеспечить синхронизм слоговой артикуляции. Иногда эта задача облегчается тем, что реалия уже вошла в русский язык, например: 後で酒などをとどけよう。 *Ато дэ сакэ надо то-докэё:* (время отрывка: 00:39:45,007 – 00:39:48,301). Несмотря на некоторый семантический сдвиг, произошедший при заимствовании – значение японской лексемы *сакэ* шире – она не вызывает проблем с истолкованием и хорошо вписывается в текст перевода: «Потом принесу **сакэ** и угощение».

Подводя итоги, следует отметить, что наиболее частым способом передачи реалий в переводе фильма «Принцесса Мононоке» стало сохранение с адаптацией (183 употребления), далее следуют парафраз (77), культурная замена (73), использование нескольких способов одновременно (61), гиперонимический перевод (52), ситуационная замена (39), нулевой перевод (34), гипонимический перевод (22), пояснение в тексте перевода (14), калькирование (6).

Преобладание сохранения с адаптацией объясняется частым употреблением в тексте имен собственных, которые при переводе адаптируются к фонетике русского языка. Использование парафраза наблюдается в случаях неоднократного появления реалии, когда переводчик стремится избежать повторов. Так же можно объяснить и употребление нескольких способов перевода. В некоторых случаях применение парафраза, а также калькирования призвано дать дополнительные пояснения зрителю относительно сути реалии.

Анализ влияния визуального компонента креолизованного текста на выбор способа перевода реалии выявил шесть вариантов: изображение 1) дополняет значение перевода и способствует выбору более лаконичного варианта; 2) помогает выбрать наиболее адекватный контексту вариант перевода; 3) снимает лексическую неоднозначность; 4) содержит дополнительную информацию, что приводит к выбору единицы с более широким значением; 5) дополняет значение переводной единицы, но на выбор способа влияния почти или вовсе не оказывает; 6) не оказывает влияния на выбор способа перевода в связи с отсутствием изображения.

Литература

Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопр. языкознания. 1992. № 1. С. 71–79.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Междунар. отношения, 1980. 351 с.

Козуляев А. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности. Обучение данному виду перевода // Национальная лига переводчиков. URL: <http://www.russian-translators.ru/about/editorial/audio/vizualnyeperevod> (дата обращения: 12.12.2017).

Принцесса Мононоке. ООО «Реанимедиа Лтд.» [Электронный ресурс]. URL: http://reanimedia.ru/dub_release_Mononoke_Hime.html (дата обращения: 12.12.2017).

Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

Gottlieb H. Subtitling / H. Gottlieb // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. M. Baker. London ; N. Y. : Routledge, 1998. P. 244–248.

Pedersen J. Subtitling Norms for Television: An Exploration Focussing on Extralinguistic Cultural References. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 2011. 242 p.

猪／豬 // コトバンク. URL: <https://kotobank.jp/word/猪-429859> (Акуэссу датт : 13.12.2017).

УДК 327.5

Н. В. Федоров

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

«РОСНЕФТЬ», ЛАН ДО И ПРОБЛЕМА «ОСОБЫХ ОТНОШЕНИЙ» МЕЖДУ РОССИЕЙ И КНР В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Аннотация. Анализируется влияние событий, связанных с критикой Китаям в мае 2018 г. работы российской компании «Роснефть» на месторождении Лан До. Разработка месторождения Лан До ведется Россией совместно с Вьетнамом на участке континентального шельфа Южно-Китайского моря, который является предметом спора Пекина и Ханоя. Проблема рассматривается в контексте конфликта в Южно-Китайском море (включая отношения России и Китая по данному вопросу), а также российско-вьетнамского энергетического сотрудничества. Ситуация в Южно-Китайском море часто создает дилемму в российской политике, поскольку Москва должна считаться с интересами обоих своих стратегических партнеров – Китая и Вьетнама. Тем не менее Россия старается сохранить баланс в отношениях с Пекином и Ханоем в вопросах, затрагивающих проблемы Южно-Китайского моря. Россия поддерживает Вьетнам в Южно-Китайском море, развивая энергетическое и оборонное сотрудничество, и в то же время она помогает КНР, выступая против политики США по сдерживанию Китая. Это создает ситуацию «особых отношений» России и Китая в Южно-Китайском море. По мнению автора, кризис мая 2018 г. показал решимость Китая защищать свои интересы в Южно-Китайском море, но в то же время он вряд ли окажет негативное влияние на российско-вьетнамские энергетические проекты и на партнерство между Россией и КНР.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, российско-вьетнамские отношения, энергетическое сотрудничество, территориальные споры, Южно-Китайское море, «Роснефть».

**“ROSNEFT”, LAN DO AND THE PROBLEM OF “SPECIAL RELATIONS”
BETWEEN RUSSIA AND THE PRC IN THE SOUTH CHINA SEA**

Abstract. The article analyzes the influence of events connected with China’s criticism of the work of the Russian company “Rosneft” on the oilfield Lan Do in May 2018. The exploitation of the oilfield Lan Do is carried out by Russia in cooperation with Vietnam on the part of continental shelf of the South China Sea that is a subject of a dispute between Beijing and Hanoi. The problem is reviewed in the context of the South China Sea conflict (including relations of Russia and China on this issue) as well as Russian-Vietnamese energy cooperation. The situation in the South China Sea often creates a dilemma for Russian policy because Moscow has to take into account the interests of both of its strategic partners – China and Vietnam. However, Russia tries to keep balance in relations with Beijing and Hanoi on the issues related to South China Sea problems. Russia supports Vietnam in the South China Sea, developing energy and military cooperation, and at the same time Russia helps the PRC, opposing US policy for containment of China. That creates the situation of “special relations” between Russia and China in the South China Sea. In the opinion of the author, the crisis of May 2018 has demonstrated determination of China to protect its interests in the South China Sea, but at the same time it doesn’t seem to have influenced negatively on Russian-Vietnamese energy projects and the partnership between Russia and the PRC.

Keywords: Russian-Chinese relations, Russian-Vietnamese relations, energy cooperation, territorial disputes, South China Sea, «Rosneft».

17 мая 2018 г. официальный представитель МИД КНР Лу Кан, давая оценку работам компании “Rosneft Vietnam BV” (дочерней структуры российской корпорации «Роснефть») на месторождении Лан До («Красная орхидея») в Южно-Китайском море, заявил, что «никакая страна, организация, компания или физическое лицо не может заниматься нефтегазовой разведкой или разработкой месторождений в китайских водах без разрешения Пекина» [Петлевой, Бочарова, Топорков, 2018]. Российское руководство формально дистанцировалось от проблемы. Пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков заявил, что «Роснефть» «не консультировалась с Кремлем по вопросу бурения на шельфе Южно-Китайского моря», и сообщил, что «согласно заявлениям компании она работает в строгом соответствии со своими лицензиями» [Там же]. Месторождение Лан До входит в блок 06.1, находящийся в районе, который считают своим и Китай, и Вьетнам. Компания «Роснефть» ведет бурение на шельфе Южно-Китайского моря совместно с вьетнамской стороной. В условиях расширяющегося российско-китайского партнерства подобное заявление со стороны Китая вызвало достаточно острую реакцию в российских и зарубежных СМИ, сопровождавших свои публикации на эту тему весьма громкими заголовками (например, «Первое китайское предупреждение» [Фадеева, 2018]). Чем же была вызвана подобная позиция со стороны МИД КНР и как это может отразиться на деятельности «Роснефти» во Вьетнаме и на российско-китайских отношениях в целом?

Данный инцидент является следствием развития конфликта в Южно-Китайском море, а также ряда связанных с ним тенденций меж-

дународных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай и Вьетнам являются ключевыми оппонентами в территориальных спорах в Южно-Китайском море. Россия, хотя и не претендует на острова Спратли и Парасельские, но тем не менее оказывается косвенно вовлеченной в конфликт – в том числе и в контексте ее участия в нефтегазовых проектах на шельфе Южно-Китайского моря. Энергетические ресурсы Южно-Китайского моря способствуют росту напряженности в отношениях между непосредственными участниками споров и расширению вмешательства в конфликт внешних акторов.

Россия является давним партнером Вьетнама в сфере совместной разработки энергоресурсов на континентальном шельфе. Первые шаги по развитию сотрудничества с Ханоем Советский Союз предпринял еще в 60-х – начале 70-х гг. После падения правительства в Сайгоне советские нефтяники получили возможность работать на шельфе вблизи южного побережья Вьетнама, где еще в первой половине 70-х гг. геологоразведка, проводимая рядом западных компаний, выявила наличие богатых месторождений углеводородов [Воронин, 2013, с. 166–167]. В 1981 г. было создано совместное советско-вьетнамское предприятие «Вьетсовпетро», которое уже в 1984 г. стало осуществлять промышленную добычу нефти. Со стороны СССР участником этого предприятия выступило внешнеэкономическое объединение «Зарубежнефть», со стороны Вьетнама – государственная компания «Петровьетнам». «Вьетсовпетро» продолжило свою деятельность и после распада СССР, сохранив сильные позиции и во вьетнамской экономике, и в рейтинге мировых нефтегазовых компаний [Там же, с. 169–170]. «Вьетсовпетро» разрабатывает все новые месторождения нефти и также стало вести добычу газа на континентальном шельфе [Vietsovpetro opens new gas field, 2016]. В то же время уже с конца 80-х гг. Вьетнам стал активно привлекать к сотрудничеству нефтегазовые компании из других стран. С начала 2000-х гг. к работе во Вьетнаме подключились и новые российские компании. «Газпром» стал работать на шельфе Вьетнама с 2000 г. и в 2002 г. образовал с компанией «Петровьетнам» совместное предприятие «Вьетгазпром». В 2009 г. «Газпром» и «Петровьетнам» заключили соглашение о стратегическом партнерстве. С 2011 г. во Вьетнаме стали работать российские компании «ЛУКОЙЛ» и «ТНК-ВР». В марте 2013 г. «Роснефть» купила «ТНК-ВР» и стала обладателем следующих активов во Вьетнаме – доли в 35 % на газовом блоке 06.1, доли в 100 % на блоке 05.3/11 и доли в 32,67 % в трубопроводе «Нам Кон Шон» [Роголев, Рубан, 2016, с. 38–39]. В планах компании была покупка доли американской компании «Шеврон» на блоках у юго-западного побережья Вьетнама, однако данные участки были в итоге выкуплены в 2015 г. «Петровьетнамом» [PetroVietnam to gear up ... , 2015].

Сотрудничество «Роснефти» с Вьетнамом развивалось не только на шельфе Южно-Китайского моря. В мае и ноябре 2013 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве «Роснефти» и «Петровьетнама» в нефтегазовых разработках на территории России [Михоко, 2015, с. 65–66]. Ранее Вьетнам уже стал реализовывать энергетические проекты в России совместно с другими российскими компаниями. В 2008 г. «Петровьетнам» и «Зарубежнефть» создали совместную компанию «Русвьетпетро». В 2009 г. «Петровьетнам» и «Газпром» подписали договор об образовании ООО «Газпромвьет». Привлечение Вьетнама к участию в нефтегазовых проектах в России дало возможность российским компаниям (в том числе и «Роснефти») получать доступ к новым участкам на континентальном шельфе в Южно-Китайском море [Самофалова, 2013].

Российско-вьетнамское сотрудничество на шельфе Южно-Китайского моря развивается во многом на основе, заложенной еще Советским Союзом. Активизации работы российских компаний на континентальном шельфе способствует растущий спрос на энергоносители во вьетнамской экономике, а также комплексный характер российско-вьетнамского энергетического сотрудничества. Помимо предоставления доступа для Вьетнама к нефтегазовым разработкам на территории Российской Федерации, российские компании участвуют в реализации совместных проектов в смежных отраслях энергетики. Например, в октябре 2013 г. было подписано соглашение о создании «Газпромом» и «Петровьетнамом» совместного предприятия, которое стало заниматься производством и реализацией газомоторного топлива во Вьетнаме [«Газпром газомоторное топливо» ... , 2013]. Все это создает предпосылки для укрепления позиций России в энергетическом сотрудничестве с Вьетнамом.

Китай, со своей стороны, часто выражает недовольство взаимодействием иностранных нефтегазовых компаний с Вьетнамом, поскольку разработка месторождений на шельфе Южно-Китайского моря ведется в том числе и на тех участках, которые Пекин считает своими. Со второй половины 2000-х гг. КНР усилила давление на зарубежные компании, работающие с Вьетнамом [Thayer, 2016, с. 211]. Одновременно Китай стал приглашать иностранных партнеров к сотрудничеству на участках шельфа Южно-Китайского моря, которые являются предметом его спора с Ханоем [Vikhrov, 2012]. Таким образом, энергетические проекты на шельфе Южно-Китайского моря помимо своего экономического значения приобрели также роль политического инструмента в территориальном споре.

Российские компании также имели опыт столкновения с Китаем в ходе своей деятельности на континентальном шельфе Южно-

Китайского моря. В апреле 2012 г. «Газпром» подписал соглашение с Вьетнамом о работе на блоках 05.2 и 05.3. Ранее ввиду позиции КНР от разработки этих блоков отказалась британская компания «BP». Министерство иностранных дел Китая выступило с завуалированной критикой «Газпрома», требуя от иностранных компаний отказаться от разработки проектов в спорных районах до разрешения территориального конфликта в Южно-Китайском море. России удалось урегулировать данный спор с КНР в ходе визита министра иностранных дел С. В. Лаврова в Пекин в мае 2012 г. [Локшин, 2013, с. 113–114].

В других случаях столкновения российских и китайских интересов в Южно-Китайском море Пекин также занимал относительно сдержанную позицию. К примеру, Вьетнам с начала 2000-х гг. увеличил закупки вооружений в России. Боевые самолеты, надводные корабли и подводные лодки существенно усилили военные возможности Ханоя в Южно-Китайском море. Однако критика российско-вьетнамского оборонного сотрудничества со стороны Пекина носила, по словам российского эксперта Василия Кашина, «профилактический характер» [Кашин, 2016, с. 12]. В КНР рассматривают российско-вьетнамское сотрудничество в большей степени как стремление России укрепить свое влияние в Азии, чем бросить вызов Китаю [Wishnick, 2017, с. 120]. Кроме того, в ряде вопросов конфликта в Южно-Китайском море Москва фактически играет на одном поле с Пекином, выступая, в частности, против вмешательства «третьих сил» (в первую очередь – США) в данные споры. В условиях обострения отношений с Западом, Россия стремится дать Соединенным Штатам симметричный ответ, оказывая противодействие политике сдерживания Китая [Tsvetov, 2016].

Конфликт в Южно-Китайском море ставит перед Россией определенные дилеммы, связанные с ее позицией по отношению к ее стратегическим партнерам – Китаю и Вьетнаму. С другой стороны, Россия старается балансировать в этой ситуации, поддерживая одновременно и Ханой (в рамках ее интересов в сотрудничестве с Вьетнамом), и Пекин (в контексте российско-китайского партнерства и ее противостояния с США). Все это позволяет говорить, на взгляд автора, об «особых отношениях» России и КНР в Южно-Китайском море.

Каким же образом можно трактовать эпизод вокруг «Роснефти» и месторождения Лан До?

По мнению некоторых зарубежных экспертов, этот инцидент может свидетельствовать о серьезных проблемах в отношениях России и КНР [Another Conflict Between Rosneft and China, 2018]. Другими авторами отмечается, что Китай в данном случае старается подчинить Россию своей воле. При этом события вокруг Лан До рассматриваются в контексте срыва сделки по приобретению доли «Роснефти» китайской компанией «CEFC» [Trickett, 2018].

Российские эксперты, в свою очередь, говорят о возможном компромиссе в урегулировании данного спора. Директор Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований РАН Вячеслав Кулагин отметил, что ситуацию можно будет разрешить путем переговоров с китайской стороной, предложив, в частности, вариант трехстороннего энергетического сотрудничества, в рамках которого Китай мог бы покупать продукцию с данного месторождения [Бут, 2018]. С точки зрения других экспертов, «Роснефть» могла бы отказаться от бурения на данном месторождении без ущерба для своих интересов [Фадеева, 2018].

Вместе с тем можно предполагать, что инцидент с «Роснефтью» не окажет существенного влияния на российско-китайские отношения и не станет причиной свертывания деятельности российской компании на этом участке. Работа «Роснефти» на данном блоке велась уже относительно давно и не вызывала подобных проблем. Катализатором обострения ситуации вполне могло стать сообщение об установке новой буровой платформы на месторождении Лан До 15 мая 2018 г. [Кудрявцева, 2018]. В условиях осложнения обстановки в Южно-Китайском море (в том числе и ввиду активизации действий США) руководство МИД КНР постаралось показать твердость позиций Китая в конфликте, и «Роснефть» просто попала под удар. В подобной ситуации становится понятной официальная позиция Кремля, который стремился продемонстрировать, что не склонен видеть в этом событии межгосударственный конфликт между Россией и КНР. Китай, как уже отмечалось, неоднократно выступал против работы иностранных компаний в спорных районах. Что касается России, то схожий инцидент с «Газпромом» в 2012 г. обошелся без серьезных последствий и для компании, и для российско-китайских отношений. О том, что эпизод с «Роснефтью» может оказаться просто демонстрацией позиции КНР по вопросу Южно-Китайского моря, свидетельствует тот факт, что визит президента России В. В. Путина в Китай 8–10 июня 2018 г. прошел в благожелательной и конструктивной атмосфере и сопровождался подписанием ряда соглашений об экономическом сотрудничестве. В то же время российскими экспертами отмечалось, что «российское руководство удивительно ловко обходит все потенциально острые углы в отношениях с КНР» [Спивак, 2018]. Возможно, что и Китай будет придерживаться подобной позиции в отношении российских интересов во Вьетнаме, несмотря на громкие заявления.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Фактор Вьетнама в политике России в Азиатско-Тихоокеанском регионе» № 17-07-50013-ОГН.

Литература

Бут М. «Роснефть» раздора: Россия усадит Китай и Вьетнам за «нефтяные переговоры» [Электронный ресурс] // Экономика сегодня. 2018. 17 мая. URL: <https://rueconomics.ru/326609-rosneft-razdora-rossiya-usadit-kitai-i-vietnam-za-neftyanye-peregovory> (дата обращения: 17.06.2018).

Воронин А. С. Энергетическое сотрудничество: история, современность, перспективы // Российско-вьетнамские отношения: история и современность. Взгляд двух сторон. М. : ИДВ РАН, 2013. С. 160–181.

«Газпром газомоторное топливо» и Petrovietnam будут развивать рынок газомоторного топлива Вьетнама [Электронный ресурс] // Газпром газомоторное топливо. 2013. 7 окт. URL: http://gazprom-gmt.ru/press-center/news/Gazprom_gazomotorное_toplivo_i_Petrovietnam_budut_razvivat_ryinok_gazomotorного_topliva_Vetnama (дата обращения: 01.03.2018).

Кашин В. Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР и перспективы сотрудничества с Японией [Электронный ресурс] // Московский Центр Карнеги. 2016. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Kashin_web_Rus.pdf (дата обращения: 15.06.2018).

Кудрявцева М. «Роснефть» установила буровую вышку на вьетнамском шельфе [Электронный ресурс] // Вести.ru. 2018. 15 мая. URL: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/754133/cid/1/> (дата обращения: 17.06.2018).

Локшин Г. М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М. : ИДВ РАН, 2013. 240 с.

Михоко К. Особенности и задачи развития российско-вьетнамского стратегического партнерства (2001–2014 гг.) // Вьетнам. исслед. 2015. № 5. С. 55–72.

Петлевой В., Бочарова С., Топорков А. «Роснефть» угодила в межгосударственный конфликт [Электронный ресурс] // Ведомости. 2018. 17 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/05/18/769892-rosneft-ugodila-mezhgosudarstvennii-konflikt> (дата обращения: 17.06.2018).

Рогалев Н. Д., Рубан Л. С. Развитие сотрудничества в сфере энергетики между Россией и Вьетнамом: проблемы и перспективы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 31. С. 34–41.

Самофалова О. В обмен на Печорское [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. 2013. 12 нояб. URL: <https://vz.ru/economy/2013/11/12/659248.html> (дата обращения: 21.02.2018).

Спивак В. Апофеоз «броманса»: чем закончился визит В. Путина в Китай [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2018. 13 июня. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/apofeoz-bromansa-chem-zakonchilsya-vizit-v-putina-v-kitay/> (дата обращения: 18.06.2018).

Фадеева А. Первое китайское предупреждение: почему Пекин раскритиковал «Роснефть» [Электронный ресурс] // РБК. 2018. 17 мая. URL: <https://www.rbc.ru/business/17/05/2018/5afd50559a794758251c08bb> (дата обращения: 17.06.2018).

Another Conflict Between Rosneft and China [Электронный ресурс] // Warsaw Institute Foundation. 2018. 21 May. URL: <https://warsawinstitute.org/rosneft-china-another-conflict> (дата обращения: 17.06.2018).

PetroVietnam to gear up in offshore Vietnam Block-B gas project [Электронный ресурс] // 2B1st Consulting. 2015. 13 May. URL: <https://www.2b1stconsulting.com/petrovietnam-to-gear-up-in-offshore-vietnam-block-b-gas-project/> (дата обращения: 4.03.2018).

Thayer C. A. Vietnam's Strategy of "Cooperating and Struggling" with China over Maritime Disputes in the South China Sea // Journal of Asian Security and International Affairs. 2016. Vol. 3, N 2. P. 200–220.

Trickett N. Working with Vietnam, Russia's Rosneft Draws China's Ire [Электронный ресурс] // The Diplomat. 2018. 19 May. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/working-with-vietnam-russias-rosneft-draws-chinas-ire/> (дата обращения: 17.06.2018).

Tsvetov A. Did Russia Just Side With China on the South China Sea? [Электронный ресурс] // The Diplomat. 2016. April 21. URL: <http://thediplomat.com/2016/04/did-russia-just-side-with-china-on-the-south-china-sea/> (дата обращения: 14.04.2018).

Vietsovpetro opens new gas field [Электронный ресурс] // Viet Nam News. 2016. Dec. 9. URL: <http://vietnamnews.vn/economy/347683/vietsovpetro-opens-new-gas-field.html#UQJ02g94PbRkQF7G.97> (дата обращения: 03.03.2018).

Vikhrov V. Energy Reserves Contested in South China Sea [Электронный ресурс] // Strategic Culture Foundation. 2012. August 2. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2012/08/02/energy-reserves-contested-in-south-china-sea.html> (дата обращения: 25.02.2018).

Wishnick E. In search of the “Other” in Asia: Russia-China relations revisited // The Pacific Review. 2017. Vol. 30, N 1. P. 114–132.

УДК 356.251.2(52)(091)

Т. В. Федорова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯПОНСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ БЮРО НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Рассматривается деятельность японской военной разведки на территории Китая в начале XX в. в процессе формирования организационных структур в виде разведывательных бюро как базы для сбора информации о стратегическом базировании китайских и российских войск. Усиление милитаристских настроений Японии способствовало развитию напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, также провоцировало деэскалацию конфликта после Русско-японской войны 1904–1905 гг. В настоящее время в странах Азиатско-Тихоокеанского региона существует не только внутренняя, но и внешняя опасность, основанная на дестабилизирующих действиях иностранных агентов. Анализ разведывательной деятельности японских спецслужб в начале XX в. может стать моделью для обеспечения эффективного функционирования системы национальной безопасности. На основе таких методов, как принципы историзма и научной объективности, позволяющих обеспечить высокую степень достоверности полученных результатов, раскрывается главная цель процесса развития деятельности японской разведки на территории Китая.

Ключевые слова: разведка, шпионаж, агентура, разведочные бюро, Япония, Китай.

T. Fedorova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ACTIVITIES OF THE JAPANESE INTELLIGENCE DEPARTMENTS IN CHINA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. This article examines the activities of Japanese military intelligence in China in the early twentieth century in the process of forming organizational structures in the form of intelligence bureaus as a base for gathering information on the strategic deployment of Chinese and Russian troops. The strengthening of Japan's militaristic sentiments contributed to the development of tension in the Asia-Pacific region and provoked the de-escalation of the conflict after the Russo-Japanese War of 1904–1905. If we consider this problem in the modern countries of the Asia-Pacific region, there is not only an internal but also an external danger based on the destabilizing actions of foreign agents. Analysis of the intelligence activities of Japanese special services in the early twentieth century can become a model for ensuring the effective functioning of the national security system. Using such methods as principles of historicism and scientific objectivity, which provide a high degree of reliability of the results, the author seeks to reveal the main purpose of the development of Japanese intelligence in China.

Keywords: intelligence, espionage, agents, intelligence departments, Japan, China.

В век острых международных конфликтов, а также напряженных геополитических отношений главными проблемами становятся: урегулирование военных конфликтов, сохранение нейтралитета, а также противодействие терроризму и религиозному экстремизму не только в отдельно взятом регионе, но и в мире в целом. Современные методы разведки трансформируются и приобретают новый облик в условиях информационного бума, но базируются они на проверенных веками формах работы, поэтому и противодействие угрозе шпионажа, разрушающего систему национальной безопасности любого государства, должно основываться на эффективных проверенных методах.

Сегодня отношения Японии, КНР и Российской Федерации имеют множество точек соприкосновения, не только экономических и политических, но и культурных, что говорит об отсутствии острых конфликтов между этими странами, но вместе с тем в приграничных районах существует ряд проблем, которые государствам необходимо решать сообща. Это и террористические атаки в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР; и боевые действия США на территории Афганистана, со стороны которого Китаю угрожают экстремистские организации; и ближневосточный конфликт, требующий от Российской Федерации больших усилий по стабилизации обстановки в данном районе. Поэтому на основе системного анализа архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, появляется возможность выявить методы решения международных проблем.

В начале XX в. в Китае наибольшую активность получила японская шпионская агентурная сеть, которая усилила свою активность после Русско-японской войны. Деятельность и методы работы японских шпионов на территории Китайской империи и российской полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги были достаточно разнообразны: от картографирования и фотосъемки территории до вербовки местного населения, нуждающегося в материальном вознаграждении. «Японское правительство не гнушалось сбором информации посредством создания бюро под видом домов терпимости» [Федорова, 2016, с. 138]. Кроме того, поиском сведений занимались часовщики, доктора, фотографы, да и сами японские общины активно работали в пользу своей страны. При этом ведением разведывательной работы не гнушались и представители японских дипломатических ведомств. Так, в донесениях разведки Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи (ЗООКПС) за № 21 от 28 апреля 1907 г. сообщалось, что в г. Куанченцзы японцами, на 3-й улице, открыто разведывательное бюро [ГАИО, 1907–1912, с. 18]. «При входе в это бюро вывешена таблица с надписью по-китайски, встречающая вход в бюро посторонним лицам. Заведует бюро полковник Морита. Одновременно он явля-

ется и начальником полиции и жандармов. При бюро много служит шпионов китайцев, которые ежедневно являются к Морита с докладом; при встречах с русскими шпионы стараются расспрашивать о численности русских войск и о личном характере русских начальствующих лиц» [Федорова, Степанов, 2017, с. 109]. Стоит отметить, что японцы посылали и отдельные отряды шпионов. Так, в Сан-Сине в начале весны 1907 г. были замечены 5 человек, собиравшие военно-статистические сведения, а попутно и производившие съемку местности, а позже незаметно скрылись, но на смену им приехало 12, а потом и еще 7 человек [РГВИА, 1908–1910, с. 50 об.].

Делу изучения Маньчжурии японцы придавали большое значение, и на этом принципе дружно работали консулы, разведывательные бюро, Южная Маньчжурская железная дорога и некоторые частные общества. При всех консульствах был установлен такой порядок: японские подданные, не исключая и корейцев, проживавшие в известном участке, подчинялись особому старшине, выбираемому обществом и утверждаемому консульством. Все консульские распоряжения и инструкции передавались японским подданным через этих старшин, которые периодически (а в больших городах, как Харбин, – ежедневно) являлись в консульства. При этих явках старшины обязаны были докладывать о всех прибывших и выбывших соотечественниках, а также обо всех выдающихся событиях и прочих интересующих консульство сведениях не только о жизни колоний, но и местной. В свою очередь, и консульства сообщали старшинам все сведения, которые могли оказаться полезными для развития торговли или в иных интересах. Если из вновь прибывших находились лица, могущие дать сведения о какой-либо малоизвестной местности, то они приглашались в консульство и там опрашивались лично [ГАИО, 1907–1912, с. 136].

Для сбора сведений о разных пунктах в бюро был установлен следующий порядок: отпечатывались особые листки с перечнем названий тех городов или местечек, которыми в данный момент интересуется бюро, и против каждого названия выставлялась сумма, уплачиваемая лицу, которое сообщит в бюро о приезде кого-либо из данного места. Такие листки раздавались держателям гостиниц, постоялых дворов, харчевен и т. п. заведений, в которых бывают приезжие. Плата за сообщение о приезде колебалась от 20 до 60 коп. и зависела от большего или меньшего интереса к данному пункту со стороны бюро. За доставку приехавшего непосредственно в бюро уплачивалось в два раза больше [ГАИО, 1907–1912, с. 136–136 об.]. В некоторых, особо важных случаях командировались агенты для сбора сведений на место.

Таким образом, консульство всегда имело сведения из целого ряда, иногда очень отдаленных пунктов, не говоря уже о том, что оно бы-

ло хорошо осведомлено обо всех событиях местной жизни не только своих соотечественников, но и тех, среди которых последние проживали. Подобного рода разведывательное бюро было расположено и в Мукдене, под управлением офицера Генерального штаба Нагакио, задача которого заключалась в исследовании Маньчжурии в самом широком смысле этого слова. Сюда входило изучение экономического состояния страны, нравов, обычаев населения, сбор статистических сведений.

Таким образом, в указанный период японцами тратилось много средств и труда на изучение Маньчжурии, Китая, российской полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги и на то, чтобы быть осведомленными во всем, что здесь предпринималось русским и китайским правительствами. Работа в этом направлении велась упорная, систематическая, всеми имеющимися у них силами, причем конечным результатом этой работы являлось не только экономическое завоевание Маньчжурии, а отчасти и Монголии, но и ознакомление с предполагаемым театром войны.

В 1910 г. та же разведка доносила о расширении деятельности японских разведывательных бюро на территории Маньчжурии. По данным разведки от 10 января за № 2, на Дальнем Востоке обнаружилась усиленная деятельность японских разведывательных бюро, причем было замечено, что японцы во всех случаях, когда это только окажется возможным, вербуют своих агентов среди китайцев и дают им весьма серьезные задачи. Так, было установлено, что «один из чинов канцелярии вице-короля состоял агентом японского разведывательного бюро в Мукдене, причем там же имелось, кроме того, еще 8 китайцев, подкупленных японцами за крупную сумму в 2 тыс. руб. Вся партия имела поручение отправиться на западную ветку Китайской Восточной железной дороги и в нужный момент взорвать железнодорожный мост у ст. Фуляэрди через реку Нонни. Раскрылось все дело благодаря нескромности одного из участников, доверившегося своему приятелю, который в свою очередь оказался агентом китайского разведывательного бюро...» [РГВИА, 1908–1910, с. 165 об.].

Кроме приведенного намерения подготовить разрушение моста, обнаружилось, что в тот же период японское разведывательное бюро в Мукдене и Куанченцзах расширило работу по сбору сведений. Куанченцзское отделение, несмотря на наличие уже в нем двух (полковник Морита и майор Уэхара) офицеров Генерального штаба, было усилено еще одним подполковником Генерального штаба. «Вместе с тем были приняты меры к формированию целой серии отдельных партий японских топографов, которые должны были отправиться в окрестности Биньчжоу, Харбина, Ажэхэ, Цицикара, Хуланчена, Сейхуафу и Тункена. Кроме съемок на эти же партии был возложен сбор военно-

статистических сведений. Руководил всем этим делом майор Уэхара» [РГВИА, 1908–1910, с. 165 об.]. По результатам работы российских военных было выявлено, что местный житель г. Куанченцзы Лу-сян-нань занимался наблюдением за этим городом и имел обширные знакомства в управлениях Чифу, даотая, в полиции, в войсках. Каждый день с утра уходил в город и возвращался в бюро к вечеру с полученными данными [РГВИА, 1908–1910, с. 123 об.]. Все приведенные данные с неоспоримой ясностью доказывают, что японское военное министерство после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. не только не прекращало своих разведывательных работ в Китае, а наоборот – усиливало их.

В этих условиях китайским правительством были проведены коренные реформы внутри государства, которые основывались на укреплении границ империи, особенно на территории Монголии, посредством ассимиляции местного населения путем усиленной колонизации [ГАИО, 1909–1912, с. 4]. Россией же, со своей стороны, была организована особая агентура в Харбине, состоящая в распоряжении находящейся здесь дипломатической миссии. Такая работа получила положительные результаты лишь в 1912 г. после министерского кризиса в Японии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в процессе формирования сети японских разведывательных бюро на территории Китая в начале XX в. использовались различные формы сбора информации: от вербовки местного населения до создания отдельных бюро и фирм, занимающихся шпионской деятельностью. В свою очередь, китайское и российское правительство стремилось ограничить сферы влияния японских агентов посредством ассимиляции приграничного населения и расширения собственной агентурной сети.

Литература

Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11 ОЦ. Д. 10. О современном политическом состоянии соседних государств: Китая, Кореи, Маньчжурии, Японии; военная разведка 1907–1912 гг.

ГАИО. Ф. 25. Оп. 11 ОЦ. Д. 523. Разведывательные сводки штаба Иркутского военного округа о Китае и Монголии. Сведения о государствах Дальнего Востока (обзор периодической печати о Китае, Монголии, Японии, Тибете) – издание разведывательного отделения штаба Иркутского военного округа. 1909–1912 гг.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 4888. Оп. 2. Д. 26. Секретные сводки разведки Штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи за 1908–1910 гг.

Федорова Т. В., Степанов А. В. Деятельность российской военной разведки на территории Китая в конце XIX – начале XX вв // Междунар. науч.-исслед. журн. 2017. № 3-1 (57). С. 106–110.

Федорова Т. В. Разведка и контрразведка Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи на территории Китая в начале XX в. // Междунар. науч.-исслед. журн. 2016. № 6–3 (48). С. 136–139.

**НОМИНАТИВНАЯ ПЛОТНОСТЬ
ВЕРШИНЫ ФРЕЙМА «СВАДЕБНЫЙ РИТУАЛ»
КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТИ РИТУАЛА
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Производится анализ знаков-аксиологем традиционного китайского ритуала, составляющих вершину фреймовой структуры «Свадебный ритуал». Выявляется номинативная плотность вершины фрейма, степень детализации, образная и метафорическая насыщенность наименования, на основании которых устанавливается аксиологический статус свадебного ритуала в традиционной китайской культуре.

Ключевые слова: номинативная плотность, ценность, аксиологема, аксиосфера, ритуал, фрейм, вершина фрейма.

A. Khadeyeva

Irkutsk State University, Irkutsk

**THE NOMINATIVE DENSITY OF TOP OF THE “WEDDING RITUAL”
FRAME AS REPRESENTATION OF THE VALUE OF RITUAL
IN THE CHINESE LANGUAGE**

Abstract. The article presents an analysis of the axiologems of a traditional Chinese ritual, constituting a top of “Wedding ritual” frame structure. The analysis shows the nominative density of the frame’s top, a high degree of detail, and rich metaphoricity of names. This allows the author to determine the axiological status of the wedding ritual in Chinese traditional culture.

Keywords: nominative density, value, axiologeme, axiosphere, ritual, frame, top of frame.

Многочисленные исследования ритуала в современной антропологической науке позволяют трактовать ритуал как фундаментальную ценность человеческой культуры. Ценностная система любого социума объективируется в языке, языковыми репрезентантами ценностных смыслов являются знаки-аксиологемы, формирующие ценностные системы. Неоднородная номинативная плотность аксиосистем позволяет говорить о разном уровне аксиологической значимости того или иного фрагмента действительности в конкретной культуре [Карасик, 2002]. Термин «номинативная плотность» представляет собой «детализацию обозначаемого фрагмента реальности, наличие множества вариантов его обозначения и смысловых оттенков» [Слышкин, 2004]. Номинативная плотность как важнейший показатель лингвистической ценности аксиосферы представляет особый интерес для установления аксиологического статуса ритуала в традиционной культуре. В связи с этим представляется интересным рассмотреть аксиологемы свадебного ритуала с точки зрения показателя их номинативной плотности на примере китайской этнолингвокультуры.

Аксиологемы свадебного обряда как одного из древних традиционных ритуалов этнокультуры представляют собой разноуровневую языковую систему в количестве около 400 знаков, в основе которой лежит фреймовая структура [Хадеева, 2017]. Фрейм как предметно-образная сторона концепта относится к понятиям современной когнитивной лингвистики. Понимаемый как обобщенная структура данных для представления стереотипных ситуаций фрейм схватывает типичные и характерные черты явлений в конкретной культуре. Ограничиваясь рамками данной статьи, в качестве объекта исследования определим знаки-аксиологемы, составляющие вершину фрейма «Свадебный ритуал», представляющие собой синонимический ряд знаков-названий ритуала.

Знаки-названия ритуала 婚礼 hūnlǐ, 嘉礼 jiālǐ, 结婚典礼 jiéhūndiǎnlǐ являются вершиной фрейма «Свадебный ритуал». К данной части сетевой структуры фрейма также относятся номинативные единицы со значением «свадьба», основными знаками являются 婚 (hūn, «свадьба»), 嫁 (jià, «выйти замуж»), 娶 (qǔ, «жениться»).

Слогоморфема 婚 (hūn) первоначально писалась как 昏 (hūn) и означала «сумерки». Мотивация внутренней формы аксиологемы следующая: в Древнем Китае обряд женитьбы совершали под вечер, в сумерках, поэтому церемония бракосочетания называлась «сумеречной» церемонией. В современном китайском языке обряд свадьбы стал в большей степени ассоциироваться с женщиной, чем в древнекитайском, вследствие чего к первоначальному иероглифу добавилась часть 女 (nǚ), что впоследствии привело к образованию иероглифа 婚 (hūn). Данная слогоморфема буквально переводится как «брать женщину в дом под вечер». Отметим в данном случае явную гендерную значимость аксиологемы в её современной семантике.

嫁 (jià) в современном китайском языке означает «выйти замуж», «замужество», на что указывает левая часть иероглифа 女 (nǚ, т. е. «девица»), а 家 (jiā, т. е. «дом») представляет собой фонетический компонент. Буквально данная слогоморфема означает «девушка ушла из родного дома в дом мужа». 娶 (qǔ) определяется как «жениться, женитьба», «брать жену» и «женить, брать сноху». Данный иероглиф состоит из двух частей. Первая часть 取 (qǔ) означает «брать», «взять», вторая часть – 女 (nǚ) – «девица» или «женщина». Буквально слогоморфема переводится как «брать девицу в жены». Три базовые морфемы формируют ряд синонимичных лексем с общим значением «свадьба», «жениться»: 婚事 hūnshì, 婚会 hūnhuì, 婚庆 hūnqìng, 婚配 hūnpèi, 婚对 hūnduì, 完婚 wánhūn, 通婚 tōnghūn, 婚嫁 hūnjià, 嫁娶 jiàqǔ, 取礼 qǔlǐ.

Вновь отметим гендерную значимость аксиологемы. В семантике знака перехватывается значимость обряда прежде всего с точки зрения девушки.

Знак 嘉 является синонимом 婚, в древности имел значение «свадебный обряд». В периоды 甲骨文 («письмена на панцирях черепах и костях жертвенных животных», династия Шань, XVII–XI вв. до н. э.) и 金文 («письмена на металле», «письмена на колоколах и треножниках», династия Чжоу, XI–III вв. до н. э.) знак состоял из компонентов 鼓 («музыка», «музыкальное исполнение») и 力 «сила» имел значение «сильное веселье, большая радость».

Семантический компонент «радость, счастье» выражается в структуре большого количества номинативных единиц вершины фрейма «свадьба». В китайском языке даже существует отдельная логограмма, обозначающая свадьбу, союз двух человек как «счастье двоих» или «счастье пары», представляющий собой удвоенный знак «счастье, радость» – 囍 [Готлиб, 2015]. Таким образом, данный знак возводит свадьбу к ценностной сфере счастья – обоюдного счастья.

Кроме вышеуказанных логограмм, данная сема также выражена в следующих лексемах со значением «свадьба»: 喜事 xǐshì – «радостное событие, свадьба», 双喜 shuāngxǐ «двойное счастье», 大喜 dàxǐ «радостное (знаменательное) событие», «свадьба», 合欢 héhuān – «встретиться для праздничного увеселения»; «общая (обоюдная) радость»; «свадьба»; «свадебный»; 吉 jí – «празднество (свадьба)»; «свадебный, брачный»; «праздничный, счастье, удача»; 红事 hóngshì – «радостное событие», «свадьба» (досл. «красное» событие, так как красный символизирует счастье, радость, свадебное одеяние невесты красного цвета). Отметим в данном случае, что знак-аксиологема проявляет символическую значимость, входя в соотношение с символикой цвета. Тем самым аксиологема приобретает полисемическое звучание, характерное для символов.

Следующая лексическая группа, составляющая вершину фрейма свадьбы, формируется на основании семантического компонента «соединяться в одно целое», «сходиться», который выражается в логограммах: 结 jié – «связывать, заключать союз», 配 pèi – «соединяться, сочетаться», 合 hé – «соединяться, сходиться». Данные морфемы входят в состав следующих лексических единиц: 成结 chéngjié, 婚配 hūnpèi, 婚对 hūnduì, 结合 jiéhé, 胖合 pànhé, 片合 piànhé, 判合 pànhé, 匹配 pǐpèi, 结丝萝 jiēsīluó (образно «шелковая повилика, обвязанная вокруг дерева).

Традиционное китайское общество имело кланово-семейную структуру. Семья являлась частью клана, или, иначе, рода (宗族, 氏族). Принадлежность роду – важнейший фактор существования человека в

социуме, осмысление свадьбы как объединение родов – «породнение» – нашло отражение в следующих номинативных единицах: 二姓之好 «счастливое событие для двух родов», 朱陈之约-zhūchénzhīhǎo «два рода Чжу и Чэнь объединяются, заключают союз; по стихотворению Бо Цзюйи о том, как в одной деревне были два рода – Чжу и Чэнь, представители которых из поколения в поколение заключали между собой брачные союзы»; 潘杨之睦 – pānyángzhīmù «роды Пань и Ян заключают родственные браки из поколения в поколение»; 奏晋之好 – zòujìnzhīhǎo «роды Цзоу и Цинь объединяются», 成亲 chéngqīn, 结亲 jiéqīn.

Являясь частью родовой системы, законопослушные сын или дочь должны непременно продолжить род, вступив в брак и породив многочисленное потомство. В китайском традиционном обществе не было страшнее греха, нежели чем неисполненный долг перед предками. В связи с этим свадебный ритуал осмыслялся как ритуал поклонения предкам: 拜堂 bàitáng – «совершать поклонения» (табличкам предков и изображениям духов неба и земли; часть свадебного обряда для новобрачных; также поклоны новобрачной свёкру и свекрови как представителям рода, ближайшим предкам); 拜天地 bàitiāndì (то же самое). В представлениях средневекового китайского общества вступление в брак для женщины являлось «переменой неба» 移天 yí tiān [Мыльникова, 2014]. «Небо» в данном случае следует понимать как «предки, духи рода», выходя замуж, женщина переходит в другой род, род мужа. Сюда же следует отнести лексические сочетания со значением «свадьба», акцентирующие особенную важность заключения брака в жизни человека: 终身大事 zhōngshēndàshì – «дело всей жизни»; 百年好事 bǎiniánhǎoshì – «дело на всю жизнь».

Брак предначертан судьбой, предопределен заранее уже в момент рождения будущих супругов (姻缘 yīnyuán – «брак по судьбе») и продолжается после их смерти (冥婚 mínghūn – «посмертный брак», 阴婚 yīnhūn). Брак в традиционном Китае – это прежде всего социальный акт, соглашение между семьями, нежели чем религиозное действие (缔姻 dìyīn – «заключать брачный контракт», 私约 sīyuē – «частный договор», частное соглашение сторон о свадьбе). Жениться – значит «успокоиться», «обосноваться», «прийти в умиротворение» (安家 ānjiā).

В образном представлении свадьба ассоциируется с горящими красными свечами (花烛 huāzhú) в комнате новобрачных (洞房花烛 dòngfáng huāzhú); с парными чарками для вина, сделанными из половинок тыквы, для жениха и невесты 合卺 héjǐ «сочетаться браком; бракосочетание». Выдать дочь замуж – значит повязать ей на пояс полотенце

(结縻 jíelí) как знак того, что теперь ей предстоит заботиться о новой семье. Мужчине важно хорошо жениться, выбрать достойную супругу (牵丝 qiānsī – обр. «вытянуть нить» по преданию о Го Юань-чжэне, вытянувшем красную нить и выбравшем таким образом в жёны лучшую из пяти дочерей будущего тестя).

Таким образом, в общем представлении свадьба – это главное дело в жизни мужчины как продолжателя рода и отправителя обрядов предкам. Женщина переходит в другой род, «выходит» из своей семьи. Свадьба – счастливое событие для родов мужа и жены, брак «предопределен свыше, на небесах», вместе с тем представляет собой социальный акт, договор, заключенный между двумя семьями. При этом отмечается гендерная направленность базовых аксиологем, а также совмещенность семиотики свадьбы с более общей символикой, что придаёт полисемантическую, объемность рассматриваемых аксиологем.

На основе семантического анализа 50 номинативных единиц синонимического ряда с общим значением «свадьба» можно сделать вывод, что данный фрагмент аксиосферы демонстрирует высокую номинативную плотность. Глубокая степень детализации наименования, богатая вариативность смысловых оттенков проявляют образную и метафорическую насыщенность аксиофрагмента, что свидетельствует о доминантной позиции данной сферы жизни в традиционной китайской культуре.

Литература

Готлиб О. М. Этнология Китая (Ханьцы). Обрядность и символика основных этапов жизни. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. 86 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477с.

Мыльникова Ю. С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII–XIII вв.). СПб. : Изд-во НП-ПРИНТ, 2014. 336 с.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 38 с.

Хадеева А. П. Семиотика китайского ритуала сквозь призму аксиологии // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2017. № 3 (69), ч. 1. С. 159–162.

**ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Аннотация. Статья сфокусирована на медиаобразовании и процессе его развития на территории Китая. Представлена актуальность изучаемого явления, даны определения. Целью статьи является анализ процесса становления и развития медиаобразовательного движения в Китайской Народной Республике. Для реализации поставленной цели был решен ряд задач: 1) изучить условия, способствующие формированию медиаграмотности китайских граждан; 2) проанализировать вклад китайских медиапедагогов в развитие медиаобразования как самостоятельной области знаний; 3) выявить трудности внедрения медиаобразования в китайское общество. Был использован комплекс методов исследования: анализ научной литературы отечественных и зарубежных авторов по педагогике, медиаобразованию, медиакоммуникации; динамический анализ; сравнительный анализ; методы обобщения и экстраполяции. В результате исследования разработаны рекомендации по преодолению выявленных трудностей внедрения медиаобразования в китайское общество в соответствии с изученными условиями на основе анализа работ медиаисследователей. Полученные выводы могут быть использованы в процессе развития и продвижения медиаобразовательного движения.

Ключевые слова: медиаобразование, медиаграмотность, Китай, медиа, СМК.

N. Khlyzova, O. Kuznetsova
Irkutsk State University, Irkutsk

DEVELOPING OF MEDIA EDUCATION IN CHINA

Abstract. The article deals with the media education and its developing process in the territory of China. It shows the relevance of the phenomenon, defines some concepts. The purpose of the article is to analyze the process of media education development at the territory of China. The put-forward purpose requires us to solve the following research tasks: 1. to study the conditions to develop media literacy of the Chinese; 2. to analyze the researches of some Chinese scholars to promote media education in China; 3. to identify the difficulties to introduce in Chinese society. To carry out the purpose and the tasks we use the complex of methods, such as the analysis of the scientific literature of Russian and foreign authors of pedagogics, media education, media communication, dynamic analysis, comparative analysis, generalization, extrapolation. As a result, the research gives the conditions to develop media literacy of Chinese citizens, also some scholars' works to develop media educational movement as a whole.

Keywords: media education; media literacy; China; media; mass media.

Медиа стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Они заполнили профессиональную и досуговую деятельность. Личность с раннего возраста находится под влиянием медиа и информационного потока. Медиа, или средства массовой коммуникации (СМК), расширяются вследствие технического прогресса, и сегодня к ним относятся не только традиционные телевидение, радио, газета, журнал, реклама, фильм, но и Интернет, информационные сети, мобильная связь, а также связанные с ними цифровые формы вещания. Гаджеты,

предоставляющие невербальную коммуникацию, стали доступной необходимостью современного человека. Новые формы медиа обладают интерактивной функцией, которая непосредственно влияет на образ жизни, систему ценностей общества, на формирование личности.

Медиатизация современного общества требует от личности новых знаний и умений, которые в целом учеными формулируются как медиаграмотность и определяются как совокупность медиазнаний и умений, позволяющие личности ориентироваться в информационном пространстве, взаимодействовать с информацией, критически её осмысливать, отбирать, противостоять манипулятивному влиянию.

Многочисленные исследования [Фёдоров, Новикова, 2005; Иванова, 2008; Печинкина, 2015] показывают необходимость целенаправленного формирования медиаграмотности личности в рамках медиаобразования – автономного раздела педагогики, направленного на формирование и развитие личности на материале и средствами медиа.

Попытки педагогов и родителей оградить ребенка от медиа не принесли успеха. В информационную эпоху подобные меры неэффективны. Учитывая тот факт, что медиа обладают большим развивающим потенциалом, мы можем утверждать, что медиаобразование становится компромиссным решением и рассматривается учеными в качестве необходимого элемента современного общества [Masterman, 2000; Kubey, 2003; Considine, 2002].

Большую роль в становлении и распространении медиаобразования играет ЮНЕСКО. Данная организации выступает за внедрение медиаобразования в качестве обязательной части учебных программ. В 1982 г. была принята Грюнвальдская Декларация (Grunwald Declaration) по медиаобразованию с участием 19 стран. Основные положения декларации гласят:

1. Необходимо начинать и осуществлять всестороннее медиаобразование личности с дошкольных учреждений до высшего образования включительно, а также включать его в образовательные программы для взрослых. Цель медиаобразовательных программ состоит в формировании знаний, умений и отношений личности по взаимодействию с медиа, включающих критическое мышление. Такие программы должны включать анализ медиапродуктов, использование медиасредств для творческой реализации, участие во всех доступных медиаканалах.

2. Необходимо создавать образовательные курсы для педагогов с целью повышения их уровня медиаобразования. Очень важно, чтобы учителя понимали сущность медиа, отличали медиаобразование от использования медиасредств в образовании для наглядности или интенсификации учебного процесса, овладели новейшими технологиями и их дидактическим потенциалом.

3. Необходимо стимулировать научно-исследовательские работы, посвященные проблемам медиаобразования, в основе которых лежат психология, социология и коммуникационная наука.

4. Необходимо поддерживать и усиливать предпринятые действия ЮНЕСКО, направленные на международное сотрудничество в области медиаобразования [UNESCO, 1982, p. 340–341].

В докладе ЮНЕСКО о мировых коммуникациях [World Communications Report, 1989] говорится о международной тенденции и условиях развития медиаобразования и медиаграмотности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Европе и Латинской Америке, нацеленных на свободный поток информации как на национальном, так и международном уровнях. В докладе обозначена необходимость более широкого и сбалансированного распространения информации, беспрепятственной свободы выражения слова; усиления коммуникационной мощности развивающихся стран в рамках Международной программы по развитию коммуникации (the International Programme for the Development of Communication) [UNESCO, 1989]. Таким образом, тенденция информатизации общества была усилена и вопрос взаимодействия с информационным потоком назрел.

С 1990-х, с появлением компьютера и интернета, медиаобразование и медиаграмотность интенсивно развиваются во всех странах, в том числе и Китайской Народной Республике. Медиаобразование в Китайской Народной Республике не имеет официального статуса. По словам китайского медиаисследователя Вэй Бу (Wei Bu), «в целом китайская культура не поощряет развитие критического мышления человека, особенно в школьном образовании. Но в информационном обществе критическое мышление – очень существенная способность личности. Впрочем, медиаобразование фактически не имеет обязательного статуса в Китайской Народной Республике, поэтому указанные теории не используются в этом процессе. Так что трудно оценить их социальное и культурное влияние» [Фёдоров, Новикова, 2005, с. 37].

Анализ литературы [Xia, 1994; Media Literacy Education ... , 2012] показывает, что медиаобразовательное движение в Китайской Народной Республике началось сравнительно недавно. В 1994 г. в Китайской академии социальных наук медиапедагог Шанчжоу Ся (Shangzhou Xia) впервые представил медиаобразование [Xia, 1994]. В 1997 г. Вэй Бу (Wei Bu) занялась изучением понятия медиаобразования, его становления в западных странах, проанализировала значимость медиаобразования, его содержание, методы, способы внедрения. Продолжая свои исследования, Вэй Бу организовала медиакурс «Medium class» на канале «Молодежный Угол» в Интернете. Подобный способ распространения

медиазнаний среди молодежи оказался очень эффективным. У молодых людей была возможность задать вопросы относительно взаимодействия с медиа. Например, «Можно ли верить новостям?», «Как работает реклама?», «Что делает журналист?» и др. В подобной коммуникации подрастающее поколение имело возможность познакомиться с медиа и изучить их сущность, закономерности работы, методы воздействия.

В конце XX начале XXI в. вопросы медиаобразования в Китайской Народной Республике становятся очень актуальными. На территории государства были проведены международные конференции по вопросам медиаобразования и формирования медиаграмотности личности с участием известных медиапедагогов, таких как Джон Панджет (John Pungente), Дэвид Букингем (David Buckingham), Кэри Бэзэлгэйтт (Cary Bazalgette), Вэй Бу (Wei Bu) и др. В 2004 г. темой конференции были медиаобразование и медиаграмотность в информационном обществе. Ученые обсудили проблемы внедрения медиаобразования в китайское общество, продвижение процесса развития медиаграмотности, способы защиты подрастающего поколения от отрицательного воздействия медиа. Кроме того, обсуждались вопросы сохранения традиционной культуры, которая подвергается глобализации через медиа. В 2009 г. темой международной конференции являлись медиаграмотность и гражданское развитие. Ученые говорили о развитии азиатских граждан через макровзгляды. По сравнению с первой конференцией обсуждаемые темы изменились от определения медиаинформации до развития личности средствами медиа. В 2012 г. конференция по медиаобразованию была направлена на поиск новых путей распространения медиаобразовательного движения в Китайской Народной Республике.

В 2002 г. после официального открытия медиаобразовательного исследовательского центра на базе Университета коммуникации (Communication University of China) в г. Пекине началось внедрение медиаобразования и медиаграмотности в высшие учебные заведения. В 2004 г. Университет коммуникации открыл направление магистерской подготовки по медиаобразованию. В этом же году был опубликован научный журнал, посвященный исследованиям в области медиаобразования, и выпущен первый учебник для вузов «Новости. Медиа. Медиаграмотность». Далее Шанхайский Цзяотун университет (Shanghai Jiaotong University) организовал факультативный курс по медиаграмотности для всех студентов, участниками которого стало в общей сложности более 700 человек. Фуданьский университет (Fudan University) в своем научно-исследовательском журнале «Journalists» открыл медиаобразовательную колонку для обсуждения вопросов формирования медиаграмотности личности, а также первый официальный сайт по во-

просам медиаобразования в Китайской Народной Республике. В июне 2006 г. в этом же университете заработал научно-исследовательский центр по медиаобразованию и медиаграмотности.

Северо-Западный университет (the Northwest Normal University) начал аудиовизуальное образование и организовал научную колонку «Медиаобразование и медиаграмотность». В апреле 2007 г. был открыт научно-исследовательский центр медиаобразовательных курсов Северо-Восточного университета, на базе которого был разработан учебник по экспериментальному курсу медиаобразования для начальных школ. В 2009 г. Научно-исследовательский институт высшего образования в коммуникационном университете Китая (the Research Institute of Higher Education in Communication University of China) провел обучение для 30 учителей из 15 начальных школ района Чаоян, г. Пекин. Таким образом, медиаобразование было включено в систему подготовки учителей на официальном уровне.

Проведённый анализ показал, что медиаобразование – очень популярный объект исследования в Китайской Народной Республике, интенсивно развивающийся с каждым годом. Но, несмотря на многочисленные исследования и предпринятые меры по развитию и продвижению медиаобразования на территории Китая, все еще остается ряд проблем и трудностей.

По мнению Тан Циньи (Qinyi Tan) и Сян Цянь (Qian Xiang), остаются недостаточно проработанными вопросы формирования медиаграмотности на теоретическом уровне и реализованными на практическом. В целом характерны несистематическое внедрение в систему образования, частичная интеграция с образовательными теориями, отсутствие анализа современной действительности. Кроме того, не разработаны теория и методика формирования медиаграмотности [Media Literacy Education ... , 2012, с. 384]. Джан Дзинья (Jingya Zhang), Тэн Луянь (Luyan Teng) и Яо Цзяли (Jiali Yao) считают, что медиаобразование в Китайской Народной Республике находится на начальной стадии развития.

По результатам научной конференции, проведенной международной ассоциацией по медиа- и коммуникационным исследованиям (The International Association for Media and Communication Research) в Бразилии в 1992 г., медиаобразование получило статус самостоятельной дисциплины. Однако, как у нового исследовательского феномена, пересекающего области массовой коммуникации и образования, у медиаобразования нет единой теоретической системы. Ученые из разных стран, регионов и академических областей выражают разные мнения о фундаментальном понятии, цели, содержании, методах и других основ-

ных категориях медиаобразования. Терминологическое разнообразие представляет одну из трудностей китайского медиаобразования.

На сегодняшний день имеется богатый мировой опыт по изучению и внедрению медиаобразования. Но любая теория, концепция или модель, эффективно реализованная ранее, должна быть оптимизирована в рамках определенного общества в соответствии с его традициями, устоями, менталитетом. Именно из-за культурных различий новые концепты, разработанные за рубежом, с трудом адаптируются в Китае. Более того, текущие исследования базируются на переводе иностранной литературы по проблемам медиаобразования, внедрении апробированных на западе теорий, концепций, методов и т. д. Часто специфика теряется при переводе с иностранного языка. Перед китайскими исследователями стоит проблема интеграции медиаобразования и культуры, поиска путей формирования умений восприятия медиаинформации и способности её критически оценивать и противостоять ей. Некоторые школы предлагают курсы по формированию медиаграмотности, но все они сталкиваются с маргинальностью, поскольку направлены на критическое осмысление сложившейся системы норм и ценностей, традиций культуры. Основную причину медленного развития медиаобразования ученые видят в инструментальном рационализме китайского общества, в котором делается акцент на технический уровень, игнорируются медиаэтика и мораль.

Во многих странах открыты не только государственные, но и негосударственные организации с целью формирования медиаобразования и медиаграмотности граждан. Китай осуществляет контроль образовательной системы и придерживается единой модели школьного образования, в утвержденные стандарты которой сложно внедрить медиаобразовательный компонент. Для полноценной реализации медиаобразования требуется разработка учебно-методического комплекса и его сопровождение.

Еще одной особенностью медиаобразовательного движения Китая является сосредоточение большинства исследований в Пекине и Шанхае. Кроме того, занятия по медиаобразованию осуществляются только в этих городах. Учебная программа, предусмотренная для начальных, средних школ и университетов, реализуется только в этих районах. Китайские медиапедагоги описывают медиаобразование через теорию зависимости, предложенную И. Валлерштейном в 1976 г., через концепты «ядра» и «периферии». По мнению ученых, в вопросах медиаобразования периферию игнорировать нельзя. Причина, по которой медиаобразование не внедряется в другие районы Китая, по их мнению, заключается в отсутствии понимания актуальности медиаобразования и

медиаграмотности. Распространение медиа, их влияние на личность и манипулятивное воздействие не вызывают широкое общественное беспокойство. В соответствии с опросом общественного мнения 56 % респондентов не знают о понятии медиаграмотности [Media Literacy Education ... , 2012, с. 384].

Как известно, формирование личности происходит не только в школе. Медиаобразование носит системный характер. В нем и школа, и семья играют большую роль, особенно в соблюдении общих принципов непрерывности и последовательности. Однако зачастую родители не уделяют должного внимания медиаобразованию детей. Более того, уровень медиаграмотности самих родителей невысок. Вэй Бу считает, что самым эффективным вариантом медиаобразования вне школы может стать совместное овладение медиаграмотностью родителей и детей. Именно родители должны стать проводниками детей в просторах интернета, научить их ориентироваться в информационном пространстве, адекватно оценивать и критически осмысливать информацию. Родители играют двойную роль в медиаобразовании: с одной стороны, они выступают субъектом обучения, поскольку формируют медиаграмотность ребенка, с другой стороны, они являются объектом обучения, поскольку должны формировать и развивать свой уровень медиаграмотности, чтобы соответствовать современному информационному обществу. Поэтому медиаобразование родителей очень важно и имеет значительное влияние на медиаграмотность ребенка.

Итак, проведенный анализ выявил следующие трудности внедрения медиаобразования в китайское общество:

- 1) терминологический плюрализм, который приводит к путанице и непониманию;
- 2) культурологический барьер, связанный с многовековыми устоями, традициями, которые не адаптированы под имеющиеся медиаобразовательные теории, разработанные за рубежом;
- 3) система образования Китая, контролируемая государством, не открыта для медиаобразовательных программ. Государство контролирует интернет через цензуру и самоцензуру и защищает личность от отрицательного влияния медиа;
- 4) централизованность медиаобразования Китая, не охватывающего периферийные регионы;
- 5) недооценивание угрозы медиа и актуальности медиаграмотности в информационном веке.

Устранению выявленных трудностей будет способствовать разработка единой концепции медиаобразования с систематизированным терминологическим аппаратом, соответствующей культурологи-

ческим условиям общества, особенностям развития информационного пространства. Продвижение медиаобразования должно быть целенаправленным на все регионы. Заложённая тенденция по проведению конференций различных уровней, ориентированных на привлечение общественности к актуальности вопросов формирования медиаграмотности, должна продолжаться. Устранение выявленных трудностей требует кардинальных мер и длительного времени. Но это, несомненно, поможет распространению медиаобразовательного движения. Медиапедагоги Китая продолжают изучать зарубежный опыт внедрения в учебный процесс медиаобразования как самостоятельной дисциплины и его интеграцию в другие учебные предметы. Формирование медиаграмотности ими рассматривается как один из основных компонентов непрерывного обучения, они активно исследуют проблемы в области медиаобразования, модели формирования медиаграмотности с целью создания оптимального варианта внедрения медиаобразования в китайское общество.

Литература

Иванова Л. А. Интеграция медиаобразования и учебной дисциплины «иностранный язык» в образовательном процессе через аудиовизуальные СМК // *Фундамент. исслед.* 2008. № 5. С. 75–77.

Печинкина О. В. Медиаобразование в контексте межкультурной коммуникации (на материале средств массовой информации США) // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык.* 2015. № 1. С. 50–68.

Федоров А. В., Новикова А. А. Медиаобразование в ведущих странах Запада. Таганрог : Кучма, 2005. 270 с.

Considine D. M. Media literacy: National developments and international origins // *Journal of Popular Film and Television.* 2002. N 30(1). P. 7–16.

Kubey R. Why U. S. media education lags behind the rest of the Englishspeaking world // *Television and New Media.* 2003. N 4(4). P. 351–370.

Masterman L. New Paradigms and Directions // *Telemidium Journal of Media Literacy.* 2000. Vol. 46, N 1. P. 7.

Media Literacy Education in Mainland China: A Historical Overview / Qinyi Tan, Qian Xiang, Jingya Zhang, Luyan Teng, Jiali Yao // *International Journal of Information and Education Technology.* 2012. Vol. 2, N 4. P. 382–385.

UNESCO. Declaration on Media Education // *Teaching the Media* / ed. L. Masterman. London : Comedia, 1982. P. 340–341.

World Communications Report. Paris : United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 1989.

UNESCO. Community media: a good practice handbook. Paris : United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2011.

Xia. S. We need media literacy in China // *Journalism Review.* 1994. Vol. 1. P. 9–10.

表示“喜爱”汉俄心理动词语义对比

摘要. 这篇文章以语义场理论为主, 对表示“喜爱”汉俄语言中的心理动词进行对比研究。首先笔者确定每种语言中的表示“喜爱”词汇语义群的境界, 然后单独地分析汉俄词汇语义群里的心理动词的特征, 最后做出两种语言心理动词语义对比研究。这方面的研究能够显示汉俄动词的语义差异。获得的结果有助于汉语与俄语的教育和汉俄翻译领域。

关键词: 汉语, 俄语, 心理动词, 语义, 对比。

O. Kho

Irkutsk State University, Irkutsk

**A COMPARISON OF LINGUISTIC EXPRESSIONS
OF “LOVE” BETWEEN THE CHINESE AND THE RUSSIAN LANGUAGES**

Abstract: This article compares and contrasts the differences of various semantical expressions of love between the Chinese and the Russian languages. Significant as well as nuanced differences in meaning are explored from perspectives of semantics, psychology, usage, and cultural connotation.

Research Process: The article identifies the realm of “loving” lexical semantic groups in each language. Next, their psychological differences and characteristics are analyzed and listed separately. The work continues with a comparative study of semantic expressions of each language. The results demonstrate semantic differences of expression and meaning between Chinese and Russian verbs. The results are conducive to teaching the Chinese and the Russian language, and translation between the languages.

Keywords: Chinese, Russian, psychological verbs, semantics, comparative.

语言词汇是一个复杂的, 多阶段的系统。什梅廖夫 [Шмелев, 1977] 认为 «язык представляет собой сложное устройство, которое может быть рассмотрено с разных точек зрения, в соответствии с чем и выделяются различные единицы языка» (语言是一个复杂的设备, 可以从不同的角度来看待, 根据这种设备分配不同的语言单位)。学家强调 «единицы, которые изучаются в разных разделах науки о языке, находятся в определенных взаимоотношениях друг с другом...» (在语言科学的不同部分研究的单位彼此之间有一定的相互关系...)

在词汇系统中, 词汇可以根据其意义与文体特征的共同性或相反性, 根据造词法与单词的来源的共同性等特性归纳与连接起来。语言词汇系统中主要词汇组合是语义组(语义群)语义群是语义场的一部分。语义场以属的概念为基础, 语义群以种的概念为基础。俄语学家菲林 [Филин, 1982] 语义词汇组 (语义词汇群) 的定义是 «совокупности слов, имеющих близкие (в том числе противопоставленные – антонимы) и идентичные значения с разными оттенками, дифференциальными

признаками (синонимами)» (一组具有同样意义, 存在细微区别的特点的词(包括反义词与同义词))。

库兹涅措瓦 [Большой толковый словарь ..., 1998] 使用实用语义分析法进行词汇分类, 考虑到一类词的共同语义, 也考虑到其功能的特点, 她提出如下词汇语义组的定义: «Лексико-семантическая группа – это класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент (или компоненты) и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, а также характеризующихся сходством сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности». “词汇语义词组是同样种类的单词群, 这个词群类具有共同的概括的语义组元(成分)与典型的确认(细化的)的组元(差异), 并且具有搭配的相似性、功能等价性与有规律的多义性”。

词汇语义组也被认为语言与心理的现实, 是原则性划分的词群, 其成员具有同样的语法地位, 也具有同义词类型的语义接近的同一性 [Слесарева, 2010]。

阿普列相 [Апресян Ю. Д., 1995] 认为词汇语义组是聚合体性的微场, 因为最主要的成员组织的关联是低潮上义性与同义性的关系。由于这种关系通过整个词汇语义组, 因此在某种语境可以相互替换词汇语义组里边的单位。学者将词汇语义组里单位之间的关系叫做假同义词的关系。他以有/无词汇语义聚合体为主分出同义词与假同义词的关系。由于确切的同义词在语义方面没有区别, 所以语义系列没有内部结构。假同义词相反, 可以发现一定的内部语义结构, 因为假同义词的意义复杂且不同。

可见词汇语义组(群)的概念至少被认为是两种意义上的: 狭义的和广义的。词汇语义组这个术语没有明确的定义。在第一个意义上, 一个词汇语义组表示由共同范畴示性的义素联合起来的一组词汇。在第二个意义上, 一个词汇语义组是具有非常接近意义的一组词汇。

语义组绑定了一定数量的不同通用系列。一个词汇语义群中的词有共同的特征。根据词汇系统, 词汇的最重要的类型是用词典 – 语义组来表示的。这种类型的组合包括了一个词类的词语, 除了一般的语法条件之外, 它们也有一个共同的阶级。

根据上面列出的词汇语义组的定义, 能够制定下列判别词汇语义群的标志:

- 结构层次;
- 词汇语义组的基本词识别符的存在;
- 一组语义特征的存在;
- 一组词汇之间典型的正常关系: 包容, 交集与对比关系;

- 造词法结构相似性;
- 句段性;
- 有规律的多义性;
- 可交叉性, 开放性, 活力性。

一种组织词汇语义群的方法包括联合一个词类的具有共同意义、范式与组合特点的单词。词汇语义群的大小, 即包不包括一个单词取决于语义分析。词汇语义群的结合性(联系性)取决于这一群所有单词的共同语义特点。词汇语义群的分析在于根据同异相似性和差异性的语义特征揭露单词意义上之间的关系(成分分析)。

描述词汇语义组主要包括两种连续的阶段: 第一, 分出基本不变式的词汇; 第二, 以成分分析法对词汇语义群进行分析, 并找出词汇语义上的关系。描述词汇语义组的单词的过程不仅涉及到它们的语义特征, 而且涉及到它们在反义词与同义词系列中位置特性, 因此也包括它们的不同类型造词法的关系。

本文根据上面综述的词汇语义组的分析方法与规则, 考虑到以前语言学家进行的研究与做出的贡献, 根据两种语言的特征, 下面对汉俄语言心理活动动词分别进行语义分析并比较。

俄语表示“喜爱”词汇语义群里的动词有: *любить* / 爱, *обожать* / 宠爱, *боготворить* / 崇拜, *симпатизировать* / 喜欢, *влюбляться* / 醉心, *увлечься* / 入迷, *привязаться* / 依恋, *приохотиться* 等, 表示 «испытывать влечение, проявлять повышенный интерес» / “被吸引, 表现出浓厚的兴趣”。这个词义组的动词可以根据情感和情绪表现的强度(增加的程度)排列;

интересоваться (感兴趣, 关心) – проявлять интерес (对某事物有浓厚的兴趣或者是很强的热情);

нравиться (喜欢) – производить на кого-л. хорошее, приятное впечатление, вызывать расположение к себе; вызывать интерес, влечение у лиц другого пола (对...喜欢, 引起...好感, 何字...心意, 为...所中意);

приохотиться (爱好, 愿意) – развить в себе охоту заниматься чем-л., делать что-л. (爱好, 乐意(干某事), 对...上瘾);

пристраститься (上瘾) – приобрести постоянный интерес к занятию чем-л.; приохотиться к чему-л. (对...爱好入迷, 嗜...成癖);

увлечься (专心于, 热衷于, 爱上) – проявить сильный, повышенный интерес к чему-л. (在某种里的作用一下, 迷上, 醉心, 热衷, 倾心, 爱喜, 迷恋);

помешаться (入迷, 着迷) – прираствившись, сильно увлечься (对...入迷; 酷爱);

влюбляться (爱上, 钟情于, 爱恋, 喜欢) – сильно увлечься чем/кем-л. (对...发生爱情);

плениться (沉醉于.....) – 1) поддаться очарованию, обаянию кого-, чего-л. (屈服于某人的魅力或某种东西); 2) влюбиться в кого-л.; увлечься кем-л. (爱上某人; 对某人感到爱情);

симпатизировать (喜欢) – испытывать чувство симпатии к кому-, чему-л. (对某人有好感, 喜欢某种事);

привязаться (依恋) – почувствовать привязанность к кому-, чему-л. (对某种人产生依恋 (眷恋));

любить (爱) – 1) чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-л. (感受对某人或某事物的深情), быть преданным кому-, чему-л. (忠于某人); 2) чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола; быть влюблённым (感到对另一个人的心脏般的成瘾; 相爱); 3) чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л. (感受倾向, 兴趣, 倾心, 向往);

влюбиться (爱上) – страстно полюбить кого-, что-л. (热爱某人);

прельститься (迷恋上) – поддаться соблазну, очарованию чего-н. (受...引诱; 受...诱惑; 受引诱; 着迷; 入迷; 诱惑住; 引诱住);

обожать (酷爱) – питать к кому-, чему-л. чувство сильной, доходящей до преклонения любви (特别喜爱; 感受强烈的爱, 崇拜);

боготворить (崇拜) – преклоняться перед кем-, чем-л., беззаветно любить (敬佩, 敬仰);

гореть – быть охваченным каким-л. сильным чувством, со страстью отдаваться какому-л. чувству (强烈的感受, 激情, 特别激动);

пылать (热爱) – быть охваченным каким-л. сильным чувством, страстью (强烈的感受, 激情, 强烈的情欲)。

在这种词汇语义群里边的动词排序的基础上, 情感和情绪表现的强度可以表示如下 (根据增加的程度):

интересоваться (兴趣) → желать (愿意) → увлечься (醉心) → симпатизировать (喜欢) → привязаться (依恋) → влюбиться (爱恋) → любить (爱) → обожать (宠爱) → преклоняться (崇拜) → испытывать страсть (激情)。

汉语表示“喜爱”词汇语义群里的动词有: 心爱, 爱戴, 爱抚, 爱慕, 博爱, 爱, 笃爱, 疼爱, 疼, 钟爱, 宠爱, 宠, 娇宠, 敬爱, 酷爱, 爱好, 爱怜, 挚爱, 怜爱, 溺爱, 偏爱, 偏好, 偏疼, 倾心, 倾慕, 宠溺, 热爱, 热衷, 喜爱, 喜欢, 心爱, 心疼, 爱怜。

表示喜爱而想接近:

这种意义的词主要由表示“依恋”“思念”的动词语素“慕”和“倾向”构成,比如爱慕,恋慕,倾慕,倾心。“爱慕”指因为喜爱或尊重而想要接近,爱慕多表示一个男孩或女孩倾慕异性,十分喜爱,适用的范围很广,适用的对象可以是人,也可以是美好的事物,或者思想意识,可用于书面语和口语。而“倾慕”的程度更深,把爱全部都给予,适用的范围比较窄。比如:

表示对人或事物感兴趣,有好感:

这类动词主要由语素“爱”“好”“喜”构成,如喜爱,欢喜,爱好,爱等。有些动词更强调“爱”,“喜爱”“爱好”的程度和状态,如非常爱好(酷爱,热衷);深切地爱(笃爱);衷心热爱(笃爱),衷心喜爱(心爱)等,对祖国,人民的热爱,对其中人或几件事特爱的喜爱,对某种事物特别的偏爱(偏好)。

“热爱”和“酷爱”是一组同义词,表示非常喜爱,但是热爱的范围更广,在书面和口语中经常有表达,热爱的程度比较深,通常表示人们非常喜欢这种事物。酷爱的程度比热爱更深,酷爱运动,酷爱跳舞等等,往往是一个人极其喜欢的爱好。

“喜爱,欢喜,爱好,爱,笃爱,心爱”这些词很相似,都包含爱,但是词义由细微的差别,“爱”强调对人或者事物由很深刻的感情,往往表示爱情,亲情这种强烈的感情,在内心很欢乐。“爱”的语义比“喜爱”要重些,“好”强调一直向往,心里有这种倾向,与讨厌相对,“喜爱”的意思有些中性,表示对某种事物喜欢,但不是特别喜欢,程度比较轻。

指长辈或者有权力的人对晚辈或者从属辈分的人十分喜爱:表示这个意义的动词主要由“宠”构成,有宠就会产生爱,在中国文化中,宠表示一种亲切的感情。对晚辈的宠爱是中华文化的传统。这类动词有:宠爱,宠幸,娇宠,宠。其他没有宠字的动词有:溺爱,钟爱等。这些词的意义较接近,但是也有细微的差别。

宠,宠爱侧重偏爱,在很多的对象中,可以只是对其中一个或者两个特别喜爱,对象可以是人或者事物,多用于人和宠物中。口语和书面都有表达。

宠幸也有宠,宠爱的意思,但是宠幸的适用更窄,宠幸多用于地位高的人对地位低的人一种爱护,多用于书面语。“宠”“宠幸”“宠爱”都是中性词。

“钟爱”指特爱的喜爱,非常热爱,用于人或者事物中,使用范围较广,不一定是自己的家人,也可以是一个小的东西,有很强烈个人的喜好在其中。

“宠溺”与“娇宠”都表示对幼儿的爱护,过度放纵等,通常用于书面和口语中,“娇宠”可以是小的宠物,“宠溺”的范围更为广泛,

“溺爱”一般指毫无理由，无条件的喜爱，甚至对错误也姑息，袒护，经常用来表示人的爱很深，长辈对晚辈的爱。词性不同于其他词汇，是贬义词。

表示对某人尊重而且十分热爱（爱戴，敬爱等）：

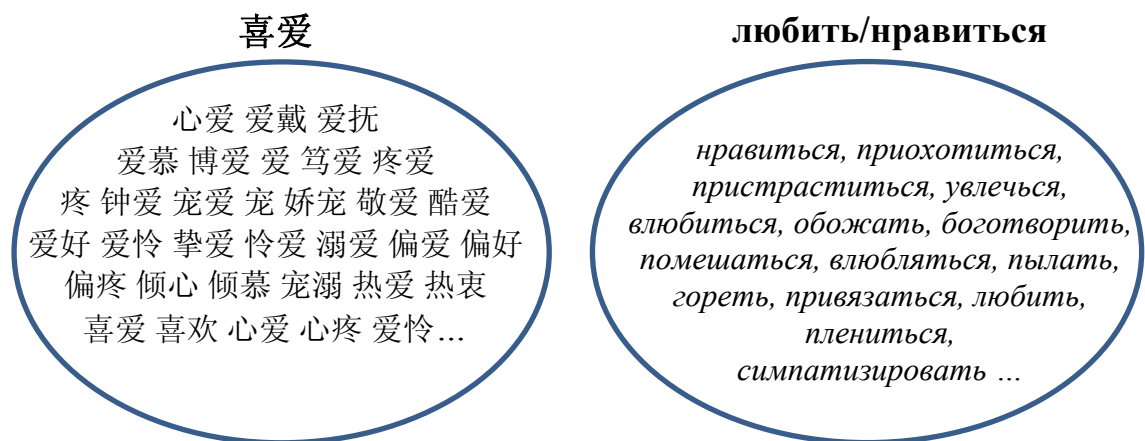
这类动词在书面语中经常用到，不仅仅是词本身的意思，也是为了表示对对象的尊重，特别对于某个人或某个群体特别敬佩时会使用。“爱戴”多用于下级对上级，晚辈对长辈很尊敬，敬重，或者师生关系。生活中人们都崇拜强者，爱戴某个有权力或者地位的人，非常佩服领袖或者超级英雄。“敬爱”与“爱戴”的意思相仿，但“敬爱”的程度比较轻，多用于师生，长辈和晚辈，上级和下级，有时同级关系中也会使用。

表示很关切而喜爱：

这类动词比较特殊，跟喜爱的直接关系并不深，是一种间接的喜爱关系。比如：“疼”、“疼爱”、“心疼”等。不含疼的动词有：“爱怜”、“怜爱”。

这几个单词虽然含义相近，但侧重点却有比较大的差异。“疼爱”侧重于喜爱，一般用于人，含有爱护，宠爱的意思，“心疼”强调从心里的关心，关切，不仅仅是人，也可以是动物，家畜，花卉等，多用于口语中。“怜爱”主要是对弱者或者特别喜爱人的一种关爱，程度较深 [修慧君，梅立崇, 2002]。

汉俄语言中的表示“喜爱”心理动词语义差异：

喜爱类群在汉语中主要由 33 个动词组成，在俄语中主要由 15 个动词组成，可见两种语言表示喜爱的动词数量有明显的差异，这种差异在于中文动词表达的意义比俄语动词细，不过一种俄语动词能够包含几种汉语动词的意义，可以说俄语动词语义范围广，这个能解释俄语词汇群里的动词数量少的事实。虽然在两种语言大体上有语义相同

或接近的动词，比如：上面说的动词其中最代表性的 *нравиться* – 喜欢, *любить* – 爱/ *влюбляться* – 爱上, *обожать* – 宠、宠爱等，但是还是存在不少具有特殊性的在语义上有差异的动词。汉语心理活动动词翻译成俄语，有时查不到意义相同的动词，所以一些汉语动词的含义只能用语义接近的动词（同义词）、两个俄语动词、动词加程度副词，词组等方法描述。笃爱，疼爱，酷爱，钟爱等动词都表示程度高的爱，基本上相当于俄语中的 *обожать*，但是 *обожать* 的意义没有汉语动词的详细。比如：

怜爱指对一个人的怜惜与疼爱，在俄语中没有一个动词表示这种意义，只能使用两个动词 *любить* 和 *жалеть*，或这样描述 *питать любовь и жалость (заботливо относиться, сердечно сочувствовать)*。

心爱指衷心喜爱，用俄语来表示汉语动词的意义为 *любить всем сердцем*，(要不用没有汉语动词那么详细的 *любить* (爱)，或表示十分的爱（程度高的爱）*обожать*。俄语中没有表示出于内心的爱，真心的爱的动词，表示心爱的意义，只能用词组来解释：*любить всей душой (искренне любить)*。

笃爱指厚爱、深爱，也只能用俄语动词 *любить* 加副词来表示这种意义：*крепко любить* 等。

根据上面进行的汉俄动词的语义分析与对比，笔者显示一些汉俄语言中的表示“喜爱”心理动词语义差异。可见语义场的界限与单位的数量并不是固定的，其根据每种语言特点与采用的划分原则而变化。人们经验的粗糙感受在场中是以独特的方式来分析和提炼的。在这方面，各个语言不相同，各个时期不相同，表现出来的价值和标准也不同 [孙淑芳等著, 2015]。这方面的研究获得的结果有助于汉语与俄语的教育和汉俄翻译领域。

参考文献

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр. и доп. М.: Яз. Рус. культуры, 1995. 464 с.
- Большой толковый словарь / гл. ред. А. С. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998 [Электронный ресурс]. URL: gramota.ru.
- Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики : учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Либроком, 2010. 176 с.
- Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 227–239.
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
- 俄汉语义对比研究/孙淑芳等著. –北京: 商务印书馆, 2015. 402 с.
- 汉语同义词词典. 修慧君, 梅立崇. –北京: 商务印书馆国际有限公司. 2002.

**ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ПЕРЕВОДЕ МЕТАФОР
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ОСТАВЛЕННЫЕ ЧУВСТВА» (“留情”)
ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ЧЖАН АЙЛИН)**

Аннотация. Рассматриваются сложности перевода гендерно-маркированных метафор на примере художественного рассказа Чжан Айлин, приводится классификация гендерных метафор с точки зрения жесткой и нежесткой маркированности, а также содержится практический опыт перевода подобного рода метафор с китайского на русский язык.

Ключевые слова: Чжан Айлин, гендерно-маркированная метафора, теория концептуальной метафоры, художественный текст, перевод метафор.

Ya. Khusayenova

Irkutsk State University, Irkutsk

**GENDER ASPECT IN THE TRANSLATION OF METAPHORS
OF THE LITERARY TEXT
(BASED ON THE SHORT NOVEL “留情” OF ZHANG AILIN)**

Abstract. The article deals with the difficulties of translating gender-marked metaphors in the example of Chang Eileen's short novel, gives classification of gender metaphors from the point of view of rigid and non-rigid marking, and shows practical experience in translating such metaphors from Chinese into Russian.

Keywords: Chang Eileen, gender-marked metaphor, theory of conceptual metaphor, literary text, translation of metaphors.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики являются гендерные исследования. Гендер как категория сферы лингвистического знания определяется А. В. Кирилиной как «социокультурное понятие, объединяющее в себе определенные качества и нормы поведения, приписываемые индивиду в зависимости от его биологического пола» [Кирилина, 1999].

Иными словами, гендер подразделяет понятия на типично мужские и типично женские, границы которых, в свою очередь, усваиваются индивидом в течение жизни через социальные институты и средства массовой информации. При этом отмечается, что гендерные подразделения не только меняются со временем, но и разнятся в той или иной культуре.

Гендер находит свое отражение как в системе прямых, так и в системе переносных лексических значений. К последним относится метафора. Уточним понятие метафоры, принятое в нашем исследовании.

Под метафорой И. Р. Гальперин понимает «отношение предметно-логического значения и значения контекстуального, основанное на сходстве признаков двух понятий» [Гальперин, 1958].

Метафора, содержащая в себе гендерный аспект, называется. З. И. Резановой гендерно-маркированной и определяется как метафора, в которой сферой-мишенью служит лицо определенного пола, мужского или женского [Резанова, 2011, с. 50].

Обращение к проблемам перевода в нашей работе также не случайно, в настоящее время исследователи в области языка и перевода рассматривают самые разнообразные вопросы в этой сфере: перевод фразеологизмов с прецедентными именами [Кобжицкая, 2016]; транслингвографический перевод [Хамаева, Шишмарёва, Кремнев, 2016]; экстралингвистическое в переводе [Карачева, 2016]; перевод кино [Кузнецова, 2014] и т. д.

Особенно актуальным является действие гендерного фактора при переводе метафор художественного текста. Этот процесс является одним из наиболее сложных и важных в переводоведении. Об этом свидетельствует большое количество научных трудов, задачей которых является поиск способов перевода метафоры [Newmark, 1998; Казакова, 2001; Борковец, 2002] и др.

Перевод гендерных метафор уже выступал предметом изучения в работах З. И. Резановой, С. Ромейн, И. П. Гриценко и т. д. Вместе с тем проблема перевода такого рода метафор в рамках художественного текста не была предметом специального комплексного анализа. Поэтому актуальность работы определяется значимостью дальнейшего углубленного изучения метафоры как культурного кода, отражающего специфику мировосприятия народа Китая (в частности, влияния гендерно-маркированной лексики). В качестве основных задач мы видим уточнение статуса метафоры с точки зрения критерия гендерности, выявление состава гендерных метафор в рассматриваемом художественном тексте, а также представление опыта их перевода с китайского на русский язык.

Материалом для исследования послужил рассказ «Оставленные чувства» китайской писательницы Чжан Айлин. Основными методами исследования являются интерпретативный метод и метод трансформаций.

В рамках данного исследования считается целесообразным рассматривать метафору через теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, поскольку данная теория отражает связь прямого значения с концептуальным [Лакофф, Джонсон, 2004]. Соответственно, гендерно-маркированная метафора будет состоять из сферы-источника (*source domain*), в нашем случае это те образы, которые помогают передать гендерный аспект в метафоре, и сферы-мишени (*target domain*), т. е. лица, принадлежащие к определенному полу (мужчины или женщины) [Кузоятова, 2011].

Придерживаясь вышеизложенного определения гендерно-маркированной метафоры и особенностей ее рассмотрения через призму кон-

цептуальной теории, можно подразделить данный вид метафор на жестко гендерно-маркированные (когда сферы-мишени (мужчина и женщина) закреплены за определенными сферами-источниками) и не жестко гендерно-маркированные (когда сфера-источник может сочетаться с разными сферами-мишенями (мужчина, женщина, человек), при этом основание уподобления/отождествления меняется) [Резанова, 2011, с. 53].

Рассмотрим теорию на практике. Рассказ китайской писательницы Чжан Айлин «Оставленные чувства», написанный в 1901 г., является ярким примером художественного текста, изобилующего метафорами на китайском языке. При работе с данным произведением переводчик может столкнуться с многочисленными трудностями адекватной и эквивалентной передачи метафорической наполненности текста.

При рассмотрении рассказа с точки зрения представления гендерно-маркированных метафор был установлен следующий количественный состав: две метафоры **滴粉搓酥的圆胖脸** и **媳妇不守妇道** были выделены в группу жестко гендерно-маркированных метафор, описывающих женщину, ее внешность и моральные устои. Доказательством жесткой маркированности являются словарные пометы.

Метафора **滴粉搓酥的圆胖脸** «Ее красивое, круглое лицо с белоснежной кожей» (букв. «разводить белила [каплями воды] и растирать творог», *готовить косметику; о красавице*) отсылает читателя к стандартам женской красоты в китайской культуре, в которой красота ассоциируется с белизной.

Белый цвет лица издавна расценивается как эталон женственности в Китае. Согласно истории, мода на косметику в Китае была одной из самых процветающих, девушки обильно пользовались пудрой и румянами, соответственно, чтобы показать красоту главной героини автор использует выражение **滴粉搓酥**, относящееся к приготовлению косметики и включающее в себя такие понятия, связанные с белым цветом, как белила и творог. При переводе же на русский язык приходится прибегать к такой трансформации, как расширение понятия (генерализация), и переводить целое замысловатое выражение простым прилагательным «красивое».

Другой гендерно-маркированной метафорой является **媳妇不守妇道** «Сноха отбросила приличия / ступила на косую дорожку» (в китайском языке выражение «отбросить приличия и поддаться личному увлечению» относится именно к женщине).

Четырехслог **不守妇道** содержит в себе следующий смысл – «не сохранять женский путь, истину», т. е. «не придерживаться приличий», «поддаться личному увлечению». Интересно, что данный четырехслог в китайском языке используется исключительно для характеристики

моральных устоев женщины, а не мужчины. Однако при переводе подобное яркоокрашенное выразительное средство передать с полным сохранением гендерной маркированности невозможно из-за разницы в картинах мира языка-оригинала и языка-перевода. Соответственно, как и при переводе предыдущей жестко гендерно-маркированной метафоры, переводчику приходится прибегать к генерализации.

Таким образом, при переводе рассказа «Оставленные чувства» китайской писательницы Чжан Айлин были выявлены жестко гендерно-маркированные метафоры (так как есть словарные пометы), сферой-мишенью которых является исключительно женщина, ее внешность и моральные устои. При переводе гендерных метафор такого типа наблюдается невозможность полного сохранения смысловой наполненности и авторской интенции ввиду различий в языковых картинах мира.

Литература

Борковец Н. И. Техническая метафора в художественной картине мира (На материале немецкой прозы XX в. и ее переводов на русский язык) : автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 18 с.

Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. 459 с.

Казакова Т. А. Практические основы перевода. СПб. : Союз, 2001. 320 с.

Карачева Н. С. К вопросу о месте экстралингвистического в переводе // Концепт. 2016. Т. 11. С. 2721–2725.

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 155 с.

Кобжицкая О. Г. Перевод китайских фразеологизмов с прецедентными именами (антропонимами) // Казан. наука. 2016. № 12. С. 107–112.

Кузнецова О. В. К вопросу о переводе названий американских кинематографических произведений (на материале русского и корейского языков) // В мире научных открытий. 2014. № 5.2 (53). С. 669–675.

Кузютова О. С. Основные направления в когнитивных исследованиях метафоры // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-napravleniya-v-kognitivnyh-issledovaniyah-metaforu> (дата обращения 17.03.18).

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.

Резанова З. И. Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 2(14). С. 47–57.

Хамаева Е. А., Шишмарёва Т. Е., Кремнев Е. В. Транслинграфический перевод как способ экспертного перевода (на материале переводов «Шань хай цзин» и «Эрья») // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 4. С. 69–79.

Newmark P. The translation of metaphor // Approaches to translation. N. Y., 1998. 106 с.

**СОТРУДНИЧЕСТВО, ОТЧУЖДЕНИЕ И КОНФРОНТАЦИЯ:
ИЗМЕНЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ КИТАЙСКОЙ НОВОСТНОЙ
ИНДУСТРИИ К ЯПОНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ
ВО ВРЕМЕНА КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Аннотация. Представлен полный обзор истории отношений китайских и японских журналистов во времена Китайской Республики. Исследуются причины изменения отношения китайской прессы с доброжелательного и товарищеского на отчуждение и конфронтацию. Цель статьи – выявить роль японской журналистики в ходе вторжения Японии в Китай, вызвавшего переполох в китайской новостной индустрии. Китайские журналисты надеялись, что смогут убедить журналистов японской новостной индустрии повлиять на власть и граждан своей страны и отступить, но в конце концов расстались с фантазиями и вернулись к позиции национализма.

Ключевые слова: журналист, новостная индустрия, национализм, журналистский профессионализм.

Qi Hui

Chongqing University, Chongqing

**COOPERATION, ALIENATION AND CONFRONTATION
ATTITUDE CHANGE OF CHINESE NEWS INDUSTRY TOWARDS JAPANESE
JOURNALISM DURING THE REPUBLIC OF CHINA**

Abstract. The paper reviews the full communication history of Sino-Japanese journalists during the Republic of China, and probes into the change and causes of the attitudes of the Chinese press from welcoming and cooperation to alienation and confrontation. The purpose of the paper is to reveal the role played by Japanese journalism in the course of Japan's invasion of China, which caused concern and alertness of the Chinese news industry. They hoped to persuade the Japanese news industry with the perspective of journalistic professionalism to guide their country and the people back on the right track, but the Chinese press eventually abandoned fantasies and returned to the standpoint of nationalism.

Keywords: journalist, news industry, nationalism, journalistic professionalism.

Introduction

The increase of studies on Japanese journalism was caused by many factors in which the development of news industry both in Japan and China at the beginning of the 20th century could be the most direct one. Japan, since Meiji Restoration, had become the most developed empire in journalism among the eastern countries. Meanwhile, Chinese news and reporting had also developed quickly and was zealous for continuous success and improvement. Due to the cultural similarities and geographical relationship, Japanese journalism seemed as a very valuable example for Chinese journalism to follow, and to some extent it was more attractive to Chinese people than journalism of any other western countries. After the Manchurian incident in 1931, which is widely believed as the blasting fuse of the second Anti-Japanese war, Japanese journalism was increasingly involved in political

and military actions, and studies on the subject were once again the center of attention of the Chinese press. Previous domestic studies of journalistic history conducted by the Republic of China, especially on Japan, also lacked the attention of historians. To explore the studies on Japanese journalism by Chinese journalists during the 1930s, the author of this paper has selected a sample of 26 representative articles while most data in the Republic of China is lost or still secret. By reviewing and analyzing the literature and the background of the sources, this paper will reveal the main points of Japanese journalism studies by Chinese journalists and their complex attitudes towards it. This study will construct a picture of history concerning Japanese journalism studies and indicate some unique characteristics of Chinese journalism development during the 1930s.

1. State of Japanese Journalism Studies in 1930s

The table below shows that articles discussing Japanese journalism in the 1930s were not only from newspapers and periodicals, but there were also integrative publications such as *Eastern Miscellany*, *Preparation Monthly* etc., which had large circulation and powerful social influence, as well as reports by the government office, Consulate in Nagasaki. Further included is a large number of related articles published in 1936, which is noticeable due to the February 1936 army rebellion in Japan. As Shillony mentioned in *Revolt in Japan*, it was the turning point in the military's rising political fortunes. After that coup the Control Faction of army attained a hegemonic position of power. In the following months, the invasion policy of Japan to China was completely unraveled. In addition, the authors of these papers composed by famous journalism academics and practitioners, such as Huang Tianpeng, Ren Baitao, Li Li, etc. and some obscure writers are indicative that the field of Japanese journalism studies was participatory rather than just academic in 1930s. Among their studies, there were two main points. Firstly, based on a rational consideration instead of simple hostile action, these writers, most of the intellectuals in China, gave the appreciation of all its advances and tried to learn from its success in a professional view. On the other hand, to state the national standpoint, they resolutely exposed and criticized the growing militarism tendency of the whole news industry.

Table

Articles concerned Japanese journalism in 1903s (selected)

Title	Author	Journals	Time
Japan's Policy towards China	ZhouWen	<i>Eastern Miscellany</i>	N 21, Vol. 24, 1927
Current Trend of Japanese Journalism	BinRuo	<i>Bei Xin</i>	N 13, Vol. 3, 1929
The Value of Japanese Journalism in Education	Shouchun-Meng	<i>Modern Students</i>	N 2, Vol. 1, 1930

Title	Author	Journals	Time
Journalism in Japan	Zhenchun-Bao	<i>Journalism Symposium</i>	Jan, 1930
The Division of Journalism in Japan	TianpengHuang	<i>Miscellany of Journalism</i>	1930
Statistics in News Magazine from Taisho Six Years to Showa Year	Anonymity	<i>Journal of Education</i>	N 7, Vol. 23, 1931
<i>Students News in Japan</i>	LiuyiXie	<i>Youth Community</i>	N 2, Vol. 1, 1931
Inspection on Journalism in Japan	TianpengHuang	<i>Journalism Speeches</i>	1931
General Survey on Japanese Journalism	YoyuZhang	<i>The Study of Journalism</i>	1932
Japanese Journalism	Anonymity	<i>Shanghai Education</i>	N 4-5, Vol. 2, 1933
Journalism in Japan	NaixiangGu	<i>Journalism Periodicals</i>	1934
Japanese Journalism	NanyanXu	<i>Japanese comments</i>	Vol. 1, 1935
Cross Section of Japanese News Paper	WuPeng	<i>People Weekly</i>	N 35, Vol. 2, 1935
Competition of Japan Journalism	Anonymity	<i>World of Journalists</i>	N 4, 1936
Development and Trend of Japan Journalism	QiyaoWang	<i>Zhong Wai Monthly</i>	N 8, Vol. 1, 1936
Testing Policy of Japanese News	Anonymity	<i>World of Journalists</i>	N 5, 1936
Introduction of Japan Journalism	Li Li	<i>Domestic and Aboard</i>	N 1, 1936
From Coup to Censorship in Japan	Anonymity	<i>New Life</i>	N 1-17, 1936
View of Recent Japan Journalism	SijieLu	<i>Eastern Miscellany</i>	N 18, Vol. 33, 1936
Japanese Journalism	ChuLao	<i>Preparation Monthly</i>	N 3, Vol. 3, 1936
The Leap of Japan Journalism Control	Anonymity	<i>Newspaper of Study in Japan</i>	N 6, Vol. 2, 1936
Investigation of Japan Journalism	Consulate in Nagasaki	<i>Bulletin of Foreign Affairs</i>	N 3, Vol. 9, 1936
Japanese Journalism and Society	Paul Wu	Times (Shi Pao)	N 23, 1936
Majestic Appearance of Japanese Journalism	ZhaojiJiang	Times (Shi Pao)	N 23, 1936
Control and Inspection in Japanese News	Anonymity	<i>Half-Month Digest</i>	N 6, Vol. 3, 1939
Japan Journalism in Control of Political Parties and Tycoon	ZhongshengLi	<i>Monthly Journal of Zhongshan</i>	N 3, Vol. 3, 1940

2. Appreciation of the success of modern Japanese journalism

Kuwabara Takeo stated that Japan succeeded in modernizing with an unprecedented speed in world history, and its news industry had benefited from the boosting of both economy and culture. What it achieved during the 70 years from Meiji Restoration to Mukden Incident was widely appreciated and approved by many developing countries including China (Sugiyama Mitsunobu, 2000). Although Japan was the enemy of China, it did not affect the recognition of the success of Japanese modern journalism by the Chinese press. Li Li, who wrote the article *Introduction of Japan Journalism* (1936), held a very positive attitude on the dramatic growth of Japanese news industry along with the capitalized process of Japan as a whole. He pointed out that during the Constitutional Movement of Japan, the press played a very important role in political campaigns, and Li also was astonished by the fact that the modern Japanese press was already as mature and exquisite as that of developed western societies [Li li, 1936].

Huge scale

Japanese newspapers had grown unprecedentedly which had been fueled by rapid capitalization and commercialization before the Anti-Japanese War. As a result of that development, the entire scale of news industry advanced in 1930s and was closely watched by the Chinese press. Xu Xingchu, who was an economist and worked for the Kuomin Tang, due to his personal observation in Japan, once gave a very specific description about the diversity of Japanese newspapers. He pointed out that in Meiji eighth year (1875), Japan had only 53 news publications; however, by Meiji thirty-fourth year (1901), the number increased to 1181, and by Showa eighth year (1933), there had been more than 11,880 publications. In addition, according to the *Newspaper Yearbook*, which was an official journalism report in Japan and very popular in the Chinese press, the total amount of Japanese newspapers and magazines was more than 11,000 kinds and the number of issues was more than 7 million copies in total in 1934 [Xingchu Xu]. The whole population of Japan at that time was only 70 million, which meant at least one newspaper was available for every ten people in Japan. In 1936, the China Consulate in Nagasaki published a report on Japanese journalism which indicated that only the sales of Asahi Shimbun and Mainichi Shimbun had reached more than two million, while the most popular newspapers in China, Shun Pao and Xinwen Pao, were less than ten times as many as the sales of the two newspapers of Japan. This enormous gap is indicative of the Chinese and Japanese press industry.

Advanced technologies

Technological innovation contributed to the amazing progress achieved by the modern Japanese press industry that was highly admired by

Chinese media practitioners and scholars. And the advanced newspaper delivery equipment and printing techniques were introduced abundantly in the Chinese press. The Tokyo Asahi Shimbun company in 1936 had 18 sets of electro-optic rotary printer, 13 sets of type casting machine and 23 airplanes; moreover, all their news photos were delivered electronically, the daily sale of its newspaper was about 1.5 million. And the printing, folding, packaging, and delivering of the Japanese newsprint were all done automatically by machine. Such hardware rivaled that of the Western world and had never been seen in Shang Hai which was the most developed city in Chinese journalism at that time. As Chinese journalist and scholar Jiang Zhaoji explained in his article *Majestic Appearance of Japanese Journalism*, published on *Times (Shi Pao)* in 1936, the Japanese press industry was highly facilitated by the improvement of mechanical power, and fierce competition impelled innovation of technology. Also, Gu Naixiang, another scholar of the Republic of China, noted the quick response of Japanese media to the emergent news events and he reckoned that this advantage was owed to the advanced equipment of Japanese press industry.

3. Alertness of the fascism of Japanese journalism

Japanese journalism went through an unprecedented historical transition in 1930s and it was gradually manipulated by the then prevailing militarism for its propaganda purpose. Journalists in China all paid close attention to that transition as they did the same in appreciating the success of Japanese news industry. They tried to expose its aggressive nature and guilty aims by writing and publishing in mass media. Based on these studies and analysis, their firm conviction predicted that the degeneration of Japanese journalism would come soon after the year of 1936.

As a battle gear

Japanese journalism was gradually losing its rationale under the control of military power, and became a tool of Japan's aggression [Kushner, 2006]. Chinese journalists were acutely aware of that and kept trying to expose its aggressive nature and guilty aims since the Mukden incident in 1931. After the military mutiny on May 15th and the coup of February 26th the military control in journalism became increasingly strong, indicating some fascism existed within the government. Convictions like this were frequently seen in papers in China including those 26 rational essays. This absolutely was not just prejudice, but was a logical argument. Since Koki Hirota came into power, the control of the press became strict and the pressure on public opinion was especially severe. In order to control the news sources, the Japanese government set up the News Alliance Agency to monopolize information, both domestic and overseas. The press was allowed to use news materials provided or approved by the Japanese intelligence institution for the

purpose of serving the “national policy”. Under the coercion policy, reports of China and Manchuria were full of disinformation, and for the Spanish Civil war, Japanese media had always favored the rebels. Chinese journalists named that a policy transformation from “Prohibitionism” to “Propagandaism”. More than that, Chinese journalists also did some research on Japanese propaganda techniques in journalism. The major newspapers in Japan, such as the Osaka, the Tokyo, the Morning Sun, the Tokyo Daily and the Osaka Daily, were dominated by the military headquarters or the government. Most reports, sensational and deceptive, were directly ordered by the government for policy implementation. Meanwhile, foreign news sources such as Reuters, Association Press, Hawass, etc. were used the least amount possible. Under the deception of Japanese media, ordinary people could not know the truth about domestic and foreign news.

Foster military journalism force in China

Before an all-out war of aggression launched, the Japanese government had already had a complete arrangement to build up its military journalism forces in China as an indispensable forming part of the war. An article published in *Eastern Miscellany* in 1927 called this a “news war” and was mentioned early in *Japan's Policy towards China*. Chinese journalists discovered that there were three main molds by subsidizing pro-Japanese newspapers, running own newspapers and repressing anti-Japanese newspapers. Supporting the pro-Japanese newspapers actually began in the early 1920s before the Conference of Washington was held, which mainly served for a large-scale propaganda of warfare. Subsidized by giving money to those newspapers, reporters, writers and publishers were defined as “direct subsidy” by the Chinese. Sailing and advertising among Japanese commercial organizations, such as South Manchurian Railway Company, was “indirect subsidy” as they were semi-official. Furthermore, newspapers like the Shuntian Times in Beijing and the Shengjing Times in Fengtian were famous Japanese papers at the beginning of the 20th century. After 1931, many Chinese newspapers were reshuffled and became the mouthpiece of Japan in the occupied area. To completely control those newspapers which fought against the Japanese military, they took some compulsory steps – for instance, they sealed the newspaper and arrested the journalist, or exercised other direct interventions. All of these were managed by Japan's Consulate in China which was run by the Japanese government. Some Chinese journalists described that journalism policy in China was as rigorous as the international spy system.

A nationalism argument

During 1930s, Chinese journalists not only comprehensively invested and analyzed the situation of Japanese journalism, but also made predictions about the tendency of it basing on the information and the materials which

had been obtained from careful collection. It was the logical outcome of summarizing their core arguments that although Japanese journalism had been successfully modernized, it had also been seriously intervened by Japanese militarism and its future was not optimistic. Lu Sijie drew a conclusion:

The truth of Japanese journalism was a prosperous, but deformed industry. It had a significant advance in publications' numbers but inferior contents due to excess reports published by the government and military, while causing a deficiency in civic news for the public [Sijie Lu, 1936].

Another journalist Wang Qixiao stated outright:

It grew up in the copper stink of capitalists and the gunpowder of war, because there was no divergence between Zaibatsu and militarists on the core exterior policy as they all benefited from the wars launched by them. What's worse, they were trying and hoping to get more from it [Qiyao Wang, 1936].

However, these researchers still hoped that there might be some possibilities for changing the situation in Japan by dragging its journalism back to the right path, stopping the war, serving for the purpose of peace. As peers, they constantly reminded each other of the social responsibilities and ethics required of a journalist via their articles. Both journalists in Japan and China should cherish this reputation for independence and objectivity. Finally, the determination of resisting aggression has been emphasized and Chinese journalism should and must be the defender for the national independence in its own way.

Conclusion

In conclusion, the studies on Japanese journalism, as a volitional patriotic act, had much to do with the development of Chinese press circles and the resistance to the aggressor by uniting the society during 1930s.

Looking back at all those studies in 1930s, one can notice surprising consistency between those judgments and the tendency of following history, which showed a mature and rational attitude towards Japanese journalism research by Chinese journalism scholars. As a vital part, it showed stronger patriotism of all press circles and constituted Chinese defending history for survival. Nowadays, the research on this journalistic period of the Anti-Japanese War is far from sufficient, and these studies deserve broader concern.

Acknowledgements

The paper was one of the research results of the National Social Science Fund's major project "Collection and Research of Chinese News History Materials for a Hundred Years". (15ZDB140)

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

References

- Kushner. The Thought War, University of Hawaii'. 2006. Press 15.
Li li. Introduction of Japan Journalism // Domestic and Aboard. 1936. N 1. P. 19.
Qiyao Wang. Development and Trend of Japan Journalism // Zhong Wai Yue Kan. 1936. Vol. 1, N 8. P. 108.
Sijie Lu. View of Recent Japan Journalism // Eastern Miscellany. 1936. Vol. 33, N 18. P. 43.
Xingchu Xu. Japanese Journalism // Education in Shanghai. Vol. 2, N 4. P. 252.

УДК 372.881.111.1

Чжан Цзе, Цуй Хунхай

Шаньдунский институт бизнеса и технологий, Яньтай

ИССЛЕДОВАНИЕ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ИНТЕГРИРОВАННЫХ КЛАССАХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В РАМКАХ ПРОДУКТО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

Аннотация. Технологии смешанного обучения доказали свою эффективность. Данный метод является устоявшимся и универсальным. В то же время в обучении английскому языку существуют определенные академические правила и методы. Для того чтобы усилить эффективность обучения в «перевернутом» классе, в данном исследовании применяется продукто-ориентированный подход в обучении в интегрированных классах по английскому языку, с целью оптимизации задач и содержания обучения, а также процесса обучения и системы оценивания; повышения эффективности обучения; улучшения способности обучающихся к практическому применению знаний по английскому языку.

Ключевые слова: «перевернутый» класс, технологии смешанного обучения, продукто-ориентированный подход.

Zhang Jie, Cui Honghai

Shandong Technology and Business University, Yantai

STUDY OF FLIPPED TEACHING IN INTEGRATED ENGLISH CLASSES UNDER THE DIRECTION OF PRODUCTION-ORIENTED APPROACH

Abstract. The flipped teaching has been proved to be an effective way in teaching. This teaching method is fixed and one-size-fit-all. However, as an independent discipline, English has its own academic rules and teaching methods. To better the teaching effectiveness of English teaching in flipped classroom, this study applies the “Production-Oriented Approach” to integrated English classroom teaching, optimizes teaching objectives, teaching content, teaching process and evaluation system, improves classroom teaching effectiveness, and comprehensively improves students' English application ability. The specific goals are as follows: first, to optimize English classroom teaching based on the “output-oriented approach” to make it possible to implement the teaching philosophy; second, to make the English classroom teaching characteristic and effective, and to change the stereotypedness in the current English classroom teaching. The third is to enable students to improve their English application skills and practical skills on the basis of output drivers and promote the cultivation of applied talents.

Keywords: flipped classroom; flipped teaching; production-oriented approach.

Introduction

Since its inception in 2007, the teaching philosophy of flipping classrooms has been gradually studied, practiced and accepted by many domestic and foreign researchers and practitioners. With the gradual and in-depth

study of theory and practice of flipping classrooms at home and abroad, the application of flipping classroom models has become more widespread. A survey report released by the US education consulting company Classroom Window in 2014 showed that over 80 % of teachers believe that flipping classrooms effectively increases teachers' professional satisfaction, student achievement and students' learning attitude. Since it was introduced into China, more and more attention has been paid to flipping the classroom, and the related theoretical and empirical research results have also become increasingly abundant. In the core periodicals of the China Journal Database, the keyword "flipping classroom" was used as the key word, and the search was conducted within a limited period of time. A total of more than a thousand related papers were retrieved, and all were concentrated between 2012 and 2017. It can be seen that the study of flipped classrooms in China presents a trend of development. The domestic research on flipping classrooms focuses on the concept, connotation and main characteristics of flipping classrooms, the localization strategy of flipped classrooms, the internalization of knowledge in flipped classroom teaching, and the comparative study between flipped classrooms and traditional classrooms.

Although in the past three years, more and more researchers have combined the flipping classroom teaching mode with college English teaching, only a few researchers have practiced and studied the flipped classroom teaching of integrated English. Moreover, when the author studied these research results, it is found that these studies still have some deficiencies and areas to be improved.

I. Problems with the practice of flipped teaching in integrated English classes

1. The mode of flipped teaching is not flexible.

When copying the teaching mode of the classroom in foreign countries or other disciplines, some researchers are not making targeted adjustments to the characteristics of English language learning. Although it has achieved and been proved to be an effective teaching method, the flipped teaching is a just a teaching method or approach. It can be applied to the teaching of different disciplines and specialities, while for each discipline, there are different contents and learning rules. Therefore, flipped teaching is not a fixed and one-size-fit-all approach in all academic disciplines. To flip teaching in the integrated English class, we must not only master the basic principles and methods of flipping the classroom, but also combine the characteristics and rules of language acquisition, and change and adjust the flipping teaching methods and methods.

2. The practice and test are not sufficient.

From the previously published studies and practices, it is found that when some researchers and practitioners conducted the practice of flipped

teaching, they only choose a limited number of classes and students, and the test period is also short and temporary, ranging from one month to three months. The research dimension is too narrow, the test period is too short, and the effectiveness of the results is still open to question. Most studies are only conducted for one semester or even several weeks for one or two experimental classes. Although the research data is sufficient, the reliability of the research results is still a doubt.

3. The hardware conditions in Chinese universities are not necessarily suitable for the flipped teaching.

Many studies have divorced from the actual situation of integrated English teaching in Chinese universities. At present, taking into account the rules of the classroom, the conditions for the implementation of the teaching, or the situation of the teachers themselves, the implementation of flipped classroom teaching in most colleges and universities in China does not yet have the conditions for full implementation of the flipping classroom.

4. The teaching materials are not sufficient and suitable for the targeted students in flipped teaching of integrated English.

For the English majors in Chinese universities, the teaching materials and publications are limited and confined to the teaching materials of two major English presses in China, while the English proficiency and basis of the students in different universities are completely different. To get a better effects of study for the students in flipping teaching, the materials should be adjusted to the level of the students instead of being in the same mode.

II. The introduction to POA (Production-Oriented Approach)

1. Input theory VS. output theory

Second Language Acquisition (SLA), as an independent discipline, began to develop in the 1970s and has very important guiding significance for language learning and teaching. At first, the research focused on language learning environment, such as language input; afterwards, the focus shifted to the external performance of language learners, such as language output. Therefore, the language acquisition field has produced two more influential assumptions: the input assumptions of Krashen [Krashen, 1982; Krashen, 1985] and the output assumptions of Swain [Swain, 1985]. Krashen believes that acquisitions can only occur when the acquirer comes into contact with «intelligible language input», ie, a second language input that is slightly higher than his current level of language skills. The input hypothesis considers the input as a decisive condition for second language acquisition, ignoring the effect of the output. Swain [Swain, 1995] supplemented the four functions that are indispensable for input recognition: 1) strengthen the fluency of the language; 2) verify the language hypothesis; 3) increase the level of awareness of the language gap; 4) Cultivate meta-language ability.

In the 1980s, when Krashen's input hypothesis was introduced into China, the domestic foreign language learning environment was in an era of "input" scarcity. People seem to find the theoretical basis for the unsatisfactory foreign language teaching. Language input has become the focus of teaching and research at that time. Until the mid-1990s, when the language input methods and input in foreign language teaching in China were no longer the core issues, the teaching effect was still not ideal. Swain's output hypothesis began to attract the attention of the Chinese foreign language community. Since 2000, domestic journals have published theoretical researches on output assumptions, introduced output hypothesis theory and foreign research results, and explored the relationship between output assumptions and foreign language teaching in China. Although the foreign language acquisition theories in foreign countries have some enlightenment and reference for our foreign language teaching, after all, we can not completely copy their teaching methods and methods, but should be combined with China's specific circumstances, foreign language teaching and reform. Therefore, our foreign language community has been studying how to construct a foreign language teaching theory with Chinese characteristics.

2. The creations of POA

Among them, the most eye-catching is the «Production-Oriented Approach» (POA) proposed by Wen Qiufang (2015). This brand new theory of foreign language classroom teaching with Chinese characteristics has aroused widespread concern and repercussions among experts, scholars and teachers at home and abroad. The prototype of this method is the «output-driven hypothesis», which is aimed at the reform of English major courses. Since Wen Qiufang published the article "Output Driven Assumptions and Professional Skills Curriculum Reform in English" in the second issue of "Foreign Language World" in 2008, successive teachers of English majors who have served as oral English, writing, oral translation, and reading courses explored in teaching practice. The possibility of «output-driven assumptions»; expanded into college English teaching in 2013; officially named POA in October 2014. Judging from the number of journal articles collected by China Knowledge Network, as of November 25, 2016, only 5 papers have been explored to apply this teaching theory to college English classes. Three of them studied a type of college English class, such as (visual) listening and speaking and college English writing classes. Ouyang Juan (2016) studied the application of POA in college English teaching. Feasibility and the challenges it faces, but only the theoretical argument, there is no practical exploration, only Zhang Wenjuan (2016) tried to apply this theory to college English teaching practice, conducted a three-week teaching experiment.

3. The development of POA

Through combing and analyzing the above documents, we can find that, first, our country's college English teaching practice has been under the guidance of foreign second language acquisition theories for a long time. The few teaching theories produced in the native country indicate that our country is in this The aspect is still at a preliminary stage of development. Teaching without theory as a guide is often a simple repetition or superposition of the teacher's own experience, and its actual results are worrying. The second is that the «output-oriented approach» has brought hope for the above changes. The theoretical system consists of three parts: concept (learning center theory, academic integration theory, whole person education theory), hypothesis (output drive, input promotion, selective learning) and teacher-mediated teaching flow (drive, promotion, evaluation). The composition [Wen, 2016] not only learns from the essence of foreign language teaching theory and practice, but also inherits our country's fine educational tradition, based on solving the problem of “re-import light output” and “learning light” in our foreign language teaching. Use the bad tendency. Third, after nearly a decade of thought exploration and multiple rounds of teaching practice, the current POA theoretical system and implementation path are basically formed. Some teachers try to use this theory in the classroom, in which English majors account for a large proportion of all types of classes. This aspect is related to the teaching reform of English majors at the beginning of the theory. It has only been a matter of nearly three years since university English teaching was expanded. On the other hand, it is also related to the nature of the curriculum. The overall English proficiency of freshmen has reached the basic requirements for the application of POA. Existing college English teachers have begun to practice this hypothesis in teaching, but their role and impact on college English classroom teaching needs further exploration and research.

III. The implementation of POA in the flipped teaching

A typical classroom teaching should consider teaching objectives, teaching content, teaching organization (process and method) and evaluation system. These four elements are interconnected and indispensable. According to the theory of POA, when the flipped teaching in integrated English class is conducted, the following aspects should be paid attention to:

1. Set realistic and clear teaching goals.

The “Output-oriented approach” requires students to use English to do their work. Therefore, the goal of teaching must be to require students to use the skills of speaking, writing, reading, listening and translating to complete the activities that have communicative potential. The research group will first determine the overall teaching goals for each semester according to the

type of school and the students' English proficiency. Then, according to the teaching priorities and difficulties, a clear and realistic teaching goal will be established for each unit and each lesson. The first category is the communicative goal, which is the kind of communicative task that can be completed; the second is the linguistic goal, which is the need to grasp what words, phrases or grammar knowledge. Different from previous lesson-centered teaching, the listed language goals must be able to serve communicative goals.

2. Provide real and appropriate teaching materials.

This is the most challenging part of the curriculum, because teachers can't just design tasks around the text or complete after-school exercises like traditional teaching. First, the task group must sort out every book and unit, determine the appropriate output goals and output tasks that match it according to the teaching goals, and let the students' output tasks have potential communicative value. Inspire students to learn the power of input. Second, according to the foreign language level of the students, the difficulty level of the output scenarios provided in the teaching materials should be adjusted appropriately. According to the differences in the students' foreign language level, they should provide differentiated output tasks for different levels of students to choose. Give full play to students' potential. Third, carefully select input materials that can serve output tasks and provide appropriate language materials and knowledge for output.

In this stage, when providing teaching materials, the teachers can combine and make a comprehensive use of PPT courseware, TED lectures, Moocs materials, open classes in world famous universities, video and audio and video materials, various picture information, and statistical data to form a rich and vivid teaching resource library, and design some related Micro lesson video. The mobile devices such as laptop, smart phones, ipad and the related apps such as Wechat, QQ and microblog can also serve as efficient platform for the students to study on.

3. Design a reasonable and clear teaching process.

The cultivation of students' output ability in traditional teaching usually follows the concept of "practice-making perfect". More students are required to practice more, teachers judge the performance of students, and teachers lack the specific guidance of students. When designing the teaching process, the following questions and aspects may be taken into consideration.

(1) On the basis of studying the output target difficulty points and input materials, how to design reasonable teaching steps and lead the students to complete the goal step by step?

(2) In the case of shortened class hours, interactions between teachers and students, and increased student-student interaction, how can we reasonably arrange class time so that the limited class time can make the most of it?

(3) How can teachers detail the specific steps and content of scaffolding construction in order to monitor and evaluate the effectiveness of the help provided and ensure that the students' ability is gradually improved?

(4) How can we provide effective and timely examination of the effectiveness of student activities, and guide students to give targeted feedback?

4. Build a specific multivariate evaluation system.

The teacher will evaluate the assignments the students have completed and whether the students do it carefully. However, how to assess it, especially in the class of large classes, is something that needs careful study and discussion. We have collectively formulated written/oral evaluation criteria, followed by discussions to allow students to combine typical case studies, understanding, and internalization criteria. In this way, they can complete the output task according to these evaluation criteria. Classroom assessments include written assignments and oral presentations.

IV. The key factors in the flipped teaching of integrated English class under POA

As a new type of teaching method, there is a great difference between integrated English flip teaching under the guidance of POA and traditional teaching, which also puts forward new requirements and challenges for teachers and students. In order to better implement the operation, achieve the desired goal, achieve the purpose of teaching, and improve the teaching level of students, teachers and students must make efforts to achieve the following points.

1. The teachers should systematically studied the relevant theories and empirical research results of the flipped classroom and POA teaching model, upgraded the teaching concepts and optimized the classroom teaching design.

2. A special team of integrated English teachers should be formed, so that they can cooperate together to get discuss and practice the theory and practice of flipped teaching as well as the POA theory. Furthermore, in order to publicize the advantages of this approach, the teachers involved in the research team should give open classes to peers for demonstration so as to get more constructive feedback.

3. The classes and students involved in the program and test should change their perception of English study and their learning method. Under the guidance of teachers, the students should try efforts and be positive to accept the new teaching and learning styles.

V. The significance of flipped integrated English teaching under POA

1. Demonstrating radiation effects on English education and teaching reform.

As an important part of professional English basic teaching, integrated English is crucial for the development of students' language learning abilities and the improvement of their comprehensive language abilities. Based on the «Output-oriented approach» to optimize the research and practice of college English classroom teaching, step by step to enable students to effectively use English in their study, life, social interaction and future work, to meet the needs of the country, society, schools and individuals for development. Professional English courses provide mature models and experience in optimizing classroom teaching.

2. Improving the English teaching quality in universities.

Once getting a successful test, every semester at least one teacher will hold a public observation class, and the members of the research group jointly studied the teaching mode and solved problems in practice. Through open class demonstrations, the related teachers can listen to the opinions and suggestions of peers, supervising teachers, teachers of different professions and faculty, corrected the errors and problems in the reform, and thus promoted the reform of classroom teaching in a certain extent.

3. Promoting the theoretical study of POA.

Based on the «production-oriented approach» to carry out teaching reforms and optimize classroom teaching, the teaching team should conduct timely summaries and theoretical studies, strengthen exchanges of teaching experience with other college English teachers at home and abroad, and actively participate in the study and discussion of education reform conferences. The teachers who implement experimental teaching will summarize the experience of this reform, complete research papers related to teaching reforms in a timely manner, and publish them publicly, so as to promote the content of the reform through theoretical research on education reform.

References

- Krashen S. D. Principles and Practice in Second Language Acquisition. Oxford : Pergamon Press, 1982.
- Krashen S. D. The Input Hypothesis: Issues and Implications. London : Longman, 1985.
- Swain M. Communicative Competence: Some Roles of Comprehensible Input and Comprehensible Output In the Development[A] / (eds) S. Gass, C. Madden. Input in Second Language Acquisition[C]. Rowley, MA : Newbury House, 1985.
- Swain M. Three functions of output in second language learning [A] // Principles and Practice in Applied Linguistics: Studies in Honor of H. G. Widdowson [C] / (eds.) G. Cook & B. Seidlhofer. Oxford : Oxford University Press, 1995. P. 125–144.
- Wen Q. The production-oriented approach to teaching university students English in China [J]. Language Teaching, 2016. Doi: 10.1017/S026144481600001X.

АНАЛИЗ КАНАЛОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ КОНВЕРГЕНТНЫХ СМИ

Аннотация. Обсуждается проблема выбора каналов и использования различных способов улучшения эффекта коммуникации в рамках тренда конвергенции СМИ. СМИ должны использовать множественные каналы для охвата аудитории. Во-первых, перед ними стоят проблемы, привнесенные конвергенцией СМИ, включая проблему культурной идентичности и усиление культурной гегемонии западных стран. Во-вторых, они должны использовать мультимедиаканалы для того, чтобы сократить культурную дистанцию со зрителями. Также рассматривается роль и влияние новых медиа на усиливающуюся персонификацию СМИ.

Ключевые слова: каналы коммуникации, межкультурная коммуникация, международная коммуникация, конвергентные СМИ.

Zhao Yonghua

Renmin University of China, Beijing

ANALYSIS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION CHANNELS IN THE EPOCH OF CONVERGENT MEDIA

Abstract. This article focuses on how to choose channels and use various ways to improve communication effect in the media convergence trend. The media should use multiple channels to reach their audience. Firstly, they should solve problems brought by media convergence, including the cultural identity problem and the strengthening cultural hegemony of western countries. Secondly, they should use multimedia channels to make the cultural distance with audience closer. Thirdly, the article highlights the role and influence of new media on the personification of mass media.

Keywords: communication channels, intercultural communication, international communication, convergent media.

С наступлением информационной эпохи и эпохи больших данных у средств массовой информации (СМИ) в аспекте каналов коммуникации появился более обширный выбор. Коммуникация вступила в эпоху конвергентных СМИ. Появление интернет-технологии, технологий больших данных, интерактивных сетевых технологий, выступающих в качестве показателей технологического развития, а также компьютеров и телефонов, выступающих в качестве основных форм носителей, создало новый контекст коммуникации в рамках межкультурной и международной коммуникации. Форма международных коммуникационных сообщений стала богаче и разнообразнее, одновременно сосуществуют, например: текст, фото, телевизионные передачи, радиосообщения, короткие видеоролики, сообщения в социальных сетях и др. Появление новых СМИ особо способствовало вступлению различных государств в «мировую деревню». События, происходящие в любом уголке мира, могут моментально быть представлены аудитории других стран.

Международная коммуникация на практике добилась принципа «нулевое расстояние» и «нулевая разница во времени».

В международной и межкультурной коммуникации СМИ Китая должны использовать новые каналы коммуникации, повышать уровень своего международного влияния, усиливать уровень интерактивности и взаимодействия с международной аудиторией. В новую эпоху необходимо использовать возможность «обгона на повороте», прикладывая усилия для того, чтобы повысить право голоса и иметь возможность формировать повестку дня.

I. Преодоление культурных барьеров в эпоху конвергентных СМИ

Для международной и межкультурной коммуникации СМИ Китая эпоха конвергентных СМИ не только привнесла удобство, но и создала скрытую опасность распространения принципа «сильный еще больше усиливается, а слабый еще больше ослабевает». С одной стороны, с появлением разнообразных платформ все СМИ находятся на одной стартовой линии. В прошлом различные СМИ принадлежали разным государствам, у них была разная история развития, разные источники финансирования, разный уровень получаемой политической поддержки, разный уровень покрытия коммуникации. Все эти различия приводили к тому, что у СМИ разных стран был различный уровень влияния массовой коммуникации. СМИ, являвшиеся традиционными лидерами, могли на основании своего сложившегося всестороннего преимущества продолжать занимать лидерские позиции. С другой стороны, более слабым СМИ было очень сложно осуществить заметный прорыв.

Однако в эпоху конвергентных СМИ создание интернет-платформ и использование социальных сетей позволили приблизиться к «нулевому порогу». Были пересмотрены преимущества и недостатки различных СМИ. Это, без сомнения, дало хорошую возможность для СМИ развивающихся стран. Но, с другой стороны, в эпоху конвергентных СМИ конкуренция стала более жесткой.

1. Решение вопросов культурной идентичности

Культурная идентичность происходит от оценки и определения различными культурными группами данной культуры, а также отношений данной культуры с другими культурами. Культурная идентичность может укрепить самосознание представителей одинаковых культурных групп, повысить культурную сплоченность внутри групп. Культурная идентичность – это ключевой вопрос межкультурной коммуникации. Она отражает отношение аудитории к некой культуре.

В эпоху конвергентных СМИ интерактивные сайты, медиа социальных сетей, формат BBS и другие форматы позволили различным СМИ и аудитории со всего мира собираться на одной платформе, а также сформировали единое виртуальное пространство коммуникации. В этом коммуникационном пространстве нивелируются гражданство и национальность, особенно это стало заметно после повышения уровня знания иностранных языков и развития технологии интернет-переводчиков, когда общение между СМИ и аудиторией и аудитории между собой стало значительно легче. Внешне это выглядит так, будто эта тенденция развития сократила расстояние между людьми, аудитория во время общения может напрямую видеть сообщения, оставляемые СМИ и другими членами аудитории. Таким образом, фокус направлен на содержание, на точку зрения, а вопрос национальности и гражданства отходит на второй план. Однако такое виртуальное пространство коммуникации становится нестабильным. Такая близость – иллюзия, ловушка.

Нивелирование личностной идентификации является большой проблемой для уязвимых культурных групп, это недостаток для групп с ослабленной культурной самобытностью. Международная коммуникация – это конкурентная арена, ведь не только СМИ нашего государства осуществляют международную коммуникацию, но и СМИ других государств также осуществляют коммуникацию для аудитории нашей страны. Если СМИ Китая окажутся более слабыми с точки зрения коммуникации или в ключевом вопросе не будут иметь сильного голоса, то это может способствовать увеличению кризиса культурной идентификации граждан Китая.

Нельзя отрицать, что после вступления в эпоху конвергентных СМИ США и Европа по-прежнему остаются на лидерских позициях. Эти страны мастерски используют сочетание жесткой и мягкой силы. Массовая коммуникация способствует межгрупповой и межличностной коммуникации, одновременно распространяясь в сети и в обычной жизни, непрерывно транслируя собственную систему ценностей. Однако если говорить о Китае, то в последние годы, несмотря на значительное развитие страны в политическом и экономическом аспектах и на заметное повышение ее международного влияния, успехи в продвижении культуры и ценностей не столь значительны, в результате чего международная общественность оценивает китайскую модель с позиции собственных ценностей. Таким образом, китайской концепции не хватает признания.

Соответственно, СМИ Китая должны пользоваться многочисленными каналами и общими платформами, которые предоставляют конвергентные СМИ.

2. Внимание к усилению культурной гегемонии

Культурная гегемония – это важное понятие в исследовании межкультурной коммуникации.

В наши дни некоторые государства, используя свои достижения в политическом и экономическом развитии, принудительно продвигают свою культуру и идеологию в другие государства, стремятся создать у граждан других стран определенное впечатление о себе. Западные страны в процессе международного взаимодействия посредством участия в международных совещаниях, создания трансконтинентальных корпораций, экспорта культурной продукции непрерывно расширяют влияние собственной культуры, продвигая ее через межличностную, межгрупповую и массовую коммуникацию. После наступления эпохи конвергентных СМИ каналы коммуникации стали более разнообразными, однако это также создало возможность для продолжения продвижения западными странами культурной гегемонии.

Сейчас в создании каналов конвергентных СМИ западные СМИ находятся в передовом лагере. Если речь идет о создании сайтов, контента для мобильных пользователей или об использовании платформ социальных сетей, то западные СМИ всегда идут на шаг впереди. Кроме того, западные СМИ хорошо представлены во всем мире, стратегически хорошо расположены, имеют обширное покрытие, обладают хорошими кадровыми ресурсами и непрерывно развивают свои преимущества, уверенно занимая лидирующие позиции в международной и межкультурной коммуникации. В этом процессе СМИ развивающихся стран занимают более слабые позиции. В аспектах собственности, структуры, распространения и содержания СМИ развивающихся стран испытывают давление со стороны СМИ развитых стран, постоянно теряя право голоса в масштабе международной коммуникации, что в итоге приводит к потере культурного суверенитета.

В эпоху конвергентных СМИ с резким увеличением объема информации культурный гегемонизм будет только усиливаться. Вероятно, что позиции сильного еще больше упрочатся. Поэтому в международной коммуникации необходимо бдительно следить за проявлениями культурной гегемонии, использовать различные каналы, непрерывно публиковать материалы, увеличивать объем собственной информации и собственное присутствие среди аудитории, качеством и скоростью повышать известность собственного бренда.

II. Использование разнообразных каналов для сокращения культурного разрыва

Культурный разрыв – это неизбежный вопрос в межкультурной коммуникации.

В результате различного политического устройства и идеологии между СМИ Китая и гражданами других стран существует культурный разрыв. Этот разрыв происходит от незнания национального имиджа Китая. Для иностранной аудитории политический строй Китая, экономическая модель, правовая система, защита окружающей среды, права человека, религия и другие сферы жизни государства отличаются от того мира, к которому они привыкли. Кроме того, аудитория привыкла получать информацию из своих СМИ, а также из своих социальных сетей. Существование китайских СМИ за рубежом по-прежнему ощущается очень слабо.

Эпоха конвергентных СМИ сделала выбор каналов коммуникации более разнообразным и более объемным. СМИ должны пользоваться этой возможностью, полноценно использовать эти каналы коммуникации, чтобы сократить культурный разрыв со своей аудиторией и получить ее доверие.

Китайские СМИ должны публиковать новости на платформах, привычных для иностранной аудитории, налаживая с ней контакт. Сейчас количество подписчиков «Женьминь жибао» в Facebook достигло 34,19 млн человек. Количество подписчиков китайского международного телеканала CGTN достигло 47,02 млн пользователей, опередив некоторые популярные международные СМИ. Например, количество подписчиков «Нью-Йорк Таймс» составляет 13,68 млн пользователей. Количество подписчиков американской кабельной новостной сети CNN составляет 27,09 млн пользователей. (Данные приведены на 23 марта 2017 г.) СМИ Китая должны в полной мере использовать ту основу, на которую сейчас обращается внимание, демонстрируя активность среди иностранных пользователей в социальных сетях.

Особенность эпохи социальных сетей заключается в сочетании формы и содержания, т. е. форма и содержание одинаково важны. Используя платформы зарубежных социальных сетей, СМИ должны обращать внимание на контекст социальных сетей. Использовать самый привычный для иностранцев способ, чтобы донести позицию Китая.

III. Использование преимуществ новых СМИ в общении с аудиторией

В межкультурной коммуникации человек от начала до конца является ядром коммуникации. Межличностный обмен занимает большую долю в межкультурной коммуникации. Для уменьшения разрыва с аудиторией коммуникация становится более непосредственной, СМИ должны использовать платформы конвергентных СМИ не только для передачи своих сообщений, но и для повышения взаимопонимания с тем, чтобы массовая коммуникация превратилась в межличностную коммуникацию.

1. Участие в межкультурной коммуникации с позиции «адресант коммуникации + адресат коммуникации»

Благодаря развитию технологии новых СМИ в процессе межкультурной коммуникации аудитория всех стран смогла общаться и взаимодействовать, невзирая на временные и пространственные ограничения. Постепенно сформировался трансграничный, транснациональный и транскультурный виртуальный общественный мир. В виртуальном интернет-пространстве взаимодействие между людьми, а также взаимодействие СМИ со своей аудиторией стало более доступным.

Следует обратить внимание, что появление платформ новых СМИ привело к тому, что объем информации, передаваемой СМИ, не только не уменьшился, но и увеличился. Позиция СМИ как источника информации могла продолжать усиливаться, но поскольку позиция аудитории изменилась, то в позиции СМИ не могли не произойти перемены. Влияние, которое оказывает Интернет и новые СМИ на способ коммуникации, в основном проявляется на получателях информации. Революция, которая произошла благодаря технологиям новых СМИ, позволила аудитории получить больше возможности для выражения собственной позиции и перейти от позиции простого получателя информации к позиции «адресант + адресат», т. е. не только получать, но и публиковать информацию. Столкнувшись с изменением позиции аудитории, СМИ меняют свою роль и в будущем должны также занять позицию «адресат + адресант». Используя китайские и зарубежные социальные сети, СМИ необходимо обращать внимание на то, какие новости интересуют аудиторию, расширяя собственные источники получения информации. Одновременно необходимо обращать внимание на отзывы о СМИ и комментарии, которые оставляет аудитория к новостям.

2. Интерактивный диалог как средство повышения лояльности к культуре

Повышение лояльности к СМИ – это важное условие повышения уровня межкультурной коммуникации и результативности международной коммуникации.

Повышение лояльности необходимо для увеличения эмоциональной связи между СМИ и аудиторией. Это необходимо для сокращения разрыва между СМИ Китая и аудиторией других стран. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что в международной коммуникации Китайским СМИ очень важно установить эмоциональную связь с аудиторией других стран, с тем чтобы она положительно относилась к имиджу Китая.

В прошлом в процессе международной коммуникации тон СМИ Китая был довольно жесткий. Особенно это касалось ведущих СМИ, которые часто говорили с аудиторией с официальной позиции. А в эпоху конвергентных СМИ официальные СМИ могут выступать в разных

ролях. Например, некоторые центральные СМИ на платформе Wechat зарегистрировали разные аккаунты. На иностранных социальных платформах также можно зарегистрировать разные аккаунты, чтобы через них взаимодействовать с различной аудиторией. Различное содержание и стиль коммуникации создают объемную структуру коммуникации. Кроме того, в эпоху новых СМИ основой информационной платформы становится информация, публикуемая простыми людьми. В таком случае СМИ должны входить на платформу с позиции обычных людей.

Также необходимо обращать внимание, что в интерактивном процессе аудитория может критиковать позицию СМИ. Эта критика абсолютно открыта и может быть видна всей аудитории. СМИ не должны бояться или избегать критики. Должны быть открытыми вопросы и поиск путей решения. Прежде всего, критика со стороны интернет-аудитории означает, что она следит за Китаем. А поскольку аудитория обращает внимание, то это и приводит к различным позициям, отсюда и возникает критика. Поэтому вслед за ростом влияния Китая в мире критика будет постоянно существовать, СМИ должны к ней привыкнуть. Во-вторых, критика свойственна интернет-аудитории, и она касается не только Китая. Многие СМИ в процессе своего интернет-существования сталкиваются с критикой.

УДК 31

Чжоу Юйхао

Университет Чжэнчжоу, Чжэнчжоу

КОНСТРУИРОВАНИЕ СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ МЕНЬШИНСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Аннотация. Изучение конструирования сообщества единой судьбы через культурную антропологию позволяет не только расширить и разнообразить способы, которыми различные цивилизации сохраняют собственное уникальное историческое наследие в процессе глобализации, но и определить их место в ряде общих законов развития человеческой цивилизации. Различные цивилизации вносят свою лепту в построение сообщества единой судьбы, обретение им уникальных черт. Распространение культуры этнических меньшинств является важнейшим фактором в конструировании сообщества единой судьбы. Для нации и человечества в целом этнические меньшинства выполняют уникальную функцию продвижения человеческой цивилизации от низкого уровня до высокой степени развития. Также они являются важной частью формирования плюралистической цивилизации и исследования видов и полезных ископаемых. В построении сообщества единой судьбы необходимо уделять внимание культурному шовинизму и культурному центризму, которые могут возникать в культурной коммуникации.

Ключевые слова: сообщество единой судьбы, культурная антропология, культура меньшинства.

**THE CONSTRUCTION OF THE COMMUNITY OF HUMAN DESTINY
AND THE SPREAD OF MINORITY CULTURE
UNDER THE HORIZON OF CULTURE ANTHROPOLOGY**

Abstract. Examining the construction of the community of human destiny through culture anthropology can not only broaden and diversify the ways in which different civilizations of human beings can maintain the unique historical heritage of self-civilization in the process of globalization, but also can find them among the general laws of the development of human civilization. Different civilizations play “harmonious yeast” in the construction of human destiny community and its unique features. The cultural transmission of ethnic minorities is an indispensable and important factor in the construction of the community of human destiny. For the nation and the human whole, ethnic minorities play an unparalleled and unique function in promoting human civilization from the low level to the advanced development. It is an important part of the formation of pluralistic civilization and the exploration of the species and fossils. In the construction of the community of human destiny, we should pay attention to the cultural chauvinism and the cultural centralism that may appear in the cultural communication.

Keywords: community of human destiny; cultural anthropology; minority culture.

The concept reveals the human destiny community “sometimes-complex mix-and-match, I have you” values of global interdependence, inseparable accord with human and social development, reasoning and transcending ideological differences, with indispensable humanistic value for the future development of human civilization. Minority culture performs unparalleled unique functions as an important part of national culture and an indispensable and organic factor of the development of human civilization, carrying the social development, promoting the progress of human civilization and history. Especially in the modern nation-states, ethnic minority groups are as close as lips and teeth, living the fate of the community together through the rain, snow, frost and blowing wind and having become a national cultural element, like a colorful bright leaf in the ribbon. From the perspective of cultural anthropology (The study of modern cultural anthropology originated from the Age of Discovery. Its main research objects are the origin of various human cultures and the distribution and origins of different races, ethnic groups and languages. Darwin's theory of evolution is a groundbreaking milestone in the development of human cultural studies.) Perspective of examine human destiny community building problem of minority culture communication can better understand the diversity of human civilization to promote human society constantly honed forward general principles of the essence. This is not only for interpretation in the process of human cultural exchanges between the different output and permeability is of great significance, but also for better promoting mutual tolerance between different cultures share rational enlightenment. In view of this, the following questions will be explored : (1) The concept of the community of Shared future of mankind and its humanistic value orientation; (2) Construction of a community of human destiny from the perspective of cultural anthropology;

(3) The role and function of ethnic cultural communication in the construction of a community of Shared future for mankind; (4) It is necessary to pay attention to chauvinism and cultural centralism in cultural communication in the construction of a community of Shared future for mankind.

1. Philosophical implication and humanistic value orientation of the concept of community of Shared future of mankind

The concept of human destiny community first appeared in the political report of the 18th Communist Party of China held in November 2012, the «Win-win cooperation means advocating a sense of community of human destiny, taking into account the legitimate concerns of other countries when pursuing national interests, promoting the common development of all countries in the development of their own countries, establishing a more equal and balanced new type of global partnership for development, helping each other, sharing responsibility, promoting the common interests of mankind» [The central literature research office of the communist party of China, 2014, p. 37]. On March 23, 2013, Mr Xi said in his speech in school of international studies, Moscow, «the world, countries connect with each other, the degree of interdependence unprecedented deepened, human life in the same earth village, living in the same space and time of the junction of history and reality, more and more become the sometimes-complex mix-and-match, I have you in the fate of the universe» [The central literature research office of the communist party of China, 2014, p. 259]. This is the first time that Chinese leaders have expounded to the world on the future development trend of human civilization on an international occasion. Since then, xi jinping has explained and explained the community of human destiny more than 100 times from different perspectives on different occasions [Liu Yao & Lu Zehua, 2017]. Especially for the United Nations headquarters in 2015 at the 70 session of the UN general assembly general debate, xi jinping made the new partners hand in hand to build a win-win cooperation together to build human destiny community «of the keynote speech, since human destiny community concept triggered a huge response in the world scope, and are written to the UN resolutions, including the United Nations security council resolution and the human rights council resolutions. It not only reflects that the community of Shared future of mankind featuring win-win cooperation has been recognized and endorsed by most countries in the world, but also indicates that China is playing an increasingly important role in global governance. At the same time, it also shows that the construction of international discourse power with Chinese characteristics and the effect of external communication are gradually emerging. Human destiny community concept not only from the point of view of mutual connection between countries draw the outline of the future world towards win-win cooperation, Shared responsibility and power development trend, more from the people, the An-

gle of relationship between man and nature, and man and society reveals the humanity as a whole as a kind of living organisms are interdependent and harmonious coexistence of the irreversible trend of human civilization, basically reflects the people of the world in the complex international political unrest, pattern adjustment of greatest common divisor of think what I want to seek human interests and strong driving force.

First of all, man and man, as a class in the biological sense, are intrinsically linked. Like other organisms, is the universe in a category of biological chain, it has both the unique features of different from other organisms category, others as their own survival and development in the biological category of the law of nature and must be standard. The history of human development as an organism shows that cooperation can share results, conflicts and wars leading to disasters. It is particularly instructive for the human development in the information age to have one glory and one loss. On the one hand, human destiny community concept embodies the Chinese excellent traditional culture of tolerance and Confucian moral highest state «benevolence» advocated by respectful relationship between man and woman, and this is a human instinct as a similar organism survival needs mutual support, as well as with advanced human beings thinking ability and ideal pursuit of spiritual life and the essence of the difference from other organisms. Human civilization development history shows that, on the other hand, by the different regional custom, thinking mode, ethics and code of conduct forms of civilization is not only no inherent regularity of conflicting in nature, and a blend of different civilizations is more close to human destiny knits together, form the sometimes-complex mix-and-match integral community, I have you. The reason is simple: all the people in the world belong to the same biological class. Instead, caused by the narrow, greed and the rebellious ethics, conflict and war not only become a big obstacle to human civilization, they also bring a devastating disaster and painful memories to human beings. Although war is, in a sense, a way for human beings to constantly reflect on the meaning of their own existence and explore the value of life, however, to search for the meaning of human life value in such a way is the first of the price of the human to pay for this painful life and material civilization as well as the related people caused by mental pain memories.

Secondly, the community of human destiny concerns the relationship between man and nature. The relationship between man and nature is simply described as how man adapts to nature and changes nature for the benefit of man on the basis of the objective law. In a sense, the quality of the natural environment in which human beings live is high, and the more human beings live in it the more they benefit from it. The quality of the natural environment in which human beings live depends fundamentally on the quality of human coexistence. The essence of the thought of «unity of man and na-

ture» in ancient Chinese traditional philosophy is to focus on the harmonious coexistence of man and nature. It emphasizes the connection, similarity and unity between heaven and humanity, nature and man. As Laozi said, «the law of man, the law of the earth, the law of heaven, the law of heaven and the law of the tao are natural» [Lao Zi, 2014]. That is to say, while pursuing the connection between man and nature, we also strive to find the harmony between man and nature. Scientific research has already proved that the disastrous influence and effect of human activities on nature has far exceeded the ability of human beings to remedy it. The atomic bombs dropped on Hiroshima and Nagasaki in the late World War II and Chernobyl nuclear power plant are the best evidence. Human destiny community not only advocates peace, mutual love, mutual aid and win-win, and but also makes it the purpose of human activity to love life, love nature, to have mutual trust and live in harmonious coexistence with nature's beauty. In the age of nuclear weapons, if human beings have a vindictive relationship with each other, the natural environment in which human beings live will no longer exist, and the survival of human beings will be out of the question. In this regard, the emergence and consequences of nuclear weapons are self-evident to any rational and responsible politician. Fundamentally speaking, WMD is a result of the development of human technology. The ultimate result of the development of human technology is the fatal destruction of the natural environment, which, in turn, is a fundamental damage and threat to human survival.

Thirdly, the relationship between people and society is ultimately a result of the interaction between people. That is to say, as far as the relationship between people and society is concerned, it is fundamentally determined by the interaction between people and the society. This interaction reflects how people, as a special class of organisms, interact with each other, interact with each other, and the resulting symbiosis of various causal relationships. Good interpersonal relations, relatively unimpeded social operation, high degree of social harmony. When people turn against each other, it not only affects the natural environment in which they live, but also makes it impossible to talk about the harmonious social environment formed by various human relations. Chinese Confucianism advocates the «great harmony under heaven», which aims to pursue the ideal world where human beings are as close as one family and share the same love and brotherhood. The so-called «road trip, the world for the public, the choice of good and ability, trust and harmony. He that is old, and strong, and young, and proud, and widower, and lonely, and sick, shall have sustenance (Book of Rites). The picture of human ideal society is just like the western idea of «utopia», both of them reflect the yearning for the close, harmonious and respectful social relations among people. The community of shared future of mankind not only advocates harmony as the most valuable and kind-hearted neighbor, but also ad-

vocates harmony without uniformity. It is related to the pursuit of ideal social life is ancient and modern, Chinese and foreign social realities and of human rational arrangement for the development of the inevitable logic, is also the Chinese excellent traditional culture in today's world of globalization and the human society to the law of development essential connotation of exact annotation. As xi jinping said: «countries connect with each other, the degree of interdependence unprecedented deepened, human life in the same earth village, living in the same space and time of the junction of history and reality, more and more become the sometimes-complex mix-and-match, I have you in the fate of the universe» [Xi Jinping, 2015].

2. Construction of a community of human destiny from the perspective of cultural anthropology

Cultural anthropology is dedicated to the comparative study of the cultural origins and differences of different ethnic groups and societies, so as to summarize the special phenomena of human culture and the general principles with universal significance. In particular, through the study of the cultural phenomena of ethnic minorities, the author tries to find the expression forms of their intercommunication among the specific cultures of different customs, characteristics and presentation modes. The construction of the community of human destiny through culture anthropology can not only broaden and diversity the ways in which different civilizations of human beings can maintain the unique historical heritage of self-civilization in the process of globalization, but also can find them from the general laws of the development of human civilization. Different civilizations play «harmonious yeast» in the construction of human destiny community and its unique features.

First of all, studies on cultural anthropology have proved that human civilizations have essential characteristics of harmony and interconnection, which provides a solid theoretical basis for the construction of a community of Shared future. Build a community of human destiny is not required that all national, ethnic, and customs to a «standard» development of a civilization, the source and as cultural imperialism theory of cultural homogeneity on the distinction that having essence (Cultural homogeneity theory advocated human civilizations are conflicting, its law of development is «evolution», and eventually all civilization inevitably toward represented by western Christian civilization development, thus losing the foundation of personal development. Representatives include Francisco Fukuyama and Samuel Huntington). The community of shared future of mankind is not only a state of human existence, but also a process of integration, exchange and harmonious coexistence of human civilization. This process requires from different civilizations in the process of our development to not only keep their own uniqueness, and to the greatest common divisor for harmony with other civilization, thus for different civilizations between individual particularity and universality of the

whole human civilization carry each other's platform, truly «all things and education without harm, parallel and hong», promote blend sharing and mutual learning among different civilizations.

Secondly, cultural anthropology, through the study of people's thinking patterns, national psychology and religious customs, summarizes the rules of the origin and change of different civilizations, thus revealing the essence of culture. Build to provide enlightenment for the human destiny community is: various nationalities, countries in the process of historical development rationality lies in the accumulation of culture, these different cultures has become they adapt the lifeblood of a nation survive, humans are able to constantly elevate civilization to a higher stage, the most fundamental reason is that various nationalities and countries in different historical stages seek the suitable path for their development. As the saying goes, «only the wearer knows if the shoe fits.» In this regard, the key to building a community of shared future for mankind lies in respecting the institutional and road choices of individual countries. That is to say, the fundamental point and starting point of the construction of a community of shared future of mankind lies in harmony, differences and seeking common ground while putting differences aside.

Thirdly, the study of cultural anthropology has proved that minority culture is an important driving force for the diversified development of the world. In today's world, the rapid development of information technology has transformed the earth into a «village» that transcends time and space. The minority is undoubtedly an important member of the global village. Therefore, how to better maintain the survival and continuity of minority culture in the information age has become a serious problem that mankind faces. Historical experience shows that an important way to promote the effective communication of ethnic minority cultures is to do it in both national and human world. The «understanding of the cultural and personality of ethnic minorities is the locality and particularity of the whole» [Zhou Xing, 2010], under the premise of following the theory of human «multiple integration pattern (The “multiple compositional structure” is a well-known theory put forward by Fei Xiaotong in the study of ethnic minorities and culture in the wisdom of other Chinese scholars)». The «unity» here is the community of human destiny. That is to say, the cultural transmission of ethnic minorities must present their own particularity objectively, and then give play to the inherent role of promoting the continuous development of its own nation, thus providing the general enlightenment for the whole civilization of mankind. Obviously, the display of this particularity and the exertion of its internal factors can not be separated from the full respect and tolerance of other cultures.

3. The role and function of minority culture transmission in the construction of human destiny community

On the whole, the ethnic minorities have played an unparalleled unique function in promoting human civilization from the lower level to the advanced development, whether for the country or the whole of mankind. It is an important part of the formation of diversified civilization and the exploration of specimens and living fossils by human beings. Taking Chinese civilization as an example, as the basic consensus has been reached by the academic community, the simple Chinese civilization is obviously difficult to support the whole of the whole Chinese civilization. From the perspective of cultural anthropology, the minority culture is not only assimilated by Chinese civilization in its formation of Chinese civilization, but also with more realistic and theoretical evidence. Many of the excellent traditional factors in Chinese civilization are obviously the result of assimilation by the culture of ethnic minorities, thus forming the «pluralistic integration» of the Chinese culture of Fei Xiaotong's appellation.

In this regard, the minority culture is not only impossible to lose the language in the construction of the human destiny community, but also can give way to the unique function that the so-called mainstream civilization can not perform. The reason is very simple. Ethnic minorities and their settlements play important roles in the construction of human destiny community.

First of all, the heterogeneity of ethnic culture transmission is a booster for building a community of human destiny. It is precisely the diversity and quality of the minority culture that endows human civilization with colorful and endless charm. Historical experience has proved that minority culture is also an indispensable factor to promote social renewal and progress. As far as Chinese history is concerned, the «cavalry» and the supplementation and perfection of the Central Plains of the Mongolian and Manchu people to the Chinese culture have already become an excellent example of the advance of the minority culture to boost the society. The ancient «Silk Road» and «tea horse ancient road» not only show the essence of Chinese civilization from a commercial angle, but also provide a vivid historical mirror for the promotion of the common development of the whole human society. In today's world, the development of information technology and the trend of globalization provide fresh and lively vitality and powerful impetus for the promotion and inheritance of minority cultures worldwide. Therefore, on the one hand, the construction of the human destiny community set up a platform and carrier for the cultural communication of the minority nationalities; on the other hand, the minority culture will play the function of the booster in the construction of the human destiny community, thus helping the community of human destiny to build great splendor. As far as the countries along the road are concerned, most of them are ethnic minorities and are developing countries with many languages. These different ethnic groups, like

other major ethnic groups, have made their own magnificent contributions to the development and progress of the local and even the whole human society for thousands of years.

Secondly, the cultural communication of ethnic minorities can promote the sharing of human civilizations, thus showing its unusual geopolitical characteristics in the process of building an equal, fair, moral and inclusive community of human destiny. The construction of the human destiny community advocates peace and cooperation, open and inclusive, mutual learning and mutual understanding, mutual benefit in the world, while minority culture is the sum of the inner spiritual activities and material embodiments of the unique ethnic groups which have adapted to their living environment for a long time in a certain geographical space. Its unique geopolitical characteristics not only enrich the connotation of the human destiny community, but also objectively promote the human world as an organism to pay more attention to the balanced development of the same kind, so as to improve the quality of human mutual benefit and coexistence on the whole. Taking the invention of the stirrup as an example, it was the creative contribution made by a few nomadic people in ancient China to the saddle in the multi-ethnic region. The European Knight group had been created since the middle ages, and the ways of the ancient war had been revolutionized, which undoubtedly promoted the development of civilization and the progress of the society. It can be said that the invention of the stirrup has not only played an important role in the development of the cavalry, but also has had important enlightening significance for the integration and progress of human pluralistic civilization. In this regard, the cultural communication of the minority people, as an integral part of the human civilization, can play an exemplary effect in the construction of the human destiny community.

Thirdly, the dissemination of minority culture is conducive to enriching and developing the way and connotation of cross-cultural communication in the construction of human destiny community. As mentioned earlier, as an important participant in cross cultural communication, ethnic culture is an essential factor in human civilization and evolution. From the perspective of cultural anthropology, the intercultural interaction between different cultures, which are formed by the differences of language, customs, ethical norms and thinking patterns, forms the basic dimension of intercultural communication. The construction of the human destiny community needs not only peaceful cooperation, mutual learning among countries with different ideologies, but also close communication and integration of different regions and ethnic cultures. The culture of ethnic minorities can best show the difference of human civilization, and it is an active element of intercultural communication and influence on the development of human civilization. Giving full play to the advantages of the minority culture in the construction of the human destiny community is not only conducive to the elimination of ethnic estrangement

or antagonism between some ethnic groups, such as the historical problems or religious and ideological differences, but also through the culture of ethnic minorities in a more comprehensive way. Cognitions, in order to further improve the concept of the implementation of the «one road» and other action measures to enhance and enrich the awareness and ways of intercultural communication. The unique geographical characteristics of the minority cultures constitute the basis for the mutual understanding of differences in cross-cultural communication.

4. The Problem of Cultural Indifference and Cultural Centralism That Should be Paid Attention to in Communicating the Minority Cultures in the Construction of Human Destiny Community

The apathy of ethnic minority cultures is mainly induced by cultural chauvinism and cultural centrism. The former's extreme preference for «self» culture leads to contempt or even rejection of the «other» culture. While cultural centrism is mainly the indifference to other cultures that members of the same social group have formed because they share similar social values, attitudes, traditions, customs, and lifestyles. Both cultural tendencies are due to the extreme appreciation of self-culture leading to indifference to other excellent cultures, especially ethnic minority cultures. They also fail to respect the independent and equal status of other cultures, and even brutally destroy other cultures, thus forming cultural opposition and contradictions. The core of the construction of the community of human destiny is to respect cultural diversity as the starting point, not to classify the culture according to the so-called pros and cons, nor to impose cultural output and value infiltration under the predominance of certain strong culture, but to be equal. The viewpoints gather various cultural advantages, including ethnic minority cultures, and jointly promoting the development of human civilization to a higher level. The so-called cross-cultural communication is actually the process and state of cultural blending. It is a natural process of people's understanding of «other» culture formed in the pursuit of material and economic and other spiritual life in different regions. The process of knowing and understanding has the meaning of recognition and respect, and it is often accompanied by mistakes or fears. «Geographically separated cultures may lead to cultural interactions due to people's need for material and affluent lives. Every commodity exchange will increase the cost of goods and reduce the possible profit. At the same time, it also lets people aware of the existence of other cultures, and of course leads to many misunderstandings of other cultures. For example, the «Silk Road» has made trade between the East and the West more frequent, and Christianity, Buddhism, and Islam have spread along the «Silk Road,» adding to the fear of strangers in the distance [Shan Bo, 2011].

It should be pointed out that the construction of the human destiny community involves the fate of the overall human development in the future.

Its field includes all the earth and outer space fields where people live and develop, and the main body of construction is all human beings. This means that regardless of the country, race, color, and language, the whole world is the subject of the construction of the human destiny community. The minority nationalities in various regions obviously also participate as subjects. In this regard, ethnic minority culture should also be an indispensable factor in this common fate community. To some extent, it should highlight the practical and theoretical significance of the construction of human destiny community in the dissemination of ethnic minority culture. This requires that the destiny community, which is the future development trend of mankind, must be organically associated with and strictly separated from the specific measures as a national development strategy, such as the “One Belt One Road” and “Asian Investment Bank”. Otherwise, it will cause ideological confusion and ideological deviation. However, by the way, it should be pointed out that for some time, some scholars have been eagerly calling for an effort to spread the fine traditional Chinese culture and carry out the external communication with the right to speak in China in the process of building the “Belt and Road”. There is no mistake in this kind of appeal, but is there some simplification or even eagerness in the approach? After all, the shadow caused by the rise of the West to human civilization is far from being dispersed. In fact, similar to the successful implementation of the Belt and Road Initiative and the AIIB, rather than telling stories to others, it's better to let others feel and tell the story of what happened to them. In this regard, letting countries or ethnic groups who have gained a sense of accomplishment after construction talk about their personal experiences will make the construction of the “Belt and Road” more powerful. In other words, stories need to be told in external communication, but the stories told should be things or feelings that they have personally experienced and others have not known. Perhaps, this has provided inspiration for the dissemination of ethnic minorities in the construction of the human destiny community.

References

- Xi Jinping. *The Governance of China*, Beijing : Foreign Language Press, 2015. 272 p.
- The Central Literature Research Office of the Communist Party of China. *Selected and edited important documents since the 18th national congress of the communist party of China (part I)*. Beijing : Central Committee Literature Press, 2014. 259 p.
- Liu Yao & Lu Zehua. *The Community of Human Destiny has been included in many UN Resolutions*, People's Daily overseas edition, 2017.
- Lao Zi. *The moral sutra*, Beijing : China Overseas Chinese Press, 2014.
- Zhou Xing. *National Theory of Mr. Fei Xiaotong* // *Journal of Art College of Inner Mongolia University*. 2010. N 2. P. 10–20.
- Shan Bo. *The basic theoretical proposition of cross-cultural communication* // *Journal of Huzhong Normal University (Humanities and Social Science)*. 2011. N 1. P. 103–113.

**СТУДЕНЧЕСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ
КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ЧИТИНСКИХ ВУЗОВ**

Аннотация. Предлагаемая статья – это попытка дать предварительную качественную оценку двух международных проектов, направленных на вовлечение учащихся высших учебных заведений Читы в проекты международных студенческих контактов в рамках учебной и внеучебной деятельности. Цель проектов – создать условия для установления широких международных студенческих контактов как для общения, так и для проведения совместных исследований, в условиях низкого уровня вовлеченности учащихся в программы международной академической мобильности. Участниками проектов стали студенты вузов России, Китая и США – стран, играющих ключевую роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Описаны стадии реализации проектов, а также роль студенческого сообщества в подготовке и проведении международных мероприятий. Статья также знакомит с основными статистическими данными об участии российских вузов в системе международной академической мобильности.

Ключевые слова: академическая мобильность, международные программы, студенческие контакты, доступность, Россия, Китай, США, АТР.

E. Pisherskaya

Chita Institute of Baikal State University, Chita

**ACCESSIBLE INTERNATIONAL STUDENT INTERACTION
AS A TOOL TO FACILITATE PROFESSIONAL AND LANGUAGE COMPETENCE
OF CHITA STUDENTS**

Abstract. The article is an attempt to give a preliminary qualitative assessment of two international projects aimed at engaging students of Chita institutions of higher education into international academic and personal contacts. The idea of the projects is to provide accessible global students contacts both for instructional and extracurricular purposes. Such projects seem all the more important in the light of the low rate of Chita students' participation in international academic mobility programs. The projects involve young people from Russia, China and the USA – the three big actors in Asia-Pacific. The article describes how the projects developed and proves the student-centered character of the events. The article also provides some statistics about involvement of Russian higher education into international academic mobility.

Keywords: academic mobility; international programs; student contacts; inclusivity; Russia; China; USA; Asia-Pacific.

Интернационализация системы высшего профессионального образования признана во всем мире необходимым условием всестороннего развития личности и профессионального становления специалиста. Её цель – подготовить студентов к глобальному профессиональному и личному видению перспектив и стоящих перед ними задач; развивать стратегическое мышление, принимая во внимание региональные и гло-

бальные процессы; сформировать лингвокультурологические компетенции, необходимые для успешного осуществления международных контактов на профессиональном и личном уровне.

Мировое сообщество сходится во мнении о необходимости «обеспечить всеобщее, равноценное и качественное образование и создавать возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» [Accountability in education ... , 2017].

После присоединения России к европейской системе высшего образования подписанием в 2003 г. Болонской декларации, основным способом интернационализации учебного процесса стали программы академической мобильности, когда учащиеся, преподаватели и сотрудники учебных заведений могут не просто посетить другой вуз, но и учиться/работать или проводить научное исследование за рубежом. Большинство высших учебных заведений России видит целью своих усилий по развитию программ академической мобильности улучшение качества образования; повышение конкурентоспособности выпускников на российском и международном рынках образовательных услуг и труда; повышение эффективности научных исследований; совершенствование перечня профессиональных компетенций за счет изучения и освоение опыта ведущих российских и зарубежных образовательных организаций; достижение международной сопоставимости образовательных стандартов; совершенствование системы управления; привлечение интеллектуального потенциала на основе двусторонних и многосторонних договоров с российскими и зарубежными партнерскими образовательными организациями; установление внешних и внутренних интеграционных связей [Сенченко, 2018].

Академическая мобильность может осуществляться как внутри страны, так и за рубежом. Очевидно, что, несмотря на все сложности, с которыми сталкиваются участники международных программ (языковой барьер, столкновение с чужой культурой, необходимость адаптироваться к новой системе обучения), а, вероятнее всего, именно благодаря этим трудностям, международный академический и научный опыт намного эффективнее в достижении поставленных целей.

Необходимость участия студентов в международной деятельности определяется не только официальными документами, но и их собственными потребностями. Согласно исследованиям ВШЭ, 24,5 % учащихся российских вузов планируют после окончания обучения работать за рубежом, 18 % хотят продолжить получать образование за границей. При этом на вопрос, потребуется ли им для успешного трудоустройства на хорошую позицию с достойной оплатой труда дополнительное образование/обучение, и если да, то для чего прежде всего оно потребуется, 28,9 % студентов отвечают, что им необходимо будет

дополнительно учиться для совершенствования знания иностранного языка [Студенты профессиональных образовательных ... , 2018].

К сожалению, в отдаленных и некрупных вузах нашей страны программы академической мобильности малодоступны или недоступны вообще. Происходит это по разным причинам: разница в учебных планах образовательных учреждений; нежелание крупных иностранных вузов сотрудничать с институтами много меньше размером, а значит, и исследовательским и научным потенциалом; неготовность российских вузов принимать и обучать иностранных студентов; отсутствие финансирования подобных программ; недостаточный уровень языковой подготовки студентов и преподавателей.

Согласно статистическим данным, опубликованным ЮНЕСКО, в настоящее время за рубежом обучаются 56,9 тысячи россиян, что составляет менее 1 % от общего числа студентов в России (порядка 5,5 млн человек). Согласно ЮНЕСКО, больше всего граждан России учатся в Германии (в 2015 г. таковых было 9,9 тыс. человек), на втором месте – Чехия (5,3 тыс. чел.), далее – США (5,2 тыс. чел.), Великобритания (4 тыс. чел.), Франция (3,6 тыс. чел.), Финляндия (2,8 тыс. чел.), Италия (2,1 тыс. чел.) [Global Flow ... , 2018]. По данным института демографии ВШЭ, в этом списке уверенно лидирует Китай с 16,2 тыс. российских студентов в 2015 г. Причем число россиян, обучающихся в Китае, с 2003 г. выросло в 13,5 раз [Арефьев, Любская, 2017].

Можно предположить, что в условиях недоступности международных студенческих проектов в вузах российской глубинки преподавателям удастся компенсировать подобное упущение своим международным опытом, однако преподаватели, похоже, в таком же положении. Судя по тем же исследованиям ВШЭ, подавляющее большинство преподавателей российских вузов не участвуют в международных программах повышения квалификации, научного обмена, стажировках. Так, за 2014–2016 гг. лишь 1,5 % преподавателей прошли зарубежные стажировки; 0,3 % обучались по программам повышения квалификации за рубежом; 1,1 % принимали участие в летних/выездных школах, семинарах и т. д.; 1,6 % были за рубежом в рамках обмена преподавателями; 0,3 % обучались на магистерских программах, в аспирантуре, докторантуре, Ph. D. и т. д. [Профессиональные практики преподавателей ... , 2018].

Что касается иностранных студентов, обучающихся в России, здесь статистика такая: в России обучается 243,8 тыс. человек, что составляет около 4 % от общего числа академически мобильных студентов в мире [Global Flow ... , 2018]. Распределение иностранных студентов по образовательным учреждениям крайне неравномерно. В 2016 г. 80 % иностранных студентов обучались в 10 % ведущих российских вузов (к ведущим относятся вузы, входящие в группу участни-

ков Проекта 5–100, в число федеральных и национальных исследовательских университетов). При этом ни один вуз Забайкальского края, Иркутской области, Республики Бурятия не значится в списке распределения иностранных студентов по территориальному признаку, поскольку на их долю приходится менее 1 % от всех обучающихся в России иностранцев [Академическая мобильность иностранных ... , 2016].

Такое положение дел, на наш взгляд, может помочь исправить широкое использование современных телекоммуникационных технологий как в рамках академических курсов, так и во внеучебной деятельности. Недоступность международных программ, отсутствие опыта кросс-культурного взаимодействия могут частично компенсировать видеоконференции, тематические видеочаты, совместные учебные и научные проекты, осуществляемые в режиме онлайн. Так, в Читинском институте Байкальского государственного университета (ЧИ БГУ) в 2017/18 учебном году были реализованы два подобных проекта, вовлекшие более 90 студентов из Читы, Китая и США. Идея заключалась в том, чтобы дать студентам возможность получить опыт трансграничного взаимодействия и совместных исследований.

Глобализационные процессы во всем мире и географическое положение Читы как потенциального опорного узла в процессах Азиатско-Тихоокеанской интеграции определяют содержание учебных планов читинских вузов. Помимо целого ряда региональных дисциплин, большинство студентов Читы изучают английский и/или китайский языки. Английский как универсальный язык международного взаимодействия, преподается во всех школах и вузах Забайкальского края, независимо от ступени или специальности. Китайский язык в региональных учебных программах по территориальным соображениям – Забайкалье граничит с Китаем, его основным торговым партнером. Близость Читы к КНР дает возможность студентам выезжать в Китай на краткосрочные летние стажировки, где они совершенствуют свои языковые навыки, не касаясь, к сожалению, сферы своих профессиональных интересов. А непосредственные контакты со студентами из англоязычных стран и вовсе практически невозможны из-за удаленности Читы и высокой стоимости подобных программ. Современные коммуникационные технологии дали нам возможность обеспечить международные студенческие контакты в формате видеочатов, конференций по скайпу и личной переписки.

17 ноября 2017 г. в конференц-зале Министерства образования, науки и молодежной политики Забайкальского края состоялся трёхсторонний видеочат, посвященный Международному дню студента. Встреча была подготовлена и проведена студентами и сотрудниками Читинского института БГУ, Университета штата Миннесота (США) и Харбинского института технологии.

Нужно отметить, что, поскольку проект задумывался как студенческий, основную роль в подготовке и определении содержания встречи взяли на себя именно студенты, роль же преподавателей, должностных лиц и других «взрослых» свелась к координированию всего процесса, обеспечению необходимой технической поддержки и синхронного перевода. В проекте приняли участие 45 студентов из трех крупнейших университетов Читы (Байкальский государственный университет, Читинская государственная медицинская академия, Забайкальский государственный университет), 15 человек из Университета Миннесоты и 8 студентов Харбинского института технологий. Такое соотношение участников можно объяснить, во-первых, меньшей заинтересованностью американских и китайских студентов в данном проекте на фоне огромного выбора подобных программ, предлагаемых их вузами. Во-вторых, кураторами проекта с американской и российской стороны были преподаватели, от Китая же проект возглавляла сотрудница международного отдела института, что, несомненно, сказалось на понимании сути мероприятия и на взаимодействии со студентами.

Общение в рамках видеоконференции проходило на трёх языках – русском, английском, китайском. Представители каждой стороны говорили на родном языке, их речь синхронно переводилась на два других языка. Встреча состояла из трёх блоков: 1) презентационное видео университетов, представители которых участвовали в проекте (Университет Миннесоты от США, Харбинский институт технологий от Китая и ЧИ БГУ от России); 2) выступление и презентация студентов – представителей всех трёх стран на тему «Студенчество в эпоху глобализма»; 3) так называемые *ice-breakers* – короткие игры, задания, помогающие преодолеть волнение и стеснение, узнать лучше социальные и культурные реалии стран-участниц. Так, русские студенты предложили своим зарубежным сверстникам угадать, для чего в России используются те или иные предметы быта (мясорубка, коромысло, авоська и т. п.) – таким образом, участники смогли оценить своеобразие своей культуры и поделиться ей с другими. Разговор был оживленный, участники задавали много вопросов друг другу – больше всего их интересовала личная жизнь молодых людей за рубежом, их хобби, интересы, студенческая и волонтерская деятельность. Все участники оставили свои контактные данные, многие тут же «подружились» в социальных сетях. Все стороны единогласно просили проводить подобные мероприятия как можно чаще.

На наш взгляд, Международный день студента-2017 – важный шаг на пути к достижению цели проекта: дать возможность студентам познакомиться со сверстниками из стран, язык/экономику/культуру/политическое устройство которых они изучают; понять принципы делового, академического, межличностного взаимодействия с представителями

этих культур; сформулировать и выразить своё видение роли молодёжи и студенчества, будущих профессионалов в мировом пространстве; услышать мнения других; а главное, выступить послами родного языка и культуры в других странах, не покидая родного города. Об этом красноречиво свидетельствуют эти идеи из выступления читинских студентов: «Мы все – часть мирового сообщества, нас должны интересовать события, происходящие в разных странах мира; мы хотим принимать участие в различных международных форумах, фестивалях, международных конференциях; знакомиться с людьми других стран; путешествовать; изучать иностранные языки; изучать историю нашего государства и других стран, наблюдать, как отношения между государствами менялись в разные периоды; узнавать больше о жизни людей в других странах, их культуре, их поведении. Мы все хотим жить в мире с другими, принимать и понимать традиции и особенности разных наций, культур и религий. Чтобы лучше понять мысли людей других народов, необходимо изучать языки стран и национальностей, изучать их культуру, историю государства. И, конечно же, в любой ситуации мы должны помнить, что мы все люди».

После успеха ноябрьского видеочата у представителей Читы и Миннесоты возникла идея еще одного совместного студенческого проекта, лежащего уже в академической плоскости. Таким проектом, который помогает объединить студентов из России и США, стало сотрудничество в рамках междисциплинарного курса по экономике США, который включен в учебный план студентов 4-го курса направления «Мировая экономика» Читинского института БГУ.

Важность междисциплинарного подхода к обучению признана давно, особенно когда речь идет о профессиональном обучении в сочетании с владением иностранным языком. Курс экономики США является междисциплинарным в том смысле, что, во-первых, все обсуждаемые вопросы рассматриваются через призму национальной идентичности изучаемой страны. Экономика здесь помещена в исторический и культурный контекст, что способствует более глубокому пониманию предмета. Во-вторых, в то время как все остальные теоретические курсы преподаются на русском языке, курс экономики США читается на английском. В рамках этого курса мы предложили студентам возможность провести исследование по темам, связанным с социально-экономической системой США, и представить результаты исследований на одном из учебных занятий. Среди обсуждаемых вопросов – внешняя торговля США; социальные программы; неравенство доходов; Новый курс; приостановление работы правительства (*government shutdown*); финансовая и бюджетная политика США. Читинские студенты проводили исследования по одной из проблем в одиночку или в группах из 2-3 человек, затем делились проектами своих презентаций с жи-

телями США разного возраста и статуса, чтобы попросить их выразить личный опыт/отношение/мысли об основных экономических и социальных аспектах жизни в США. Участниками проекта с американской стороны стали представители разных социальных групп: студенты, служащие, преподаватели, безработные, пенсионеры – все они попытались помочь российским студентам разобраться в экономической системе Америки. Студенты проанализировали полученные отзывы в своих докладах и представили результаты в аудитории и на ежегодной молодежной конференции. Некоторые из докладов были представлены на конкурсе студенческих проектов, где заняли первые места в разных категориях. В общей сложности в исследовательских проектах были задействованы 22 студента ЧИ БГУ.

Проект дал студентам возможность получить необходимую информацию из первых рук; увидеть на конкретных примерах, как работает изучаемая социально-экономическая система; получить ценный опыт личного взаимодействия с представителем другой культуры; дать критическую оценку своим профессиональным и языковым компетенциям. Всё это имеет решающее значение для лучшего понимания и дальнейшего практического использования теоретических знаний, которые они получают в стенах вуза, а следовательно, и для формирования профессиональных и лингвокультурологических компетенций.

Оба описанных проекта представляют большой потенциал для развития и совершенствования механизмов взаимодействия и вовлечения большего числа участников не только из России, Китая и США, но и других стран. Дальнейшая работа над проектами поможет дать полную качественную оценку результатов подобной деятельности.

Таким образом, статистика участия студентов и преподавателей российских вузов в программах академической мобильности дает основания сделать вывод о том, что в целом степень интеграции системы высшего образования в России в международное образовательное пространство остается невысокой. Невозможность повсеместного вовлечения студентов в международную профессиональную коммуникацию можно компенсировать переносом этого компонента обучения в виртуальное пространство.

Литература

Академическая мобильность иностранных студентов в России // Факты образования Ин-та образования НИУ ВШЭ. 2016. Вып. 7. 15 с.

Арефьев А. Л., Любская К. А. Российские студенты в Китае [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2017. № 7015–716. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0715/tema01.php> (дата обращения: 28.07.2018).

Профессиональные практики преподавателей и стратегии студентов в российских вузах с разным качеством обучения в 2016 г. М. : Высш. шк. экономики, 2018. 72 с.

Сенченко Е. Н. Международная академическая мобильность студентов российских вузов [Электронный ресурс] // Научное сообщество студентов XXI столетия: сб. ст. по материалам XLII Междунар. студ. науч.-практ. конф. URL: [https://sibac.info/archive/social/5\(41\).pdf](https://sibac.info/archive/social/5(41).pdf) (дата обращения: 31.07.2018).

Студенты профессиональных образовательных организаций: высокотехнологичный сегмент СПО. М. : Высш. шк. экономики, 2018. 48 с.

Accountability in education: meeting our commitments. UNESCO. Paris, 2017. 508 p.

Global Flow of Tertiary-Level Students [Электронный ресурс]. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 22.07.2018).

УДК 811.581 + 81'23 + 659.1.013

О. И. Шабалина

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

СПОСОБЫ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ ЖИТЕЛЯМИ КИТАЯ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РЕКЛАМЫ ЭЛИТНОЙ НЕДВИЖИМОСТИ 天籟

Аннотация. Обсуждаются особенности восприятия информации китайским потребителем на примере анализа рекламы объекта элитной жилой недвижимости в г. Янтай. В основе размышлений автора лежит известная книга «Способы мышления народов Востока», написанная крупнейшим представителем философской компаративистики и специалистом по истории буддизма Хадзимэ Накамура. Один из разделов книги посвящен особенностям мышления китайского народа. Хадзимэ Накамура рассматривает данные особенности сквозь призму китайского языка, благодаря которому оригинальные Священные Писания Индии приобрели новое звучание и положили начало буддистской традиции в Китае. В статье анализируется проекция отдельных способов мышления китайского потребителя в рекламе объекта жилой недвижимости 天籟 и доказывается допущение автора книги о влиянии родного языка на способы восприятия и структурирования информации его носителями.

Ключевые слова: восприятие информации, родной язык, китайский язык, реклама в Китае, план исполнения рекламы.

O. Shabalina

South Ural State University, Chelyabinsk

THE WAYS OF PERCEPTION OF INFORMATION BY CHINESE CITIZENS CASE STUDY OF LUXURY PROPERTY ADVERTISING 天籟

Abstract. The article under consideration discusses specifics of perceiving information by Chinese consumers based on the analysis of an ad promoting elite real estate property in Yantai city. The author's reflections are based on the well-known book "Ways of Thinking of Eastern Peoples", written by Hajime Nakamura, a representative of philosophical comparative studies and a specialist in history of Buddhism. One chapter of the book is devoted to Chinese ways of thinking. Hajime Nakamura discusses these ways through the prism of the Chinese language that made original Buddhist scriptures sound in a new way and gave birth to the Buddhist tradition in China. The present article analyzes manifestations of particular ways of thinking of Chinese consumers in the ad of the real estate property 天籟 and by doing so supports the author's assumption that the language spoken and written by the Chinese impacts the way they perceive and structure information.

Keywords: perception of information, native language, Chinese language, Chinese advertising, ad execution.

На сегодняшний день наблюдается два основных подхода в моделировании рекламных сообщений на национальном рынке Китая – стандартизированный западный подход и локальный, который учитывает специфику местной культуры и особенности восприятия информации местными потребителями [Yin, 1999]. Существует достаточно большое количество статей, уделяющих внимание отдельным аспектам рекламы в Китае (законодательство, рекламные и марочные стратегии, бюджет, история рекламы, персонажи, дизайн); но лишь немногие из них посвящены вопросам разработки рекламного сообщения с учетом особенностей восприятия информации местными потребителями [Шабалина, 2013; Culture and aesthetic ... , 2008; Masuda, Wang, Ito, 2008; Shabalina, Feng, 2013; Sun, 2001; How much Information? ... , 2012]. Данная статья является попыткой актуализировать данный аспект рекламных коммуникаций в ходе интерпретации основных положений работы японского ученого Хадзимэ Накамура «Способы мышления народов Востока» [Nakamura, 1981] на примере анализа рекламного объявления, продвигающего объект элитной жилой недвижимости в г. Янтай.

В своем труде Хадзимэ Накамура выделяет ряд особенностей или способов мышления китайского народа, выявленных им в ходе сравнительного анализа Священных Писаний Индии и аналогичных буддистских текстов, переведенных на китайский язык. В рамках данной статьи наибольший интерес для нас представляют те из них, которые, по мнению Хадзимэ Накамура, испытали на себе влияние китайского языка. Среди них: конкретное выражение понятий, стремление к благозвучию, опора на прецеденты в прошлом, антропоцентризм коммуникаций, поэтизация речи, сенсорное восприятие информации. Данная статья иллюстрирует проекцию данных способов мышления в рекламной плоскости и тем самым доказывает допущения автора относительно возможного влияния родного языка на способы мышления его носителей. Статья начинается с описания анализируемой рекламы, далее она обсуждает проявления вышеуказанных способов мышления в отдельных элементах рекламного сообщения и завершается выводами. Анализ проекции каждого из способов мышления предваряется кратким описанием его специфики, изложенным в книге Хадзимэ Накамура.

Анализируемое рекламное сообщение (рис. 1) было размещено весной 2015 г. в г. Янтай, который находится в Шаньдунской провинции Китая. Биллборд можно было увидеть в центральной части города напротив остановки общественного транспорта и вблизи крупных туристических и коммерческих объектов. Реклама продвигает объект элитной жилой недвижимости с поэтическим названием «Музыка сфер» (天籟), которое находится по вертикали в левой части рекламного щита. Из рекламы мы узнаем, что данный объект недвижимости располагает-

ся в живописном районе Янтая, вдали от городской суеты, что подчеркивается визуальным рядом – типичный китайский пейзаж, располагающий к умиротворенности и гармонии с окружающим миром. На элитность объекта указывает информация в правом верхнем углу: «Один из 10 наиболее популярных объектов жилой недвижимости Янтая; первый объект жилой недвижимости Янтая, чей дизайн не уступает гостиницам класса “Золотой ключ”¹; и первый жилой объект Янтая категории 2А»².

Рис. Анализируемая реклама

Там же, чуть выше, дается номер государственной регистрации жилого объекта – 13905356811. Далее по центру крупным планом располагается ключевая рекламная фраза, которая указывает на выгодное расположение объекта. Первая часть фразы *忘情山水间* переведена на английский язык и дословно обозначает «забудь себя посредством пейзажа». Вторая часть фразы *沉醉桃花源* является аллюзией на известную легенду под названием «Страна цветущих персиков». Английский пред-

¹ Награда «Золотой ключ» ежегодно вручается победителям конкурса в области дизайна объектов индустрии гостеприимства. Учредителем награды является глобальная медиагруппа Hospitality Media Group.

² Государственная многоуровневая (от А до ААААА) система ранжирования достопримечательностей Китая, в основе которой лежат значимость объекта, его безопасность, чистота, санитарные условия и условия проезда до объекта.

лог *through* не несет смысловой нагрузки, и его выделение крупным шрифтом, скорее всего, обусловлено соображениями эстетики. В нижней части рекламы перечисляются конкурентные преимущества жилого объекта (наличие ипподрома, гольф-площадки и т. д.), а также указан телефон для получения дополнительной информации. Рассмотрим более подробно план исполнения отдельных элементов рекламного сообщения в рамках обсуждения вышеобозначенных способов мышления китайских потребителей.

1. Конкретное выражение понятий в китайском языке

Отличительной особенностью китайского мышления является его конкретный, а не абстрактный характер. Хадзимэ Накамура приводит большое количество примеров, доказывающих данную мысль. Так, согласно автору, в известной «Книге перемен» используется более 3000 различных иероглифов в отношении ограниченного количества понятий. С их помощью данные понятия конкретизируются. Например, для выражения понятия «горы» используется 18 слов, а для понятия «конь» – 23 слова. При этом в китайском языке практически отсутствуют слова, которые бы выражали абстрактную идею, как это часто происходит на Западе. В силу своего конкретного характера китайские слова, скорее, являются именами собственными, чем именами нарицательными. Например, существует несколько слов для передачи понятия «река» – 河, 江, 川 и др., но отсутствует слово, выражающее собирательный, абстрактный образ реки [Nakamura, 1981, p. 178].

Согласно Логану [Logan, 1986, p. 55], данная особенность китайского мышления во многом объясняется иероглифическим характером китайской письменности, где письменный знак (пиктограмма или иероглиф) привязан к определенному объекту или понятию. Во многих западных системах письменности, включая кириллицу, буквы алфавита привязаны к определенному звучанию. В этом смысле связь между буквами слова, звучанием и значением слова носит достаточно абстрактный характер.

Конкретное мышление китайцев находит отражение в марочных именах. В анализируемой рекламе марочное название объекта жилой недвижимости вызывает конкретный образ за счет второго иероглифа, который обозначает древнюю китайскую флейту, сделанную из бамбука. На это указывает графема бамбука в верхней части иероглифа.

Марочное название объекта представляет собой устойчивое выражение. Попытки перевода данного названия на русский и английский языки затруднены в силу ряда причин. Во-первых, носители данных языков мыслят достаточно абстрактно и, скорее всего, переведут данное конкретное название более отвлеченно, в лучшем случае как «звуки природы». Во-вторых, некоторые отвлеченные понятия, полученные в ходе перевода с китайского на русский язык, либо вообще отсутствуют в русском лексиконе, либо имеют отличную от китайского языка интерпретацию.

Именно с таким случаем мы имеем дело в анализируемой рекламе. Дело в том, что понятие «природа» (自然) появилось в китайском языке в конце XIX в. под воздействием Запада, однако имеет отличное от западного значение – «собственная таковость, суть». Понятно, что данное значение не соответствует ключевой идеи рекламного сообщения. Именно поэтому было выбрано устойчивое выражение 天赖, в котором иероглиф 天 точнее передает понятие природы в его западном понимании, а также продающий момент объекта недвижимости. На такое понимание природы в рамках рекламного объявления также указывает английское слово *landscape* (пейзаж), которое дословно переводит иероглифы 山水 в первой части заголовка.

2. Стремление к благозвучию

Стремление к благозвучию является еще одним отличительным способом мышления китайцев. Мелодичность китайских фраз достигается при помощи использования определенных ритмических рисунков. Наиболее распространенными из них в китайской поэзии и народных песнях на протяжении длительного времени были пятисловный (五言) и семисловный (七言) размеры стиха [Link, 2013, p. 25]. Сегодня они успешно используются в художественной литературе и поэзии, в уличном граффити и надписях на футболках, в малых жанрах народного творчества и политической риторике. Они также востребованы в рекламе, особенно в слоганах и заголовках. Автор книги «Анатомия китайского языка: ритм, метафора, политика» Перри Линк приводит огромное количество примеров коммерческой и социальной рекламы, использующих пятисловный и семисловный размеры стиха. По мнению автора, они делают фразу не только благозвучной и легко запоминающейся (что немаловажно в случае с рекламой), но также более естественной, значимой и возвышенной [Link, 2013, p. 37].

В рассматриваемом нами рекламном объявлении в заголовке используется пятисловный размер стиха 忘情山水间, 沉醉桃花源. Первая часть фразы переводится как «насладись традиционным китайским пейзажем». Вторая часть является аллюзией на известную легенду, которая привносит коннотации утопии, места вечной гармонии и идиллии в описание данного пейзажа. Пятисловный размер стиха задает симметричный визуальный образ фразы, создает звуковой баланс, способствует лучшему запоминанию информации, а также усиливает ее значимость.

3. Опора на прецеденты в прошлом

Использование аллюзии в заголовке и марочном имени отражает еще одну особенность мышления китайцев, которая заключается в их доверительном отношении к прецедентам прошлого, отсюда наличие огромного количества аллюзий на исторические события, а также литературные произведения и устойчивые выражения. В нашем случае ис-

пользуется аллюзия на хорошо известную среди китайцев легенду под названием «Страна цветущих персиков». Данная легенда была написана Тао Yuanming в 421 г. В ней повествуется о случайном обнаружении места неземной красоты, где люди пребывали в состоянии идеальной гармонии с природой и не подозревали о существовании внешнего мира, полного конфликтов и напастей. У китайцев данное выражение «страна цветущих персиков» ассоциируется с идеальным местом на Земле, с утопией.

Познание через изучение прошлого опыта обозначается специальным термином «*chi-ku*», что дословно переводится как «поиск древних путей» [Nakamura, 1981, с. 205]. Хадзимэ Накамура объясняет это конкретным мышлением китайцев: народ, который мыслит конкретными образами и частностями, предрасположен выводить закономерности на основе прошлых практик и повторяющихся событий, а не при помощи абстрактной созерцательной мысли индивида.

4. Сенсорное восприятие информации

Выбор лексических и визуальных средств в передаче основной идеи рекламного сообщения объясняется предрасположенностью китайцев к сенсорному восприятию информации. Китайцы доверяют только той информации, которую можно непосредственно воспринимать, прежде всего на слух и также визуально [Nakamura, 1981, р. 180].

Особенности сенсорного восприятия информации объясняют выбор иероглифа «флейты» в марочном названии; а также изображения зяблика, который не только поет, но и вызывает восхищение многих китайцев в силу его яркого оперения. Образ цветущей сливы, символизирующей женскую красоту, усиливает зрительное восприятие пейзажа, о котором идет речь в заголовке. Он лучше передает красоту пейзажа, в отличие от образа цветущего персика, который является частью аллюзии.

Еще одной особенностью восприятия информации на слух является убежденность китайцев в том, что слова способны влиять на ход вещей благодаря своему звучанию. Этим объясняется осторожное использование омофонов, понимание которых выходит за привычные для европейца рамки лингвистического феномена. Для китайцев звук обладает энергией, излучение которой простирается за пределы того, что мы можем увидеть [McCormack, Blair, 2015]. Классическим примером омофонов являются слова 四 «четыре» и 死 «смерть». Убежденность китайцев в способности звука *si* отрицательно повлиять на ход событий объясняет редкое использование цифры 4 в номерах телефонов и обозначениях цены и скидок, а также в номерных знаках на автомобилях. В рассматриваемом объявлении не встречается ни одной цифры 4 как в номере государственной регистрации жилого объекта, так и в номере телефона. Данный факт можно объяснить либо простым совпадением, либо осознанным выбором компа-

нии, в основе которого убежденность в способности данной цифры отрицательно сказываться на коммуникациях с клиентом.

5. Антропоцентризм коммуникаций

Начиная с древних времен китайцы демонстрируют антропоцентрический подход к осмыслению действительности. Идею бытия они понимают не как абстрактную универсалию, а как совокупность конкретных впечатлений человека в этом мире [Nakamura, 1981, p. 233]. Антропоцентризм присущ китайскому синтаксису. В китайских предложениях подлежащее в большинстве случаев обозначает человека (даже если он не появляется в предложении), и дополнение чаще всего находится в предикативной части. В результате китайцы могут понять значение предложения, несмотря на отсутствие падежных окончаний и фиксированного порядка слов. Тот же самый антропоцентрический подход мы наблюдаем в китайской поэзии, которая всегда обращена к конкретному человеку.

Данная особенность мышления китайцев находит отражение в композиции рекламного сообщения. Ступенчатое движение композиции, начиная от нижнего левого угла до верхнего правого угла, задает оптическую иллюзию перспективы. Композиция одновременно учитывает угол восприятия информации пешеходом, движущимся в обоих направлениях, и в этом смысле является антропоцентричной.

Анализ рекламы объекта жилой недвижимости продемонстрировал способы мышления китайцев, описанные в книге Хадзимэ Накамура, а также доказал влияние родного языка на эти способы. Пиктографический характер китайской письменности, мелодичность китайского языка, а также антропоцентризм китайского синтаксиса объясняют доминирование визуальных и аудио образов в рекламе, частое использование аллюзий, использование парных ритмических рисунков в слоганах и заголовках, бережное отношение к омофонам и антропоцентризм рекламной композиции. Одновременное или частичное присутствие этих характеристик поэтизирует рекламное сообщение, что также отличает способ мышления представителей китайской культуры от западной.

Выбранная реклама является идеальной проекцией способов восприятия информации китайским потребителем, описанных Хадзимэ Накамура. Ее анализ заставляет задуматься о значительных различиях в том, как представители восточных и западных культур воспринимают информацию, и учитывать данные различия в построении рекламных коммуникаций на локальных национальных рынках.

Литература

Шабалина О. И. Риторика guanxi рекламных коммуникаций в Китае // Со-времен. исслед. соц. проблем. 2013. № 4 (24). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-4-33.

Culture and aesthetic preference: Comparing the attention to context of East Asians and Americans / T. Masuda, R. Gonzalez, L. Kwan, R. Nisbett // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 34, N 9. P. 1236–1248.

How much Information? East Asian and North American cultural products and information search performance / H. Wang, T. Masuda, K. Ito, M. Rashid // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012. Vol. 38, N 12. P. 1539–1551.

Link E. P. *An anatomy of Chinese: rhythm, metaphor, politics*. Cambridge : Harvard University Press, 2013. 376 p.

Logan R. F. *The alphabet effect*. N. Y. : Morrow, 1986. 272 p.

Masuda T., Wang H., Ito K. Culture and Internet environment: Comparing complexity of design between East Asian and North American homepages // 9th Meeting of the Society of Personality and Social Psychology. Poster presentation. 2008. Albuquerque, New Mexico, USA.

McCormack J., Blair J. G. *Thinking through China*. Rowman & Littlefield Publishers, 2015. 328 p.

Nakamura H. *Ways of thinking of Eastern peoples: India, China, Tibet, Japan*. Honolulu : The University of Hawaii Press, 1981. 736 p.

Shabalina O., Feng L. Understanding Chinese students' perception pattern and its implication for global advertising practitioners // Program of the 3rd International Conference on Cross-Cultural Management & the 7th Cross-Strait Conference on Enterprise Management. November 30 – December 1, 2013. Shanghai, 2013. P. 75.

Sun H. Building a culturally competent corporate web site: An explanatory study of cultural markers in multilingual web design // SIGDOC'01. 2001. Oct. 21–24. P. 95–102.

Yin J. International advertising strategies in China: a worldwide survey of foreign advertisers // *Journal of Advertising Research*. 1999. Vol. 39, N 6. P. 25–35.

УДК 008(470:520)

И. В. Шалина

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПРОБЛЕМА СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИМИ И ЯПОНЦАМИ ДРУГ ДРУГА

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение проблемы стереотипизации на примере того, как воспринимают друг друга русские и японцы. В диалоге двух культур очень важно знать о наличии стереотипов и стараться скорректировать мнение партнёра, что необходимо для изменения восприятия ситуации между двумя странами к лучшему.

Ключевые слова: Россия, Япония, стереотипы, диалог культур.

I. Shalina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE PROBLEM OF STEREOTYPING IN THE APPREHENSION OF THE RUSSIANS AND THE JAPANESE

Abstract. The purpose of this article is to consider the problem of stereotyping from the point of view of two nations: the Russians and the Japanese. In the dialogue of our two cultures it is very important to know about the existence of stereotypes and try to adjust the view of a partner. We need it to improve the apprehension of the situation between Russia and Japan.

Keywords: Russia, Japan, stereotypes, intercultural dialogue.

Известно, что Япония – страна, с которой на данный момент Россия так и не подписала мирного договора. Тем не менее ситуация двух этих стран представляется нам уникальным явлением, поскольку, между городами-побратимами, расположенными в России и в Японии, существуют дружественные связи продолжительностью несколько десятков лет.

В частности, крепкие дружеские отношения на международном уровне поддерживают между собой Иркутская область и префектура Исикава. Более полувека продолжается диалог культур, расширяется общая бизнес-сфера, происходит культурный обмен.

В подобных условиях для обеих культур вполне разумным является работать на укрепление и углубление отношений, и далеко не последнюю роль в этом играет восприятие одним народом другого, которое зачастую осложняется вследствие проблемы стереотипизации мышления и установки штампов на определённый тип собеседника. Стереотипы и, как следствие, ограниченность сознания тормозят качественный культурный обмен. В диалоге двух культур очень важно знать о наличии подобных стереотипов и стараться скорректировать мнение партнёра, что необходимо для изменения восприятия ситуации.

Впервые термин «социальный стереотип» в 1922 г. ввёл в употребление автор концепции общественного мнения, американский журналист Уолтер Липпман. В его интерпретации стереотип – есть схематичная, упорядоченная и детерминированная культурой картина мира в голове человека, которая защищает его ценности, права и взгляды, одновременно облегчая восприятие сложных позиций [Агеев].

Учеными по всему миру до сих пор не выработано единого определения стереотипа.

Так, один из японских исследователей, профессор университета Мэйдзи Исикава Масато пишет: «Стереотип указывает на типичную особенность человека или предмета, полагая его таким постоянно. И хотя в случае, если стереотип хорошо применим, он экономит мысли, в обратном случае он превращается в ошибочное восприятие, выращенное из зафиксированной идеи. <...> Мы пользуемся стереотипом, когда ничего не знаем о людях или вещах, и принимаем решения на его основе. В особенности важно остерегаться (поспешно судить о) малых групп объектов, поскольку по отношению к ним стереотипы приобретаются очень легко» [石川幹人].

Яно Мадока, профессор психологии женского колледжа г. Кобэ, в процессе анализа стереотипа и сопутствующих ему штампов восприятия обозначает стереотип как 一定のイメージ *иттэй-но имэ:дзи* «стандартный, неизменный образ» [矢野円郁].

Проанализировав определения стереотипа, данные учеными из разных стран, позволим себе вывести рабочее определение. Стереотип – устойчивый образ группы предметов, выбранный реципиентом осознанно, на основании признаков, полагаемых автором стереотипа как неизменные, вследствие чего отношение автора стереотипа к группе переносится на её элемент.

Стереотипы японцев о русских, равно как и русских о японцах, формировались не единомоментно, поскольку изначально русские и японцы знали друг о друге крайне мало. Потребность заполнения информационного вакуума привела к тому, что образы, порождаемые воображением или же навязываемые средствами массовой информации (или общественным мнением) закрепились в сознании воспринимающего, порождая стереотип о народе.

Наиболее ярко подобное стереотипное восприятие наблюдается в работах ранних исследователей-географов. Руководствуясь преимущественно воображением и не имея практически никакой теоретической базы, в своих работах исследователи основывались на стереотипном восприятии, порождённом общественным мнением.

Так, в 1768 г. русский читатель мог познакомиться с «Описанием о Японии», большую часть которого составляли рассказы о жестокости японцев и творимых ими зверствах [Шалина, 2006].

В своём труде «Размышления о красноволосых Эдзо» (1783 г.) Кудо Хэйсукэ, придворный врач княжества Сэндай, практикующий в Эдо, первым в Японии даёт подробную информацию о географическом положении России, рассказывает о японцах, потерпевших крушение у российских берегов, а также высказывает свои предположения по поводу российской геополитики. Он утверждал, что Японии, вопреки информации, полученной от голландских информаторов, выгодно наладить торговые отношения с Россией хотя бы потому, что таким образом будет проще узнать страну «изнутри» и затем построить свою внешнюю политику в отношении неё [Там же].

Как такового строго позитивного или строго негативного образа своего северного соседа Япония не формировала до конца XVIII века. Первый серьёзный конфликт интересов вылился в войну 1904–1905 гг.

В 1956 г. между Японией и Советским Союзом была подписана Совместная советско-японская декларация о нормализации отношений. В то же время в Советском Союзе государством навязывался стереотип Японии как безусловно ослабевшей и потому подконтрольной во всём, вплоть до мелочей, Соединённым Штатам Америки страны [Петров, 1994].

После перестройки, начало которой было положено в 1985 г., мнение советских людей о Японии начало меняться. Открылось боль-

шое количество каналов для получения информации, в том числе напрямую от японцев: учёных, политиков и т. д. В результате советское общество получило возможность сформировать собственное непредвзятое мнение относительно страны Восходящего Солнца.

В наше время русские люди, которые никогда не были в Японии, преимущественно молодое поколение, получают представление об этой стране, как правило, из аниме и фильмов. Они нередко пребывают в уверенности, что молодые японцы – эмоциональны, в то время как взрослые – гораздо более замкнуты; что молодёжь поголовно носит одежду сумасшедшей расцветки, красит волосы в нереальные цвета, строит рожицы и говорит писклявым голосом. Японские школьники, по их мнению, безукоризненно вежливы со старшими, но позволяют себе грубость с людьми своего возраста; рабочий класс увязан в единую систему и обязан работать на износ, задерживаясь допоздна. И, конечно же, все японцы любят петь в караоке-барах.

В то же время у русских людей, не вовлечённых в популярную японскую культуру, стереотипным остаётся образ Японии, который можно выразить несколькими широко распространёнными японскими словами: ниндзя, гейши, самураи, сакура, суши, якудза. В их восприятии Япония осталась классической страной Восходящего Солнца, сумевшей сохранить свою культуру неизменной в течение многих столетий.

То, что два таких совершенно противоположных стереотипа сохранились в России до наших дней – интересное и необычное явление. Это и подтолкнуло нас к мысли о проведении исследования на тему стереотипизации.

В исследовании принимали участие студенты Иркутского государственного университета с российской стороны и студенты университета изобразительных искусств (г. Канадзава, Исикава) – с японской.

Фокус-группы были представлены пятнадцатью студентами, возраст которых составлял преимущественно 17–19 лет.

Нами было проведено анкетирование, включавшее в себя восемь вопросов:

1. Были ли у вас контакты с японцами/русскими?
2. Как, по-вашему, японец/русский проявляет себя на работе?
3. Как, по-вашему, японец/русский проявляет себя в быту?
4. Как японец/русский относится к семье?
5. Как японец/русский ведет себя с друзьями?
6. Выберите образ, с которым у вас ассоциируется типичный русский/японец.
7. С каким животным у вас ассоциируется типичный русский/японец?

8. Кому бы вы скорее доверили тайну: русскому или японцу? Почему?

Исходя из полученных ответов, мы получили следующие усреднённые характеристики представителей японского и русского народа:

- японец – целеустремлённый, благородный, осторожный, терпеливый, с виду милый, но с «двойным дном», работает до изнеможения, подчиняется начальству, верный, преданный, дружелюбный, спокойный, маленького роста, аккуратный;

- русский – живёт в холодном месте, может гулять по снегу, стойко переносит холод, не позволяет к себе прикасаться, «поймать себя», несмотря на кажущуюся открытость, самостоятельный, коренастый/плотный, высокого роста, держится прямо.

Особый интерес вызвал вопрос об отношениях в семье. Если японские студенты в большинстве указывали на открытость чувств русского человека и широту души, то мнения русских разделились практически поровну относительно того, является ли японец полноценным членом семьи и участником семейной жизни, или же он предстаёт только как добытчик средств.

Вопрос о типичном облике представителя другого народа выявил, что в одном случае респонденты полагают друг друга сложными в общении, неотзывчивыми, однако добрыми и сильными людьми, в другом – простыми в общении, отзывчивыми, добрыми и сильными.

Седьмой вопрос являлся открытым, при ответе респонденты сами определяли, с каким животным у них ассоциируется представитель другого народа, а также давали оценку своему выбору.

Среди животных, с которыми ассоциируется типичный русский и японец, встречается много нестандартных вариантов: к примеру, русские сравнивают японцев с кошкой, пони, волком и рыбами в пруду, в то время как японцы в числе животных, ассоциируемых с русским человеком, упоминают слона, собственно человека, колонка, кошку и жирафа.

Финальным вопросом анкетирования был вопрос: «Кому бы вы, скорее, доверили тайну – русскому или японцу, и почему?»

Русские респонденты в равной степени доверяют (или не доверяют) как русским, так и японцам.

Опрошенные с японской стороны в принципе избегают таких расплывчатых формулировок и фраз, как «доверил(а) бы и русскому, и японцу» или «не доверил(а) бы никому».

Немалую роль в прояснении ситуации могут сыграть комментарии, которые дают респонденты, обосновывая свой выбор. Из этого мы видим три основные группы мнений:

- 1) доверяю тайну русскому, потому что я русский; с ним проще разговаривать, а если проговорится – проще разобраться в случившемся;

2) доверяю тайну японцу, поскольку это более закрытая нация, в отличие от русских; японцы не выдают своих секретов, следовательно, не выдадут и чужих;

3) доверяю тайну и русскому, и японцу, поскольку дело не в национальности, а в том, какое воспитание получил человек.

В свою очередь, основными мотивами, которыми при выборе руководствовались японские респонденты, являются:

– японец способен лучше прочувствовать переживания человека, ему проще всё рассказать, поскольку проще подобрать слова; у русского несколько прохладный и отстранённый образ; японцы умеют хранить секреты и исполнять данные обещания;

– скорее, доверюсь русскому, потому что он похож на человека, который непременно сохранит секрет; русские далеко живут, и, однажды рассказав им секрет, можно быть уверенным, что твою тайну твоим же друзьям они не выдадут; у русских своя культура хранения секретов, поэтому они, похоже, умеют держать язык за зубами.

В результате нашего исследования мы пришли к выводу: японские и русские относятся к усреднённым образам друг друга в большей степени положительно. Они достаточно высоко оценивают работоспособность друг друга, без чрезмерного негатива воспринимают представителей другой нации. Однако у русских студентов сложился более позитивный стереотип типичного японца, чем в обратном случае.

Нередкими являются ситуации, когда отношение к одному человеку переносится на всю нацию, на страну в целом. Однако, на наш взгляд, без предпосылок к общению, без прямого контакта с представителями другой нации, сформировать положительный стереотип практически невозможно.

Литература

Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Психфактор: информ. ресурс. центр по науч. и практ. психологии. URL: <http://psyfactor.org/lib/stereotype6.htm/> (дата обращения: 13.02.2018).

Петров Д. Ю. Россия и Япония: стереотипы восприятия // Знакомьтесь Япония. 1994. Вып. 5. 136 с.

Шалина И. В. Первые японцы в России в конце XVII–XVIII вв. и начало русско-японского межкультурного взаимодействия: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 204 с.

石川 幹人 超心理学講座・信じやすさの心理学. URL: <http://www.kisc.meiji.ac.jp/~metapsi/psi/6-6.htm> (дата обращения: 07.04.2018).

矢野円郁 性別と民族のステレオタイプに関するクロスカテゴリー化の研究. URL: <http://www-socpsy.l.u-tokyo.ac.jp/japanese/sotsuron00/yano.htm> (дата обращения: 07.04.2018).

Т. Е. Шишмарева, Е. В. Кремнёв
Иркутский государственный университет, Иркутск

**КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ГРАММАТОЛОГИЯ (汉字学)
И КЛАССИФИКАЦИЯ КИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ЗНАКОВ
В ТРАКТОВКЕ Ю. В. БУНАКОВА**

Аннотация. Статья посвящена анализу трактовки Ю. В. Бунаковым положений традиционной китайской грамматики (汉字学) и предложенной им в работе «Китайская письменность» модели структурной линии развития китайских письменных знаков.

Ключевые слова: российское китаеведение, идеографическое письмо, грамматики китайской письменности, кинеграммы, омофонограммы, синтеграммы.

T. Shishmareva, E. Kremnyov
Irkutsk State University, Irkutsk

**CHINESE TRADITIONAL GRAMMATOLOGY (汉字学)
AND CLASSIFICATION OF CHINESE CHARACTERS
IN THE INTERPRETATION OF YU. V. BUNAKOV**

Abstract. The article analyzes Yu. V. Bunakov's interpretation of ideas of traditional Chinese grammar (汉字学) and his model of evolutionary development of the Chinese characters presented in the article "The Chinese writing system".

Keywords: Russian sinology, ideographic writing, grammar of Chinese writing system, omophonograms, kinegrams, syntegrams.

В качестве объекта нашего исследования рассматривается статья Юрия Владимировича Бунакова «Китайская письменность», опубликованная в 1940 году в сборнике «Китай, история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость». Прежде чем приступить к собственно анализу статьи, необходимо отметить, что в своей работе мы попытались сохранить авторский стиль, последовательность изложения материала, иероглифические примеры и термины. Полагаем, что для того времени его работа была поистине научным прорывом: исследуя такой сложный и многогранный феномен, как китайская письменность, в условиях достаточно ограниченного доступа к информации, в тяжелых бытовых условиях, автор выдвинул рабочую гипотезу, которая позволила во многом по-новому осветить некоторые вопросы истории развития китайской письменности, ее структуры и графики, что дает нам право рассматривать работу Ю. В. Бунакова как грамматологическую [Готлиб, Кремнёв, Шишмарева, 2014]. Сам термин «грамматология» вошел в метасистему лингвистики после появления работы И. Д. Гельба «Опыт изучения письма (Основы грамматики)» (первое издание – 1952 г.) [Готлиб, 2007] и автором рассматриваемой работы естественно не использовался.

Разрабатывая вопросы структурной линии развития китайской письменности, автор обращается к китайской феодальной науке, рассматривая положения традиционной грамматики (汉字学).

Классическая китайская филология выделяет шесть типов китайских письменных знаков, так называемых шесть категорий письмен – *лю шу* (六书).

1. *Сян син* – изобразительные знаки, представляющие или, вернее, представлявшие в момент своего образования изображение предметов или явлений, например: «солнце», «гора»¹ (рис. 1) и т. д. В I в. н. э. (словарь «Шо вэнь») насчитывалось 364 знака, в XII в. (энциклопедия «Тун чжи») – 608 знаков.

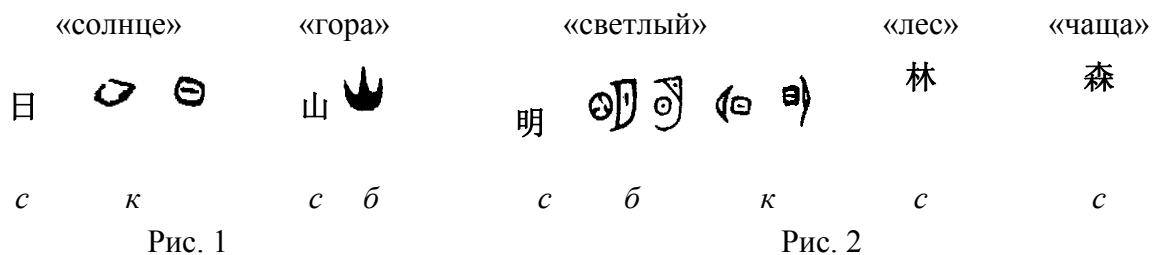
2. *Чжи ши* (или *чу ши*, или *сян ши*) – указательные знаки, указывающие приблизительно на содержание понятия, обозначаемого ими («верх», «низ», цифры и т. д.). В I в. н. э. насчитывалось 125 знаков, в XII в. – 107 знаков.

3. *Хой и* (или *сян и*) – синтетические знаки, состоящие из соединения нескольких простейших изобразительных или указательных знаков, сочетание значений которых передает понятие, обозначаемое этим новым знаком. Например: сочетание знаков «луна» и «солнце» передает понятие «светлый, блестящий»; два или три «деревя» – понятие «чаща, лес» (рис. 2), и т. д. В I в. н. э. насчитывалось 1167 знаков, в XII в. – 740 знаков.

4. *Син шэн* (или *се шэн*, или *сян шэн*) – фонетические знаки, состоящие из двух частей: 1) части, указывающей на круг понятий, к которому приблизительно относится обозначаемое этим знаком слово (детерминатив); 2) и части, приблизительно передающей его звучание (фонетика, фонетическая часть).

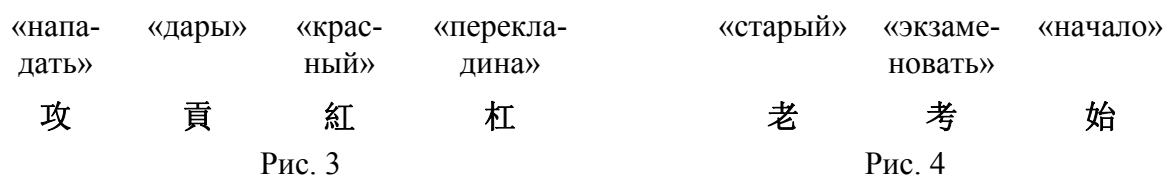
Так, например, знак, читающийся *гун* и означающий «нападать», состоит из указывающей на чтение этого слова фонетической части *гун* и детерминатива, семантического показателя, «бить, ударять». Эта же фонетическая часть включена в другой знак *гун* «дары», семантический показатель которого «раковина», использовавшаяся в древности в качестве предмета дани (рис. 3).

¹ Здесь и далее значения и чтение всех знаков приводятся в трактовке Ю. В. Бунакова. Кроме того, в статье ученого в подписях к рисункам приняты авторские сокращения: *о* – орнамент, *к* – китайское письмо эпохи надписей на гадательных костях, *б* – памятники китайской письменности на бронзе, *ч* – китайское письмо эпохи сяо чжуань, *с* – современный этап. При этом нужно учитывать, что работа была написана в 1939 г., понятие «современный» следует понимать как современная письменность того времени, т. е., как правило, в традиционной форме, недеформированная реформой 1953 г.

Комментируя примеры, автор отмечает, что «произношение фонетической части и знака в целом в настоящее время не всегда совпадает. Так, указанная выше фонетическая часть *гун* встречается в знаках *хун* “красный”, *ган* “перекладина”» [Бунаков, 1940, с. 366] (см. рис. 3). Из вышесказанного ученый заключает, что произношение этих двух слов приблизительно совпадало лишь в момент и на территории образования данных знаков и впоследствии дифференцировалось в связи с развитием и изменением звукового состава языка. В I в. н. э. насчитывалось 7697 знаков, в XII в. – 21 810 знаков.

5. *Чжунань чжу* – видоизмененные знаки с незначительной вариацией отдельных составных частей, закрепляющиеся за новым понятием. Например: знак *лао* «старый» с изменением нижней части используется для обозначения понятия «экзаменовывать» (рис. 4). В XII в. насчитывалось 372 знака.

6. *Цзя цзе* – «заимствованные» знаки, использующиеся для обозначения новых понятий по принципу метонимии, или транскрипционно-фонетическому.

В одном случае знак используется для обозначения более общего понятия, вытекающего из значения этого уже существующего знака, заимствованного для регистрации в письме этого нового понятия. Например: *ши* «начало беременности» → «начало» вообще (см. рис. 4), и т. д. В другом случае знак используется для записи, транскрипции какого-либо фонетического комплекса, чаще всего для транскрипции иноязычных слов или чисто разговорных китайских слов, не имеющих своего графического обозначения (*бай цзы*). В XII в. насчитывалось 598 знаков.

Обычный китайский термин для первичных китайских знаков, включаемых в категории *сян син* и *чжи ши – вэнь*; для вторичных, составных из этих простейших *хой и* и *син шэн*, – *цзы*. Отсюда названия всей письменности в целом – *вэнь цзы*.

Не умаляя достоинств традиционной классификации, Ю. В. Бунаков полагает, что эта традиционная схема имеет и ряд недостатков, а именно: статичность, антиисторизм, более или менее точная констатация фактов, но полное отсутствие какой-либо последовательности в их интерпретации. Так, в этой схеме не указывается, к какому этапу относится тот или иной способ образования новых письменных знаков, на каком этапе и какой из них имеет наибольший удельный вес [Бунаков, 1940, с. 366].

Форма изобразительных знаков к настоящему времени претерпела такие изменения, что в них очень трудно узнать очертания изображавшегося ими в момент их образования предмета или явления. Ряд знаков, по типу относимых к древнейшим категориям, – весьма недавнего происхождения, например: указательные знаки «вогнутый» и «выпуклый» (рис. 5) и т. д.

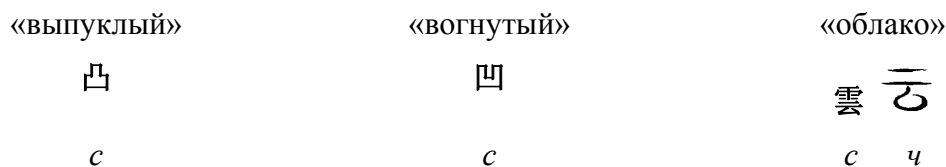

Рис. 5

С другой стороны, эта традиционная схема не отмечает перехода отдельных знаков из категории в категорию. В частности, при последующем присоединении семантического показателя к пиктограммам, ранее существовавшим самостоятельно, знак «облако», например, получает детерминатив «дождя». Таким образом, этот знак в первоначальном варианте относится к изобразительной категории, а во втором – уже нет [Там же, с. 366].

Справедливости ради Ю. В. Бунаков указывает на то, что в феодальной китайской филологии наблюдаются отдельные попытки исторического осмысления шести категорий. Так, ряд источников начинает эту в основном расположенную в исторической последовательности схему с изобразительных знаков; ряд источников, наоборот, считает древнейшими указательные знаки и т. д. Однако в дальнейшей последовательности категорий исторический принцип нарушается, ибо, например, заимствованные знаки являются частично более ранними, чем фонетические, и т. д. [Там же, с. 366].

В качестве других крупных недостатков этой традиционной схемы автор называет смешение нескольких принципов, между которыми

распределяются указанные шесть категорий. Так, только первые две категории – *сян син* и *чжи ши* – являются собственно категориями образования новых письменных знаков; *хой и* и *син шэн* представляют категории использования уже существующих знаков, входящих в определенных пропорциях в новые графические комплексы; *чжуань чжу* является категорией использования уже существующих знаков с незначительными вариациями в пределах начертания данного знака, и, наконец, *цзя цзе* – категорией использования существующих знаков без каких-либо графических изменений [Бунаков, 1940, с. 367].

Полагая, что эти два взаимопротивоположных принципа не должны быть одновременно основаниями деления тех или иных знаков на категории, Ю. В. Бунаков предлагает переосмыслить рассматриваемые этой схемой материалы, предлагая собственную концепцию (рис. 6).

Рис. 6. Эволюция китайских письменных знаков

Составляющие элементы этой схемы, изображающей структурную эволюцию системы китайских письменных знаков, он поясняет следующим образом.

1. Кинеграммы (от греч. *kinesis* «движение» и *grapho* «пишу») – первоначальные письменные знаки, при помощи которых при регистрации в письме простейших, конкретных понятий человек приблизительно очерчивал внешний вид, форму обозначаемых предметов. Таким образом, письменность этого участка своей эволюции состоит из примитивных рисунков – пиктограмм, главным образом изображающих различные явления природы, растительного и животного мира. Самые первые кинеграммы проявляются в орнаменте неолитической яншаоской керамики (III–II тысячелетия до н. э.). По мнению ученого, простейшие геометрические линии древнего орнамента имели семантическое осмысление, и лишь позднее орнамент перерождается в декоративный узор не всегда легкоуясняемого значения (рис. 7) [Бунаков, 1940, с. 357].

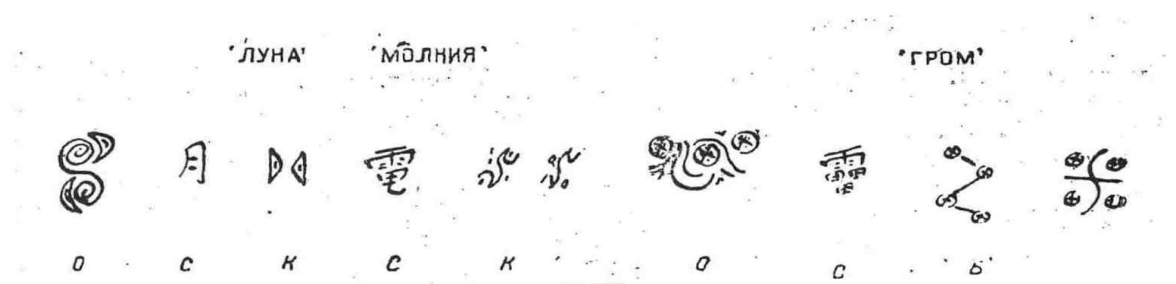

Рис. 7

Дальнейшие этапы развития структуры письменных знаков прослеживаются в надписях на фрагментах гадательных костей и бронзовых жертвенных сосудах эпохи разложения первобытно-общинного строя и ранних периодов классового общества в Китае. В этих надписях к кинеграммам Ю. В. Бунаков относит почти все цифры (одна, две, три и четыре горизонтальные линии – для первых четырех цифр, вертикальная – для «десяти» и т. д.); ряд диффузных, нерасчлененных конкретно-абстрактных понятий, например: «верх» и «низ» – точка или короткая линия над и под горизонталью, т. е. нечто над и под горизонтом соответственно, и т. д. (рис. 8).

2. Диффузные пиктограммы – «диффузное, нерасчлененное обозначение целого комплекса понятий (предметов и действий), отражающее диффузность, нерасчлененность мышления; подобных пиктограмм в чистом виде памятники китайского письма (сохранившиеся, как уже говорилось выше, от значительно более поздних эпох дифференцированного, понятийного мышления) так же не могли сохранить, как и чистых кинеграмм» [Там же, с. 358].

3. Схематические дифференцированные пиктограммы – письменные знаки, обозначающие одиночные предметы или явления. Эти дифференцированные пиктограммы вначале чрезвычайно примитивны, представляют собой крайне схематичное изображение главным образом

конкретных явлений («баран», по принципу «целое передается через часть», обозначается двумя изогнутыми линиями – рога в фас и т. д.) [Бунаков, 1940, с. 358].

4. Картинные дифференцированные пиктограммы – знаки, которые по мере накопления графических навыков и с учетом эволюции общества получают значительно большую картинность, сближающую ее с развитым пиктографическим письмом северных народов и древних египтян: к рогам барана пририсовываются два глаза или абрис морды, в отдельных случаях дается профильное изображение всего животного с такими деталями, как годовые наслоения на рогах и т. д. (рис. 9).

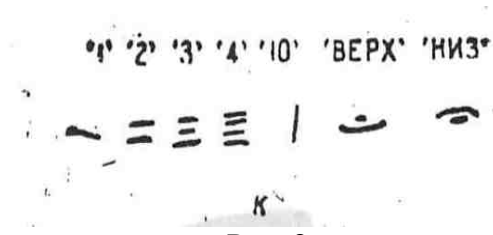

Рис. 8

Рис. 9

5. Комплексные пиктограммы – знаки, посредством которых «китайское письмо подходит к передаче абстрактных и усложненных конкретных понятий через комплекс накопленных в богатом выборе конкретных знаков» [Там же, с. 359]. Так, в комплексной пиктограмме «пастбище» содержатся знаки: «баран» или «корова (а); «палка в руке», которой пастух подгоняет скот (б); «след ноги», символизирующий передвижение пастуха или стада (с), и «дорога», по которой скот выгоняется на пастбище (д). Комплексная пиктограмма «окружать, кружиться вокруг, сходиться со всех сторон, охранять» состоит из квадрата, окруженного четырьмя (или двумя) знаками, изображающими «след ноги», или знака, означающего перекресток дороги, и нескольких знаков, изображающих «след ноги» и сходящихся с четырех сторон к центру перекрестка (рис. 10).

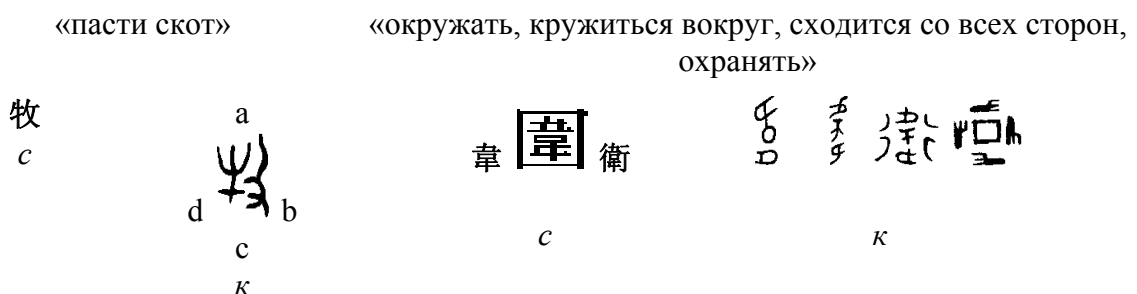
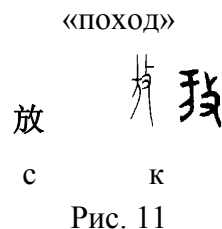

Рис. 10

6. Синтеграммы (от греч. *synthesis* «сочетание» и *grapho* «пишу») – идеограммы, первоначально характеризующиеся сочетанием нескольких простых пиктограмм или кинеграмм. Так, понятие «поход» обозначалось схематичным изображением нескольких человеческих фигур и, по всей видимости, тотемного значка, с которым войны отправлялись в поход (рис. 11).

7. Идеограммы (также собственно идеограммы) – знаки, стадийно, очевидно, более поздние, обозначавшие абстрактные понятия через связанные с ними главным образом функционально конкретные [Бунаков, 1940, с. 360]. Так, понятие «центр» передается изображением мишени с вымпелами, указывающими силу и направление ветра, учитываемые при стрельбе из лука; понятие «достигать» – изображением знака стрелы, попавшей в цель или воткнувшейся в землю. В знаке, обозначающем абстрактное понятие «благотворное воздействие высших сил», мы узнаем один из вариантов изображения конкретного понятия – «дождь» (некто приходящее сверху, сначала в конкретном представлении, затем в абстрактном) и т. д. (рис. 12).

Рис. 12

8. Омофонограммы – знаки, которые в одном случае используются по их значению «как пиктограмма или идеограмма, в другом – отвлекаясь от его значения, по его звучанию, как фонетическая запись, транскрипционный знак». Например, письменный знак, означавший «жертвенный сосуд», был закреплен за вытекающим отсюда понятием «полный» (← «сосуд, полный жидкости»). В то же время при употреблении этого знака для обозначения понятия «счастье» к нему присоединялась идеограмма «благотворное воздействие высших сил», обозна-

чающая, что слово, изображаемое этим знаком, относится к кругу понятий, связанных с «потусторонним» миром, миром непонятных для человека грозных сил природы (рис. 13) [Бунаков, 1940, с. 361].

Рис. 13

9. Идеофонограммы – знаки, в которых часть знака – детерминатив, семантический показатель – указывает на приблизительное произношение этого слова в период его образования. Такие знаки начинают формироваться после накопления в письме значительного количества омофонограмм, разграничение которых возможно было лишь при добавлении к знаку дополнительного элемента – детерминатива. Например, пиктограмма «находиться спиной к спине» → «спина» закрепляется идеографически за понятием «север». Для обозначения же понятия «спина» к указанной пиктограмме приписывается детерминатив «мясо» (рис. 14).

Рис. 14

10. Синтефонограммы – идеофонограммы, в которых одна из нескольких частей знака имеет одновременно и семантическое, и фонетическое значение, т. е. дает указание и на содержание знака, и на его чтение.

Из сопоставления с традиционной схемой видно, что зарегистрированные в китайской традиции способы образования знаков, в общем, совпадают с основными принципами образования китайских письменных знаков, сформулированными ученым. Так, изобразительные знаки – это в основном пиктограммы, указательные – кинеграммы, синтетические – синтеграммы, фонетические – синтефонограммы или идеофонограммы, заимствованные – идеограммы или омофонограммы и т. д. [Там же, с. 366].

Ю. В. Бунаков полагает, что в период формирования большого количества омофонограмм китайское письмо «возвращается с фонетического пути, на который она встала использованием омофонограмм, на

путь идеографический» [Бунаков, 1940, с. 362]. Факт возвращения китайской письменности на идеографический путь ученый видит в ряде причин: «в большом количестве омофонов или полуомофонов в китайском языке того времени, в исключительном богатстве пиктографических и идеографических знаков, накопленных к тому времени китайской письменностью» [Там же, с. 363]. Ю. В. Бунаков утверждает, что ко времени написания его статьи подавляющее большинство (по разным подсчетам до или более 80 %) всего состава существующих китайских письменных знаков относится к типу идеофонограмм. Таким образом, последние представляют ведущий элемент современной китайской письменности, и именно поэтому ей более соответствует термин «идеофонографическая письменность» [Там же, с. 365].

Отстаивая позиции неперемного движения любой письменности к фонетическому типу, Ю. В. Бунаков акцентирует внимание на том, что китайская «идеофонографическая письменность» находится, по его мнению, на промежуточном этапе между идеографическим и фонетическим письмом. Понимая дискуссионность данного тезиса, мы вместе с тем полагаем, что выстроенная автором схема изменения структурной линии китайской письменности и предложенная им терминология для обозначения письменных знаков во многом и сегодня не утратили своей актуальности.

Литература

Бунаков Ю. В. Китайская письменность // Китай, история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость : сборник. Ленинград, 1940. № 1. С. 352–384.

Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности : монография. М. : Восток-Запад, 2007. 282 с.

Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин : монография. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.

УДК 882-31

О. Ю. Юрьева, Ван Ланьцзюй

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОБРАЗ КУТУЗОВА В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ЛАО-ЦЗЫ

Аннотация. Авторы обращаются к различным интерпретациям толстовского образа М. И. Кутузова в контексте соотношения персонажа с исторической личностью. Акцентируется внимание на возможности рассматривания образа полководца через призму философии Лао-цзы в литературно-переводческом восприятии Л. Н. Толстого.

Ключевые слова: Лао-цзы, Л. Н. Толстой, М. И. Кутузов, «Война и мир».

CHARACTER STUDY OF KUTUZOV IN LEO TOLSTOY'S NOVEL
«WAR AND PEACE» IN THE CONTEXT OF LAO-TSE'S IDEAS

Abstract. The authors consider various interpretations of Tolstoy's character Kutuzov in the context of its correlating to the historical personality and focus on the possibility of viewing the character through the prism of Lao-tse's philosophy in the literary-translational perception of Leo Tolstoy.

Keywords: Lao-tse, Leo Tolstoy, Mikhail Kutuzov, «War and Peace».

Обращаясь к проблеме изображения М. И. Кутузова писателем Л. Н. Толстым и интерпретируя образ полководца в контексте идей древнекитайской философии, следует отметить, что и в пору появления романа «Война и мир» (1867–1869), и позднее историческая сторона романа вызывала разноречивые суждения. Главное, что привлекало Толстого в Кутузове, было сформулировано им в ранних набросках к роману: «Заслуга, великая заслуга Кутузова – и едва ли был в России другой человек, имевший эту заслугу, состояла в том, что он своим старческим созерцательным умом умел видеть необходимость покорности неизбежному ходу дел, умел и любил прислушиваться к отголоску того общественного события (оставление Москвы без боя. – *В. Л.*) и жертвовать своими личными чувствами для общего дела» [Билинkis, 1987].

Толстой создает свою «историю-искусство» по человеческим меркам и понятиям. У писателя была одна мерка, общая для исторического деятеля и для простого человека: действительная ценность человека измеряется дробью, числитель которой – достоинства человека, а знаменатель – то, что он о себе думает. Величина числителя – это соответствие личности меркам «народной правды», законам естественной жизни людей, критериям нравственности и простоты. Несомненно, что эти философские доктрины сформировались у Толстого под влиянием учения Лао-цзы, книгу которого «Дао дэ цзин» Толстой не только внимательно перечитывал, но и переводил, пользуясь немецким переводом, выполненным Фридрихом Штраусом.

В основе образа Кутузова – идеи Лао-цзы, который говорил: «Совершенномудрый живет в мире спокойно и в своем сердце собирает мнения народа. Он смотрит на народ, как на своих детей»; «мудрец не имеет обычную душу, а рассматривает народную волю как свою»; «совершенномудрый не имеет постоянного сердца. Его сердце состоит из сердец народа». Действия Кутузова, описанные Толстым в романе, всегда соответствуют общенародному чувству. Историческое в нем проявляется как народное, национальное и потому – нравственное. Толстой с исчерпывающей глубиной раскрывает психологию полководца народной войны, в которой, как показал писатель, проявились лучшие стороны национального русского характера.

Кутузов понимает, что «есть что-то значительнее и сильнее его воли, – это неизбежный ход событий». Он умеет отречься от своей воли, направленной на другое. Толстой признал Кутузова «единственным историческим лицом, сумевшим угадать требования и волю народа». Кутузов «чувствовал всегда вместе с народом», – так понял и так характеризовал его Толстой.

Любовь к народу, чувство ответственности за него были настолько сильны в Кутузове, что он готов был пожертвовать собственной репутацией во имя спасения русских солдат. Именно этим объясняется странное желание Кутузова представить положение во вверенном ему войске хуже, чем оно было на самом деле [Толстой, 1996].

В каждом жесте, в каждом слове Кутузова сквозит доброта, любовь и естественность, что Лао-цзы, а вслед за ним и Толстой полагали главным в человеке. Писатель передает разговор солдат, благодарно называвших Кутузова «отцом». И это, как полагал Толстой, – лучшая награда для правителя. Ведь, как говорил Лао-цзы, «реки и моря потому могут властвовать над равнинами, что они способны стекать вниз. Поэтому они могут властвовать над равнинами. Когда (совершенно-мудрый) желает возвыситься над народом. Он должен ставить себя ниже других. Когда он желает быть впереди людей, он должен ставить себя позади других. Поэтому, хотя он и стоит над народом, но народу он не в тягость; хотя он и находится впереди, народ ему не вредит. Поэтому люди с радостью выдвигают его и от него не отворачиваются. Он не борется, благодаря чему он в мире непобедим» [Ян, 1950].

Кутузов действует вопреки «науке о войне», руководствуется только мыслью о том, как спасти армию, и потому побеждает. Во время отступления после Аустерлица, «вместо наступательной, глубоко обдуманной, по законам новой науки – стратегии, войны, план которой был передан Кутузову в его бытность в Вене австрийским гофкригсратом, единственная, почти недостижимая цель, представлявшаяся теперь Кутузову, состояла в том, чтобы, не погубив армии подобно Маку под Ульмом, соединиться с войсками, шедшими из России» [Толстой, 1996]. Поддерживать высокий дух в войске, давать солдатам надежду и веру – главная цель Кутузова, понимавшего, что сломленный духом солдат не способен храбро сражаться.

Сила полководца проявилась в том, что «тогда, когда событие было настоящим, никто, кроме Кутузова, не понимал его значения» [Там же]. Так, он не торопится выполнять приказ императора о вводе войск в бой во время Аустерлицкого сражения, понимая, что боевой дух солдат очень низок, и на победу надеяться нельзя, и провидческое чувство, рожденное любовью к солдатам, его не обманывает.

Как будто дословно следуя заветам древнекитайского мудреца, Кутузов не имеет ничего личного, ничего не открывает, ничего не делает. Однако он тщательно вслушивается и всматривается в происходящее вокруг, запоминает мельчайшие детали. Он, как завещал Лао-цзы, не мешает полезному и не совершает вредное.

Кутузов понимает, что есть какая-то мощнейшая сила, гораздо более важная, чем его воля, – это естественный процесс развития самого события. Русский полководец способен подчинить свою волю этой силе, он не торопит события, не возвышается над событиями, а избирает своим девизом «терпение и время». И каким бы «глупым и бестолковым» он ни казался окружающим его офицерам, привыкшим к другой тактике поведения и действий, он выжидает удобный момент, чтобы взять реванш. Он действует, как завещал китайский мудрец: «Кто, зная свою храбрость, сохраняет скромность, тот (подобно) горному ручью, становится (главным) в стране. Кто становится главным в стране, тот не покидает постоянное Дэ и возвращается к состоянию младенца. Кто, зная праздничное, сохраняет для себя будничное, тот становится примером для всех. Кто стал примером для всех, тот не отрывается от постоянного Дэ и возвращается к изначальному. Кто, зная свою славу, сохраняет для себя безызвестность, тот становится главным в стране, тот достигает совершенства в постоянном Дэ и возвращается к естественности. Когда естественность распадается, она становится средством, при помощи которого совершенномудрый становится вождем и великий порядок не разрушается» [Ян, 1950].

Поведение Кутузова во время совещания в Филях кажется по меньшей мере странным. Но странным это поведение кажется тому, кто не знает, чему учил Толстого великий китайский мыслитель: «Кто имея знания, делает вид, что не знает, тот выше всех. Кто, не имея знаний, делает вид, что знает, тот болен. Кто, будучи больным, считает себя больным – тот не болен. Совершенномудрый не болен. Будучи больным, он считает себя больным, а потому не болен» [Там же].

Толстой показывает, как в самый напряженный момент Бородинского сражения Кутузов выглядит почти безучастным и будто отрешившимся от происходящих событий. Л. Толстой объясняет это тем, что «долголетним военным опытом он знал и старческим умом понимал, что решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следит за этой силой и руководит ею, насколько это было в его власти» [Толстой, 1996]. Кутузов понимал, что, несмотря на огромные потери, несмотря на то, что на некоторых участках боя неприятель имел успех, решающим для исхода сражения становится стойкость русских войск.

Почти дословным переложением идей Лао-цзы являются рассуждения Толстого, предваряющие рассказ о Бородинском сражении: «Большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего. И эти-то люди были самыми полезными деятелями того времени» [Толстой, 1996]. Эти мысли навеяны Толстому рассуждениями Лао-цзы: «Нужно осуществлять **недеяние**, соблюдать спокойствие и вкушать безвкусное. Великое состоит из малого, а многое – из немногого» [Ян, 1950].

Заслуга Кутузова не состояла в каком-нибудь гениальном, как это называют, стратегическом маневре, а в том, что он один понимал значение совершившегося события. Он один понимал уже тогда значение бездействия французской армии, он один продолжал утверждать, что Бородинское сражение было победой; он один – тот, который, казалось бы, по своему положению главнокомандующего должен был быть вызван к наступлению, – все силы свои употреблял на то, чтобы удержать русскую армию от бесполезных сражений.

Не желая участвовать в бессмысленных сражениях, Кутузов рассуждает так же, как Лао-цзы: «“Они должны понять, что мы только можем проиграть, действуя наступательно. Терпение и время, вот мои воины-богатыри!” – думал Кутузов» [Толстой, 1996]. У Лао-Цзы читаем: «Кто служит главе народа посредством Дао, не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы. Истинный полководец побеждает, и на том останавливается, и он не осмеливается осуществлять насилие. Он побеждает и себя не прославляет. Он побеждает и не нападет. Он побеждает и не гордится. Он побеждает потому, что его к этому вынуждают. Он побеждает, но не воинствен. Когда существо, полное сил, становится старым, то это называется отсутствие Дао. Кто не соблюдает Дао, погибнет раньше времени» [Ян, 1950].

Народное торжество на Бородинском поле, победа над Наполеоном осмысливается писателем с морально-философской точки зрения как победа справедливости, человечности над злом жизни. Нравственное поражение Наполеона подчеркивает мысль о величии народного сознания, народного духа. Ведь именно в «естественных» законах жизни простого народа Толстой видел идеал, к которому должны стремиться люди господствующего класса.

Призвав на помощь «двух непобедимых солдат» – «терпение и время», Кутузов «обязательно ждет подходящего случая и действует», а «действует в соответствии с обстоятельствами» [Там же].

«Недеяние», или У-вэй, – одна из основных составляющих учения Лао-цзы: «Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего

такого, чтобы оно не делало. Если знать и государи будут его соблюдать, то все существа будут изменяться сами собой [Ян, 1950]»; «Страна управляется справедливостью, война ведется хитростью. Поднебесную получают во владение надеянием» [Там же]; «Нужно осуществлять надеяние, соблюдать спокойствие и вкушать безвкусное. Великое состоит из малого, а многое – из немногого. На ненависть надо отвечать добром» [Там же].

Кутузов Толстого – это русское воплощение восточного мудреца, руководствующегося учением У-вэй (недеяние). В момент ожесточенных споров и битв он может находиться в тишине, спокойно слушать, наблюдать, выжидая удобный момент для действий. Это, по Толстому и Лао-цзы, – совершенное воплощение воли Бога: «Нужно сделать свое сердце предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам останется лишь созерцать их возвращение» [Там же]; «В поднебесной самые слабые побеждают самых сильных. Небытие проникает везде и всюду. Вот почему я знаю пользу от недеяния. В поднебесной нет ничего, что можно было бы сравнить с учением, безмолвия и пользой недеяния» [Там же]. Военное искусство гласит: я не смею первым начинать, я должен ожидать. Я не смею наступать хотя бы на вершок вперед, а отступаю на аршин назад. Это называется действие посредством недеяния, ударом без усилия. В этом случае не будет врага и я могу обходиться без солдат. Нет беды тяжелее, чем недооценивать противника. Недооценка противника повредит моему сокровенному средству (Дао). В результате сражение те, кто скорбит, одерживают победу [Там же].

Но это вовсе не означает, что Толстой изображает Кутузова пассивным и безвольным созерцателем чужой воли. Толстой неизменно подчеркивает его опытность, которая реализуется в романе как огромная моральная вдохновляющая сила, незримо направляющая и угадывающая ход событий. Кутузову внимает вся армия, настроения и воля которой хорошо известны ему – знатоку солдатского сердца, старому командующему русскими войсками. Его «стариковские речи» удивительно хорошо понимает армия. Ему верят. В сценах, когда Кутузов спит (во время чтения Вейротером «диспозиции»), Толстой вовсе не подчеркивает его пассивность и безучастность: тут изображено равнодушие Кутузова к тем вещам, которые, по его мнению, на войне не имеют никакого смысла. Спокойствие и сонливость Кутузова всегда сменяются в нужную минуту решительными проявлениями его воли, прочно связанной с уверенностью в силе духа той армии, которой он руководит. Он может гневно бросить генералам: «Извольте делать, что вам приказывают!».

Уже в сценах Аустерлицкого сражения Толстой оттенил особенности хладнокровия и спокойствия Кутузова. Писатель показывает полководца замечательным главнокомандующим, быть адъютантом которого так счастлив Андрей Болконский. В тяжелые минуты Аустерлица «старый, толстый сонный придворный и ленивый главнокомандующий, как его называли молодые приближенные государя, – мгновенно преобразился, став красивым, величественным и твердым мужем». Толстой говорит о решительном выражении тонких губ Кутузова и энергии его настроения. Неоднократно писатель подчеркивает, насколько сильна воля Кутузова, убежденного в неминуемой гибели французов, не сомневающегося, что «будут же они лошадиное мясо жрать, как турки». Толстой обращает особое внимание на необычайную силу прозрения Кутузова, причем источник он усматривает в том народном чувстве, которое русский главнокомандующий носил в себе во всей чистоте и силе его.

Финал линии Кутузова в романе потрясает своей художественной правдивостью: слившийся с массой солдат, партизан, мужиков, баб, Кутузов «знал, что зверь ранен так, как только могла ранить русская сила». Он чувствовал, что тот «страшный удар, в котором он вместе с другими русскими людьми напруг все свои силы, должен был быть смертельным». В свои долгие бессонные ночи он нетерпеливо вычислял те дни, когда враг будет изгнан из пределов родины. «Погибель французов, предвиденная им одним, было его душевное, единственное желание». Во всех своих проявлениях Кутузов прост и естественен. Когда Болховитинов сообщил ему о том, что Наполеон ушел из Москвы, «вдруг лицо его сщурилось, сморщилось; он, махнув рукой на Толя, повернулся в противоположную сторону, к красному углу избы, черневшему от образов.

– Господи, создатель мой! Внял ты молитве нашей... – дрожащим голосом сказал он, сложив руки. – Спасена Россия. Благодарю тебя, господи! – И он заплакал» [Толстой, 1996].

Но в этой простоте и естественности – величие полководца. Как сказал Лао-цзы, «великое похоже на несовершенное, но его действие (не может быть) нарушено; великая полнота похожа на пустоту, но ее действие неисчерпаемо. Великая прямота похожа на кривизну; великое остроумие похоже на глупость; великий оратор похож на заику. Ходьба побеждает холод, покой побеждает жару. Спокойствие создает порядок в мире» [Ян, 1950].

Описывая сцену награждения Кутузова, Толстой подчеркивает, насколько незначительными являются все те условности, которые придумали люди, чтобы тешить свое самолюбие: «Кутузов поднял голову и долго смотрел в глаза графу Толстому, который, с какой-то маленькою вещицей на серебряном блюде, стоял перед ним. Кутузов, казалось, не понимал, чего от него хотели. Вдруг он как будто вспомнил: чуть за-

метная улыбка мелькнула на его пухлом лице, и он, низко, почтительно наклонившись, взял предмет, лежавший на блюде. Это был Георгий 1-й степени». «Маленькая вещица», «предмет» – и действительно, какими наградами можно измерить то, что сделал этот дряхлый одноглазый старик для своего народа? Он выполнял свой долг, не помышляя о наградах, он сделал свое дело, и... «представителю народной войны ничего не оставалось, кроме смерти. И он умер» [Толстой, 1996]. Но ведь, как сказал великий китайский мудрец, «кто умер, но не забыт, тот бессмертен» [Ян, 1950].

Литература

- Билинкис Я. Человековедение Толстого // Вопр. лит. 1987. № 2. С. 246–252.
Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч. В 8 т. Т. 3, 4. М.: Лексика, 1996.
Ян Хиншун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л., 1950.

УДК 811.581.11

Ян Пин

Нанькайский университет, Тяньцзинь

Ю. О. Корешкова

Иркутский государственный университет, Иркутск

СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ НА ЗАНЯТИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. За последние годы в России значительно выросло количество людей, изучающих китайский язык. На фоне непрерывного развития стратегии «Один пояс – один путь» всестороннее сотрудничество между Китаем и Россией постоянно растет, в связи с чем повышается спрос на специалистов, владеющих китайским языком. В статье излагаются результаты изучения китайского языка на занятиях в России, полученные в ходе исследования имеющихся материалов. На основе анализа выявленных проблем предлагаются некоторые стратегии по их решению и повышению качества и эффективности преподавания китайского языка.

Ключевые слова: изучающие китайский язык, поведение на занятии, эффективные стратегии.

杨平

南开大学, 天津

尤利亚 科列什科瓦

伊尔库茨克国立大学, 伊尔库茨克

对外汉语教学课堂行为管理的有效策略

摘要: 近年来, 汉语学习在俄罗斯不断升温。在“一带一路”建设不断推进的背景下, 中俄全方位合作不断升级, 汉语人才需求与日俱增。文章通过调查分析, 阐述俄罗斯境内汉语学习者的课堂问题行为表现, 在分析所存在问题的基础上提出有利于解决问题的有效策略, 服务于提高汉语教学的质量和效率。

关键词: 俄罗斯汉语学习者; 课堂问题行为; 有效策略

本文的研究对象是俄罗斯境内的本土汉语学习者，授课教师分为中国汉语教师（汉语为母语）和俄罗斯本土汉语教师。授课机构分为：国立、私立的中小学、职业中专、大专、大学、语言培训机构、孔子学院和孔子课堂。目前也有一些幼儿园开设汉语兴趣班，但数量不多。鉴于幼儿二语习得的特殊性，本文暂不做研究分析。不同的教学机构有着不同的教学对象，分别为中小學生、中专生、大专生、大学生、研究生、博士生、儿童和社会成年人甚至老年人。汉语课程设置类型分为：第二、三外语，专业课，必修课（计学分），选修课（计学分、不计学分），业余兴趣班，职业技能提升班，比如商务汉语、旅游汉语、法律汉语。授课教师组合类型分为三种：单一中国汉语教师（汉语为母语）、单一俄罗斯本土汉语教师、中国汉语教师和俄罗斯本土汉语教师搭档。不同的学习对象（年龄跨度大），不同的学习动机，不同的职业背景，不同的宗教信仰，不同的授课类型，不同的授课教师，完全不同于母语屈折语的东方孤立语，不同文化的交汇，必然产生不同的课堂问题行为。那么如何才能能在汉语教学中营造良好的课堂气氛，提升学生学习的积极性，提高教与学的质量，是本文致力于解决的问题。本文将采用辩证分析法，因地制宜，因材施教，从教学主体汉语教师的角度出发，探讨如何通过自我调整和提升，有效进行课堂行为管理，达到迅速提高教学质量的效果。

二、课堂行为管理重要性

课堂管理是指教师为了有效利用时间、创设良好的学习环境、减少不良行为而采取的各种活动和措施。在课堂教学中，教师除了“教”的任务外，还有一个“管”的任务，也就是协调、控制课堂中各种教学因素及其关系，使之形成一个有序的整体，以保证教学活动的顺利进行。这一活动即为通常所说的课堂管理。

课堂问题行为是教师经常遇到而又非常敏感的问题，处理不好，会损害师生关系和破坏课堂气氛，影响教学效率。如果教师在懂得预防、监督的同时，能及时巧妙地处理，就会将事端消灭在萌芽状态，这是课堂管理的一个重要组成部分。

三、俄罗斯学生课堂行为表现

俄罗斯学生课堂行为表现有其共性，也有其个性。正面积极的课堂行为表现不在本文中赘述。负面消极的课堂行为表现将通过调查分析法逐一列举。

- 1、上课迟到、无故旷课；
- 2、课堂上睡觉、玩手机、交头接耳，甚至大声喧哗，课堂纪律混乱；

3、拒绝回答问题，拒绝参加课堂小组活动，拒绝做测试；
4、回答问题时回避汉语，多使用母语；单独读汉字时，羞于张口；
5、不做课堂笔记，不愿意写汉字，选择用手机拍板书，但课后并不复习；不及时或者完全不做课后作业；

6、轻度的种族歧视，嘲笑讥讽学习落后的学生。比如，我所教授的学生中有一位布里亚特族学生。一次他上课忘记带教材，我要求大家轮流读单词课文。同桌的俄罗斯族女孩有书，但她毫不避讳的转过身去，用手挡着自己的书，不让这位布里亚特学生看。布里亚特学生觉得很尴尬。他入班稍晚，一开始学习起来比较吃力，发音生硬。每次请他读单词课文，个别学生会毫不遮掩地哈哈大笑，非常不礼貌。

7、同学之间存在妒忌现象；教师夸奖或者纠错的方式不恰当，同样会引起课堂问题行为。表现为学生不服气，自尊心受打击后厌学，嘲笑他人等。

8、学生好强，自尊心强。偶尔一次测试结果不理想或者问题回答得不好，便会情绪低落，无精打采。

9、汉语水平参差不齐，上课时有的学生觉得讲得太慢，内容太容易；有的学生却抱怨讲得太快，内容太难。

10、学生本身不喜欢学语言，被迫选择学汉语，存在抵触心理。课堂上不学，更不配合教师做活动。

11、拿文化差异和老师开低俗玩笑。不尊重中国老师，或者不尊重其他学生。

12、课堂中也会出现“非预设事件”，即突发事件或紧急事件，在教师预料之外。例如学生质疑老师；学生之间吵架；突然停电，PPT无法播放；电脑坏了，无法用多媒体进行教学等。

四、原因解析

课堂问题行为的产生主要有学生自身、教师和外界环境因素三个方面的原因。

1、年青人喜欢熬夜上网玩游戏、聊天、看电影，参加聚会，导致第二天无法按时起床。

2、家庭原因。俄罗斯学生比较独立。单亲家庭的学生要帮助照顾年幼的弟弟妹妹或者兼职工作挣钱贴补日常开销。一些学生在读期间已结婚生子，也需要照顾家庭和年幼的子女，有时无法兼顾学业。

3、汉语学习焦虑。这是汉语非母语学生学习汉语普遍存在的问题。引起汉语学习焦虑的原因很多，如课堂教学活动、师生之间的交流、学习内容、课堂竞争、文化冲突、语言测试等，其中因汉语本身的特点而产生的学习困难是最容易让人感到焦虑的原因 [施仁娟, 2007]。从对外汉语教学的角度来看，汉语的主要特点是声调、汉字和

无形态标志。汉语的这些特点对俄罗斯学习者来说，在其母语俄语中是没有的。汉语学习难度的日益增加，降低了部分学生汉语学习的积极性，增加了汉语学习的焦虑感。

4、对汉语教师本人、教师的准备不足、经验不足、突然的教学调整、教师的个人偏好、教学内容不合理（太难或者太简单）、教学方法、课堂设计不喜欢，听不懂，学不会。文化差异，与教师沟通不畅，产生跨文化交际障碍。

5、教学机构对学生迟到、旷课等违规行为没有进行严格的管控，只要期末考试通过就有学分；授课教师在第一堂课没有和学生共同制定行之有效的课堂管理规则，即使制定了，但没有坚持执行，这些因素都导致迟到、旷课成为普遍现象，严重影响了课堂教学效果。

6、父母做主强制孩子选择汉语，学生本身对汉语并不感兴趣。

7、汉语作为选修课或者兴趣课，没有引起学生足够的重视。

8、单一国别班，母语相同，生活环境、文化教育背景相同，彼此交流的兴趣不高，所以课堂氛围不容易调动，而且课堂上喜欢用母语交流。

9、教学机构不合理的教学设置安排，也会影响学生汉语学习的积极性和效果。比如连续6个学时均为汉语课，学生极度疲劳，授课教师也唇干舌燥，体力透支；午饭后最易乏困时上汉语课；上课时间或地点不固定，信息有变时，教务人员没有及时通知学生，或者通知信息有误。

五、建议解决对策或者策略

1、从跨文化交际角度解析，主要涉及中国汉语教师。

中国汉语教师教授汉语的过程也是跨文化交际的过程。语言作为文化的载体和流传媒介，是文化的外在表现形式[况新华、曾剑平, 1999]。所以汉语的教与学也是文化交流的一种表现形式，可遵循以下原则：

1.1 尊重他者（文化适应策略）。即尊重俄罗斯本土文化习俗。学会融合，保持部分原有文化，接受部分新文化的价值观念与行为方式。

1.2 不做布道者，而做中介者。

以学生为中心，教师作为引导者。把教师‘讲’文化变成学生‘做’文化，如讨论、演讲、案例分析、小组任务、角色扮演、观察与采访等都是适合学生‘做’文化的活动。在文化学习的过程中，教师扮演的角色有：文化教学的设计者、文化知识的咨询者、探讨文化意义的引导者、文化行为的训练者、文化态度转变的促进者、跨文化交际的中介者等[祖晓梅, 2015]。

1.3 切忌照本宣科，只讲解文化现象，只介绍可见的文化行为和习俗，而缺少对文化背后原因的分析，学生很容易形成刻板印象，甚

至会产生‘这种文化很奇怪’的想法。知其然还要知其所以然。文化教学中我们可以把文化产品，行为习惯和文化观念结合起来讲。文化现象背后的典故、传说都是很好的教学材料。很多俄罗斯同事就问过我：为什么中国人新年喜欢穿红色，吃饺子，门框上为什么要贴红纸。可见很多文化现象众所周知，而对现象背后的文化内涵却不了解。

2、从课堂教学设计上解析，涉及中俄汉语教师。

澳大利亚心理学家 Bill Roger [Roger, 2011] 认为课堂之内的有效管理策略重点是在有效教学上。无论是中国汉语教师还是俄罗斯本土汉语教师都应当精心设计自己的课堂教学环节，认真准备课堂中的每一个提问，对学生多使用鼓励性话语。用心的教师甚至提前备完一学期的课程，对教材有整体把握，对于可能出现的问题提前预知。成功的教学案例无一不经过精心准备、反复推敲、反复论证。一节课如果不能调动大部分同学积极参与，那问题出在老师身上，课堂教学内容设计有问题，需要课后反思、改进。

2.1 首先全面了解教学大纲、教学计划、课程设置，明确教学目标。从宏观上把握教学方向。

2.2 充分了解教学对象，对其年龄、民族特征、宗教文化信仰、专业学习背景、职业背景、学习动机、兴趣爱好都要有所了解，这样才能有的放矢，根据学生汉语水平，结合学生感兴趣的话题开展教学。课堂活动丰富多彩，考察方式多样，学生任何好的表现，应该及时给予恰到好处的鼓励和肯定，引导学生充满自信地参与到学习过程中来。难度要适宜。比如，心理学研究表明，不同年龄的人，注意力稳定持续的时间有所不同 [王巍、孙淇, 2011]。大多数学生认为学习枯燥，所以注意力稳定时间可能会更短。教师应采取有针对性的方法，解决注意力不集中的问题。优化课程设计，合理分配时间，任何一个教学环节不宜拖沓冗长，多种教学法交替使用，劳逸结合，根据教学节奏适当转换话题，设计丰富的课堂活动。

2.3 注意关心落后和有学习困难的学生。一些学生因各种原因跟不上进度，以至于越落越远。结果可能使他们对学习失去信心，进而不来上课或在课堂上睡觉，这不仅对其本身的学习不利，还会破坏课堂气氛。对于这样的学生，教师课后多给他们一些关心和鼓励，帮助他们找到正确的学习方法，因材施教。

2.4 建立良好的专业形象。要想让学生接纳、认可并在教学过程中配合你，首先要在学生中间树立一个良好的教师形象。首先衣着应得体，落落大方，言谈举止文雅，语速适中，口齿清晰，声音洪亮；其次，对于学校的一切规章制度应当身体力行；语言本体知识要过硬，了解汉语作为第二语言教学的性质和特点。

2.5 与学生建立良好师生关系。在课堂上，老师不能居高临下，而是要和学生平等相处，关心尊重学生，一视同仁，不存偏见。比如，第一堂课努力记住每个学生的名字，每逢课上遇到学生过生日，可以教学生如何祝福别人，也可给学生送小礼物。通过调查得知，大部分俄罗斯学生认为个人生日是最重要的节日。人无完人，老师犯了错误，也要真诚地向学生道歉。严于律己，言而有信，以身作则，为人师表。学生信服老师，就会逐渐自觉配合老师做课堂活动。

2.6 中俄汉语教师搭档教学，要相互学习，取长补短，不能相互拆台。

中国汉语教师在语音、语用、中国文化认知方面有明显的优势。但如果俄语不流利，又缺乏教学经验，很难把语法问题讲明白，和学生的交流沟通也会产生障碍。俄罗斯汉语教师在课堂教学过程中无语言和文化沟通的障碍，相对于中国汉语教师，更加了解俄罗斯学生学习汉语的特点、难点和困惑。教学过程中，难免出现同一问题不同答案。遇到这种情况，中俄教师要以科学的态度，认真研究探讨，或请教专家，或查找权威教学材料，反复论证，找到正确答案，给学生一个准确的解释。学到老，学到老。俄罗斯也有«Век живи – век учись»的俗语。不能各持己见，拒绝合作。互相听课，指出优缺点；一起备课，合理安排教学进度。共享好的学习、教学资料，经常参加汉语教学技能培训，向专家学习。

2.7 制定行之有效的课堂行为准则。

新课伊始，和学生们共同讨论并制订出一套课堂准则。这套准则首先要和学校的规章制度相一致。课堂准则一旦通过，便要严格执行，不能朝令夕改。在具体实施过程中，也要讲究策略，比如发现问题，要引导学生更多的关注这种不良行为如何不对，会造成什么后果等，而不要过多关注犯错误的个人。以免伤害学生的尊严。当你要求学生做什么的时候，最好正面引导，你要告诉他们做什么，而不要总说“不要做什么”。从心理学的角度看，有时候越是限制，越会激起学生们做的念头。另外要注意整体引导，关注个体。对于个别有问题的学生，要耐心沟通，必要时也可向学生、教务人员或者家长寻求帮助。但要注意保护学生个人隐私。

2.8 根据实际情况，采取灵活的教学方法。

良好的课堂气氛与教师所采用的教学方法有着直接关系。目前俄罗斯普遍采用语法翻译教学法。单一教学法有利有弊，不能充分满足课堂教学需求。如果教学机构中汉语教师是一个团队，负责人可带头集体备课，集体探讨教学大纲，教学计划，集思广益，制定合理的教学目标。集体备课益处多，合理分工，查漏补缺，及时反馈问题，及时适当调整教学步骤，改进方法，更能准备把握教学内容的难易程度。教师可利用

具体而真实的语境，把语言教学与学生的实际生活、社会时事、网络流行语结合起来，适当使用任务型教学法(Task-based Language Teaching)，让学生结成小组，用汉语完成任务[王巍、孙淇, 2011]。

除此之外，课堂中适当引入游戏、绘画、演讲、唱歌、朗诵诗歌等教学形式，既能活跃课堂气氛，营造相对轻松的语言环境，又能调动学生学习汉语的积极性，提高学生遣词造句的能力。

2.9 学会恰当使用体态语。

体态语真实、直观、丰富。不难想象没有面部表情、头势、手势等体态语的辅助,我们的语言交际将会是多么单调和乏味 [孙雁雁, 2004]。特别是当我们在交际中遇到语言障碍时,一个微笑、点头、握手都能打破僵局,构建起交际的桥梁。

体态语不仅可以传递信息，交流感情，同时还可以节省课堂时间，提高课堂效率，培养和谐融洽的师生关系。第一，根据教学对象的心理特点，课堂体态语应该体现出真诚与关爱，将教师鼓励的态度融入其中，从而提高教学效率。第二，体态语有共性的东西,也有许多个性的东西,有其地区、民族、文化等特点，所以要有选择性地恰当地使用。第三，根据不同的教学内容，发挥身体语言的神奇效果，加强语言教学的效果，减少使用媒介语。

2.10 虽然课堂的非预设事件五花八门，但是教师可采取一些处理策略：

课前准备。对教学内容、材料、教辅设备提前检查试用，平时多学习教学案例，预设可能发生的事件，思考应对措施。

课堂中的调整。根据一些突发的情况和教学内容，捕捉教学灵感；对文化、价值观采取求同存异的态度；对一些不必要的违纪现象采取温和的“冷处理”（暗示法，提问法，转移注意力、结合情景法等）。灵活应对一些突发状况，可以适时调整教学内容和方法 [刘际东、陶黎铭、吴云, 2011]。

课堂中的偶发事件，教师要冷静观察，分析对教学的影响，尽量为我所用，将不利影响转化为教学策略。将学生打破课堂教学的影响转化为语言点的运用，因势利导 [刘际东、陶黎铭、吴云, 2011]。

一些非常影响教学的课堂行为，例如打架，争吵，大声喧哗等，教师应该维护课堂秩序，严肃警告，并尽快转入课堂教学。过多纠结或者放任不管都不可取。

2.11 课后管理是对学生课堂行为表现不佳的一种延续处理。

罗杰斯认为课后同样需要管理。罗杰斯更多的认为课后管理是对学生课堂行为表现不佳的一种延续处理。他认为对于学生的错误，教师要有适当的“惩罚”或给予学生一定的“后果”，但这种“惩罚”一定要是有目的的，这种后果一定是要有预期的 [Roger, 2011]。教师最终所要的

目的是让学生不去犯错，犯了错的学生知错能改。目前，网络多媒体平台被广泛应用于方方面面。教师可以合理利用微信、VK 等社交平台，加强对学生的课后指导与管理。

结论

俄罗斯汉语学习者的课堂问题行为有其代表性，能客观地反应出对外汉语课堂行为管理中存在的种种问题。无论是中国汉语教师还是本土汉语教师，都要不断学习，不断总结经验，做好课堂行为的管理者。总而言之，对外汉语课堂行为管理的策略有很多，只要教师能本着热爱学生，用心教学的理念，多学习多反思，就一定能成为一名优秀的对外汉语教师。

文学清单

施仁娟 留学生汉语学习焦虑原因分析//焦作大学学报 Journal of Jiaozuo University. 2007. 4月第2期. 120-121页。

况新华、曾剑平 语言与文化关系的述要//南昌航空大学学报（社会科学版）。1999. 65-68页。

祖晓梅 跨文化交际//外语教学与研究出版社. 2015. 250页。

Rogers B. 课堂行为的有效管理策略//中国轻工业出版社出版. 2011. 60-103页。

王巍、孙淇 国际汉语教师课堂技巧教学手册//高等教育出版社. 2011. 190-191页。

孙雁雁 体态语在对外汉语教学中的意义及应用//语言教学与研究. 2004. 63-69页。

刘际东、陶黎铭、吴云 对外汉语课堂非预设事件及应对策略探析//中国知网. 2011. 14-17页；27-28页。

Сведения об авторах

Адилханян Иван Леонович, секретарь-переводчик, Генеральное консульство КНР в г. Иркутске, e-mail: ivan_ad@mail.ru.

Адилханян Нина Леоновна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: ninel_ad@mail.ru.

Алепко Александр Валентинович, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры, доктор исторических наук, профессор, г. Хабаровск, Российская Федерация, email: alexandr.alepko@yandex.ru.

Ананьев Владимир Валерьевич, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: v_ananiev@hotmail.com.

Безвербный Вадим Александрович, кандидат кандидат экономических наук, заместитель директора ИСПИ РАН по стратегическому развитию и кадровой политике, руководитель отдела геоурбанистики и пространственного развития ИСПИ РАН, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ, e-mail: vadim_ispr@mail.ru.

Булнаева Ольга Андреевна, магистрант кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, направление подготовки «Лингвистика», профиль «Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии» (научный руководитель: Е. Ф. Серебренникова, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии ИФИЯМ ИГУ), e-mail: olya533@gmail.com.

Бунаева Наталья Андреевна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: nataly-1980@yandex.ru.

Ван Ланьцзюй, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ (王兰举, 伊尔库茨克国立大学语文外国语传媒学院, 副教授, 副博士), e-mail: 2820119595@qq.com.

Ван Шаоюань, профессор, доктор PhD, директор Института международной торговли Дунбэйского университета экономики и финансов (王绍媛, 东北财经大学).

Вербицкая Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: overbitskaia@gmail.com.

Воронина Ольга Юрьевна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: olizhe-07@mail.ru.

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания Российской академии наук, e-mail: voropaev@vokitai.ru.

Вышинская Ольга Алексеевна, учитель высшей квалификационной категории, почетный работник общего образования, учитель истории и обществознания Государственного общеобразовательного казенного учреждения Амурской области «Общеобразовательная школа при учреждениях исполнения наказания», e-mail: olga-3103@mail.ru.

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, Красноярск, e-mail: dazishen@mail.ru.

Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: ppd1@rambler.ru.

Домашевская Дарья Михайловна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: dasmina_16@mail.ru.

Дондоков Доржи Дондокович, ассистент кафедры восточных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, аспирант кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (научный руководитель: Л. Б. Копчук, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена), e-mail: d.dorzhi@yahoo.com.

Дробышев Юлий Иванович, кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва, e-mail: altanus@mail.ru.

Дюндик Юлия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: dyular@mail.ru.

Жамбалова Гунсэлма Юрьевна, магистрант кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, направление подготовки «Лингвистика», профиль «Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии» (научный руководитель: Е. В. Кремнёв, кандидат социологических наук, доцент, и. о. зав. кафедрой востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ), e-mail: solis.corvinus@gmail.com.

Завьялова Ольга Исааковна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Института Дальнего Востока РАН, Москва, e-mail: olgazavyalova@yahoo.com.

Игнатьева Анастасия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: anastasia.ignatieva@gmail.com.

Калинина Виталия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: vitaliya1@yandex.ru.

Калинина Наталья Сергеевна, аспирантка Института журналистики Китайского народного университета, Пекин (научный руководитель: Чжао Юнхуа, профессор Китайского народного университета), e-mail: natalysik@mail.ru.

Карачева Надежда Сергеевна, преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: ns_karacheva@mail.ru.

Кирюхина Любовь Владимировна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: lyubabukhtulova@mail.ru.

Ко Ен Чоль, кандидат педагогических наук, профессор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, старший научный сотрудник (научный руководитель) НОЦ Центра исследований Кореи «Корееведение» Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, e-mail: komgus@mail.ru.

Кобжицкая Ольга Германовна, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: mingyun@mail.ru.

Комарова Ирина Нигматовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания Российской академии наук, Москва, e-mail: tianyu@mail.ru.

Корешкова Юлия Олеговна, преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: yuliakodzhaeva@yandex.ru.

Кошель Александра Михайловна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: lisa-irk@list.ru.

Кремнёв Евгений Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: kremnyov2005@mail.ru.

Круглов Владислав Владиславович, педагог-организатор ГАОУ ДПО «Центр педагогического мастерства», главный тренер сборной Москвы к Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку, e-mail: crr.chinderp@yandex.ru.

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, и. о. декана факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ, e-mail: kuznetsova1@mail.ru.

Лашкевич Наталия Александровна, магистрант отделения иностранных языков Университета иностранных языков города Кобе (Япония), e-mail: n_lash@mail.ru.

Лебединцева Любовь Александровна, доктор социологических наук, доцент; доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: llebedintseva879@gmail.com.

Лесниковская Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: elesnikovskaya@gmail.com.

Лестев Антон Евгеньевич, Казанский государственный институт культуры.

Ли Екатерина Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: trzh@yandex.ru.

Ли Кэ, магистр, преподаватель Шаньдунского института бизнеса и технологий (李科, 山东工商学院外国语学院, 讲师, 硕士), e-mail: likeby@sina.com.

Макеева Светлана Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: msbmag9581@yandex.ru.

Максимова Анастасия Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела демографической безопасности и моделирования демографических процессов ИСПИ РАН, e-mail: lubijizn@yandex.ru.

Максимова Татьяна Сергеевна, выпускница Иркутского государственного университета, e-mail: maximova96@gmail.com.

Монтотова Александра Анатольевна, преподаватель языкового центра Big Ben, г. Иркутск.

Мэн Линьшань, магистр, докторант Института журналистики Китайского народного университета (孟林山, 硕士研究生学位, 中国人民大学新闻学院, 博士生), e-mail: 123274146@qq.com, morrismeng@ruc.edu.cn.

Нагорская Анастасия Станиславовна, магистрант кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, направление подготовки «Лингвистика», профиль «Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии» (научный руководитель: Е. В. Ли, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ), e-mail: nastyanagorskaya96@mail.ru

Пищерская Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Читинского института Байкальского государственного университета, Чита, e-mail: kishana@inbox.ru.

Сабалдан Наталья Александровна, преподаватель факультета международных исследований Международного колледжа Минданао, кандидат исторических наук, г. Давао, Филиппины, email: wondernatalex@yahoo.co.jp.

Самарина Анна Сергеевна, магистр лингвистики, магистр зарубежного регионоведения, аспирантка Дунбэйского университета экономики и финансов (Dongbei University of Finance and Economics, 东北财经大学) (Научный руководитель: профессор Ван Шаоюань (王绍媛), PhD, директор Института международной торговли Дунбэйского университета экономики и финансов), e-mail: 1283370044@qq.com.

Серебrenникова Евгения Федоровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии ИФИЯМ ИГУ, e-mail: serebr_ef_76@mail.ru.

Солсоев Иван Николаевич, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: isolsoev@mail.ru.

Сосорова Баирма Сергеевна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: bairma1978@mail.ru

Сыртыпова Сурун-Ханда Дашиинимаевна, доктор исторических наук, Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, e-mail: monexp@mail.ru.

Табада Люсиллин Чу, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: lucillyne@gmail.com.

Фань Хуэйцян, доцент Шаньдунского института бизнеса и технологий (范慧茜, 山东工商学院外国语学院, 副教授).

Федоров Николай Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: nfedorov@yandex.ru.

Федорова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru.

Хадеева Анна Павловна, преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: unexprected2004@mail.ru.

Хлызова Наталья Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: usrehvovsem5@gmail.com.

Хо Ольга Александровна, магистр зарубежного регионоведения, докторант Хэйлунцзянского университета г. Харбин, КНР (научный руководитель: профессор Ма Бяо, доктор PhD Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, КНР), e-mail: khokhoolga@qq.com.

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, заместитель директора по международной и образовательной деятельности ИСПИ РАН, руководитель отдела демографической безопасности и моделирования демографических процессов ИСПИ РАН, e-mail: kh-mari08@yandex.ru.

Хусаенова Яна Радиковна, магистрант кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, направление подготовки «Лингвистика», профиль «Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии» (научный руководитель: Е. А. Хамаева, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ), e-mail: shineeyana65@mail.ru.

Ци Хуэй, докторант Института журналистики Чунцинского университета (齐辉, 重庆大学新闻学院, 研究员), e-mail: qihui78@163.com.

Цуй Хунхай, доктор наук, доцент, заведующий библиотеки Шаньдунского института бизнеса и технологий (崔洪海, 山东工商学院图书馆馆长, 副教授, 博士), e-mail: cuihh@hotmail.com.

Чжан Цзе, магистр, преподаватель Шаньдунского института бизнеса и технологий (张杰, 山东工商学院外国语学院, 讲师, 硕士), e-mail: zhangjieyantai@163.com.

Чжао Юнхуа, доктор, профессор Института журналистики Китайского народного университета, исследователь Центра журналистики и общественного развития Китайского народного университета (赵永华, 博士研究生学位, 中国人民大学新闻学院, 教授), e-mail: yonghuazhao@126.com.

Чжоу Юйхао, профессор Института журналистики и коммуникации Университета Чжэнчжоу (周宇豪, Professor of Zhengzhou University School of Journalism and Communication, Doctoral supervisor, Dean of news department), e-mail: zyhaocn@126.com.

Шабалина Ольга Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры маркетинга Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинск, e-mail: olgashabalinachina@gmail.com.

Шалина Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: i_v_s2000@mail.ru.

Ши И, аспирант кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель: П. П. Дерюгин, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета), e-mail: ppd1@rambler.ru.

Шишмарева Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ, e-mail: taniyashi72@yandex.ru.

Юрьева Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологии и методики, e-mail: yuolyu@yandex.ru.

Ян Пин, старший преподаватель Нанькайского университета, Тяньцзинь, КНР (杨平, 南开大学, 天津市), e-mail: lloopp2006@163.com.

Содержание

Иркутск и владивостокское востоковедение. Из истории становления высшего образования на востоке России (В. Г. Дацышен).....	4
Адилханян Н. Л., Адилханян И. Л. Медицинская метафора в медийном дискурсе о коррупции (на материале китайского языка)	13
Алепко А. В., Сабалдан Н. А. Хосе Рисаль и особенности филиппинского просвещения второй половины XIX века.....	17
Ананьев В. В., Максимова Т. С. Реализация языковой игры посредством атэдзи	22
Безвербный В. А., Храмова М. Н., Максимова А. С. Трудовая миграция российской молодежи в контексте развития рынков труда приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока	30
Булнаева О. А. Этнокультурные характеристики делового письма (на материале текстов китайского делового дискурса)	39
Бунаева Н. А., Сосорова Б. С. К вопросу о становлении феномена идентичности в гуманитарных науках	49
Вербицкая О. Ю. Культурные этногетеростереотипы американцев как предмет осмеяния англоязычного комического дискурса	61
Воронина О. Ю. Привычные выражения с глаголом «есть» 吃 как способ отражения этнокультурного сознания китайцев	68
Воропаев Н. Н. К проблеме различения прецедентных имен по преимущественному использованию в дискурсе (на материале китайского языка).....	76
Вышинская О. А. Языковые трудности осужденных-иностранцев при отбывании наказания в учреждениях исполнения наказания в РФ	87
Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ши И. Применение сетевого анализа в сравнительных исследованиях ценностей российских и китайских предпринимателей	90
Дондоков Д. Д. Использование корпусного подхода в сопоставительных исследованиях Ричарда Сяо и Тони Макэнери (на примере аспектуальности в китайском и английском языках).....	97
Дробышев Ю. И., Сыртыпова С.-Х. Д. Сакральные природные объекты кочевников Центральной Азии: трансформация экологического значения	102
Дюндик Ю. Б., Кузнецова О. В. Противостояние США и Китая: торговая война, которую легко выиграть?	109
Жамбалова Г. Ю. Прокат китайского кино в СССР: периодизация и проблемы перевода.....	117
Завьялова О. И. Арабское письмо у трансграничных народов КНР... ..	126
Игнатьева А. С. Ключевые концепты художественной картины мира (на материале изобразительного искусства США времен Великой депрессии).....	132
Калинина В. В. Стыд как регулятор поведения человека	139

Калинина Н. С. Концепция «Сообщество единой судьбы человечества»: разница акцентов во внутренней и во внешней коммуникации	145
Кирюхина Л. В., Серебренникова Е. Ф. Словарь служебных слов Лу Ивэя: содержание и значимость для грамматической традиции в китайском языкознании.....	152
Ко Ен Чоль Способ преподавания корейского языка на основе текстов по культуре Кореи.....	162
Кобжицкая О. Г. Ретроспективный взгляд на проблему китаецентризма – базового компонента китайского этнического самосознания.....	172
Комарова И. Н. Ю. Н. Рерих о лхасском диалекте тибетского языка ...	180
Кошель А. М., Домашевская Д. М. К проблеме обоснования термина «этнотезаурус».....	188
Круглов В. В. Взаимодействие центра педагогического мастерства с высшими учебными заведениями в рамках подготовки школьников к Всероссийской олимпиаде по китайскому языку.....	196
Кузнецова О. В., Карачева Н. С. Традиции корейской кухни: повседневная пища	204
Лесниковская Е. В. Место США на «культурной карте» мира	213
Лестев А. Е. Формирование проблем в советско-японских отношениях в послевоенный период	221
Ли Е. В., Нагорская А. С. Особенности и средства реализации речевого акта просьбы в корейском языке.....	227
Ли Кэ, Цуй Хунхай, Фань Хуэйцян. 李科, 崔洪海, 范慧茜 山东工商学院, 烟台.....	234
Макеева С. Б. Региональное развитие северо-восточных провинций КНР в условиях реализации «Программы сотрудничества между регионами северо-востока КНР и Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ на 2009–2018 гг.».....	240
Мэн Линьшань. От «волны желтой журналистики» к «волне желтой информации»: взаимодействие медиатехнологий и медиаэтики.....	246
Самарина А. С., Ван Шаоюань. Внутриотраслевая торговля услугами между Россией и Китаем.....	252
Солсоев И. Н., Монтогова А. А. Общественное мнение американских и монгольских граждан о характере и перспективах отношений между США и Монголией	261
Табада Л. Ч., Лашкевич Н. А. Передача реалий в аудиовизуальном переводе (на материале анимационного фильма «Принцесса Мононоке»)	272
Федоров Н. В. «Роснефть», Лан До и проблема «особых отношений» между Россией и КНР в Южно-Китайском море.....	279
Федорова Т. В. Деятельность японских разведывательных бюро на территории Китая в начале XX века	286
Хадеева А. П. Номинативная плотность вершины фрейма «свадебный ритуал» как репрезентация ценности ритуала в китайском языке .	291
Хлызова Н. Ю., Кузнецова О. В. Процесс становления медиаобразования в Китайской Народной Республике	296

Хо О. А. 表示“喜爱”汉俄心理动词语义对比	304
Хусаенова Я. Р. Гендерный аспект в переводе метафор художественного текста (на примере рассказа «Оставленные чувства» (“留情”) писательницы Чжан Айлин)	311
Ци Хуэй. Сотрудничество, отчуждение и конфронтация: изменение в отношении китайской новостной индустрии к японской журналистике во времена Китайской Республики	315
Чжан Цзе, Цуй Хунхай. Исследование смешанного обучения в интегрированных классах по английскому языку в рамках продукто-ориентированного подхода	322
Чжао Юнхуа. Анализ каналов межкультурной коммуникации в эпоху конвергентных СМИ	330
Чжоу Юйхао. Конструирование сообщества единой судьбы и распространение культуры меньшинства с точки зрения культурной антропологии	336
Пищерская Е. Н. Студенческие международные контакты как средство формирования лингвокультурологической и профессиональной компетенции студентов читинских вузов	347
Шабалина О. И. Способы восприятия информации жителями Китая (на примере анализа рекламы элитной недвижимости 天籟)	354
Шалина И. В. Проблема стереотипизации в восприятии русскими и японцами друг друга	361
Шишмарева Т. Е., Кремнёв Е. В. Китайская традиционная грамматология (汉字学) и классификация китайских письменных знаков в трактовке Ю. В. Бунакова	367
Юрьева О. Ю., Ван Ланьцзюй. Образ Кутузова в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» в контексте идей Лао-Цзы	376
Ян Пин, Корешкова Ю. О. Стратегии управления поведением на занятии в процессе преподавания китайского языка как иностранного	383

Научное издание

**II ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ СТРАН АТР**

ISBN 978-5-9624-1607-6

Подготовлено к печати:
А. В. Врон, А. Н. Шестакова
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2018. Поз. 70
Подписано в печать 14.09.2018. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 23,8. Усл. печ. л. 25. Тираж 120 экз. Заказ 122

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 124